

ב"ה

ЕВРЕЙСКИЙ
ПАСПОРТ

КНИГУ
“ЕВРЕЙСКИЙ
ПАСПОРТ”
ПОСВЯЩАЮ
ПАМЯТИ
МОЕЙ ДОРОГОЙ
МАМОЧКИ
ЭЛЛЫ КЕЛЕНЗОН
אלה קלנזון

Всё началось четыре года назад, когда читая один из выпусков электронной газеты Таллиннской синагоги «Израэль шелану», увидела новую рубрику «Еврейский паспорт». Я часто думала о судьбе моего народа, искала ответы на вопросы: почему с нами происходят такие катаклизмы в течение тысячелетий, почему сейчас так много евреев ассимилируется, почему мы часто забываем, кто мы такие и откуда пришли... Поэтому предложила свою помощь в подготовке и написании новых «Паспортов». С предложением написать их «Еврейский паспорт» обратилась к членам нашей общины. Они были выбраны независимо от того, известны они в Эстонии или совсем не известны, молодые, среднего или «золотого» возраста, мужчины или женщины.

За это время я сделала больше 60 интервью, много-много часов работала над каждым «Паспортом»: печатала запись, адаптировала текст к публикации, корректировала, стараясь не изменить стиль изложения мысли автора и используя именно его слова, встречалась с автором каждого «Паспорта» для проверки достоверности текста, искала дополнительный материал, связанный с описанными событиями... Я чувствовала очень большую ответственность перед каждым человеком и очень волновалась перед публикацией каждого «Паспорта». После публикации раввин Шмуэль вручал напечатанный на красивой золотой бумаге «Еврейский паспорт» его владельцу.

Этот проект получил много хороших отзывов и приобрёл большую популярность. Благодаря работе над этим проектом, узнав так близко судьбы разных людей, моё понимание этого мира стало намного шире и глубже, я стала более зрелой, можно сказать, стала другим человеком. Сердечное спасибо Вам, дорогие Звёзды «Еврейских паспортов», за то, что Вы доверили рассказ о своей жизни мне и поверили в то, что смогу донести это до всех. Я так много времени находилась с Вами, работая над каждым «Паспортом», что, мне кажется, и я прожила каждую Вашу жизнь!

Галя Келензон

Когда у меня возникла идея рубрики «Еврейский паспорт», у меня была только идея, но я даже в своих мечтах не думал, что это будет так хорошо... Обычно, когда есть мечта, и она сбывается на 50-80% процентов, это очень хороший результат. А здесь получилось, я даже не могу сказать, что на 100%, на 1000%, в миллион раз лучше, чем я даже мог подумать! Это действительно стало очень хорошей рубрикой. Я сам читаю «Паспорта», когда у меня есть время, так как хочу читать по-русски, а не через Google. Это просто супер! Это делается так хорошо и так успешно! Это очень важно, так как это интересно многим людям. Я уверен, что в наших рассылках первым всегда читают «Еврейский паспорт»; люди читают каждый «Паспорт» и читают до конца. Сначала у меня была мысль, что читают просто из любопытства, евреи хотят знать: «А что там у него было?..» Нет, интерес совсем другой, он исходит из еврейской души. Самая главная задача в работе синагоги, еврейской общины, раввина в Эстонии и в других бывших советских республиках, где евреи потеряли самих себя, помочь каждому еврею в своей самоидентификации. У многих евреев есть чувство, что они евреи, но они не знают, что с этим чувством делать, как его реализовать. «Еврейский паспорт» открывает им глаза. Я вижу, что этот проект самый важный, который помогает людям, даже не выходя из дома, чтобы просто прийти в синагогу или на какое-то мероприятие, - ВСЕ ЧИТАЮТ «ЕВРЕЙСКИЙ ПАСПОРТ»!

Главный раввин Эстонии Шмуэль Кот

Время, когда издаётся эта книга, удивительное — это время начала эры Машиаха. Еврейская душа каждого еврея просыпается. Эта дремлющая древняя сила поражает: её не убивают ни время, ни воспитание, ни ассимиляция. С каждым днём всё больше и больше евреев делают шаг вперёд к своей еврейской самоидентификации, всё больше углубляется процесс национального самоутверждения и осознания общности судьбы всего еврейского народа.

Книга «Еврейский паспорт» описывает реальные судьбы, на первый взгляд, совсем разных людей. «Паспорта» старшего поколения рассказывают, как они страдали от того, что они евреи, скрывали это, а «Паспорта» молодых людей наполнены радостью и гордостью от того, что они евреи. Есть «Паспорта» тех, кто родился в Израиле в ортодоксальных семьях, и они не представляют жизнь без соблюдения Заповедей Торы, есть «Паспорта» тех, кто только вступил на этот путь и тех, кто ещё так и не начал соблюдать. Вы сможете прочесть «Еврейские паспорта» тех, кто является евреем, но идентифицировал себя совсем не евреем даже в документах, и «Паспорта» тех, кто родился в семье, в которой уже в третьем поколении скрывали, что являются евреями. И место рождения в описанных судьбах тоже разное: предки некоторых уже несколько поколений живут в Эстонии, корни других - в Украине, России, Латвии, Молдавии, Эфиопии, одни родились в свободной Эстонии, другие - за железным занавесом в СССР... Но с чтением каждого нового «Паспорта», узнавая о еврейской жизни таких непохожих людей, начинаешь понимать, что у них у всех еврейская жизнь очень похожа — это просто отдельные части общего пазла, это разные искры общей Еврейской Души!

ЧИТАЙТЕ «ЕВРЕЙСКИЙ ПАСПОРТ»!

Примечание

За достоверность изложенной информации отвечают авторы «Еврейских паспортов».

При выборе кандидатов не уточнялось, являются ли они евреями по Галахе.

За время работы над Проектом некоторых авторов «Еврейских паспортов» уже нет вместе с нами (светлая память о них), некоторые вышли замуж или, к сожалению, разошлись, у других родились уже дети, внуки - жизнь не стоит на месте!

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОРИС ОКС	1-8
МИША БЕШКИН	9-11
ЛИЯ КАПЛАН	12-15
ГЕНЯ КАНТЕР	16-17
ГРИГОРИЙ ЧЕРНОБРОДОВ	18-19
АМНОН ЮЗЕФ ЛУВИЦУК	20-22
РЕГИНА ПАТС	23-26
ЭРИ КЛАС	27-29
РАФАИЛ БЕЛЬЧИКОВ	30-33
МИХАИЛ БРОНШТЕЙН	34-38
АЛЕКСАНДР ЦУКЕРМАН	39-43
ХАНИ КОТ	44-48
СОФИЯ РУБИНА	49-51
ЛЕВ КЕМПА	52- 56
АЛИСА ЯКОБИ	57-59
КОПШЕЛЬ СВИТСКИЙ	60-63
АДИК ЛЕВИН	64-67
ЛЕОНИД КРАВЦОВ	68-70
АЛЕКСАНДР ЗДАНКЕВИЧ	71-73
ЛЕОН ЯНКЕЛЕВИЧ	74-76
РЕБЕККА БЛУМБЕРГ	77-80
ГАЛИ БАХАР	81-85
ЦИОНА МЕКОНЕН	86-89
САРА УДИКАС	90-94
АЛЕКСАНДР ИЛЬИН	95-98
ИГОРЬ ЛИРИСМАН	99-103
ИРИНА РОНЕНСОН	104-107

ОГЛАВЛЕНИЕ

МИХАИЛ БУРЫХ	108-110
АЛЕКСЕЙ ТУРОВСКИЙ	111-114
ЮЛИЯ КОЛЕКТОР	116-119
АДИНА ФАЙМАН	120-123
СЕМЁН И АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦМАН	124-126
ИЛЬЯ БАНД	127-129
ХАНОН БАРАБАНЕР	130-134
ЦИЛЯ ЛАУД	135-140
ЛЕВ РУБИНШТЕЙН	141-144
МИРА ТРОСТНИКОВА	145-147
АРОН (АРКАДИЙ) РАЙХШТЕЙН	148-151
АРТУР ТАММЕ	152-155
ЯНИНА-ХАННА ГРИНФЕЛЬД	156-161
ИЗАБЕЛЛА ОЛИВСОН	162-166
ЙОСИФ БЕНЕНСОН	167-169
ЕВГЕНИЙ РУБИНШТЕЙН	170-174
ФАИНА ГАБОВИЧ	175-178
ЮЗЕФ ЛИВШИЦ	179-183
ИННА КАНДЕЛЬ	184-188
ШМУЭЛЬ КОТ	189-194
ГАЛЯ КЕЛЕНЗОН	195-205

“ЕВРЕЙСКИЙ”
ПАСПОРТ

ЧАСТЬ 1

БОРИС ОКС

КАК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ЕВРЕЙСКОЙ
РЕЛИГИОЗНОЙ
ОБЩИНЫ ЭСТОНИИ
Я ЧЁТКО УЯСНИЛ
СВОЮ МИССИЮ:
СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ
ДЛЯ ЖИЗНИ ЕВРЕЕВ
И РАБОТЫ РАВВИНА.

Я всегда знал, что я еврей. Мои мама и папа были евреями. Кроме того, несмотря на то, каких бы высот я не достигал в учёбе, карьере, как бы хорошо ни проявлял себя как специалист, мне всегда давали знать, что я — еврей. Но я никогда не хотел изменить свою национальность или сменить фамилию. Наоборот, и в советское время, да и сейчас гордился и горжусь, что я — еврей. Кстати, фамилия Окс является очень древней еврейской фамилией, распространена среди ашкеназских евреев и в переводе с идиша означает бык. Помню, когда во время учёбы в институте попал на практику в Донбасс, там была маленькая шахтёрская деревня, где было 50 Оксов — все евреи! Так что фамилия Окс — это не только эстонская, немецкая, английская, но и еврейская.

Часть моего «Еврейского паспорта» о моих корнях будет самой короткой. Мама, Минка Ткач, родилась в еврейской семье с глубокими еврейскими корнями в городе Винница, Украина. В семье соблюдались все еврейские Законы и традиции, родным языком был идиш. У мамы был красивый голос, она даже пела в хоре синагоги в Виннице и знала много песен на идиш. За три года до Второй мировой войны мама переехала в Ленинград, там жили два её брата.

Вся мамина семья, которая осталась в Виннице, с началом Второй мировой войны в Украине сразу же попала в колесо истории. Когда фашисты оккупировали в Винницу, они проявляли особую жестокость к местным евреям, вероятно обусловленную тем, что рядом с городом располагались ставки Верховного Главнокомандующего и одного из Главнокомандующих немецкой армии. Почти все евреи Винницы, а до войны в городе жило больше 33000 евреев, были истреблены...

Эсэсовцы и местные полицаи уничтожали евреев поголовно. Они врываются в дома, выгоняли людей на улицу кто в чём был, многих в одних рубашках... ..Мои бабушка, дедушка и десять их детей, а всего у них было 13 детей, погибли там во время Холокоста. На глазу бабушки и дедушки их детей построили и стали по одиночке расстреливать... По словам соседки, которая видела всё это, бабушка сразу сошла с ума... Потом они расстреляли дедушку...бабушку... С маминой стороны, кроме двух братьев, которые жили в Ленинграде, я никого не знал. Папины родственники жили в Ленинграде, но об этой семье тоже мало знаю.

Отец, Лев Окс, был офицером на Финской войне, потом служил в Красной армии. Во время Второй мировой войны он был защитником Москвы. Папу я видел не часто... После войны папа к нам так и не вернулся, я так и не знаю, что с ним случилось. Пытался найти хоть что-то о нём, но не смог. Мама осталась одна с двумя маленькими детьми...

Когда немцы стали окружать Ленинград, мне было только 5 лет, и это время помню эпизодами. Кольцо окружения Ленинграда всё сужалось, и мамини братья, они в тот момент были в Красной армии защитниками Ленинграда, с трудом посадили нас с мамой на последний поезд, который вывозил из Ленинграда жителей. Один эпизод я хорошо запомнил. Как только отехали от Ленинграда, немецкий самолёт начал бомбить наш состав. Поезд начал гореть... люди на ходу выпрыгивали из поезда и бежали в лес... как сейчас вижу этот самолёт, который летал вдоль состава и расстреливал людей. ...Мама на руках держала мою годовалую сестру, я держался за мамину юбку... Мы выпрыгнули из вагона, моя рука оторвалась от маминой юбки... помню как упал и лежал между рельсами... кругом убитые...

Какимто чудом мама не потеряла меня... Помню, как прятались в лесу... шёл дождь... я под клеёнкой скрываюсь от дождя... мама даёт мне булку с вареньем... Потом мы жили в полуразрушенном деревянном доме в пригороде Ленинграда, мама уходила на целый день на работу, она работала токарем на заводе, где изготовляли снаряды..., а мы с сестрой оставались дома ... вокруг по дому бегали огромные крысы...

Один из маминих братьев получил на фронте ранение и попал в таллиннский госпиталь. Маме было очень трудно одной с двумя маленькими детьми, и в 1947 году мы переехали в Таллинн к маминому брату. Меня послали в школу сразу во второй класс, так как по возрасту для первого класса я был переросток. Мы жили тогда в старом городе. Из этого времени хорошо запомнил базар, который находился там, где сейчас находится театр Эстония. После школы я ходил на этот базар и смотрел замороженными глазами, как разливали молоко в бидоны, как проволокой нарезали масло, сыр... после голодной жизни в Ленинграде в доме, где бегали голодные крысы, видев это изобилие, я был на грани помешательства. Несколько месяцев я не мог никуда ходить, кроме как на этот базар.

В те годы я уже больше слышал о еврействе, еврейских обычаях. В Таллинне мама стала ходить в синагогу. Но дома у нас не отмечали еврейские праздники, не помню, чтобы соблюдали еврейские традиции. Помню, как мама давала цдаку в синагоге, как приносила домой мацу: она ходила за мацой, как какойто разведчик, чтобы никто не видел. Даст деньги потихонечку и принесёт эту мацу домой, как какойто геройский поступок... Ещё помню, как семья Цици Лауд, они тогда жили рядом с улицей Виру, делала обеды для евреев. Помню, как я с мамой и сестрой приходили к ним был красиво накрыт стол, собирались евреи, разговаривали за прекрасной вкусной трапезой. Тогда в доме Цици я впервые видел большую настоящую еврейскую мышпуху!

Большая часть моей жизни прошла в советское время. Быть евреем в то время значило иметь в пятой графе паспорта национальность «еврей». Все мы жили обычной советской жизнью. В школе ни разу не сталкивался, чтобы меня как-то задевали, что я еврей. Учился хорошо и был очень активным в жизни школы. Кстати, в моём классе было много евреев.

Ни в школе, ни в институте, ни в первые годы работы после института я нигде не чувствовал, что евреев ущемляют. Впервые, когда почувствовал, что значит быть евреем, когда после окончания школы отец моего школьного друга посоветовал нам вместе поступать в Гагчина в радиолокационное училище.

После первого же экзамена, это было сочинение, мне сказали, что экзамен я не сдал и дальше сдавать не надо. Но отец моего друга узнавал обо мне и оказалось, что сочинение я написал на отлично, просто евреев в это училище не принимали. Вот так мне напомнили о моём еврейском происхождении. Вернувшись в Таллинн, сдал документы в ТПИ на горно-химическое отделение. Сразу поступил. Закончил институт, получил направление в КохтлаЯрве на шахту. Через 1.5 года шахта закрылась, и я переехал в Таллинн. Поступил на работу в специальное конструкторское бюро нестандартного оборудования. Работая в СКБ, я приобрёл как специалист очень хороший опыт. Но ещё больше стать специалистом помогло то, что по вечерам я преподавал в Таллиннском строительном техникуме, теперь это Высшая техническая школа. Мне кажется, что когда стал учить других, сам понял то, чему учился.

В СКБ я проявил себя как хороший специалист, и когда на кондитерскую фабрику «Kalev» нужен был руководитель в техническую службу, тогдашний директор фабрики Харри Киик через кого-то нашёл меня и предложил возглавить этот отдел.

На фабрике «Kalev» я проработал больше 12 лет. За это время стал одним из известнейших людей в пищевой промышленности СССР. У меня было очень много своих изобретений, некоторые из них были в списке особо важных. Одно из моих изобретений связано с производством агара. Агар — это желеобразующее вещество, которое Советский Союз покупал в большом количестве в Японии и Дании. В то время американцы категорически запретили всем своим союзникам продавать агар в Советский Союз, так как агар является ещё и оборонным материалом агаровый раствор является хорошим средством для хранения бактериологического оружия. Поэтому все фабрики в тогдaшнем СССР, производившие пастилу, мармелад, зефир остановились. Зефир, мармелад, которые изготавливались на фабрике «Kalev», считались лучшими в Советском Союзе. Стал вопрос «Что делать? Где взять агар?» Агар производится на основе морских

морских водорослей, которые не культивируют специально, а собирают в естественных условиях, они есть и в Балтийском море. Под моим руководством был создан цех, я разработал оборудование, на котором в автоматическом режиме стали производить агар. Эстония была одна из немногих в СССР, которая стала его производить. До сих пор этот цех по производству агара работает, это оборудование до сих пор не имеет аналогов в мире. Даже вспоминаю смешной случай.

Однажды вечером, мы с женой уже отдыхали дома, звонок в дверь, входят два господина. Это были директор и его помощник рыболовецкого совхоза из Литвы. Говорят, что они узнали о моей установке для производства агара, и продолжают: «Вот Вам 5000 рублей, мы хотим, чтобы через две недели Вы нам дали чертежи этого оборудования». За эти деньги, кстати, я купил свою первую машину «Жигули». Расскажу ещё об одной моей разработке на «Kalev», которая работает до сих пор. Это полностью автоматическая линия по изготовлению любимых многими сладкоежками мармеладных конфет со вкусом рома «Tiina». До сих пор перед глазами стоят чертежи и сама эта линия в работе: вот плывёт мармеладная масса... вот ножи разрезают её на полоски нужной толщины... затем ножи обрезают эти полоски до размера будущей конфеты... вот эти дольки плывут по транспортеру и попадают в шоколадный раствор... Ещё одно моё изобретение автоматическая линия упаковки конфет, которая была первой в Союзе. Когда я пришёл на «Kalev», там было 360 упаковочных машин, за которыми сидели упаковщицы и вручную вставляли конфеты в барабан. После внедрения изобретения эту работу делали 45 упаковочных автоматов. Во времена, когда я работал на «Kalev», фабрика была одним из лучших предприятий в Союзе по производительности и механизации массовых сортов конфет. Работая на «Kalev», я также долгое время был экспертом Технопромимпорта Минпищепрома ЭССР при закупках импортного оборудования. Там прошёл большую школу по подготовке техникоэкономических обоснований.

Когда на фабрике «Kalev» освободилось место главного инженера, тогдашний министр Пищевой промышленности ЭССР Яан Тепанди предложил мою кандидатуру на это место. В Советском Союзе ни на один руководящий пост любого уровня без утверждения Коммунистической партией СССР, тогда единственной!, человека не допускали. Поэтому мои документы послали в местный райком партии. Оттуда документы с отказом сразу вернули. Дело дошло до Центрального комитета Компартии Эстонии. Там прямо, не скрывая, сказали, что они не допустят еврея стать главным инженером на «Kalev». Тогда я впервые остро, с болью почувствовал, что значит быть евреем... Помню, Я. Тепанди на это сказал: «Я понимаю, что это неправильно, но ничем Тебе помочь не могу, иди главным инженером на табачную фабрику «Leek». Больше никак не могу Тебя защитить».

Я согласился, даже не посмотрев, что это за фабрика. Когда уже пришёл на табачную, то выяснил, что это самое плохое предприятие «Табакпрома» Советского Союза. Кроме того, все специалисты по разным причинам ушли, лучше сказать, разбежались... я «опустился, как в пустыню Сахара». Так как в самом начале своей карьеры я получил хороший опыт в СКБ нестандартного оборудования, то для меня не было значения, с каким оборудованием работать. Мои накопленные знания в технике очень помогли и здесь. Три года мне пришлось просто ночевать на предприятии. Через 4 года с начала моей работы табачная фабрика была полностью модернизирована и стала лучшим предприятием всесоюзного «Табакпрома». Я проработал год, когда директор фабрики ушёл со своего поста. Мне предложили эту должность. Опять меня вызвали в местный райком партии для утверждения. Но в этот раз мне повезло: Первый секретарь райкома учился со мной в одной школе, и мы тогда знали друг друга. Хотя опять на комиссии раздавались голоса о несогласии моего назначения директором, первый секретарь был единственным, кто был за меня этого оказалось достаточно. Вот так я оказался директором «Leek».

Господин Я. Тепанди приближался к пенсионному возрасту, и он предложил мою кандидатуру на должность министра Пищевой промышленности ЭССР. Конечно, как и было положено в СССР, мою кандидатуру должны были утвердить в ЦК партии. Там, конечно же, не утвердили. У меня были друзья в разных городах Советского Союза. Узнав об этом отказе, они мне звонили и успокаивали: «Министр это не тот уровень, где назначают еврея, ты живёшь в Советском Союзе...». Я. Тепанди пытался бороться за моё назначение, и даже приказ вышел 34 месяца я был министром без портфеля. Да и после этого отказа, помню, тогдашний министр заготовок Виктор Раевский предложил мне быть его заместителем. Имея уже горький опыт, я отказывался. Он всётаки убедил меня, когда показал Приказ о моём назначении, подписанный Председателем Совета министров ЭССР Индрек Тооме. Опять послали документы в ЦК партии и первый секретарь ЦК при всех произнёс: «Нам ещё не хватало, чтобы еврей ходил здесь по этим коридорам». Мне дали в жизни несколько раз понять, что в Советском Союзе имеется определённый уровень, куда евреев не допускают. Это был СССР такой, какой он был, это была политика государства, направленная на то, чтобы евреи не могли занять какие-то высокие позиции. Не могу сказать, сложилось ли это исторически или есть другие факторы, но когда смотришь на историю России, Советского Союза, то все революции были подготовлены евреями, многие главнокомандующие в армии тоже были евреи. Они все плохо закончили их уничтожили потому, что они были евреи. Но что я ещё понял, чтобы еврей был наверху, он должен знать в 100 раз больше и работать в 500 раз лучше. Вспомнился ещё один «еврейский» случай.

Еду на машине в Киеве. Останавливает меня милиционер и первое, что он говорит: «Убери свою еврейскую машину». В Украине антисемитизм был проявлен ярко. В Эстонии такого открытого антисемитизма не было.

Я остался на табачной. Пришло время Перестройки. Перед развалом Советского Союза, ещё при Горбачёве, группу директоров успешных предприятий, я был в том числе, послали в Германию на обучение рыночной экономике и маркетингу. Там я получил хорошую подготовку. Предвидя ход событий в наступившем новом времени, я создал со шведским концерном „Swedish Match“ совместное эстонскошведское предприятие. Это было первое совместное предприятие в Эстонии. „Swedish Match“ один из крупнейших концернов в мире, где табачное производство составляет только небольшую часть бизнеса. Работая совместно с таким крупным концерном 10 лет, я получил хорошую подготовку по анализу и подготовке решений, приобрёл очень ценный бизнесный опыт. В связи с тем, что тогдашнее эстонское правительство решило поднять акциз на табак, наша продукция стала не конкурентоспособна, и шведы решили закрыть фабрику. Тут как раз мне исполнилось 60 лет. По шведским законам с 60 лет руководитель должен уходить на пенсию. В течение двух лет оборудование фабрики было переведено в Швецию, а производство бывших эстонских сигарет перевели в Австрию.

Остался я на пенсии. Однажды меня попросили сделать финансовый аудит в религиозной общине. Проверив документы, я заметил много нарушений правил ведения бухгалтерского учёта и использования имеющихся средств. Составил отчёт по проделанному аудиту. Затем раввин Шмуэль попросил меня проверить оформление и наличие документов на владение землей. Ушло больше года, чтобы надлежащим образом оформить все документы. На земли, которые невозможно было вернуть, оформил денежную компенсацию. Кроме того, в это же время создал электронный регистр таллиннского еврейского кладбища. Многие евреи из Таллинна уехали, некоторые даже забыли имена своих родственников, не знают, где точно они похоронены... Сегодня по этому электронному регистру из любой точки Земли можно связаться с Таллиннской синагогой и через мгновение узнать, где точно находится могила, даже не зная точно имя родственника. После сделанной работы я решил,

что моя помощь закончена, но раввин предложил мне стать членом Правления Еврейской религиозной общины Эстонии. На собрании Правления меня избрали Председателем. В то время еврейская жизнь в Эстонии протекала очень вяло собираться было негде, на праздники приходило человек 20, в основном люди преклонного возраста. Синагога находилась в соседнем здании на втором этаже, причём с грубейшими нарушениями еврейского религиозного обряда. Если вы помните, Арон Кодеш был повернут совсем не в сторону Земли Израиля, как как это должно быть. Первое, что я сделал как Председатель Еврейской религиозной общины, упорядочил бухгалтерию и сделал её прозрачной — движение всех денег стало осуществляться только через банк. В Эстонии уже давно назрела необходимость построить новую синагогу. Желание возродить тот еврейский дух, который пытались искоренить в годы советской власти, память о тех, кто был уничтожен в годы Холокоста, и то, что при советской власти большинство евреев даже не знали, что такое синагога, побудили меня участвовать в строительстве. На собрании Правления было предложено продлить существующее здание Еврейской общины. Стал вопрос о финансах.

Раввин Шмуэль заручился финансовой поддержкой американского бизнесмена и филантропа Сами Рор. Хотел бы сказать несколько слов об этом выдающемся человеке. Он

не только блестяще вёл свой бизнес, но был также знатоком Торы и еврейской литературы, мог наизусть цитировать как иудейские духовные сочинения, так и стихи на шести языках. Он поддерживал еврейские общины по всему миру и заложил основу возрождения иудаизма на постсоветском пространстве. В своих публичных выступлениях Сами Рор говорил: «Деятельность Ребе стала самым большим чудом в еврейском мире за последние 100 лет. Никто не смог организовать что-либо более значительное, чем он... ..Несмотря на опасность ассимиляции, никогда ещё за всю историю столь многое количество евреев не

изучало Тору, как сегодня». Бесконечная щедрость семьи Рор и преданность своему народу позволили огромному количеству людей вновь вернуться в лоно иудаизма. Кстати, кроме того, что Сами Рор был одним из основных спонсоров новой Таллиннской синагоги, уже третий год в нашем Бейт мидраш проходят курсы лекций Института изучения иудаизма, которые спонсируют дети Сами Рор. Светлая память о Сами Рор и его семье будет жить и в сердцах евреев Эстонии. Получив финансовую поддержку, я встретился и обсудил с главным архитектором Таллинна задуманный проект. Но он был против пристройки к существующему зданию общины и предложил сделать отдельное здание синагоги. В ходе конкурса на проект новой синагоги выбрали фирму, главным архитектором которой был Андрус Кыресаар. Для строительства здания выбрали фирму «Kolle». В результате того, что проект изменился, сумма, которую согласился спонсировать Сами Рор, оказалось недостаточной. Тогда собрались еврейские бизнесмены Эстонии Ф.Берман, В.Либман, М.Эйвин, М.Ривкин, я рассказал ситуацию. Они обещали поддержать. Кроме того, свои пожертвования внесли и тогдашний Премьер-министр Эстонии А. Ансип, мэр Таллинна Э. Сависаар и очень многие другие обычные люди. Но и этого тоже было недостаточно. В это время несколько лет назад ушла из жизни жена Михаила Бронштейн, Белла. Их сын Александр Бронштейн находился в Таллинне на Йор цайт мамы. Александр - крупный бизнесмен. Я встретился с ним и рассказал о строящейся синагоге, возникших финансовых трудностях. В память о своей маме Александр сразу согласился спонсировать нужную сумму, это было больше половины необходимых средств. Таллиннская синагога носит имя «Бейт Белла». Семья Бронштейн является также одним из спонсоров и повседневной жизни Еврейской религиозной общины - для этого был создан Фонд семьи Бронштейн.

Процесс строительства синагоги был очень тяжёлым. Во-первых, ни у кого не было такого опыта.

Процесс строительства синагоги был очень тяжёлым. Во-первых, ни у кого не было такого опыта. Единственный, кто мог что-то подсказать, был раввин Шмуэль. Для того, чтобы синагога была построена в соответствии с Законами Торы, архитекторы были отправлены в Израиль. Кроме того, у меня такой принцип, что я ничего не заказываю, если точно не знаю, как это будет в реальности. Обсуждение шло по каждому элементу строительства. Все отдельные части синагоги технологически очень сложные. Каждое место: зал синагоги, детская комната, зал обучения, микве, офис, кухня и другие имеют своё конкретное место со всем необходимым оборудованием. Вся мебель для зала была заказана в Израиле на фирме, которая делает мебель для синагог в Европе. Непросто было изготовить и ажурные стены в виде гранатовых деревьев, которые образуют зал синагоги. Это дорогая и сложная работа. Во-первых, сама плита большая, таких размеров во всем необходимом оборудовании. Вся мебель для зала была заказана в Израиле на фирме, которая делает мебель для синагог в Европе. Непросто было изготовить и ажурные стены в виде гранатовых деревьев, которые образуют зал синагоги. Это дорогая и сложная работа. Во-первых, сама плита большая, таких размеров в Эстонии не было, а во-вторых, так как стены толстые, станки, которые вырезали этот узор, должны были делать это за два прохода. Я объехал все заводы в Эстонии, у которых имелись такие станки, пока не нашёл то, что было необходимо. Конечно, постоянно следил за стоимостью строительства, оборудования, мебели и каждой мелочи. Приходилось выяснять, брать предложения у многих фирм, чтобы выбрать оптимальный вариант. Мне оченьгодились мои знания и опыт, которые приобрёл в конструкторском бюро, на производстве, на руководящих должностях. Были и смешные эпизоды. Иногда, как это было при советской власти, когда заказывал работу, некоторые подрядчики спрашивали: «Что я от этого буду иметь?» Я им обещал: «Бесплатное обрезание в новой синагоге». В течение всего строительства меня поддерживало много людей: евреи и не евреи, люди состоятельные и небогатые, они делились своими сбережениями и советами. Я хочу сердечно поблагодарить всех, кто смог оказать содействие в строительстве. Строительство новой синагоги обошлось более чем в 22 миллиона эстонских крон.

Наконец синагога была построена! Торжественное открытие синагоги состоялось 16 мая 2007 года. «Пробудись, Эстония!», — такими словами на эстонском, русском, английском языках Главный раввин Эстонии Шмуэль Кот открыл новую синагогу. На церемонии открытия присутствовали Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, Премьер-министр Эстонии Андрус Ансип, Вице-премьер Израиля Шимон Перес, Главный раввин Израиля Иона Метцгер, Главный раввин России Берл Лазар и многие другие выдающиеся гости из Эстонии и из-за рубежа. За проделанную работу в честь 90-летия Эстонской Республики Президентом Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес я был награждён орденом Белой звезды. За успешную работу на производстве я был прежде награждён и другими орденами, но этот орден мне особенно дорог.

Синагога уже 7 лет как построена. Но её усовершенствования продолжают. Например, в прошлом году были оборудованы зал для учёбы Бейт мидраш на 4-м этаже, детская комната на 2-м этаже. Еврейская религиозная община отвечает также и за поддержание в порядке здания Еврейской школы, синагоги на Еврейском кладбище.

Еврейский узел знаний, еврейского ядра, к сожалению, я не получил: мама всё время работала, бабушек и дедушек, которые обычно передают такие традиции, у меня не было. И, конечно, был очень далёк от религиозной жизни; как и все, был пионером, комсомольцем и атеистом. И не только я, не только евреи, но и другие нации — был один великий советский народ. Наступило новое время, когда стало возможно открыто говорить о своём вероисповедании, свободно придерживаться традиций. После краха советской власти в Эстонии у православных всё-таки была церковь, у католиков был костёл. Эстония была единственная столица в Европе, где не было синагоги. Когда синагога была построена, в моих мыслях было, что все евреи теперь довольны и гордятся, что и у них тоже имеется свой храм, у них стало на душе тепло и радостно, они часто будут приходить сюда...

В синагогу можно приходить не только, когда проходят службы, они составляют 30% деятельности. При синагоге работают различные кружки, клубы. В синагоге работает хороший центр для изучения еврейской культуры и еврейских традиций - какой прекрасный Бейт мидраш получился! Любый еврей может прийти сюда, приготовить себе чашку кофе, взять книжку с полки, сидеть и спокойно читать, изучать еврейские источники, может обсуждать прочитанное. В Бейт мидраш так же проходят различные курсы, лекции.

Какая шикарная красивая солнечная прекрасно оборудованная получилась детская комната! Здесь проходит занятия Воскресной школы, мастер классы для детей, и просто любой ребёнок может прийти сюда поиграть.

А как сложно было построить и оборудовать микве! Но это было сделано, и теперь любая еврейская женщина может соблюдать чистоту семейных отношений. Ещё не так давно, всего несколько лет назад!, чтобы окунуться в микве, нужно было ехать в Ригу!

В здании синагоги работает ресторан «Jerusalem», где ежедневно в меню есть различные кошерные блюда. Здесь готовят так хорошо и находится здесь так уютно, что многие люди, и не только евреи, отмечают в нашем ресторане свои знаменательные события, приходят на ланч в обеденный перерыв. Как Председатель Еврейской религиозной общины считаю себя обязанным предоставить всем, кому требуется, кошерное питание. Это очень большая работа, которой приходится заниматься почти каждый день: нужно обеспечить всем необходимым оборудованием кухню, где должны быть соблюдены Законы кашрута, доставить все продукты для приготовления вкусной кошерной еды, также совсем не просто подобрать подходящий персонал для работы на такой кухне. А знаете, как это было раньше? Нет, не 100 лет назад, а только 7 лет назад. Приезжало 2 еврея, хотели кошерную пищу, и рабанит Хана варила им у себя дома, потом еду в картонных коробочках гостям носили в гостиницу.

В настоящее время любой еврей в Эстонии, который хочет жить, как еврей, может это сделать — для этого имеются все условия и возможности! Вы хотите соблюдать правила кошерного питания у себя дома? Пожалуйста! При синагоге есть возможность заказать любой кошерный продукт от мяса, молока до деликатесов. Вы желаете участвовать в миньяне обязательных ежедневных молитв, радоваться наступлению Шабата, участвовать в шабатных службах в синагоге в кругу близких по духу людей? Пожалуйста! И, самое главное, у нас есть раввин, рабанит, которые всегда рады помочь в любом затруднении, в соблюдении Законов Торы, просто поддержать! Уверен, что синагога даёт и даст ещё больший импульс к развитию еврейской жизни в Эстонии и возродит то, что было утрачено в течение многих десятилетий.

Как Председатель Еврейской религиозной общины, считаю, что в нашей еврейской общине должен соблюдаться еврейский календарь, порядок проведения служб в синагоге, соблюдение традиций и обрядов должно быть традиционно, так же, как это делали наши родители, бабушки, дедушки... Потому что во время советской власти мы все получили по носу, несмотря на то, что были, как все - советскими людьми. Может быть, просто я наивный человек...

Синагога — это большое событие не только в жизни евреев, но и всей Эстонии, и я очень доволен, что сегодня эта синагога есть и здесь можно получить, узнать всё то, чему меня лично не учили. Конечно, есть семьи, которые много знают, но они знают традицию, но не знают всю историю. Сейчас в синагоге стартовал проект - написание нового свитка Торы. Любой еврей может тоже участвовать в написании этого свитка и оставить память о себе! Как я радуюсь, что сегодня в синагоге вижу очень много молодых людей, приходит сюда и очень много детей, они бегают здесь, играют..., я только всё волнуюсь, чтобы они не упали с лестниц... Для многих евреев стало необходимостью приходить в синагогу, им здесь нравится, они чувствуют здесь хорошую атмосферу - у меня становится тепло на душе от этого, и, мне кажется, что-то чуть-чуть и я сделал для этого.

Сейчас открыты все границы, в Таллинн приезжает много туристов со всего мира, все, без исключения, восхищаются такой красивой синагогой и благожелательной атмосферой, царящей здесь! Это очень добрый хороший дом, где можно многому научиться. Хочу поблагодарить тех людей, которые ходят сюда постоянно на различные мероприятия, Кабалат Шабат, службы. Благодаря им, продолжают еврейские традиции, еврейский образ жизни. Вся история еврейства такова, что где бы они ни жили, они приспосабливаются к тем условиям, в которых находятся, они часть окружающего их общества. Получая в синагоге знания, сохраняя традиции, евреи Эстонии являются представителями нашей культуры, истории здесь, где мы живём.

Как Председатель Еврейской религиозной общины Эстонии я чётко уяснил свою миссию: создать условия для жизни евреев и работы раввина. Мне бы хотелось, чтобы у нас было больше богатых евреев и больше людей давали пожертвования, цдаку. Это очень древняя традиция евреев. Сейчас это тоже моя работа - ходить, просить деньги. Я всё время в заботе, и те деньги, которые смог собрать, охраняю, как свои личные. Мы - неодоходное предприятие, поэтому для поддержания нашей деятельности просто необходимы пожертвования.

Желаю всем здоровья, чтобы у всех была работа и хорошо зарабатывали, и никогда не забывали свои еврейские корни. Мне хотелось бы, чтобы евреи были евреями. И они будут евреями тогда, когда они будут знать всё о еврействе, всё о себе и чем они отличаются от других. Каждый народ знает свою историю, также и мы должны знать.

МИША БЕШКИН

МОЯ КОШЕРНАЯ
ЖИЗНЬ

Моё имя Миша Бешкин. Родился и вырос в городе Даугавпилс, Латвия. На этом сухие факты моей биографии заканчиваются. Далее я буду рассказывать скорее об эмоциональной стороне своей жизни. Мне повезло родиться и вырасти в замечательной еврейской семье. Родители моего папы были родом из довоенного Даугавпилса. Моя бабушка Броня (Броха) была соблюдающей и Б-гобоязненной женщиной. Её муж, дедушка Элья, был коммунистом, который до войны состоял в национал-большевистской организации “Бундт”. Я помню как бабушка покупала белых кур перед Йом-Кипур. Они сидели на кухне в деревянном ящике. Потом они исчезли и мы с родителями приходили на шикарный ужин. Сейчас, с высоты своих лет, я не понимаю, как дедушка с бабушкой могли спокойно уживаться вместе. Папа рассказывал, как дедушка украдкой давал ему 10 копеек, чтобы папа поел хлеба в столовой во время Песаха.

Родители мамы приехали в Латвию из Витебска. Дедушка Гриша был детским врачом. Его по распределению послали в Латвию, и он выбрал Даугавпилс. Бабушка Нина преподавала игру на фортепиано в музыкальном училище. Дедушку я не помню хорошо, а бабушка Нина, слава Б-гу, жива и радуется уже многочисленным правнукам. Мамина семья была типичной интеллигентной еврейской семьёй: несмотря на общую ассимиляцию, важно было, чтобы дети соединили свои жизни с евреями.

Уже после того, как мои родители познакомились, произошёл такой случай. Мой папа и моя мама пошли на спектакль, который давал еврейский театр из Биробиджана. Спектакль был на идиш. Мама не понимала, потому что её родители использовали идиш только, чтобы что-то скрыть от детей. Поэтому папа переводил весь спектакль маме. За ними сидела старая бабушкина знакомая. Ну так вот, эта самая знакомая на следующее утро встретила бабушку на базаре и начала ее выспрашивать:

- Броха, а что, твой Лёвочка встречается с шиксой?

На что услышала массу нелестного в свой адрес от моей бабушки Брони. К чему я это все рассказываю? Во-первых, мне приятно это вспоминать, а во-вторых, я хочу рассказать о той атмосфере, в которой я рос. Названия еврейских блюд для меня не являются китайской грамотой: фаршмак, айнгемахтс, гефилте фиш и тейглах. Я помню вкус мацы, которую пекли в Риге еще до конца 80-ых годов. Я слышал идиш на улицах Даугавпилса, который звучал там намного чаще латышского. Но вот чего я не помню, так это слова “кошерный”. В доме родителей моего отца точно знали, что такое трэфное, а что можно есть. На Шабат всегда зажигались свечи и накрывался стол. Но меня в это время там не было. Я был почти обычным советским школьником. Почему «почти»? Да потому, что мне неустанно напоминали о национальной принадлежности.

Потом Советский Союз закончился, и началась другая жизнь. В новой жизни еврейское стало незачем скрывать. Когда мне исполнилось 13, мой прадед Серёжа (мамин дедушка) привел меня в синагогу на благословение перед Торой. Как сейчас, помню, он взял коробку конфет для молящихся, и мы пошли. Это не был первый раз, когда я был в синагоге, но именно этот день я запомнил. Даугавпилсская синагога до недавнего времени была в запущенном состоянии. На долгие годы я запомню молитвы в маленькой “хабаднице”, пропахшей сладковатым запахом дыма из большой печи. Я ходил по субботам в синагогу, сидел и слушал как старики молятся. Не знаю почему я это делал. Иногда мне было скучно, иногда я просто думал о своём. Но, самое главное, я чувствовал там себя хорошо. Соблюдающим евреем я стал значительно позже и по совсем другим причинам. Хотя не исключаю, что эти походы в синагогу стали основой для моей сегодняшней традиционной жизни.

После моей Бар-мицвы прошло почти 10 лет. Я работал в разных еврейских организациях, активно участвовал в еврейской жизни Даугавпилса, Риги и за границами Латвии. Ещё работая в Сохнуте, я познакомился с равом Арье Беккером. Этот человек изменил моё отношение к еврейской жизни в целом. Как-то мы сидели в кафе, и он мне сказал одну фразу:

“Понимаешь, Миша, жить по-еврейски – это по-нашему, это круто”. Эта фраза застряла в моей голове надолго. Спустя некоторое время после этого разговора, я пришёл с друзьями в кафе “Пицца-джаз” в центре Риги. Мы собирались заказать еду, и вдруг я понял, что физически не могу съесть пиццу, где есть и мясо и сыр. Я заказал вегетарианскую. Вот это и есть начало моей кошерной жизни. Я тогда жил в Риге и мог сам регулировать свои диетные пристрастия. В самом начале я почти ничего не знал. Где-то читал, что после мясного не едят молочное 6 часов. Но что такое мясное? Я думал, что яйца – это тоже мясо и поэтому после яичницы не ел сыр в течение 6 часов. Я исключил свинину из питания, но по-прежнему покупал курицу в обычном магазине. В 1999 году я оказался на семинаре в Северной Ирландии. Один из дней выпал на Йом-Кипур. Я уже тогда знал, что надо ничего не есть и не пить. И вот я целый день ничего не ел и не пил. Самое большое понимание проявили мусульмане, они даже старались не есть у меня на виду. В 2000 году я вернулся в Даугавпилс и возглавил маленькую фирму по продаже и обслуживанию компьютеров. Приходилось работать тяжело и много. И тут моим спасением стал Шабат. Я взял себе за правило, что нет такой работы, которая не может подождать до воскресенья. Это был как раз тот случай, когда “если есть желание, то Б-г даст и возможность”. В другие дни мой телефон не замолкал почти ни на минуту. В субботу мобильный молчал. Я заранее всех предупреждал, что бесполезно звонить в субботу, и никто не звонил. На всякий случай я давал телефон мастера, который всю выручку за вызов в субботу забирал себе. Но таких случаев за 3 года было один или два. Однажды мне позвонил рав Беккер и сказал, что приезжает моэль из Лондона, и можно сделать обрезание. Я, не раздумывая, поехал дневным автобусом в Ригу с расчётом вернуться к вечеру. Моэль оказался весьма пожилым человеком, кажется, ему было около семидесяти лет. Помню, что руки у него сильно тряслись. Этот факт меня ни на секунду не смущал, потому что я был уверен, что поступаю правильно.

После операции я успел заскочить за деталями к поставщику и поехал обратно в Даугавпилс. Следующие несколько дней я провёл на ногах, бегая от клиента к клиенту. Обезболивающие таблетки помогали мало. И все равно я был счастлив.

Прошло два года и, устав от беготни, я решил сменить немного атмосферу. Подвернулось приглашение на семинар под Таллинном от Сохнута. Дело было в выходные, и я решил, что ничего страшного не случится, если я в пятницу не поработаю. Мои коллеги меня поддержали, за что им отдельное спасибо, и я отправился в путь. Я уверен в том, что ничего не делается просто так. Наверное, все мои трудности были необходимы, чтобы я встретил свою будущую жену Сашу. Потому что именно тогда началась новая жизнь. 8 месяцев мы жили в автобусах между Даугавпилсом и Таллинном. Мы подумали и решили, что я перееду в Таллинн. Мне удалось продать фирму, найти работу в Таллинне ещё до переезда, и всё складывалось как нельзя хорошо. Единственное, о чём постоянно напоминали мне окружающие, – это о том, что Саша не является еврейкой по закону. Сейчас я могу понять, почему меня это не так сильно беспокоило. Это было, как тогда с пожилым мозлем, – ничего не боюсь, потому что знаю, что поступаю правильно. И я не ошибся. В течение нашей совместной жизни Саша «втянулась», и через пять лет мы прошли гиюр. Почему мы? Потому что весь процесс сделал меня намного больше евреем, чем оба родителя, обрезание и кошерная еда вместе взятые. Я почувствовал ценность еврейства. Именно это чувство я хочу передать своим детям. Жить по-еврейски не легко. Но я еще раз повторю, если есть желание, то Всевышний обязательно даст и возможность. Когда я устраивался на работу, то честно предупредил на собеседовании, что у меня “проблемы” с Шабатом. Мой будущий руководитель ответил, что для него это не проблема – раньше начнёшь в пятницу, раньше и закончишь. Зимой мой рабочий день в пятницу начинается в 5 часов утра. Это всё не важно, когда знаешь, что вечером сядешь за стол с детьми, которые ждут, что для них прочитают благословение, и сможешь отвлечься от недельной суеты.

С едой всё складывалось несколько сложнее, потому что трудно рассчитывать на разнообразное и здоровое питание в Таллинне. Было время, когда мясо ждали по полгода. В такие периоды курица настолько надоедает, что уже никакие рецепты не помогают. Иногда очень хочется каких-то излишеств, например, колбасы. Но даже не возникает желания пойти и купить в магазине. Когда Натанчику было 3 года, я дал ему бутерброд с колбасой, которую мой знакомый привёз из Израиля. Ребёнок посмотрел на колбасу и спросил, что это такое. Я ответил, что колбаса. Натаник попробовал и сказал, что вкусно. Мы при каждом удобном случае стараемся заказать какие-то колбасы, и процесс поедания превращается в праздник. Такие аспекты нашей еврейской жизни приносят больше веселья, чем грусти о недополученной колбасе. Я точно знаю, что в будущем мы столкнёмся с ещё многими трудностями, касающимися нашей еврейской жизни. Наши дети подрастают, и мы с женой хотим, чтобы они стали полноценными членами современного общества, но при этом обязательно жили еврейской жизнью. Как мне кажется, нам с женой это вполне удаётся совмещать, поэтому я не вижу причин, почему бы и нашим детям не удалось в будущем.

Если бы я начал рассказывать обо всех чудесах и приключениях, связанных с моей еврейской жизнью, то можно было бы издавать толстую книгу. Я написал «Еврейский паспорт» не для того, чтобы всем рассказать о том, какой я крутой и целеустремлённый. Я хотел поделиться тем чувством, которое сопровождает меня в моей еврейской жизни. Каждый день я благодарю Б-га за то, что у меня есть возможность жить по Его законам. И я знаю, что Ему безразлична моя судьба, потому что у меня есть желание, а Он даёт мне возможность.

ЛИЯ КАПЛАН

ЛО МИР МАХЕН
МИЦВЕС УН ЛО МИР
ГЕБЕН ЦДОКЕС - НЕ
ЛЕНИТЕСЬ ДЕЛАТЬ
ДОБРО!

Я родилась в многодетной еврейской семье в 1922 году. У моих родителей было 5 детей, я была ди мизинкеле - самая младшая. Мои родители работали. Мама делала дома шляпы, а папа был портным. Со временем им удалось открыть магазин тканей на улице Виру в Таллинне. Бизнес шёл хорошо, и вскоре у нас появился двухэтажный деревянный дом в центре Таллинна. Возле дома был великолепный сад. Папа очень любил цветы и даже заказывал луковичы особых тюльпанов в Голландии. Когда в 1944 году советские самолёты бомбили Таллинн, бомба попала прямо в наш дом, и он сгорел. До войны евреи в Эстонии жили не изолированно. Всё зависело только от благосостояния. У нас были хорошие отношения с нашими не еврейскими соседями. Евреи и эстонцы очень дружелюбно относились друг к другу. Помню, в 1936 году папа отмечал своё 50-летие. Среди гостей были и его эстонские партнёры. Я очень хорошо помню свою бабушку Хану. Мне нравилось проводить с ней время. Она много знала и была очень начитанна. У неё всегда было для меня время, и она помогала мне решать мои детские проблемы. Дома мы в основном говорили на идиш, но все хорошо знали русский и немецкий.

Дома соблюдали еврейские традиции, в пятницу вечером отмечали Шабат. В городе было известно, что любой мог прийти к нам на шабатный обед без приглашения. Мы были рады принять каждого. Семья обязательно постилась на Йом Кипур. В нашей семье соблюдался ритуал Каппарос. У нас это делали деньгами, которые потом отдавали в синагогу как пожертвование. В то время евреи в Эстонии чувствовали себя свободно. Были еврейские магазины, школы, организации. В Таллинне была еврейская столовая. На улице Карья был еврейский Бялик клуб, где можно было пообедать, поиграть в карты и бильярд, Там же устраивались встречи и семейные торжества. Мама всегда брала меня в синагогу. Мы с ней находились на втором этаже, а папа на первом, где молились мужчины. Замечательный хор синагоги состоял из еврейских мужчин и мальчиков. Руководил хором кантор Гуревич, дедушка знаменитого дирижёра Эри Класа.

В Таллине были две частные еврейские школы, обе в одном здании. В одной школе обучение велось на иврите, а во второй — на идиш. Богатые евреи спонсировали обучение и благотворительные программы для детей из бедных семей. Ученики обеих школ дружили, но мы, ученики ивритской школы, всегда находили возможность сказать, что мы - настоящие евреи, а они - идишисты. Большинство детей не знали иврита. Поэтому в ивритской школе был детский сад, куда водили шестилетних детей за год до поступления в школу. Местных учителей, которые знали иврит, не было. Поэтому, например, директор школы Гурин был из Румынии, учитель математики и учитель географии были из Польши.

1933 год. В Германии к власти пришёл Гитлер. В Эстонию начал проникать дух ненависти к евреям. Потом появились беженцы из Германии... Один раз кто-то позвонил в дверь, я открыла её. На пороге стоял еврей, беженец. Половину его бороды была выдрана. Мама накормила его и дала одежды. Потом о нём заботилась еврейская община. Как раз в это время я впервые услышала «проклятые евреи». Раньше никто так не говорил. В 1940 году Эстония стала советской республикой. Мы сразу почувствовали, что к власти пришёл новый режим. Однажды кто-то позвонил в дверь. Зашёл советский полковник и сказал, что местные власти разрешили занять ему комнату в нашем доме. Он занял самую большую комнату. Через некоторое время явился другой военный и велел освободить наш дом в течение двух дней — советские власти решили в нашем доме устроить госпиталь... Папа купил маленький дом в Нымме. И мы переехали туда.

Потом конфисковали папин магазин. Я помню, как после этого несколько раз приходили какие-то люди и под предлогом какого-то налога отобрали все ценные вещи, которые были в семье. В 1941 году советская власть закрыла еврейские школы по всей Эстонии. Я встретила своего будущего мужа Маркуса в Тарту, когда однажды поехала навещать родственников. Это было в предпоследнем классе школы. После этого мы стали встречаться, наш роман развивался. Маркус понравился и моим родителям.

Мы собирались пожениться, когда закончу школу.

Война стремительно приближалась к Эстонии. Моего старшего брата Самуэля призвали в армию, и он настаивал на нашей эвакуации. Брат успел отправить нас: моих родителей, брата Рудольфа, сестру Веру и меня. Нам повезло — мы смогли попасть на пассажирский поезд. Когда мы подъехали к мосту в Нарве, начался воздушный налёт, бомбили наш поезд. Поезд переезжал через мост, а я дрожала от страха, что мост разбомбят, и поезд упадёт в реку. После войны мне часто снился сон — поезд едет по мосту, и мы не знаем, переедет ли его... Так мы доехали до Татарстана. В эвакуации я очень беспокоилась о Маркусе и его семье. Никаких известий у нас не было. Я только знала, что его родственники живут в Казани. Мы с папой решили поехать туда, узнать что-нибудь о Маркусе. Целый день искали родственников Маркуса, но безуспешно. И вдруг, когда уже вернулись на станцию, неожиданно из вагона выскочил мужчина и взял меня за руку! Это был Маркус! Он тоже приехал в Казань искать родных. С тех пор мы уже не расставались.

Чтобы пережить зиму и не умереть от голода, мы с Маркусом решили поехать искать работу. Так мы добрались до Алма-Аты, но там работу не нашли. Оттуда поехали в Киргизию. Нас приняли в колхоз имени Кагановича. В феврале 1942 года Маркус был мобилизован в Эстонский корпус советской армии. Иногда мне казалось, что слова в известной песне: «Дан приказ ему на Запад, ей — в другую сторону...» сочинили о нас с Маркусом. Рано утром мы с Маркусом пошли в районный центр и получили наше свидетельство о браке. А в 9 часов мой муж был уже на сборном пункте, готовый к отсылке на фронт. После этого мы не виделись три с половиной года и начали нашу совместную жизнь только, когда он вернулся с фронта. Я осталась в Киргизии и пригласила родителей и брата переехать ко мне. С нами также осталась жить сестра Маркуса, Берта. В Киргизии мы жили впроголодь. Я и Берта работали на хлопковых полях - жара, температура около 40 градусов... Было очень тяжело. За это нам давали по одной лепёшке, сделанной из муки и воды.

Лепёшку мы отдавали родителям и брату, так как из-за жары они не могли работать и от колхоза им ничего не давали. Для пропитания продавали свои личные вещи. Потом нам дали небольшой участок земли, на котором стали выращивать кукурузу. Мы ели кукурузу каждый день... С тех пор я питаю отвращение даже к слову «кукуруза». Я переписывалась с мужем, Из писем узнала, что он был санитаром в Эстонском корпусе, всегда был на передовой - выносил раненых с поля боя. Был награждён. После войны иногда прямо на улице к нему подходили люди и благодарили за то, что Маркус спас их жизни. В 1944 году мы узнали, что Эстонию освободили от немцев. Но мы смогли вернуться домой только в июле 1945 года. Во время войны в Эстонии было много концлагерей. Муж рассказывал мне, что когда Эстонский корпус освобождал Эстонию, они подошли к Клоога и видели горящие костры, которые состояли из слоёв трупов и брёвен...

Многие наши дальние и близкие родственники, всего около ста человек, кто остался в Эстонии, были уничтожены.

После войны муж демобилизовался и вернулся домой. У нас родились два сына: Римон и Ави. Так как Таллиннская синагога сгорела в 1944 году, обрезание моим сыновьям делали тайно у нас дома. После войны соблюдать еврейские традиции было очень трудно: маца нигде не продавалась, негде было купить свечи для Хануки, не было и семисвечника... Но, несмотря на трудности, мы соблюдали еврейские традиции, учили своих сыновей о значении каждого еврейского праздника, истории еврейского народа. Мы не стыдились быть евреями и не пытались скрыть своё еврейство. С самого начала советской власти в Эстонии началось время со странами для нас законами, обычаями. Мы не могли переписываться со своими родственниками за границей. Нам не разрешалось говорить на иврите. За это нас могли даже арестовать. Существовала борьба с любой религией, не только с иудаизмом. Люди боялись говорить даже друзьям, что они думают об отъезде в Израиль. Я знаю человека, которого посадили только за обсуждение возможности уехать в Израиль. Он пробыл в заключении 10 лет и в конце концов получил разрешение на отъезд.

В 1948 году в СССР началась борьба с космополитизмом, которая была направлена против еврейской интеллигенции: учёных, актёров, писателей. Потом началось дело врачей. Так как муж был медработником, он боялся, что и его уволят. Но мужа очень уважали на работе, и для нашей семьи всё обошлось. В 1970-х годах в СССР началась алия евреев в Израиль. В то время, чтобы выехать из Советского Союза, нужно было получить разрешение на выезд. Чтобы получить это разрешение, нужно было собрать очень много документов, различных бумаг. Одна из этих бумаг была рекомендация с места работы, одобренная общим собранием сотрудников. Эти собрания превращались в настоящие суды, где тех, кто собирался репатрироваться, называли предателями. У мужа уже было несколько сердечных приступов, врачи запретили ему переезжать, мы так и не решились сделать алию. Когда началась перестройка, стали происходить быстрые перемены к лучшему. Стало возможным переписываться с родственниками из других стран, ездить за границу... Даже в своих самых дерзких мечтах я не могла представить развал Советского Союза.

Эстонская еврейская община была первой организацией, официально созданной в советских республиках. Когда вышла на пенсию, начала работать в еврейской общине в WIZO. Мне нравилась эта работа, так как я знала, что помогаю людям. В WIZO мы работали волонтерами: навещали пожилых людей и собирали информацию, какая помощь нужна им. Особенно мне запомнились два случая в этой работе. Я приходила к одной dame, которая болела неизлечимой болезнью уже в конечной стадии. Несмотря на то, что мне физически было не очень приятно, я помогала ей всем, чем только могла. Второй случай. Однажды господин Сломка дал мне 3000 крон и велел пожертвовать нуждающимся. Помню, что на оптовой базе я закупила картошку, лук, морковь и другие овощи и развозила их по домам нуждающимся евреям. И, конечно, я очень рада, что смогла сделать инвентаризацию всего Таллиннского еврейского кладбища. Для этого мне понадобился год. Я ходила от могилы к могиле и записывала данные в толстую тетрадь. Это была огромная работа. Эти данные потом перенесли в компьютер.

До войны в Таллинне была большая и сильная еврейская община. Состоятельные люди заботились о неимущих, поддерживали их. Будем же и мы, несмотря ни на что, добрыми и отзывчивыми к чужим бедам. Не ленитесь делать добро! Ведь старые как мир слова: “Ло мир махен мицвес ун ло мир гебен цдокес” и сегодня должны определять наше поведение и согревать наши сердца.

ГЕНЯ КАНТЕР

... В ТАЛЛИННЕ
ТАКАЯ ХОРОШАЯ
ЕВРЕЙСКАЯ
ОБЩИНА....

Я родилась в еврейской семье в 1924 году в деревне Михновичи, в Белоруссии. У моих родителей было четверо детей — двое мальчиков и две девочки. Мы жили тогда в военном гарнизоне. Папа работал там в магазине. Мама была домохозяйкой. Ещё я помню, что на чердаке у нас был ящик с очень красочной посудой, который мы открывали и доставали из него посуду только раз в году - на Песах.

Я закончила семь классов русской школы. В 16 лет вышла замуж и... через год началась война... Мой муж, Лазар Стрельницкий, был фельдшером, старшим лейтенантом. С первых дней войны его призвали на фронт. Я знаю, что он уехал в Брест. После этого никаких известий о нём у меня нет — пропал без вести... Наша семья переехала в областной центр Калинковичи. Так как фронт приближался очень быстро, жителей города стали эвакуировать в Воронеж. Нам «повезло», так как сразу одновременно всех жителей не смогли отправить, нам удалось договориться поехать в грузовом вагоне на мешках с мукой. В Воронеже мы долго не задержались, так как фронт стремительно приближался уже и к Воронежу. Пришлось эвакуироваться дальше вглубь Советского Союза. Вся наша семья эвакуировалась в Узбекистан. Мы доехали на поезде до Ташкента. Там нас направили в колхоз. Начали работать. Я собирала хлопок. Помню, огромные белые поля... на мне передник с огромным карманом.... наберёшь полный карман хлопка, несёшь его на весы... и так целый день...

Папа так и не увидел окончания войны — он умер там, в эвакуации. После окончания войны семья вернулась в Калинковичи. Я вышла замуж за Михаила Кантера. Во время войны он был на фронте, был защитником Ленинграда и с фронта вернулся инвалидом второй группы.

Когда я жила в Белоруссии, ни до войны, ни после войны я не видела и не чувствовала плохого отношения к евреям. У нас не было отдельных еврейских улиц. И мой муж, и мой брат всегда были на государственных должностях. Муж был снабженцем на химической фабрике, а брат — заместитель заведующего военторга. Старшая сестра Рая вышла замуж за офицера, и вскоре после войны они переехали в Таллинн.

У нас в семье всегда были хорошие тёплые отношения. Поэтому после окончания школы мои дети Роман и Нина приехали в Таллинн к моей сестре Рае. Сначала учились, потом так и остались в Таллинне жить. А я с мужем жили в Белоруссии до нашей пенсии, потом мы переехали в Таллинн к детям, внукам.

Теперь я живу с семьёй дочери Нины. Я имею нахес жить в семье, где получаю уважение, кувет от всех: и от дочки, и от моего замечательного зятя, и от моих любимых внуков. Кроме того, я очень рада, что в Таллинне такая хорошая еврейская община. Я всегда там получаю внимание, тёплое слово и помощь.

По жизни я - оптимистка. Поэтому хотела бы рассказать анекдот. Две еврейские женщины совершили какое-то преступление и попали в тюрьму на 10 лет. Как это «обычно» бывает в жизни, пришла амнистия. Заходит к ним в камеру охранник и говорит: «Вы свободны - амнистия...». А женщины ему в ответ: «Ой, а мы ещё не всё договорили...»

ГРИГОРИЙ ЧЕРНОБРОДОВ

ИУДАИЗМ СЕЙЧАС
ДЛЯ МЕНЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ПУТЕВОДНОЙ
ЗВЕЗДОЙ

к иудаизму. Я понял, что многое упустил в своей жизни, в еврейской части жизни. По сути, я упустил значение Торы. Единственный ребёнок в семье. Дома родители говорили на русском, но когда хотели обсудить что-то, чтобы я не понял, говорили на идиш. Родители были атеисты, в доме не отмечали еврейские праздники, не соблюдали еврейские традиции. Я помню родителей моей мамы, они жили в Житомире. Дед был первым еврейским монтером в Житомире. Кроме того, дед был шойхетом. У них было пятеро детей. Я часто ездил навещать их. В детстве мои сверстники давали мне ощутить, что я еврей. Мы жили в рабочем районе, где слово «жид» было обычным словом. Во время игр во дворе с детьми меня обзывали жидом, и я чувствовал себя чужаком. Мне было очень трудно, так как по натуре я общительный человек и хотел с ними играть. Мама работала красильщицей. Папа из рабочей семьи. Папа учился 4 года в хедере. В двадцатые годы двадцатого века в Москве был Дом культуры еврейской рабочей молодёжи. При этом Доме культуры был самодеятельный театр. Папа занимался в этом театре и впоследствии стал актёром Еврейского театра в Биробиджане. После окончания школы я поступил в медицинский институт в Москве. В институте я искал общение с другими евреями студентами. Но не замыкался только в еврействе. Во время моей учёбы в институте было создано государство Израиль. Нас, еврейскую молодёжь, это очень сильно вдохновило. Я стал особенно интересоваться еврейством, наверное, это был зов крови. Стал часто посещать хоральную синагогу в Москве. Приходил просто по вечерам, слушал молитвы. В это время там пел прекрасный кантор Александрович, изумительный тенор. Он также был солистом Большого театра. Помню, как в Московскую хоральную синагогу приехала первый Посол Израиля в Советском Союзе Голда Меир. Помню, как Кривоколенный переулок был заполнен народом, я никогда в жизни не видел столько много евреев. Её речь меня и всех, её слушавших, очень сильно вдохновила. Я чувствовал себя окрылённым. Я понял, какое большое значение имеет для меня государство Израиль. Начал, как и многие другие евреи, думать о репатриации в Израиль.

И отец, помню, говорил: «Я воевал, умею держать автомат в руках, я там пригожусь.» Но в те годы эмигрировать было просто невозможно. Евреям просто не давали разрешение на выезд. После окончания института работал врачом в Рязанской области. Евреев там не было. Но там много читал, что мог найти, связанное с еврейством. Особенно мне нравилось читать Шолом Алейхема. Вскоре меня послали на курсы усовершенствования. На этих же курсах была моя будущая жена из Таллинна. Там мы и познакомились. В Таллинне я работал судебным врачом, мой стаж Я пробовал читать в свои ранние годы Тору, у некоторых из моих родных дома была Тора. Но тогда в Торе мне было многое непонятно. Для меня это было похоже на законодательство, довольно скучно. Поэтому этим чтением я не особенно увлёкся. Только в пожилом возрасте, когда уже стал и другие книги по иудаизму читать, я понял, что эти законы делятся на две части. Для меня есть законы, которые я не понимаю. Эти законы надо воспринимать не с позиций логики, а с позиций веры, так как логика необязательно улавливается. Другие законы я понимаю. Уже в преклонном возрасте я почувствовал тягу опять ходить в синагогу. Я не могу сказать, что я религиозный. Но меня всегда интересовал иудаизм. Когда мне исполнилось 70 лет, Раввин подарил мне 2 книги раввина А.Штейнзальца. С этих книг началось моё погружение в иудаизм. Меня поразила мысль, что помимо материального мира существует мир духовный. В молодости я думал примитивно: духовный мир — это ангелы. Оказывается, духовный мир — это абстракция. Есть такие понятия, что их нельзя ощутить, но они есть. Например, влюблённость... Я стал много думать об этом и понял, как много времени потерял... Стал очень много беседовать с Раввином. Из наших бесед я получал ответы на свои вопросы.. С Раввином Шмуэлем мне легко и интересно общаться. Вот таким окольным путём я пришёл к иудаизму. Думаю, что сумел погрузиться в духовный мир. Для меня быть евреем значит, испытывать особые чувства принадлежности к еврейству. Я нахожусь в еврействе. Я благодарен судьбе, что родился евреем. Об еврейской благотворительности знал только из книжек.

Но когда серьёзно заболел, я ощутил эту еврейскую благотворительность в нашей еврейской общине, и это облегчает моё существование сейчас. Сейчас иудаизм является путеводной звездой для меня.

АМНОН ЮЗЕФ ЛУВИЩУК

... ГДЕ-ТО К 40
ГОДАМ Я ПОНЯЛ,
ЧТО БЕЗ Б-ГА, БЕЗ
ВЕРЫ НЕ МОГУ

Моё имя по старой метрике Амнон Юзеф. Амнон - это древнееврейское имя, означает «верный», а Юзеф, очевидно, дань польскому происхождению. Я родился в 1943 году, во время войны, когда мои родители были в эвакуации в Таджикистане в Ленинадской области, посёлок Пролетарск. До начала войны папа очень хорошо ориентировался, что происходит в Германии, поэтому вся наша семья эвакуировалась заранее. Когда я родился, отец был на фронте, потом его комиссовали. Папа прекрасно владел немецким языком. Возвратившись с фронта, преподавал в Высшей военной академии немецкий язык. По маминной линии бабушка, урождённая Клас - Глас, из Тарту, дедушка — Моше Арон Каменовский из Польши. После хупы они уехали в Польшу. Там у них родилось четверо детей. После рождения четвёртого ребёнка бабушка умерла. И дедушка перевёз всех детей в Тарту, к сёстрам бабушки. Тарту в то время был вне черты оседлости для евреев, поэтому дедушка не мог остаться и жить с детьми. У дедушки заняло 2-3 года, пока он получил патент купца первой гильдии, что дало ему возможность переехать в Тарту и перевезти туда своё дело. Мама закончила в Таллинне русскую гимназию, после чего поехала учиться в Париж, в Сорбонну, где учила историю. Так как обучение далеко от дома оказалось довольно дорогим, мама продолжила учёбу в Рижском университете, изучала английскую филологию. В Риге она познакомилась с папой. В 1936 году у них родился мой брат, и они переехали в Тарту. Папа был владельцем консервного рыбного завода. И совсем недавно я узнал, что папа под видом рыбных консервов переправлял в Эрец-Израиль оружие. (Это были 1937-1939 годы, когда было эмбарго на поставку оружия для еврейских поселенцев). Дедушка был меценатом. Он помогал еврейским студентам Тартуского университета. Каждый день, в 7 часов вечера, дома был ужин, за столом собиралась вся семья, и если в это время приходил кто-то из еврейских студентов, они вместе с семьёй садились за стол. Не говоря уже о том, что некоторые из студентов просто жили в дедушкином доме.

Где-то в 90-х годах я зашёл домой к одному еврейскому приятелю, там подошёл ко мне отец семейства, очень известный провизор в Таллинне, и сказал: «Благодаря помощи твоего дедушки, я смог закончить университет». Я был очень благодарен ему за эту добрую память. На Песах в доме дедушки собиралось очень много людей, и seder проходил по всем правилам. Не могу сказать, что дедушка был ортодоксальным евреем, он был хасидом нового направления. Помню, он молился 3 раза в день, говорил на смешанном польско-русско-идише. Я его немного боялся, он был очень строгим. Мои родители, в принципе, были больше атеистами, но, естественно, считали себя евреями сионистского лада. Дома было празднично на Рош хашана, Песах. Помню, ещё ребёнком, я спросил у мамы, почему меня обзывают, разве это нехорошо - быть евреем. Мама ответила: «Ты должен гордиться, что ты еврей, евреи дали миру очень много выдающихся людей».

Дедушка по папиной линии был потомственным ювелиром. Это была зажиточная семья из Каменец-Подольска, Украины. Фамилия Лувицук происходит от португальского Леви- Луиша, которая впоследствии получила украинское звучание. Насколько помню из рассказов папы, наши предки были ювелирами ещё в Португалии. Очевидно, это был долгий путь через всю Европу в Украину. Через некоторое время их семья переехала в Киев, а затем в Ригу. Однажды, когда папе было 15 лет, вернувшись домой из гимназии, он обнаружил, что на дом, в котором они жили, там же был и магазин, было совершено нападение. Убили всех :бабушку, дедушку, прислугу. Папе повезло остаться живым, так как он был в гимназии в это время. Папа закончил немецкую гимназию в Риге и поехал учиться в Базель. Там он защитил степень Доктора государственного права. Потом вернулся в Латвию, где познакомился с мамой.

В 1945 году вся наша семья вернулась из эвакуации в Эстонию. Сначала папа работал в министерстве лёгкой промышленности на высокой должности. А в 1947 году его арестовали. До сих пор не знаю, что явилось причиной ареста

Через 9 лет его освободили с реабилитацией Президиума Верховного Совета СССР. Этот арест наложили на отца отпечаток - он никогда не хотел об этом говорить. Сейчас, когда думаю об этом и сопоставляю разные исторические факты, думаю, что это был «заказ на специалиста». В 1947 году в Силламяэ стали разрабатывать урановые рудники. Там нужен был сильный специалист, который знал бы и местные условия, и одно, и другое, и третье... и папа был, на мой взгляд, самый подходящий кандидат. Всё время ареста папа проработал главным экономистом в Силламяэ и Нарве. К папе мы ездили только на свидания. Жили в это время в холоде-голоде, мама одалживала поштучно и брикет, и картошку... Маме было тогда очень тяжело. Мне повезло: в юности, когда не было папы, у меня было два еврейских опекуна. Это старший брат моей мамы, Хирш Каменовский, который был исключительно интеллектуальным человеком. Когда он уже вышел на пенсию, то занимался тем, что собирал слова, заимствованные из иврита, в других языках мира. На его похоронах его друзья сказали, что он всех научил любить свой народ. Второй опекун - мамин двоюродный брат Арон Тамаркин, известный музыкальный критик, создатель музея Театра и музыки в Таллинне. Они оба очень сильно повлияли на моё еврейское самосознание. Я учился в русской школе в Таллинне. В начальных классах у меня были конфликты на национальной почве, и мне часто приходилось защищаться кулаками. Позже в нашем классе, кроме меня, были ещё два еврея - «почти миньян». Когда учился в институте, конфликты на национальной почве не возникали, так как в Эстонии общество внешне к евреям было довольно лояльным. Но когда закончил институт, мне пришлось столкнуться с антисемитизмом. Советские бюрократы просто не пустили меня сдавать экзамены в аспирантуру, хотя у меня было персональное место. Это был период, когда очень многие уезжали из Эстонии. Мама была для меня очень большим авторитетом, она считала, что ее сыновья обязательно должны получить высшее образование и жениться на еврейках. Первая моя жена - еврейка, у нас двое детей. От второго брака у меня дочь.

Я очень долго искал себя, занимался астрологией, окулистикой... Но потом понял, что это всё ерунда... Где-то к 40 годам я понял, что без Б-га, без веры не могу жить. Сейчас не могу сказать, что я неверующий, но, к сожалению, я не знаю иврита, молитвы читаю, как умею, в русской транскрипции, каждый день. Иногда хожу в синагогу на молитвы, молюсь, когда мне тяжело, за Эрец- Израиль, за свой народ, за своих близких, за их здоровье и благополучие. С юности я интересовался историей религии. Сейчас значительный интерес для меня представляет еврейская символика и происхождение алфавита.

Я был очень далёк от еврейской общины. Пришёл в общину почти случайно. Мой одноклассник Марк Рыбак, создавший Еврейский музей, когда должен был уехать в Израиль, предложил мою кандидатуру на место директора музея. Теперь я уже стал больше вникать в дела общины, и вижу, что делается огромная работа. Помогают старикам, молодёжь приобщается к нашим традициям. Вижу, как организовывается лагерь для школьников, как в субботу они зажигают свечи, читают на иврите молитву. Это возрождение традиции, которой мне не хватало, к которой мне пришлось идти самому. Думаю, что моя задача как директора Еврейского музея - создавать мост между еврейским и эстонским обществами, объяснять, кто мы, откуда и какова наша миссия.

РЕГИНА ПАТС

...ТОГДА, В
ПЯТИДЕСЯТЫЕ
ГОДЫ, В ЭСТОНИИ
НЕГДЕ БЫЛО КУПИТЬ
МАЦУ”...

Мой дедушка по папе имел в Раквере мастерскую, он делал и продавал обувь. Этот дом на центральной улице Раквере стоит до сих пор. На первом этаже был магазин, а на втором была его квартира. Я нашла в телефонной книге 1923 года имя дедушки, где указан его телефон (!) и написано “Абрам Патс - купец второй гильдии”. На сохранившейся фотографии он выглядит очень представительным высоким мужчиной с большой бородой и в лапсердаке. Дед был религиозным. Он был из семьи кознов, и мой отец всегда этим гордился. Бабушка была домохозяйкой. Её звали Рахель. По рассказам моего дяди, тёти она была властным человеком и держала хозяйство в доме в своих руках. В 1935 году дедушка умер, и бабушка с уже довольно взрослыми детьми переехала в Тарту, где дети имели возможность получить дальнейшее образование.

Папу звали Яков. Он закончил медицинскую школу по специальности зубной техник. Мама родилась в Харькове, девичье имя Раиса Орлова. Её родители были портными. Мама после окончания школы поступила в Харькове в медицинский институт. Она была на втором курсе института, когда началась война. Её папа ушёл на фронт, а мама не хотела эвакуироваться, так как её отец был парализован. Мамин брат Гриня сумел настоять на немедленной эвакуации и отправить их с последним эшеленом из Харькова. Гриня хотел бабушку тоже вывезти, но в это время умер дедушка, и бабушка ни за что не хотела уезжать, так как хотела похоронить его на еврейском кладбище. В это время немцы уже вошли в Харьков. Потом нам рассказывали очевидцы, что мою прабабушку немцы таскали за волосы по всему Харькову... и потом расстреляли... Мама рассказывала, что у неё были красивые длинные волосы до самых пят... Моя прабабушка была очень красивой женщиной. Харьковский медицинский институт был переведён в Киргизию, в город Фрунзе. Семья эвакуировалась во Фрунзе. Мама продолжала учёбу в институте, но должна была работать, чтобы содержать семью. Она работала на сельскохозяйственных работах, на бахче.

После работы она шла несколько километров пешком по шпалам, чтобы попасть в институт. Она рассказывала, как шла босиком по шпалам и перед самым Фрунзе мыла ноги в арыке, одевала туфли и шла в институт. За то, что мама работала, она получала мешок картошки, мешок муки... и это можно было выменять на какие-то другие вещи. После войны они вернулись в Харьков на свою Черноглазовскую улицу. Сначала жили в подвале, потом перешли наверх, где был длинный коридор и 12 комнат. Одну комнату занимала наша семья. В то время мамин брат вернулся с фронта и притащил с собой двух пленных немецких солдат. Они втроём переоборудовали ванную комнату в крошечную кухню...

После окончания института маме удалось получить направление в Эстонию. Она работала в той же поликлинике, где и мой будущий папа работал. Так они познакомились. И... в 1949 году в Таллинне родилась я. Тогда мы жили на улице Тоомпеа. В округе жило очень много евреев, со многими папа очень дружил, вместе отмечали праздники, дни рождения. Со временем семья переехала на Лейнери. Там было две плиты. Одна - газовая, другая - дровяная. Дровяной плитой весь год не пользовались, начинали пользоваться только тогда, когда надо было печь мацу к Песаху. Тогда растапливали эту большую печку, и мама с Нюрой, нашей домработницей, пекли мацу. Нюра была русская, православная, но она готовила еврейские блюда лучше, чем мама. Фаршированную рыбу она делала блестяще! Тогда, в пятидесятые годы, в Эстонии негде было купить мацу. У мамы был такой специальный ролик, которым она прокатывала дырочки. Они делали круглую мацу... муку просеивали, воду отстаивали... Я до сих пор помню запах этой мацы!.. У мамы была специальная салфетка, куда клали выпеченную мацу, целая гора мацы... мацу закрывали салфеткой... мы ходили вокруг этой мацы, которую нельзя было до Песаха трогать... На праздник бабушка приезжала из Украины и привозила кошерное вино, которое делала сама. Песах был семейный праздник. Большой стол в столовой раскрывали на всю длину.

Приходили все родственники, За стол садились по старшинству; подавалось праздничное угощение: маца, вино, фаршированная рыба... Все присутствующие были в праздничной одежде... Я не помню, чтобы папа ходил в синагогу, но он не работал в Шабат. Он уже не был таким религиозным, как дедушка. Дедушка Беньямин, брат моей бабушки, кушал только кошерную еду. Он кушал только у нас дома или у себя. За несколько дней до праздников он звонил маме: «Рая, ты не забыла, что через два дня Пурим, Ханука..., ты не забыла?..» Мама делала хоменташен на Пурим, а на Хануку пекли латкес. Мама была очень хорошей хозяйкой, просто потрясающей хозяйкой. На Рош hashana мама пекла тейглах, вот Такие, огромные. Она ещё клала в середину изюминку, и когда тейгел вырастал, эта изюминка болталась внутри...

Я училась в 6-ой Таллиннской школе. В моём классе было довольно много евреев. В школе было довольно много еврейских учителей. Я не помню какого-нибудь негативного отношения к евреям. Но один случай мне запомнился. Один русский мальчик как-то нехорошо обозвал еврейского мальчика. И тогда все еврейские дети объединились и устроили обидчику «тёмную». Поколотили его здорово...Тогда в нашем еврейском кругу была традиция отмечать «детский день рождения». Если у какого-то ребёнка был день рождения, приходили все знакомые со своими детьми и весело отмечали! Как это было здорово! Гостей всегда было очень много, и получались огромные, обильные дни рождения. А мои друзья и друзья моей сестры очень любили приходиться к нам в пятницу. В этот день мама всегда прибегала домой пораньше и обязательно что-то пекла: булочки, крендели с маком., корицей... Ой, я помню этот запах, м-м-м какие запахи. Наш дом был открыт для гостей, если кто-то приходил, обязательно накрывали на стол. Помню, в субботу мама всегда варила картошку и подавала с селедкой, луком и сметаной, ой, это было так вкусно! В мои школьные годы наша семья часто отдыхала в Пярну. Тогда в Пярну пляж делился на две части, и от часов налево — это был эстонский Иерусалим. Там отдыхала масса евреев: и эстонские евреи, и московские евреи, и петербургские, и литовские...

После операции я успел заскочить за деталями к поставщику и поехал обратно в Даугавпилс. Следующие несколько дней я провёл на ногах, бегая от клиента к клиенту. Обезболивающие таблетки помогали мало. И все равно я был счастлив.

Прошло два года и, устав от беготни, я решил сменить немного атмосферу. Подвернулось приглашение на семинар под Таллинном от Сохнута. Дело было в выходные, и я решил, что ничего страшного не случится, если я в пятницу не поработаю. Мои коллеги меня поддержали, за что им отдельное спасибо, и я отправился в путь. Я уверен в том, что ничего не делается просто так. Наверное, все мои трудности были необходимы, чтобы я встретил свою будущую жену Сашу. Потому что именно тогда началась новая жизнь. 8 месяцев мы жили в автобусах между Даугавпилсом и Таллинном. Мы подумали и решили, что я перееду в Таллинн. Мне удалось продать фирму, найти работу в Таллинне ещё до переезда, и всё складывалось как нельзя хорошо. Единственное, о чём постоянно напоминали мне окружающие, – это о том, что Саша не является еврейкой по закону. Сейчас я могу понять, почему меня это не так сильно беспокоило. Это было, как тогда с пожилым мозлем, – ничего не боюсь, потому что знаю, что поступаю правильно. И я не ошибся. В течение нашей совместной жизни Саша «втянулась», и через пять лет мы прошли гиюр. Почему мы? Потому что весь процесс сделал меня намного больше евреем, чем оба родителя, обрезание и кошерная еда вместе взятые. Я почувствовал ценность еврейства. Именно это чувство я хочу передать своим детям. Жить по-еврейски не легко. Но я еще раз повторю, если есть желание, то Всевышний обязательно даст и возможность. Когда я устраивался на работу, то честно предупредил на собеседовании, что у меня “проблемы” с Шабатом. Мой будущий руководитель ответил, что для него это не проблема – раньше начнёшь в пятницу, раньше и закончишь. Зимой мой рабочий день в пятницу начинается в 5 часов утра. Это всё не важно, когда знаешь, что вечером сядешь за стол с детьми, которые ждут, что для них прочитают благословение, и сможешь отвлечься от недельной суеты.

Встречу назначали так: «А мы под часами налево, ищите нас там...» Там велись разговоры обо всём. И вот однажды папа с друзьями разговорились о том, что в Таллинне можно сделать еврейский театр. Для этого надо было бы получить разрешение. Так как папа во время войны служил в медсанбате 8-ой стрелковой эстонской дивизии, то он знал всех политических деятелей, кто был у власти в то время. Поэтому это разрешение у господина Клаусона (Председатель Совета министров Эстонии в 60-ые годы 20-го века) пошёл просить мой папа. Господин Клаусон ответил папе: «Если вы найдёте помещение, то проблем нет». И помещение нашли. Сначала это был Дом культуры мебельного комбината. В 1967 году театр начал работать. Театр назывался Эстонский еврейский народный театр. Первый спектакль был по Шолом Алейхему «Мазал тов». У меня есть фотографии, где в театре евреи сидят в ряд... Все спектакли в этом театре играли на идиш. Потом театр переехал в Дом культуры «Salme». И там собирались евреи: репетировал свои спектакли театр, устраивали концерты, учили идиш, просто приходили... Со своими спектаклями «Анна Франк», «Мазал тов» и другими театр поехал на гастроли в Ленинград. Там был такой аншлаг! Театр проработал до 1977 года. Многие евреи стали уже эмигрировать из Эстонии. Помню, папа мне говорил: «Знаешь, Регина, наступит такое время, когда ты спокойно сможешь ехать в Израиль, помани моё слово. Я могу не дожить до этого, но вот ты, обязательно!» Мне тогда это казалось фантастикой... В 1993 году я впервые поехал в Израиль. После школы я учила в Тартуском университете филологию. Благодаря папе, у меня там был большой круг еврейских знакомых. У меня было много друзей и среди эстонцев, и среди русских. После двух лет обучения в университете начала работать в Национальной библиотеке и продолжала заочно учиться. Со временем стала заведующей международного абонемента в Национальной библиотеке. Когда тётя Эся, приятельница моих родителей, узнала, что я стала заведующей международного абонемента, она сказала: «Это могло быть только в Эстонии.

Только в Эстонии еврейка могла стать заведующей международного абонементов. У нас, в Москве, это просто невозможно».

В 1986 году, когда в Эстонии образовалось Еврейское культурное общество, я стала приходить туда. Сначала обществу дали помещение в Эстонском культурном фонде. В 1989 году я стала членом еврейского культурного общества. В 1989 году в Таллинне проходила выставка «Израильская книга в Советском Союзе». Мне предложили оказать помощь в организации этой выставки. Я обратилась за помощью к директору Национальной библиотеки госпоже Ivi Eenmaa. Она договорилась с Министерством культуры, нам дали помещение в Доме туриста на Ратушной площади, дали полки для книг и т.д. Из посольства Израиля в Москве привезли книги, мы всё расставили... Я работала на этой выставке две недели. Выставку посетили очень много людей. После её окончания Израильское посольство подарило часть книг Национальной библиотеке, часть книг - Эстонскому Еврейскому обществу. С этого и началась образовываться библиотека Еврейского общества. После работы каждый день я приходила, писала карточки на эти книги, ставила штампы, сделала каталог - всё ручная работа. Нам подарили Торы, Талмуды, религиозную литературу. Большая и самая ценная часть существующей теперь библиотеки — это книги с той выставки. У нас есть весь Византийский Талмуд с комментариями. Это единственный экземпляр на всю Эстонию. У нас есть различные еврейские энциклопедии: Большая еврейская энциклопедия, иудаика, биологическая..., различные справочники...различные книги на еврейскую тематику, об Израиле, об искусстве на иврите, русском, английском, французском языках. В 1994 году от Израильского посольства мне предложили работать с алиёй в Эстонии. После предварительной учёбы я получила разрешение для работы. Я подчиняюсь консулу Израильского посольства. Евреи из Эстонии, которые хотят репатрироваться в Израиль, приходят ко мне, я предварительно просматриваю их документы, готовлю к беседе с консулом.

За всё время успела уже поработать с 7 консулами Посольства Израиль. С самого начала, как только стала членом Еврейского культурного общества, мне хотелось какую-нибудь хорошую идею претворить в жизнь. И этой идеей стал показ израильских фильмов в общине. Сначала осуществить это было очень непросто. Я не знала, откуда мне брать эти фильмы. Я просила у знакомых, кто ехал в Израиль, привозить фильмы. Первый фильм был показан в актовом зале еврейской школы в декабре 2005 года. Со временем у меня появилось много знакомых, которые занимаются кино, и они дают мне фильмы. Один раз в месяц, в последнее воскресенье, у нас в общине можно смотреть израильское кино. Кроме того, организовывала и проводила открытые Фестивали израильского кино в Таллинне, их могли посетить все желающие.

ЭРИ КЛАС

...Я ВОСПИТАН В
ГЛУБОКО ВЕРУЮЩЕЙ
ЕВРЕЙСКОЙ СЕМЬЕ...

Я родился в Таллинне 7 июня 1939 года.

Дедушка по маминной линии Йоссель Гуревич был большим специалистом по вокалу, он учился канторскому мастерству и дирижированию хором в Вене. После окончания учёбы Йоссель получил работу в Риге в школе для мальчиков. Там он был учителем пения и дирижёром хора. Дедушка часто ходил в Рижскую синагогу и помогал главному кантору. Там он познакомился с дочкой кантора Эстер, которая стала его женой. Поженились они в Риге. У них родилось две дочки: моя мама Анна и через два года Йемима. Когда в Таллиннской синагоге освободилось место главного кантора, пригласили моего дедушку на это место. Так дедушка стал кантором в Таллиннской синагоге, кроме этого руководил хором и был учителем в Таллиннской Еврейской гимназии. В газете “RAHWALENT” от 5 декабря 1929 года написано о моём дедушке, что главный кантор Таллиннской Еврейской общины Гуревич был один из самых талантливых поэтов-лириков, и среди его сочинений есть и молитва евреев за Эстонскую Республику, что является настоящей жемчужиной среди и так уже очень красивых еврейских молитв. В Таллинне мой дедушка со своей супругой и с двумя дочерьми жили в старой синагоге, адрес я точно не помню, где-то на Rävåla puistee. В семье разговорный язык был идиш. Дедушка по-эстонски говорил плохо. С бабушкой, дедушкой я говорил на идиш. Ещё со своего детства помню, как дедушка всегда брал меня с собой в синагогу. Дедушка был глубоко верующий человек, соблюдал все еврейские традиции. Бабушка соблюдала кашрут, готовила еврейские блюда. Дедушка так много говорил дома об еврействе, Израиле, что это сильно воздействовало на его дочь, сестру моей мамы, и в 1928 году вместе с первой волной репатриантов из Эстонии Мима уехала в Палестину. Целью этих первопроходцев было возделывать землю Израиля и превратить её в цветущий сад. Так всю свою жизнь моя тётя Мима прожила в Израиле. Я запомнил домработницу нашей семьи Üli Ala, она была родом с острова Hiiumaa. Üli принимала большое участие в моём воспитании, помню, как она свободно говорила на идиш.

Мой дедушка по папиной линии Герман Клас -Гласс родился в Тарту в многодетной семье. По профессии он был зубной врач, учился этому в Германии. В Варшаве дедушка познакомился с певицей Станиславой Фрухтман. Они поженились. У них было пятеро детей, один из них - мой отец Эдуард Клас (Гласс). Дедушка старался всем своим детям дать высшее образование и всегда советовал им, чтобы они не женились, выходили замуж за богатых. Но несмотря на его предупреждение, мой дядя женился на девушке из очень богатой семьи Цитрон, а моя тётя вышла замуж за парня из семьи Файнштейн, которые были собственниками Русского драматического театра в Таллинне. Когда в 1940 году пришли советские войска, и Эстония была аннексирована, поменялся весь режим. И семьи этих моих дяди и тётя выслали в Сибирь... Мама закончила Таллинскую консерваторию и дальше продолжала учёбу в Берлинской высшей школе музыки. Встречи с такими известными музыкантами, как Рихард Штраус, Отто Клемперер и многими-многими другими очень обогатили маму. Когда в 1933 году в Германии к власти пришли фашисты, маме было запрещено оставаться в Германии. Время, когда можно было посещать многие концерты, знакомиться с большим музыкальным наследием города, закончилось. Так маме пришлось вернуться домой, в Таллинн. После этого, почти сразу, она познакомилась с Эдуардом Клас, они поженились. Папа по профессии был музыкантом, виолончелистом. Он учился вместе с мамой в Таллиннской консерватории. На этом же курсе учились Густав Эрнесакс и Эуген Капп, они все были близкими друзьями. Когда начала война, дедушке Герману предложили эвакуироваться, но он категорически отказался по причине того, что в Эстонии в то время жило очень много немцев, многие из них были его клиентурой... Он надеялся на немцев и верил в их гуманность, так как учился и прожил в Германии несколько лет. Маме тоже предложили эвакуироваться в тыл тогдашнего Советского Союза. Она решила эвакуироваться вместе со мной и своими родителями.

Папа «разрывался» на две части: с одной стороны, он очень любил свою жену и хотел эвакуироваться вместе с ней, с другой стороны, он не хотел оставлять своих родителей одних... Он остался оберегать родителей... Üli видела, как арестовали папу, дедушку, бабушку. Их поместили в Таллинскую тюрьму, ...затем... они были расстреляны... В архиве я нашёл приказ об этом, который был подписан эстонским полицейским по фамилии Room. Я знаю, что если бы мы не эвакуировались, меня бы тоже не было в живых... Всё пережитое оставило во мне очень глубокое впечатление...

Нас эвакуировали в тыл в село Увелка на Урале. Во время войны в Ярославле были созданы государственные художественные ансамбли Эстонской ССР. Всех культурных деятелей Эстонии: художников, актёров, музыкантов, певцов, которые были эвакуированы и даже на фронте, собрали в Ярославле. Там был создан мужской хор под управлением Gustav Ernesaks, а также и другие творческие коллективы. В Ярославле тогда находились и Evald Okas, Paul Pinna, Eugen Kapp, Georg Ots. Маме тоже предложили переехать в Ярославль. Сначала она переехала одна, а затем перевезла с Урала меня и родителей. Мама выступала фортепианным дуэтом «Анна Клас - Бруно Лукк», который позже стал известным по всему Советскому Союзу. Мама больше замуж не вышла...

После окончания войны наша семья возвратилась в Эстонию. Начали жить на улице Gonsiori, недалеко была синагога. Это была пятикомнатная квартира, три комнаты в которой занимала наша семья - мама, я, бабушка, дедушка и Üli. В этой квартире у нас в гостях были такие известные музыканты как Давид Ойстрах, Леонид Коган, Эмиль Гилельс, Мария Гринберг...

Помню, когда мы вернулись из эвакуации, я говорил только по-русски. Но уже в школе эстонский язык был моим самым сильным коньком. Моя первая жена Нивес Реди была еврейкой по маме. Она родилась в лагере, её отец был испанец. Жена была очень красивой. У нас родилась дочь Диана. В юности у меня было много энергии, много всяких интересов. Моими учителями были всемирно известные еврейские музыканты Давид Ойстрах,

Эмиль Гилельс. Когда я проходил стажировку в Ленинграде, моим учителем был известный советский дирижёр, профессор Ленинградской консерватории Николай Семёнович Рабинович, в Государственном Академическом Большом театре — профессор Московской государственной консерватории, Народный артист СССР Борис Эммануилович Хайкин.

Я всегда стремился к пониманию и с большим уважением относиться к эстонскому народу и стал полноправным его членом. На сегодняшний день являюсь Народным артистом Эстонской ССР, Почётным дирижёром Национальной Эстонской Оперы, Почётным доктором Эстонской академии музыки и театра, председателем Фонда эстонской национальной культуры, Почётным членом Эстонского Национального Олимпийского Комитета, послом Доброй воли от Эстонии в международной организации UNESCO. Начиная с 1999 года я дирижировал на всех Певческих праздниках. Это не я сам себя выбирал - эстонский народ выбирал меня. Это не очень обычно, что один еврейский парень смог стать Народным Артистом СССР, дирижёром Большого театра... За свою жизнь я дирижировал в 40 разных странах. Когда бываю за границей, всегда встречаюсь с местными еврейскими общинами, со многими знаменитыми евреями. Они принимают меня ближе, чем я был бы просто из Эстонии, приглашают выступить с концертами. Например, когда я был на гастролях в Канаде, я также давал концерты в синагогах городов Торонто и Ванкувер. Во время моих гастролей в Израиле, мне предложили быть главным дирижёром и советником оркестра «Израильская Симфонietta» в городе Беер-Шева. Я работал там три года. Это была очень сложная работа, но я работал с большим энтузиазмом и радостью - хотел сделать мицву, что-то хорошее для своего народа. Конечно, бывая в Израиле, встречался с тётей и всегда помогал ей материально. Я воспитан в глубоко верующей еврейской семье и всегда должен был с этим считаться. На всю жизнь я научился, что нельзя никого обижать, надо стремиться к согласию, пониманию. Если во мне что-то хорошее есть, это я получил от своих дедушки, бабушки и мамы.

Моя синагога находится внутри меня. Может, я не часто хожу в синагогу, но очень дорожу тем, чему меня научил дедушка. Я очень глубоко уважаю старших людей, всегда помогаю чем могу. Этим я служу Б-гу. Я не занимаюсь политикой. Перед сном, как учил меня мой дедушка, я произношу молитву:

*Шма Йисроэйл Адой-ной Элой-הַיְ-נוּ
Адой-ной эход*

Борух шейм кэвойд малхусой лэойлом воед

*שמע ישראל ה' אלוהינו ה' אחד
ברוך שם כבוד מלכותו לעולם ועד*

РАФАИЛ БЕЛЬЧИКОВ

Я ВЗЯЛ ПЕРВУЮ
ТОРУ, ПРИЛОЖИЛ ЕЁ
К СЕРДЦУ... И ВСЕ
ТРУДНОСТИ... СРАЗУ
ЗАБЫЛИСЬ...

Я родился 12 декабря 1917 года в Тарту. Как недавно выяснилось, мой род связан с Любавическим Ребе. Мой отец Шмуэль Цви Бельчиков родом из маленького белорусского местечка Ильино. Отец моего отца был водовозом. Это была очень бедная семья, у моего отца было ещё 4 брата, и они спали все в одной постели поперёк и часто смогли есть только огуречный рассол... Поэтому мой будущий папа поехал на заработки в тогдашнюю царскую окраину — Тарту. Он также хотел получить образование. Так как в то время евреев не принимали в университеты на дневное отделение, то папа смог учиться только экстерном. Закончил фармацевтический факультет с серебряной медалью. Мамин род из Латвии. Дедушка я особо не помню, а бабушка сыграла огромную роль в моей жизни. Она закончила Тартуский университет и работала акушеркой. Бабушка прекрасно знала немецкий язык, и благодаря ей, в 4 года я освоил немецкий язык. Мама Шейне бат Янкель Коэн была домохозяйкой. У нас был настоящий еврейский дом. Я очень любил еду, которую готовила моя мама, особенно гефилтэ фиш. Мама знала все молитвы, ходила в синагогу и соблюдала все обычаи. Я помню, как до Песаха папа разбрасывал на подоконнике кусочки хлеба, потом гусиным пером собирал эти кусочки, чтобы дома не оставался хамец. В углу огромного дубового буфета стояла посуда, которой весь год не пользовались, посуду доставали только на Песах. На Хануку у нас не было специального ханукального светильника. Папа брал картошку, отрезал немного с одной стороны, а с другой выскабливал углубление, в которое наливал масло и клал туда толстую шерстяную нитку. Папа был из древней семьи хасидов и с малых лет учил меня многому по иудаизму. Папа более 30 лет был Председателем религиозной общины в Тарту. Мы ходили с папой на молитвы в синагогу. Когда я приходил в синагогу, я чувствовал там присутствие В-вышнего. Работая фармацевтом, папе очень трудно было содержать семью и он занялся торговлей. Дела шли довольно успешно, и он дошёл до купца первой гильдии.

Это дало ему возможность развить своё дело. Его бизнес распространился на Англию, Францию, Голландию и т.д. Тогда в доме появился достаток. Родители хотели дать своим детям хорошее образование. Я учился играть на нескольких музыкальных инструментах. В детстве я заболел туберкулёзом, из-за этого не мог поступить в школу. Болезнь, потом выздоровление продолжались год. После выздоровления я сразу поступил в четвёртый класс хедера. Когда мне было 12 лет, у меня было серьёзное воспаление среднего уха. Болезнь протекала тяжело. И тогда мне, по еврейскому обычаю, дали второе имя Хайм, что означает жизнь. После этого я быстро выздоровел. Я помню учителя-меламеда Лейб Левитина. Он был очень строгим, и я помню, как получал от него линейкой по рукам. В школе мы сидели за нестругаными столами и на неструганых скамейках, классы находились ниже первого этажа. Последний класс школы я окончил в русской гимназии. После школы я хотел поступить на юридический факультет Тартуского университета, но первый год меня не приняли, мне ответил один профессор, что лимит набора евреев в этом году исчерпан. На второй год я поступил на экономический факультет. И в школе, и в университете у нас был свой круг евреев, наши отцы дружили, и мы все знали друг друга с детства. У нас было создано Еврейское студенческое общество «Хашманаим». В этой организации, в основном, были хасиды. Проучился в университете 3 года. В это время не стало папы... Материальные возможности в семье изменились. Я оставил учёбу в университете и пошёл работать. Работал рабочим на разных работах. Ещё в 1933 году из новостей по радио мы услышали, что к власти пришёл Гитлер, отец тогда сказал: «Теперь будет горе евреям». И через несколько лет грянула война. Уже пришли советские войска. Меня призвали в армию и сразу назначили начальником финансового отдела одной воинской части. Война для меня была жуткой сказкой, и я сегодня даже не верю, что это всё было, мне кажется, что я всё это придумал... Я помню, как началась бомбёжка, я лежал на окраине Ласнамяэ в ложбине, со мной ещё прятались ребята, человек 18 (все погибли, я остался жив...), я помню, как мы перебежками бежали по Ласнамяэ до Певческого поля, оттуда до Кадриорга...

и надо было добежать до Минной гавани, где стояли последние корабли для эвакуирующихся... Бежали по Нарва мантие, добрались до порта, потом ещё несколько километров бежать, чтобы попасть в военную гавань... Там был крошечный ад, потому что немцы обстреливали миномётным огнём с Пирита, аэропорта... нужно ещё добежать 250 метров огневой завесы до этого парохода «Верония» ... Я подумал, что это единственная возможность спасти себя, и я побежал... Как только последний человек успел добежать, пароход отчалил в сторону Ленинграда. Я увидел, как за спиной остался горящий Таллинн. На пароход налетел немецкий самолёт, сбросил бомбу, первая пролетела мимо, а после второй был страшный удар, бомба попала в пароход, и пароход сразу дал крен. Я оказался в воде, у меня не было даже спасательного пояса. Была ужасная паника: кто-то кого-то хватал за ногу, чтобы спастись..., кто-то сломал себе ноги, прыгая с верхних палуб... Я несколько раз уходил под воду, опять выныривал... Кроме того, нас обстреливали и финские орудия... Сколько это всё длилось я не помню... Но потом я остался один на один — надо мной небо, подо мной вода, и никакой надежды. И тогда я произнёс в отчаянии «Шма Исраэль»... Молитва шла изнутри меня... На воде я продержался 10 с половиной часов, иногда без сознания, иногда приходил в сознание. Очнулся я на каком-то пароходике в машинном отделении. Там меня выносили... В конце концов мы попали в Кронштадт. Когда я очнулся, я увидел на себе ботинки, короткие брюки, флотскую майку, тельняшку. Я выглядел, наверное, как хороший клоун. Я сразу поехал в Ленинград, где жил брат моего отца и вся его семья. Там мне одна старушка сказала, что они все погибли в блокаде... Я жил в блокадном Ленинграде год, немцы находились в четырёх километрах от дома, где я жил. Потом мне дали удостоверение на право уйти из блокадного Ленинграда через Ладожское озеро. Зима, мороз -32 градуса, голодный...

После войны вернулся в Таллинн. Никакой профессии у меня не было. Мой племянник Зяма Розенфельд посоветовал мне обратиться в Министерство кинематографии и предложить там своё знание языков для переводов текстов фильмов. Я перевёл несколько текстов, моя работа там понравилась, и я получил постоянную работу. Постепенно моя карьера в Министерстве кинематографии росла, и я дошёл до начальника Главного управления кинофикации. Мне много раз предлагали вступить в партию, чтобы получить ещё более высокую должность. Но я никогда не соглашался на это. Я много ездил по Эстонии, и в этой отрасли тогда работало много евреев, с ними мне приходилось много сотрудничать. В Вильянди это был Блумберг, директор кинотеатра. Это был очень жизнерадостный человек, он знал много хохм, баск. Он соблюдал Шабат, и в субботу его кинотеатр не работал. Тогда же я познакомился с тартуским евреем Копель Свитским.

Когда закончилась война, в Тарту было около 200 евреев. Ни синагоги, ни Торы не было. Евреи собирались в одном доме. Там была одна большая комната, другая — маленькая. Так как мой отец долго был председателем Тартуской общины, я почувствовал, что мне хочется помочь восстановить синагогу в Тарту. Написали заявление в горсовет, и нам сразу дали старое деревянное здание, где на втором этаже было помещение для исповедующих ислам, а внизу — синагога. Там всегда у меня возникал страх, что мусульмане что-то со мной сделают... Тартуская община организовала там же библиотеку еврейских книг. Сейчас уже трудно в Тарту собрать мишьян, но тартуские еврейки — замечательные женщины, всегда приходят в синагогу и до сегодняшнего дня. В Тарту был очень известный профессор Столович. Был очередной Шабес, пришло 10 евреев. И тогда же пришёл профессор Столович. Вдруг он встаёт и говорит: «То, что вы молитесь, это не входит в мою душу, разрешите я уйду. Я, по существу, неверующий еврей». И тогда я ему рассказал, что такое еврейство и что такое холокост... Он остался... и потом приходил ещё.

После войны и в Таллинне никакой синагоги не было. Когда я переехал жить в Таллинн, я себя чувствовал чужим да и с таллинскими евреями не был знаком. Потом стал принимать участие в жизни еврейской общины. Сначала евреи собирались на квартире Гуриной на Пярну мантэ. Потом организовали первый молельный дом на улице Магдалеэна в Таллинне. Сердцем этого молельного дома был Сломка. В Таллинне была синагога и одна Тора. А я знал, что во время войны, когда привозили евреев эшелонами в Тарту и везли в лагеря на расстрел, у некоторых евреев были с собой Торы. Возле вокзала их заставляли бросать эти Торы. Я стал искать, куда же делись эти Торы. Солдаты Торы не трогали, это не заслуживало их внимания. Кто-то мне сказал, что профессор Тартуского университета Пауль Аристез спас и хранил несколько Тор у себя. Затем эти Торы были переданы в Государственный эстонский музей. В 2002 году мне поручили найти эти Торы и отобрать из них кошерные. Директор музея сказал мне, что отдать Торы он не имеет права, может дать их только на временное пользование с обязательством возврата. Я попросил Торы, чтобы их проверить. Я взял тогда с собой талес, расстелил его на столе... и... две сотрудницы притащили мне огромную корзину из-под белья, и ... там лежат Торы. Я выложил все Торы, кошерными оказались три Торы. Мне трудно передать свои чувства, когда я прикасался к этим Торам... Я знал, что перевозить их открыто — очень опасно. Я поехал в маленьком рейсовом автобусе. Запакованные в три тюка Торы я положил в багажник, как обычные вещи. Уже когда привез Торы в синагогу, я взял первую Тору, приложил Её к сердцу и пошёл через двери в другую общину, где меня все встречали. И все трудности, которые мне пришлось испытать в жизни, сразу забылись... Потом я выпросил тартуские Торы тоже, нам дали три Торы для Тартуской синагоги. Еврейская религиозная община Эстонии обратилась в Министерство внутренних дел, что Торы нужны синагоге для проведения ритуала. Периодически нам присылают письмо, чтобы вернуть Торы. И каждый раз мы просим продлить ещё на два года срок пользования Торами. В молельный дом на Магдалеэна я ходил регулярно, принимал участие в молитвах, во всех праздниках.

Так как с детства знал многое, как должна проходить служба в синагоге, то я всегда помогал в этих вопросах. Я помогал решать и многие хозяйственные вопросы. В этом молельном доме хазан был Илья Дубин. Туда приходило много евреев и на обычные молитвы по понедельникам и четвергам. Я прихожу в синагогу, потому что это моя обязанность и кроме того, это память о моём отце и о моём дедушке, который имел в Тарту свою собственную синагогу. Эта синагога была на улице Кастанни. Дед имел свой миньян, он был любовический хасид.

Сейчас я работаю габэ в Таллиннской синагоге. Я думаю, мне удалось сделать так, чтобы службы в синагоге проходили не как разговорное мероприятие. Чтобы когда читают Тору, было бы погружение в смысл написанного. Я позаботился, чтобы у нас были молитвенники. Я считаю, что разъяснение основ иудаизма снимает причину для антисемитизма. Я выпускал газету, проводил лекции на эстонском языке о еврейской жизни в Эстонии. Я обнаружил, что эстонцам очень интересно, что я рассказывал, они мало, что знали. Иногда у них было только детское воспоминание «Ох, эти проклятые евреи...». Я - за толерантность, так как нетолерантность усиливает антисемитизм. Трагедия моя в том, что боль других переходит ко мне в сердце, и это — огромный груз. Вместе с Раввином мы решили в Таллиннской синагоге возродить традиции Тартуской синагоги. Например, каждый еврей в синагоге должен иметь своё место, это приближает его больше к синагоге. Желаящие могут также выкупить место в синагоге на всю жизнь с правом передачи места наследникам. У нас прекрасная синагога. И моя мечта, чтобы она была полностью заполнена евреями так, чтобы даже всем не хватало места. Моя мечта сделать так, чтобы каждый мог и хотел бы сюда приходиться. Чтобы люди чувствовали своей душой, всем сердцем, что они - евреи. И что без Б-га нет жизни на Земле. Мне кажется, что самый простой способ — это изучать больше иудаизм. Я сейчас пишу книгу «Что делать, если не знаешь, как быть», я думаю, что книга поможет многим ответить на их вопросы. Сейчас в синагоге созданы все условия, чтобы евреи могли делать так, как подсказывает им совесть и сердце.

Единственное, что надо — это надо ХОТЕТЬ и ещё раз ХОТЕТЬ. Один из рычагов, который этому способствовал бы, это объединение всех евреев. Чтобы на всех службах в синагоге было столько людей, как в Йом-Кипур, когда не хватает мест. И... дай Б-г, тогда мы построим новую синагогу.

**Б-Г ДАЛ НАМ ТОРУ , МЫ ОБЯЗАНЫ ЕЁ
ИЗУЧАТЬ И ИСПОЛНЯТЬ.**

МИХАИЛ БРОНШТЕЙН

И ТОГДА МЫ
БУДЕМ ДОСТОЙНЫ
УВАЖЕНИЯ И БЫТЬ
Б-ГОМ ИЗБРАННЫМ
НАРОДОМ!

Я родился в Петрограде 23 января 1923 года в бедной еврейской семье. По отцовской линии мой прапрадедушка был при Николае Первом кантонистом. Кантонист - это тот, кого мальчишкой брали в царскую армию, и он 25 лет(!) служил. Евреев в кантонисты брали даже не в 17-18 лет, а совсем мальчишками. Когда кантонист заканчивал службу, он имел право поселиться вне черты оседлости. Мой прапрадедушка выбрал Санкт-Петербург. И поэтому все мои родные по отцовской линии были петербуржцы. Он и его дальнейшие потомки по профессии были ремесленниками по чёрному металлу. Наверное, все знают русскую сказку о Левше, который мог подковать блоху. Так вот мои прадедушки были из породы Левшей: они из металла могли сделать всё, любую вещь. Дедушку звали Исаак, бабушку звали Дыня, Они были очень добрые.

По материнской линии мои предки из белорусской деревни. Они еврей-крестьяне. Сначала они жили в еврейском местечке, потом переехали в деревню. Дед пахал землю и также делал дёготь. Бабушка держала коров, куриц, вела домашнее хозяйство. Я их помню очень смутно. Моя мама, София - простая крестьянка, она кончила три класса церковно-приходской школы. Когда свершилась революция, мама переехала в Петроград. Сначала она работала на швейной фабрике. В эти годы мама познакомилась с моим отцом. Отца звали Лазарь Исаакович. Хотя отец школ не кончал, он был очень образованный, так как очень много читал, у него было самообразование. Отец прививал мне любовь к чтению, научил меня играть в шахматы и прочее...

Мои родители не были ортодоксальными евреями, но они справляли еврейские праздники. На Песах мама делала фаршированную рыбу, кнейдлики. Мамин старший брат был ортодоксальным евреем, он сам для всей семьи дома изготовлял мацу. Я помню, как мне, мальчишке, давали нож-звёздочку, и я нарезал дырочки на тесте. Этот мамин брат был портным, но у него дома собирались евреи для молитв, всегда собирался миньян, если людей для миньяна не хватало, тогда мне надевали кипу, и я присутствовал на молитвах.

Моя семья жила вместе с маминой сестрой в коммунальной квартире на Васильевском острове. Домашним языком был, обычно, русский, но когда хотели, чтобы дети не понимали, переходили на идиш. Поэтому я немного стал понимать идиш. Я был единственным ребёнком в семье. В 7 лет меня отдали в школу. И в это время отец разошёлся с мамой. Но я безумно любил отца, и отец безумно любил меня. Мы не могли жить друг без друга. Отец уже было решил вернуться в семью, но случилось непоправимое: у отца произошло помутнение рассудка, он попал в психиатрическую больницу, там схватил воспаление лёгких, и в 30 лет отец умер...

Во дворе, где мы жили, евреев не было. Там были конюшны, и жили грузчики. Это были грубые люди, шпана с мальчишками-соседами я не дружил, потому что они меня обзывали жидом...

Тогда в Петрограде существовали национальные школы, в том числе и еврейская. Еврейская школа была ближе всех к нашему дому. Мама отдала меня в эту школу. Это была обычная школа, где все предметы велись на русском языке. Но в школе преподавали еврейскую литературу и идиш. В еврейской школе было два основных контингента — питерские евреи и местечковые евреи. Для питерских - родной язык был русский, для местечковых — идиш. Иврит нам не преподавали. Мы все жили дружно. Если диктант или сочинение были на русском языке, местечковые списывали у питерских. Если это было на идиш, тогда наоборот, питерские списывали у местечковых. Директором школы был Кисенгоф — образованнейший человек, фольклорист и одновременно математик. В 1937 году он был арестован, через 2 месяца его выпустили, но вскоре от полученных побоев он умер.

В 1934 году все национальные школы в Питере были ликвидированы и становились русскими школами. Мы все продолжали учиться в нашей школе. Потом все еврейские мальчики, девочки из школы прошли войну... Когда после войны мы собрались, из двух параллельных классов осталось 5 человек... Я получил блестящее образование, особенно вне школы: во Дворце пионеров ходил в кружок “Мировой литературы”, великолепно знал литературу, писал стихи.

Я посылал стихи в «Пионерскую правду», редактором которой был тогда С. Маршак. Он их заметил, позвал меня и сказал: «Из Тебя может получиться хороший поэт». Я и сейчас пишу четверостишья, «Бронники» - так мы их называем в нашей семье. В это время кружке, помню, сделал доклад «Скопен и Фигаро», в котором доказал, что Скопен - это прообраз Фигаро. Мне было тогда лет 12. В школьные годы занимался также в научном кружке химии при Ленинградском университете. За три года в этом кружке прошёл всю чистую химию (органика, неорганика, аналитика), что было равнозначно курсу в университете. И всё это было бесплатно!

Школу закончил в 1940 году, мне было 17 лет. Поступил в Химико-технологический институт на военный факультет по специальности «Пороха и боеприпасы». В 1941 году, 22 июня, вижу какая-то толпа слушает речь Молотова, который объявляет о начале войны... Мама, её родственники остались в Ленинграде, пережили блокаду и затем были переправлены через Дорогу жизни, Ладогу. Так они смогли выжить. Я и другие ребята с моего курса, скрыв, что имеем бронь от армии, пришли наниматься добровольцами в Красную армию. Нас послали учиться в военное Зенитно-артиллерийское училище. После училища прошёл всю войну и закончил её в Германии. Там я заинтересовался общественно-политической литературой, прочитал и всего Гитлера, и всего Геббельса, и всего Маркса... Хотел понять, почему человечество пришло к такому безумству. Труды К. Маркса мне понравились и поэтому увлёкся экономикой.

Так как я был кадровый офицер, служил ещё в армии, то заочно поступил учиться на экономический факультет Ленинградского университета по специальности политэкономия. В 1949 году, когда был студентом второго курса заочного отделения, меня демобилизовали. Я обратился к декану с просьбой перевести меня на стационар. Но именно в это же время, в 1949 году, началась война с космополитами, все евреи автоматически становились космополитами - дело врачей, дело Михоэзса... Декан мне ответил отказом. Я попросил у него объяснения причины отказа. Он не стал объяснять.

Я жёстче потребовал объяснения - он не отвечал. Разговор стал резким... Я был офицер, к оскорблениям не привык, ходил в гимнастёрке, на груди — ордена... и я замахнулся полевой сумкой... Меня исключили из университета., затем с трудом восстановили на заочное отделение...

Средств к существованию у меня не было, мама в это время работала в библиотеке уборщицей. У меня - святая мать, лучший и добрейшего человека я не знал... Мне уже пора было матери помогать, а не наоборот. Я устроился во дворе нашего дома в гараж заряжать аккумуляторы. В это время познакомился со своей будущей женой Беллой. Она тоже была студенткой и помогала мне в учёбе. Семья жены была крайне бедной. Отец погиб в блокаде, а мама была работницей. Я умудрился за 2,5 года закончить университет с отличием, с красным дипломом. Стал искать работу. Внешне я был 100% ариец: блондин, голубые глаза, нос прямой... Я приходил в ВУЗ: «Вам нужен преподаватель по политэкономии?» «Да-да. Заполняйте анкету». В анкетах была пятая графа - национальность. Они смотрели и отвечали: «Позвоните завтра». На завтра я получал ответ: «Мы нашли более опытного преподавателя».... Так я прошёл 10 ВУЗов! Так же пытались найти работу Ю. Лотман, жена Ю.Лотмана Зара Минц, Вольперт Лариса, так же Р. Блум, так же Л. Столович... Мы все потом познакомились в Тарту.

В Тарту служил мой армейский друг, он и предложил мне переехать в Тарту. Ректор Тартуского университета согласился взять меня на работу, но сказал, что русские группы будут только через два года. Поэтому на эти два года я устроился учителем в школу. Мне дали комнату за стеной. Там не было ничего - ни туалета, ни душа... Хорошо, когда вечером шла современная пьеса, тогда под видом героя пьесы я проходил через сцену в туалет, а если шла костюмная пьеса, то не мог даже в туалет попасть ... Но это были лучшие годы моей жизни... меня очень любили ученики. Я преподавал логику, психологию и историю. Одновременно был режиссёром драматического кружка и тренером волейбольной команды.

Ученики вечно торчали в моей комнате. Это было самое весёлое время в моей жизни.

Через два года начал преподавать в Тартуском университете политэкономии. Тогда в Тарту появились Ю. Лотман, Р. Блум, Л. Столович - знаменитая тартуская ленинградская школа. Это очень талантливые и высокого человеческого уровня люди. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию. В это время ректором Тартуского университета был питерский эстонец Фёдор Клемент - это очень важная историческая личность. Это Фёдор Клемент принял на работу всех вышеупомянутых питерских учёных. Для него был только один критерий - учёный ты или не учёный. Во времена Ф. Клемента Тартуский университет вошёл в пятёрку лучших университетов Советского Союза.

Когда мы были молодыми, особенно не задумывались над тем, евреи мы - не евреи... Нашими друзьями были и евреи, и не евреи. Во время борьбы с космополитизмом всегда подчёркивал, что я - еврей, всегда выступал против антисемитизма. Довольно часто ездил в Петербург, и в трамвае можно было услышать: «Эти жиды... вот дело врачей, они хотели всех нас истребить... евреи не воевали, ...они прятались по тылам...» Я вставал и говорил: «Я - еврей, прошёл всю войну от начала и до конца, награждён боевыми наградами. Всё, что вы говорите, всё это ложь!» Несколько раз приходилось даже драться....

В Тарту у нас родились сын, 1954 года, и дочь, 1958 года.

Я глубоко чту свой народ, потому что он прошёл через тысячелетия, через страшнейшие испытания, которые продолжаются и сейчас, - и сохранился как народ! Еврейский народ показал высочайший пример и профессионализма, и выживаемости. Наш народ сохраняется потому, что для него на первом месте - это семья, дети.

Сейчас мой сын - бизнесмен, и он является основным спонсором новой Таллиннской синагоги «Бейт Белла». 5,5 лет тому назад умерла моя жена. В память о моей жене, своей маме, сын решил пожертвовать на строительство синагоги.

Я тоже вхожу в попечительский совет Фонда семьи Бронштейн нашей синагоги. Являюсь членом религиозной еврейской общины. Сейчас я верующий человек, стал читать Тору, хожу в синагогу, молюсь утром и вечером.

Я глубоко уважаю Раввина. Считаю Раввина замечательным человеком. И это одна из причин, по которой я пришёл к вере. Я считаю, что у нас самый порядочный, чelовечный Раввин, чтящий все еврейские Законы, у него широкий взгляд на жизнь и бытиё. По общему признанию, синагога превратилась в один из лучших культурных центров нашего города.

Евреи - Б-гом избранный народ. Но Б-г избрал нас довольно сурово, Он поставил нас в очень жёсткие условия. Генетически евреи не умнее всех на свете, как многие думают. Среди евреев столько же умных, столько же середнячков, столько же дураков, как и среди других народов. Этому я убедился в школе. Но Б-г, послав великие испытания для евреев, поставил их перед проблемой выживаемости: или ты профессиональнее других, лучше знаешь своё дело, больше заботишься о семье, больше и лучше воспитываешь детей, то есть во всех отношениях ты более профессионален и более заботлив - или ты идёшь ко дну.

Мировой антисемитизм был и, к сожалению, никуда ещё не исчез. Я делю людей и страны на обучающиеся системы и не обучающиеся системы. Обучающаяся система среди народов - это евреи. И оказалось, что обучающаяся система - это и немцы. Сейчас в Германии антисемитизм и национальная нетерпимость - это самые большие преступления.

Когда я был с делегацией Президента Эстонии Леннарта Мери в Израиле, меня Израиль вообще поразил. Вначале мы были в музее Холокоста. Всем членам делегации было печально смотреть, что на карте 1942 года изображена Эстония, где написано: «Juden frei». И на приёме у Президента Израиля Леннарт Мери сказал: «Да, это тёмная страница в истории нашей страны. Сейчас мы уважаем наших евреев. Здесь, среди нас находится мой учитель, мой преподаватель и крупный учёный, мой советник академик Михаил Бронштейн. Мы с глубоким уважением относимся и к нему, и к нашей еврейской общине, и к тем евреям, которые живут и работают в нашей стране».

Эти прекрасные слова я помню всю жизнь. Леннарт Мери был мой самый умный студент. В то время, когда я ещё был нечто вроде ортодоксального марксиста, он понимал всю историю.

В девяностых годах прошлого века я был членом горбачёвской Комиссии последнего Верховного Совета по признанию независимости Эстонии. Тогда был установлен очень жёсткий Закон, согласно которому должно проголосовать более двух третей всех живущих, в том числе и в армейских подразделениях, чтобы независимость Эстонии была признана. На Референдуме 1991 года евреи поддержали восстановление национальной государственности Эстонии. По своей природе евреи очень чувствительны к любой несправедливости не только к своему народу, но и к другим народам.

Потом эстонская делегация поехала по Израиле. Тут уже я загордился перед Леннартом Мери. Представьте себе, камни, очень плохая почва, засушливое лето без дождей... Для израильтян - это совершенно нормально. Особенно всю эстонскую делегацию поразили кибуцы. К. Маркс, тоже, кстати, еврей, со своей идеей построения нового общества оказался утопистом. В кибуцах евреи оказались не утопистами, а сделали то, чему поклонился бы даже К. Маркс. Что такое кибуц? Это коммуна, даже не кооператив, где, действительно, от каждого - по способностям, каждому - по потребностям. В кибуцах евреи работают не за высокие зарплаты, а работают за идею и потому в кибуце уважают всех. Образование и среднее, и высшее на высоком уровне обеспечивается всем детям кибуца за счёт средств кибуца. Прекрасное социальное обеспечение, прекрасное здравоохранение, Кибуцник должен работать не потому, что его заставляют, а потому что, если ты не работаешь, тебе стыдно, на тебя смотрят, как на недочеловека. И вы представляете, на этих камнях, песке растёт очень много зелени, так как к каждому растению подведена капельница! На этих землях собирают самые высокие урожаи в мире! На этих землях, на этих камнях, где, кажется, коровам негде пасти, - самые высокие удои в мире!!!

В Израиле мне предлагали остаться. На это я вежливо сказал: «Вы создали прекрасную страну, изумительную страну. Но я в этом не участвовал, к сожалению, я не участник восстановления еврейской государственности. Но я восхищаюсь!» В этой поездке по Израилю я возгордился своим народом - народом, которого считают народом торговцев, банкиров, а евреи оказались и самыми лучшими земледельцами! Могу добавить и о моих предках по материнской линии, о которых говорил выше. Я горжусь тем, что мои предки были лучшими земледельцами в той белорусской деревне. То есть гораздо раньше, чем кибуцы, они показали всё, на что способны евреи.

Я обращаюсь ко всем евреям. Трудные времена всегда воспитывали в евреях самые лучшие качества. Весь мой опыт жизни говорит о том, чтобы нам выжить, чтобы наши дети, внуки, правнуки, весь наш народ существовал до конца, сколько ему даст Б-г, нам надо быть более умелыми, более профессиональными, быть стойкими и терпимыми, быть добрыми, стараться не силой насаждать, стараться убеждать. Стараться и в простом, человеческом смысле, помогать бедным, немощным, не спускать никому оскорбления, проявления антисемитизма, проявления грубости, попытку обидеть другого еврея, попытку обидеть наших женщин, наших детей. Здесь мы должны быть рыцарями.

И тогда мы будем достойны уважения и быть Б-гом избранным народом!

Я хочу пожелать всем евреям, чтобы у них было всё хорошо, чтобы все выстояли в эти трудные времена.

Моё первое еврейское воспоминание называется «Мокрая-Калигорка». Я ничего не знал про это место, никогда там не был, просто мой дедушка часто говорил: «Это, как в Мокрой-Калигорке», а моя бабушка иногда говорила: «Ох, это так хорошо, как у нас, в Мокрой-Калигорке». Мои бабушка и дедушка, со стороны отца, родились в местечке Мокрой-Калигорке (Киевская область), это была черта оседлости. И сколько я их помню, у них всегда были воспоминания об этой Мокрой-Калигорке, иногда мне даже казалось, что это всё вымысел, что я это читал у Шолом Алейхема... У каждого дома, семьи в этом местечке были свои «функции» - вот этот был местечковый «хулиган», вот эта женщина - «гулящая»... И мне представлялась эта Мокрая-Калигорка сборищем интересных персонажей из еврейской жизни. Бабушка и дедушка не говорили на русском, мне это казалось странным и очень меня раздражало. Теперь, через много лет, я очень жалею, вместо того, чтобы учить идиш и вслушиваться в язык, я всегда очень нервничал. И в детстве, когда мы жили в Донецке (тогда Сталино) и гуляли с бабушкой, дедушкой по городу, они говорили на идиш, я даже стеснялся. Я даже не знал, что это еврейский язык, мне казалось, что это странный язык, на нём говорить не надо.

Теперь, через много лет, я понимаю, что моя бабушка изумительно готовила: там были какие-то гениальные шейки, какие-то бульоны, какие-то мацеллах, кнейделах и т.д. Но тогда я этого тоже не понимал, и когда приезжал к дедушке, бабушке, и бабушка старалась мне приготовить всё самое лучшее, что мне должно было бы понравиться, мне всё не нравилось. И бедный мой дедушка ходил через дорогу в столовую-самообслуживания и покупал мне там борщ, чтобы я не был голодным.

В Мокрой-Калигорке начались погромы, и они уехали от этих погромов в Донецк. Там у них был родственник дядя Мошке. Он был старьёвщиком, его знал весь город Донецк, Он садился на лошадь..., у него были свистульки...

АЛЕКСАНДР ЦУКЕРМАН

«У ЕВРЕЕВ СЕГОДНЯ
ПРАЗДНИК.

МЫ ПРИШЛИ В
СИНАГОГУ С КОЛЬКОЙ:
ЧТО ЛИ БИЛИ ИХ
МАЛО РАЗВЕ?..

А, СМОТРИ-КА,
ОСТАЛОСЬ СКОЛЬКО!»

.....
А ЕВРЕИ ТАНЦУЮТ

«ФРЕЙЛЭХС»,
ЧТО ПО-РУССКИ
ЗНАЧИТ «ВЕСЕЛЬЕ»

Дядя Мошке разезжал по городу и с чудовищным еврейским акцентом кричал: «А у кого есть лишние мусоры?!», имея в виду лишний мусор. Все выносили ему «лишние мусоры», и взамен он давал им свистульки. И, видимо, дядя Мошке совершал даже должностное «преступление», когда он уже был старенький, он мне потихоньку давал свистульки, хотя тряпки я ему не сдавал

Дедушку, с маминой стороны, я не помню по причине того, что дедушку в 1937 году арестовали, а потом убили. Он был директором какого-то банка. Его сначала обвинили в еврейском национализме, хотя дедушка даже совсем не знал еврейского языка, был уже совсем таким обрусевшим человеком. А одно из обвинений было то, что дедушка и бабушка всё время ели фаршированную рыбу. И его шофёр, которого все так любили, бабушка его называла Васечка, этот Васечка часто бывал у них дома, так этот Васечка подписал документ, подтверждающий, что они ели фаршированную рыбу, им Васечка говорил, что надо бы есть нормальную еду. Ещё дедушку обвинили в том, что он со своими братьями и ещё с кем-то по заданию БУНДа (гайная еврейская организация) хотели прорыть туннель из Донецка в Киев, (примерно 1000 километров), чтобы убить товарища Косиора (Первый секретарь ЦК компартии Украины в то время). Дедушку расстреляли, когда ему было всего 35 лет(!)

При всём том, что моя бабушка была прирождённая коммунистка и считала себя очень космополитичной, её арестовали через две недели после дедушки. Бабушку арестовали как тайного члена БУНДа. Бабушка даже это слово никогда не слышала, первый раз слово «бунд» она услышала на допросе. Следователь спрашивал у бабушки: « Ну, расскажи, как ты вела сионистскую пропаганду!», а бабушка даже не слышала об этом ничего! И бабушка была обвинена как еврейская националистка. Более того, моя бабушка во время революции 1905 года прятала у себя в подвале Никиту Хрущёва(!) (будущий генеральный секретарь ЦК компартии СССР) от царских жандармов. Одна из статей обвинения была очень интересная. Кроме того, что она еврейская националистка, она будто бы находилась в прямой связи с Жаботинским.

Бабушка даже через много лет не понимала, кто же был этот Жаботинский. Когда она один раз по радио услышала о спортсмене Жаботинском, она воскликнула: «О, так это, наверное, был его отец!». Ещё интересно, что одним из обвинений бабушке было то, что у неё при обыске нашли подшивки журнала «Большевик». Во время обыска эти журналы рвали и что-то там искали. И бабушка у НКВДшников спросила: «А что, журнал «Большевик» запрещён?» Потом, когда мы читали её Дело, то там было написано, что она требовала запрещения журнала «Большевик» прямо в присутствии следователя и выступала с антисоветскими лозунгами.

Арестовывали по очереди — через день, ещё через день, через два дня... Ещё до своего ареста бабушка носила кому-то передачи, кого раньше посадили. Бабушка вспоминала, как первую ночь в тюрьме некоторые женщины в камере были в вечерних платьях, так как их арестовали прямо на каком-то празднике. И две женщины разговаривают, и одна другой давала рецепт пирога. Они были уверены, что это какая-то безумная ошибка. Что вот завтра утром всё выяснится, и она придёт домой и спечёт пирог. Первая ночь была самой страшной, потом как-то «привыкли»...

После ареста бабушку отправили в голодную степь, ужасные лагеря в Казахстане. Их повезли в вагонах для скота. Во время дороги до самого лагеря их кормили селёдкой и всякими солёностями и не давали, практически, пить. Они страшно страдали, мучались от этого. В вагонах не было никакой вентиляции. Дорога была долгой, долго стояли на каких-то станциях.

Лагерь назывался АЛЖИР (акмолинский лагерь для жён изменников родины). Когда приехали в Акмолинск, это было совершенно пустое место, ничего там не было. Через много лет, когда я со своей программой «Субботея» поехал на съёмки в Казахстан, то побывал в этом лагере и нашёл книги за 1937 год, в которых нашёл имя моей бабушки и её сестры, какого числа они поступили..., запись, что бабушка — еврейская националистка... В Казахстане очень бережно относятся к прошлому, там много памятников, связанных с этим временем. Бабушке с сестрой несказанно повезло в этих лагерях, они поняли, чтобы их не разлучили, они должны скрывать, что они сёстры.

Дело в том, что у неё и её сестры были разные фамилии - где-то что-то в бумагах не сработало, и все 12(!) лет лагеря бабушка была вместе со своей сестрой. Это их спасло, вместе они выдержали.

Когда и бабушку после ареста дедушки арестовали, их три дочери (одна из них - моя мама) оказались на улице. Но тогда, прямо во время ареста, один из НКВДшников оказался хорошим человеком, он им сказал: «Завтра вас отправят в детский дом. Если вы до завтра успеете пойти к каким-то родственникам, и эти родственники скажут, что они вас берут, то вас не разлучат и не отправят в детский дом». И у нас в семье есть жуткое предание, что той страшной ночью 1937 года лил дождь, эти три девочки стучались к разным родственникам и рассказывали об аресте родителей. Некоторые даже не открыли двери, некоторые покормили, дали кусок хлеба и сказали, чтобы они уходили, некоторые говорили, что с врагами народа они не хотят общаться (кстати, и эти, которые так говорили, они тоже остаток жизни провели в лагерях). И только одна бабушкина родная сестра, тётя Соня, взяла этих трёх девочек. После этого тётю Соню исключили из партии, ещё кое-какие неприятности были. Эта тётя Соня спасла жизни своих племянниц, она вырастила и воспитала их. Они вместе пережили войну, были в эвакуации. Она всем им помогла получить высшее образование, для этого работала день и ночь, отчего впоследствии заболела туберкулёзом...

Мой папа был гораздо «больше еврей», чем мама. Родители отдали его в еврейскую школу. Тогда это была Донецкая первая еврейская школа. До 8 лет папа вообще не говорил по-русски. Тогда началась война с национализмом. В 1929 году еврейскую школу закрыли. Папа перешёл в украинскую школу. Там его посадили за парту с девочкой, которая потом стала моей мамой. Мама рассказывала, что тогда её потрясло то, что пришёл новый мальчик, который был такой же, как все, но не знает ни русский, ни украинский. Маму звали Сима Пикулина, а папу звали Давид Цукерман. С тех пор, как они сели за одну парту, вот так вместе они прошли всю жизнь вдвоём. Вместе перенося все испытания, а тяжёлых испытаний много выпало на их долю...

Когда я сейчас смотрю на фото их класса, то вижу, что три четверти там были евреи. Но это тогда особо никто не понимал, это было совсем неважно в то время.

Всё шло хорошо до 1937 года, и ... всё рухнуло - родителей мамы арестовали, отобрали квартиру... Семья, с маминой стороны, абсолютно рухнула, остались только дети...

Мама закончила школу. Потом вместе с папой они поступили в Харьковский университет, папа - на юридический, а мама - на исторический факультеты. Всё шло к свадьбе, но ... началась война. Отца забрали на фронт, и там он был всю войну. А мама все годы его ждала. В 1946 году папина часть стояла под Бобруйском. Мама приехала к папе в гости, и они три дня ходили по Бобруйску, стесняясь спросить, где здесь ЗАГС. И тогда папу вызвали в политотдел и сказали: «А ты знаешь, что эта женщина - дочь врагов народа? Ты знаешь, что это может тебе всю жизнь испортить?»... Они поженились. И на следующий день папу уволили из армии, хотя до этого папа планировал остаться в армии. Родители вернулись в Донецк.

Начали всё с нуля. Квартиру отобрали - ничего у них не было. Жили с бабушкой и дедушкой в коммунальной квартире. Родился мой брат. Работу не могли найти... И опять они поехали в никуда — переехали в Луганск. Опять на работу никуда не брали. Маму не брали, потому что она дочь врагов народа, а папу не брали, потому что он её муж. Кушать нечего было. Наконец-то маму взяли в лекторское бюро. На грузовиках, кукурузниках она ездила, летала по области..., в дороге её укачивало... Она читала лекции о Суворове.

В 1949 году из лагеря вернулась мамина мама и стала жить вместе с ними. Это были страшные для моей семьи годы. В 1953 году началось Дело врачей. Пошёл слух, что всех евреев будут высылать. Мама в этот год была беременна, и ей советовали сделать аборт — хорошего нечего ждать. Мама аборт не сделала. И в 1954 году родился я.

Сталин умер. Стало чуть легче жить. Мама стала преподавать в пединституте, папа преподавал в торговом техникуме. В 1956 году Н. Хрущёв объявил реабилитацию. И папа поехал в Москву к Н. Хрущёву.

Там в приёмной написал письмо, о том что бабушка много лет назад прятала его в подвале. Прощение приняли, очевидно Н. Хрущёв вспомнил этот случай, и бабушка была первой, кого реабилитировали в Донецке.

Родители никогда не испытывали антисемитизма. Мама в то время даже не очень идентифицировала себя с еврейством. Она попала в еврейскую семью моего отца, где она не всё понимала. Папина мама научила её готовить шейки, потом моя мама была лучший специалист по шейкам. Бабушка также научила маму готовить фаршированную рыбу.

Папины родители остались жить в Донецке. Но мы часто навещали их. Бабушка очень переживала, что я не выучил идиш, не полюбил еврейскую еду и что моя мама импровизировала в приготовлении еврейских блюд. Особо у них возникал конфликт, что моя мама считала, что фаршированную рыбу не надо варить 5 часов, она считала, что 40 минут достаточно, она занятая женщина. И папа уговаривал маму: «Ну, Симочка, ну пусть она варится 5 часов, ну какая тебе разница»... Но всё-таки родители уже были советскими евреями: они имели пасхальную посуду, которую доставали и на Песах, и на 7 ноября, и на 1 мая... Моя бабушка пекла хомен-ташен, но она пекла их целый год, а не к Пуриму. Бульон с мацей они ели круглый год. Мацу они пекли сами. Я помню, как развешивали по дому бельевые верёвки, и на этих верёвках сушилось тесто для мацы, оно висело как наволочки... И я всегда просил у бабушки, чтобы она добавила сахар в тесто...

Первый раз по-настоящему еврейскую семью я увидел, когда мне было 7 лет. Мы всей семьёй поехали отдыхать в Батуми. Родители сняли там квартиру, и это оказалось семья ортодоксальных багумских евреев. Я таких не видел никогда... Они были поражены, что приехала семья евреев и не соблюдает никаких обычаев...

Никакого антисемитизма в школьные годы я не испытывал и особо не задумывался об этом. Но мне запомнился один случай. 9 мая папа одел свои ордена, и мы пошли с ним в город. Вдруг из подвезда вышел какой-то пьяница, подошёл к папе и сказал:

«Ну ты, жидовская морда, где ты купил ордена?»... И мой папа, при мне впервые, ударил человека... Папа, небольшого роста, полез драться на этого мужика!...

После школы я поступил в Москве в театральный институт. В Москве евреям было даже легче поступить, чем в Луганске. На медицинском факультете в Луганске вешали табличку «Все билеты проданы»... Я закончил институт на отлично, во время учёбы у меня даже была именная стипендия. После окончания института у меня было направление, как у лучшего студента, сразу в 5(!) аспирантур, но меня не взяли ни в одну. (Через много лет мне удалось узнать причину этого - на моём Личном деле над моей фотографией были написаны две буквы - «Е» и «Б» (еврей, беспартийный). Это был очень сильный удар для меня.

Ещё я вспоминаю массовые отъезды евреев. Эти прощания на вокзалах... Эта огромная толпа в Москве у Израильского посольства...

Когда в Таллинне образовалось Еврейское общество, первое торжественное открытие прошло в Русском драмтеатре. И вести этот вечер предложили мне. Первый, кто вышел на сцену театра, был я, и сказал: «Здравствуйте, евреи! Вы знаете, такую фразу прилюдно я произношу первый раз в жизни! Я произносил её много раз в компании своих друзей, я произносил её много раз в застольях, но чтобы был полный зал Русского театра, и я произносил эту фразу — это первый раз!» Это был замечательный вечер, было очень много людей., выступали многие известные люди...

Все еврейские традиции по-настоящему я увидел только в Эстонии. До этого их просто не знал и очень удивился, когда приехал в Эстонию и увидел еврейские обряды.

Мне очень нравится Таллиннская синагога! Ощущение огромного окна и неба - это блестящая идея! Первое моё знакомство с синагогой было, когда я пришёл делать передачу для «Субботеи». Ко мне вышел весёлый человек - наш Раввин, и у меня сразу возникло радостное ощущение. И радость - это очень важная вещь. Раввин Шмуэль был таким, как я это понимаю, еврей быть должен, как родной человек, родственник.

Мне очень нравится наш Раввин. Мне кажется, что он человек нового поколения, он - современный человек.

Еврейство - это чувство свободы! Еврей - это индивидуальность! Мне кажется, что евреем быть - это радость, радость принадлежать к хорошим весёлым хлебосольным людям, принадлежать к умным людям. И вот это чувство единения с такими людьми - это очень приятное чувство.

Мне очень нравится быть в Израиле. Мне нравятся там открытые окна, из которых пахнет хорошей еврейской едой. Мне нравятся там полные женщины, которые орудуют на кухне... Мне нравятся там молодые люди - весёлые, жизнерадостные... Мне нравится дух этой страны! Я сделал очень много передач об Израиле, многие получили призы на международных фестивалях, они были отмечены призами и на фестивалях в Израиле. Судьба у нашего народа очень трагическая, и, несмотря на это, сохраняется оптимизм.

«...А ЕВРЕИ ТАНЦУЮТ «ФРЕЙЛЭХС!...»

ХАНИ КОТ

Я ЖЕЛАЮ ВСЕМ
ЕВРЕЯМ, ЧТОБЫ
ХВАТИЛО СИЛ
ОХРАНЯТЬ БУДУЩЕЕ
НАШЕГО НАРОДА
И СОХРАНИТЬ
ЕВРЕЙСКИЕ
ТРАДИЦИИ

Родители моей мамы. Моя бабушка Рахель родилась в Гомеле, Белоруссии. Когда ей было 20 лет, вся её семья сделала алию в Израиль. Там бабушка встретила моего дедушку Якова.

Дедушкина семья репатрировалась в Израиль из-за океана, США. Дедушка Яков родился в Израиле. Тогда ещё государства Израиль не было. Дедушка был членом вооруженных формирований Эцель.

Дедушка и бабушка жили по еврейским законам.. После Хупы они поехали жить в Кфар Хабад, где жили такие же семьи, репатрианты. Время тогда было трудное. Там у бабушки с дедушкой были свой дом, своя земля, куры, домашние животные. Репатрианты в Кфар Хабад были как одна большая семья, жили очень дружно Их дома были без удобств, но, и все помогали друг другу. Например, если у кого-то была свадьба, никакого catering ведь тогда не было, то каждая семья готовила какое-то блюдо, так и получался красивый праздничный стол. В такой семье родилась моя мама Това. Всего у бабушки с дедушкой было 7 детей, мама была четвёртой.

С папиной стороны, мой дедушка Мойше родился в США. Там он встретил мою бабушку. Я точно не знаю причину, но когда уже у них родилось четверо детей, дедушка вместе с детьми сделал алию, а бабушка и вся её семья остались в Америке. Моему папе Аврааму было 13 лет, когда семья репатрировалась. Было очень трудно одним, без мамы... Папа мало говорил об этом, и я почти ничего об этом не знаю. Дедушка и сейчас живёт в Израиле, и мы все очень любим его, он для нас и бабушка, и дедушка вместе.

Мой папа учился в ешиве, он был способным учеником, и когда ему было 20 лет, папа стал раввином и преподавателем в ешиве. В это время его познакомили с моей мамой. Их хуа была в Тель-Авиве, потом семья переехала жить в Лод, это рядом с Тель-Авивом. Папа и мама всегда очень много работали. Мама работала учительницей в начальной школе. Она работала целый день в школе, всё время думала, как ещё лучше можно эту работу сделать, и поэтому много школьной работы готовила дома. Кроме того, у неё были маленькие дети, за которыми надо было ухаживать: она готовила еду, сама шила нам одежду, дома всегда был

идеальный порядок. Каждое утро она вставала очень рано, ложилась спать очень поздно. Я не помню, чтобы мама отдыхала, она всегда заботилась о своих детях. У мамы с папой было 12 детей. И до сих пор мама, хотя все дети уже взрослые, не может спокойно сидеть, отдыхать. Мой папа последние 15 лет жизни болел. И маме приходилось папе помогать и дома, и в больнице. У моей мамы нелёгкая жизнь, но мама никогда не жаловалась, что ей тяжело. Я всегда очень уважала своего папу. С одной стороны, он был очень серьёзным, с другой стороны, у него было очень много юмора. Даже, когда он уже тяжело болел, ему было трудно, мы этого не чувствовали. Он очень ценил время, старался не потерять ни одной минуты. Он вставал очень рано, был очень требовательным к себе, старался делать как можно больше. Несмотря на большой опыт работы преподавателем, он всегда готовился к каждому уроку. Весь его день проходил по строгому распорядку: синагога-миква-преподавание в ешиве-дома помогал маме-изучение еврейских книг-синагога. Он очень много изучал Тору. И чувствовалось, что Тора для него - самая дорогая Вещь. У него на столе всегда были книги, которые он постоянно изучал.

Я была первым ребёнком в семье. Родилась 6 тишрей 5740 года. И я помню, как мы всегда ждали, что у нас появится ещё ребёнок. И всегда радовались этому. И когда ещё один ребенок родился, у нас дома было очень весело и радостно. Когда мы были ещё детьми, мы не всегда хотели, но всегда помогали по дому. Нам, детям, никогда не было скучно, всегда было с кем играть. Особенно нам нравилось играть в «жмурки», когда мы должны были прятаться, и кто-то из детей должен был искать. Это была наша любимая игра в Шабат. Нашими играми во дворе были резиночка, скакалка...

Мы жили в доме, в котором жили только хабадские семьи. Возле дома был двор, и дети могли там играть без присмотра родителей. У нас было несколько спален, отдельно спальни для мальчиков, отдельно — для девочек. Телевизора дома не было. Хотя тогда ещё не было Интернета, но дома у нас был компьютер. Так как у нас было много детей, и все хотели поиграть на компьютере, то все знали, что каждый может играть по чуть-чуть, из-за этого мы не ссорились. Я училась в обычной школе. Это была школа Хабада.

В школе учились только девочки. Там мы учили все обычные предметы, а также Тору, еврейскую историю, еврейскую музыку. В этой школе я училась до восьмого класса. Помню, что всегда к экзаменам мы готовились компанией, не каждый отдельно. Для нас это было как тусовка, иногда учили на площадках у моря. Праздники в школе не справлялись, так как все праздники проводились и соблюдались дома.

Домом к Шабату начинали готовиться уже с четверга вечера. Мама всегда много готовила, ей всегда хотелось порадовать нас на Шабат чем-то новым, вкусным. В пятницу полдня она ещё была на работе и поэтому начинала готовить в четверг. Мы все помогали маме, убирали квартиру. На Шабат раскрывали большой стол. Часто у нас были гости. Мама зажигала свечи, папа стоял рядом, потом папа с мальчиками уходили в синагогу, а девочки собирались и молились вместе, иногда играли в какую-нибудь игру, иногда с нами была вожатая. Потом вся семья собиралась за красивым столом, делали кидуш. Каждый рассказывал, что он учил на этой неделе, обычно, из недельной главы Торы. Так как мы жили в таком окружении, где все соблюдали еврейские законы, то атмосфера даже на улице была особенной, На Шабат не ездили машины, все одеты в красивые одежды, магазины не работают...

Помню, как папа благословлял детей на Йом Кипур. На всех была праздничная одежда. Мама зажигала свечи. Папа был одет в специальный белый халат, наверх талес. Все мальчики стояли вместе, папа благословлял их, потом также благословлял девочек.

Это был очень волнующий святой момент. Капарот на детей папа делал обычно между Рош хашана и Йом Кипур. А взрослые делали капарот рано утром накануне Йом Кипур. Помню, как перед Йом Кипур, привозили к дому полную машину кур и петухов, Все семьи выходили на улицу и покупали этих кур и петухов. Так как мы жили в городе и каждый день живых кур не видели, то мы очень радовались, когда это время наступало. Смотрели за ними, кормили. После капарот несли кур к шойхету. и затем отдавали этих кур бедным семьям.

На мой день рождения у меня дома собирались все друзья, обычно это были девочки, которые учились в моём классе. Где-то 20 девочек. Мы сидели за столом. Сначала был духовный час. Каждая девочка брала монетку и опускала в купат цдака в честь того, у кого был день рождения, я читала главу Тегилим, которую подходит к моему мазаль, мы пели песни, играли в игры... иногда что-то делали по рукоделию... Каждый что-то желал имениннику, а я должна была принять какую-то хорошую обязанность на себя. Одно, например, я помню такое, что после еды я не буду уходить с места, пока не прочтут благословение. Помню, когда была ребёнком, мне это было трудно выполнить.

После обычной школы пошла учиться в тихон (гимназию), это отдельная школа, по окончании которой нужно сдавать государственные экзамены. Там я училась 4 года. Кроме обычных общеобразовательных предметов, в школе можно было изучать специальность, например, бухгалтера, владение компьютером, швей, идиш. Я учила специальность бухгалтера.

После окончания тихон продолжила учиться в университете Хабада «Бейт Ривка». Там изучала специальность учительницы по компьютерам. Проучилась три года, и в это время вышла замуж. Поэтому четвёртый год мне разрешили учиться заочно. Я выполняла письменные работы в Таллинне и посылала их в Израиль. Так я смогла закончить университет.

Встав взрослой, я не должна была сама искать себе женихов. Когда начала учиться в университете, мне было 18 лет. Мама сказала, что пришло время найти для меня жениха, и она будет говорить с шадханит. Шадханит - это обычная хабадская женщина, которая знает многих. У неё есть список юношей, девушек по возрасту, подходящих для шидух. В то время я была занята учёбой и особенно серьёзно об этом не думала. Когда было какое-то предложение, шадханит говорила об этом маме, и мама спрашивала у меня, что я думаю. Парни, которых предлагала шадханит, не были мне знакомы, иногда он был из другого города.

Вся информация была у шадханит, и мне уже говорили эту информацию. И когда мне было 20 лет, мама мне сказала об одном хорошем предложении. Он учился в ешиве, где папа работал преподавателем. Папа его знал как хорошего способного ученика. Мы несколько раз встречались, разговаривали. Все наши впечатления друг о друге, хотим ли мы дальше встречаться и т.д. мы говорили шадханит. Когда поняли, что наши взгляды по многим вопросам совпадают, мы решили пожениться. Тогда встретились родители, обсуждали, как будет проходить свадьба, об устройстве нашей дальнейшей жизни. Потом мы написали письмо к Любавическому Ребе, просили его благословения нашей женитьбы. Перед свадьбой я ходила в микву, в день свадьбы читала весь Тегилим.

Я думаю, что и в Эстонии необходимо делать шидух. Это очень важно, что еврей будет жениться на еврейке, а еврейка выйдет замуж за еврея. Мы евреи, но если еврейский парень женился не на еврейке, то его дети уже не будут евреями. Человек должен смотреть внутрь себя и подумать, почему он пришёл в этот мир. Есть причина, по которой Б-г послал его сюда. Б-г сотворил евреев и не евреев, у каждого есть свой путь в этом мире, есть своя ответственность. Если человек родился евреем, то он должен жить, как еврей. Есть правила, где написано, как мы должны жить правильно. Если мы, например, покупаем мобильный телефон и хотим использовать все функции, которые в телефоне есть, мы смотрим в инструкцию, где написано, как нужно использовать этот телефон. Также и мы должны смотреть в нашу Инструкцию-Книгу, как мы должны правильно жить. И наша инструкция — это, конечно, Тора. Там всё написано, как мы должны правильно жить, чтобы жизнь была лучше. И еврейская девушка должна выйти замуж за еврея. И это в Торе написано. Конечно, сейчас это нелегко, особенно в Эстонии.

Когда я была ещё маленькой, я иногда видела евреев, которые не носили кипу, не соблюдали традиции. И я спрашивала у мамы, почему это так. Она отвечала, что, может быть, они не знают об этом, может быть, они выросли в другой обстановке, может быть, им слишком трудно соблюдать... И с тех пор, когда я вижу не соблюдающего Законы Торы еврея, то так это и акцептирую.

В нашем районе жило много евреев из бывшего Советского Союза, которые ничего не соблюдали. Помню, когда мне было где-то лет 14, то с подругой мы ходили в район, где жило много репатриантов. Мы брали с собой пакет со свечами. Ходили по квартирам, стучали в дверь и говорили, что скоро наступает Шабат или праздник, у нас здесь свечи, может быть, тоже будут зажигать... Иногда это было не очень просто, так как иногда нас там встречала собака, которая начинала на нас лаять, и мы её немного боялись... Некоторые вообще не открывали дверь. Ещё была проблема, что мы знали только иврит, а репатрианты не понимали иврит, тогда мы просто давали им свечи... В основном нас встречали доброжелательно: «Спасибо, да, мы будем зажигать...» Ещё я помню на праздник Ханука мы с подругами собирались и ходили в дом для недавно приехавших репатриантов, ставили там спектакль про Хануку. Зрители были очень довольны. Также ходили в Дом престарелых, там тоже устраивали праздник, чтобы и им было весело в праздник. Также ходили в детские сады, школы, которые ещё не соблюдали традиции, рассказывали им про праздник, играли с детьми, детям было интересно.

В девятых годах началась большая алия. Любавический Ребе ещё задолго до начала большой алии предсказал, что ворота Советского Союза откроются. И что к этому надо подготовиться. Как раз у нас был такой концерт, темой которого была советская алия, там мы пели песню, одна строчка которой была на иврите, другая — на русском. Мы всегда думали, как помочь вновь прибывшим. Я помню, как масса людей пришла в синагогу на молитву Изкор. Для нас это было очень непривычно, что так много людей в синагоге. Мы помогали им читать молитвы. Помню, как в нашем районе стало большое число людей в магазинах, начинали слышать русский язык...

До того, как я и мой будущий муж решили жениться, мы оба хотели сделать шлихут, поехать в другую страну возродить еврейство - принести страну еврейский дух, возродить еврейские традиции. Чтобы еврейские праздники Йом Кипур, Суккот, Песах, Шабат и другие не были бы, как будто читал об этом в рассказах, а евреи будут жить такой жизнью. Даже, если евреи не каждую субботу зажигают шабатные свечи, они будут знать, что так должно быть. Мы всегда стремимся к этому, и наша работа ещё не закончена.

Постепенно, я думаю, всё больше женщин будут зажигать шабатные свечи, всё больше мужчин будут надевать тфилин. Уже в Таллинне несколько раз проводились Хупа, Брит-мила, раньше этого не было. Но работы ещё очень много. Когда решение о шлихут было принято, мы решили, что после свадьбы будем год в Израиле, потом поедem. Для шлихут нам предложили три места: Испания, Эстония, Болгария. Мы выбрали Эстонию. Первый раз мы приехали в Эстонию летом, тогда здесь было тепло. Мы не думали, что будет иногда очень холодно. Нас люди принимали хорошо, чувствовалось, что они рады, что мы приехали. Самый первый раз нас встретил господин Сломка, мы жили в гостинице. Вначале мне было очень трудно. Я знала только иврит, хотела говорить со многими людьми и не могла говорить... и мне приходилось молчать. Кроме того, я была занята с маленьким ребёнком. Для многих появление раввина было впервые в жизни, и многие хотели к нам прийти.

Мы приехали сюда для того, чтобы создать здесь еврейскую атмосферу, передать еврейские знания. Это наш идеал, и мы к нему стремимся. Каждый Шабат у нас собираются гости, мы уже к этому привыкли, и когда у нас нет гостей, даже дети спрашивают, почему нет гостей. Приходится, конечно, много готовить. И вначале было очень трудно, так как дома я никогда не готовила, у нас дома готовила только мама. Вначале для меня это был небольшой шок. Я ничего не знала - звонила по телефону маме в Израиль, и мама мне говорила, как это надо делать, как другое... Кроме того, на руках маленький ребёнок.

И с ним была проблема, так как детское питание, которое мы привезли из Израиля, ему не подходило. Надо было найти другое, а здесь нет кошерных молочных смесей... было трудно. Теперь у нас есть семь очень хороших детей. Каждый ребёнок особенный. Первый ребёнок — это сын Менди, мы назвали его в честь Любавического Ребе. Он добрый общительный мальчик. Он родился в 5761 году.

Второй мальчик Иешуа, 5762 года, он очень умный и серьёзный,

с ним очень интересно говорить обо всём, Третий ребёнок — дочка Муси. Она уже особенная, так как родилась после двух мальчиков. Она много помогает и хочет делать только добро. Её полное имя Хая-Мушка, но дома мы её называем Муси. Она родилась в 5763 году. Четвёртый ребенок у нас Яаков. Мы его назвали в честь моего и Шмуэля дедушек. Их обоих звали Яаков. Янкель родился в 5764 году. Он тоже добрый мальчик. Потом у нас родилась дочка Рэчи — полное имя Браха-Риши-Рахель, в честь моей бабушки. Она родилась в 5766 году. Она - наша принцесса дома. Она хочет, чтобы другие ей всё давали и подавали. Она очень умная. Следующий ребёнок у нас Йоси. Он родился в 5768 году. Скоро ему будет три года, и скоро у него будет праздник Опшерениш (первая стрижка). Мы его назвали Йосиф-Ицхак. Ицхак — так звали моего папу. Следующий ребёнок — это маленькая Блюми, Полное имя Шошана-Блюма в честь бабушки Шмуэля. Она родилась в 5770 году, Она такая хорошенькая, милая, все её очень любят, все хотят её держать и играть, она для детей как живая кукла. Дети любят играть друг с другом, им никогда не бывает скучно. Для меня очень важно, чтобы мои дети всегда выглядели хорошо, были красиво одеты и чистыми. И тогда люди видят, что каждый ребёнок имеет всё необходимое и также тепло и внимание. Если много детей, это не значит, что «дети родителей не интересуют, они только рожают». Надо молиться Б-гу, что у нас есть только 24 часа в сутках, и в эти 24 часа мы будем успевать всё, что мы хотим. Когда у меня был только Менди, мне было тяжело с одним, и я всё думала, как же я справлюсь, когда у меня будет два ребёнка. Когда у меня было два, я тоже думала, как мне будет трудно, когда у меня будет три... Сначала, когда дети были совсем маленькие, конечно, немного было трудно. Когда дети подрастают, они помогают друг другу, помогают мне, становится легче. Я не чувствую, что мне слишком сложно, несмотря на то, что родители не живут рядом, и нам не с кем оставить детей, чтобы куда-нибудь пойти. Но всё-таки, слава Б-гу, у меня есть тоже свободное время. Время — это такая вещь, что его можно делать и больше, и меньше. И всегда можно найти время для того, что важно.

Моё самое любимое занятие в свободное время — читать хорошую книгу, хороший роман. Я думаю, что каждая еврейская мама должна думать о следующем поколении. Как воспитать своих детей, чтобы они чувствовали, что они евреи. Уже закончилось советское время, когда сами родители были детьми. Они не получили еврейское воспитание - тогда нельзя было это сделать. Сейчас это можно, и родители должны думать, чтобы их дети чувствовали себя как евреи и выросли евреями. Необходимо, чтобы родители и дома соблюдали еврейские традиции — отмечали Шабат, еврейские праздники.

Я желаю всем евреям, чтобы хватило сил охранять будущее нашего народа и сохранить еврейские традиции. Несмотря на то, что здесь быть евреем намного тяжелее, чем в Израиле, нужно соблюдать все еврейские праздники, говорить детям, что они евреи, и учить детей быть евреями.

СОФИЯ РУБИНА

НА СВОИХ
КОНЦЕРТАХ ОДНУ-
ДВЕ ВЕЩИ Я ВСЕГДА
ПОЮ НА ИВРИТЕ.
ДЛЯ МЕНЯ ЭТО
ВАЖНО...

Расскажу о своих корнях. С папиной стороны прабабушка Белла рассказывала, что в детстве жила под Вильно. Она помнит, как её отец надевал талес во время утренней молитвы. Прабабушка вышла замуж за портного Пинхоса Рубина и переехала к нему в Ленинград. Прадедушка шил штаны и возил продавать их по деревням. В Ленинграде они жили в коммуналке недалеко от кинотеатра «Современник». Во время войны прадед Пинхос ушел в ополчение, был тяжело ранен, умер в блокаду от ран и от голода. Прабабушка Белла со старшей дочерью Милей остались в блокадном Ленинграде, их уже не ходячих эвакуировали по «дороге жизни» в город Глазов в Удмуртии. Моего деда Эммануила Рубина эвакуировали еще в начале войны из-под Ленинграда вместе с детским садом, который перед войной вывезли на дачу. Он рассказывал, как летели самолеты, а мальчишки бежали и кричали: «Ура!...» Потом эти самолеты развернулись и начали бомбить... Дедушка увидел свою маму Беллу уже после войны. Она нашла его в детском доме. Он сначала не хотел даже выйти к маме, подсматривал в щёлочку, не верил, что это его настоящая мама. Но понял, что это она и есть, и еще больше испугался: мама оказалась не молодая и стройная, а старая, толстая, с ногами, как у слона (ноги от голода после блокады разнесло водянкой). Сначала он убежал от ужаса, но потом все-таки вернулся поздороваться... Бабушка до самой своей пенсии проработала директором столовой в Глазове, в Ленинград не стала возвращаться – боялась, что в голодном городе младший сын Эммануил продолжит воровать. В детском доме он был маленький, но ловкий воришка продуктов на рынке. Ходил на «дело» со старшими детдомовцами – пока большие отвлекали внимание продавцов, он тащил всё, что плохо лежит. В детстве дедушка и дома «воровал» сладкое. В школу он не ходил пару лет, то ли по здоровью, то ли надеть нечего было. Зато читал запоем всё подряд – из всего подряд была мировая и русская классика. Так что нехождение в школу сделало его образованным человеком. В 7-м классе он помогал разбирать книжные завалы эвакуированных библиотек – так он иногда и ночевал в библиотеке, когда допоздна зачитывался. Дед стал уникальным специалистом по энергетике, всю жизнь проработал заместителем Генерального директора

металлургического завода по энергетике. Еще шутил, что он беспартийный, еврей, а начальник! Его проявившаяся в голодном детстве kleptomания впоследствии сублимировалась в страсть к коллекционированию книг. У моего деда уникальной коллекция книг и альбомов по искусству.

Я хорошо помню, как к прабабушке Белле на 85 лет в Глазов собралась вся семья. Нашлась к тому времени дочь прабабушкиной сестры, с которой они потеряли связь во время блокады. Было здорово! И очень вкусно – прабабушка была изумительно талантливым кулинаром. Старички отплясывали «Семь-сорок»... Прабабушка просила маму рассказать известный еврейский анекдот: «У еврея тоже есть и жена, и любовница, ... но он... любит... свою маму»

Прабабушка Белла была представительная дама, с красиво уложенной толстой косой на голове – волосы совсем не седые. Моя прабабушка Белла говорила на идиш со своими ровесниками, они собирались на праздники и дни рождения, пели веселые песни на идиш, даже танцевали забавно. Она умерла в 90 лет, несколько дней не дожив до юбилея.

Дедушка Эммануил с моей бабушкой Алей почти всю жизнь живут на Урале, куда попали по распределению после окончания политехнического института. Это небольшой город недалеко от Нижнего Тагила. Своей еврейской общины там нет, но сейчас евреев приглашают на праздники в Общину в Нижний Тагил и присылают на Песах посылки с мацей. Из своего детства я не помню, чтобы бабушка и дедушка справляли еврейские праздники. Это было советское время, и поэтому, я не думаю, что кто-то открыто мог справлять еврейские праздники. С детства мы часто проводим лето у дедушки Эммануила на даче в сосновом бору. Зимой приезжаем на каникулы покататься на санках и на лыжах. Это уже давняя семейная традиция. Я очень люблю своих бабушек и дедушек, а они просто обожают своих внуков – меня и брата Леона. Моему маму зовут Виктория, а папу - Павел. Мои родители подружились в девятом классе, когда вместе поступали в математический класс. Когда они собрались пожениться в 25 лет, папина мама испугалась – как это так неожиданно...

А папа напомнил: «Мама, мы знакомы 9 лет...». Мой папа—физик, старший научный сотрудник в Тартуском университете. Он увлеклся физикой с детства, в школе был отличником и получал высокие баллы в заочной школе при Московском Физико-Техническом Институте. После школы пытался поступить в МФТИ, но не прошел национальный ценз – ему сказали, что не готовят специалистов для Израиля. В результате, папа закончил университет в Томске, а магистратуру и докторантуру в Тарту – это уже из-за мамы. Маму интересовала филология. И именно в Тартуском университете. Она училась в Тарту в замечательное время, когда на кафедре русской литературы преподавали Ю.М.Лотман, З.Г.Минц, П.С.Рейфман, Л.И.Вольперт, а на кафедре русского языка М.А.Шелякин. Как-то Л.И.Вольперт спросила у мамы, кто ее бабушки, и мама назвала имя своей любимой бабушки Софьи Леонтьевны Жаботинской. Лариса Ильинична посоветовала маме расспросить бабушку подробнее о ее корнях. Оказалось, что моя прабабушка Софья – дочь еврея, купившего в 1912 году поместье у польского пана под Харьковом. Потом Первая мировая война, революция, колхозы, голод и ссылка на Урал в одном эшелоне с семьей Твардовских. У Ивана Твардовского подробно описана судьба семьи, которую выгрузили из вагонов в октябре в заснеженном уральском лесу около Новой Ляли. Мама читала своей бабушке эти воспоминания, и она подтвердила правдивость этих строк.

Я родилась в Тарту 19 сентября 1985 года. После моего рождения наша семья переехала в маленький город Эльва. На табличке «Эльва» при въезде в город какие-то шутники написали «Новый Иерусалим». В те времена город Эльва был любимым дачным местом для еврейской интеллигенции Москвы и Ленинграда. Там я ходила в детский сад, в музыкальную школу. При поступлении в музыкальную школу меня могли не принять по возрасту – 5 лет, а мне очень хотелось. Когда спросили национальность, я сказала, что еврейка. Экзаменаторы закивали головами: «Евреи – очень музыкальная нация». Мои родители очень любят музыку, и у нас дома всегда звучала хорошая музыка. Мы часто ездили на дизельном поезде из Эльва в Тарту на классические концерты.

Однажды папа на обратном пути после концерта за 40 минут дороги в поезде пропел наизусть всю сольную партию кларнета.

У меня самой настолько европейская внешность, что никогда не возникало никаких проблем с тем, что я еврейка, чтобы меня кто-то обзывал. Я родилась в такое время, что это уже не было острым вопросом в Эстонии. В детстве я ездила в еврейский лагерь в Сочи, там было очень много ребят из Ростова, Украины. Они рассказывали, что у них были проблемы, связанные с тем, что они евреи. И для меня это было странным, так как я никогда с этим не сталкивалась. Я думаю, что в Эстонии к евреям уважительно относятся. Когда мне было уже 7 лет, моя мама организовала частную основную школу, и мы всей семьёй переехали в Тарту. Я училась в этой школе. В Тарту была и воскресная еврейская школа. Вика Горштейн тогда была её директором. Я стала ходить в воскресную школу с 8 лет, пела там в хоре. Мы учили традиции, язык. Вика Горштейн - одна из тех людей, которые были сердцем общины. Сейчас она живёт в Америке. Ещё в этой школе преподавала Регина Фельдман. Она сейчас тоже живёт в Нью-Йорке. Эти две замечательные женщины очень много своей энергии отдали тартуской еврейской общине и ее детям. Сейчас, к сожалению, уже нет в Тарту этой школы, где я так много узнала о еврейской музыке, танцах, традициях. Там я занималась до 15 лет. Я всегда была в компании еврейской молодёжи, в студенческом обществе. Студенты много дискутировали на тему еврейства, справляли Шабат.

Теперь я живу в Таллинне, и у меня много друзей из таллиннской еврейской общины. У меня есть брат Леон, 8 лет. Он ходит в Еврейскую школу и строго следит за тем, чтобы мы справляли еврейские праздники – ведь в эти дни ему разрешаются разные вкусности и сладости без ограничения. Свои лекции о еврейских традициях Леон нам читает строгим голосом Лёвы Кемпа. После окончания школы, поступила учиться в “Berklee College of Music” в Америке. Школа “Berklee”— это одна из лучших в мире школ, особенно по джазовой музыке.

Мой первый учебный семестр я жила в районе Брайтона в Бостоне рядом с синагогой. Иногда туда ходила.

В конце мая, когда уже должна была из Америки уезжать домой на каникулы, я поехала на Шабат к своей бывшей учительнице из Тарту Вике Горштейн. Там собралось очень много народу, была и другая моя учительница из Тартуской еврейской школы Регина Фельдман с семьёй. Мы вместе так здорово провели Шабат! Это было так чудесно, так приятно! Я себя почувствовала чуть-чуть дома, потому что я была с людьми, которые мне дороги, которые привили мне любовь к еврейской культуре, и которых я знала с детства. Эти дамы живут в районе Бруклина. Это район небольших частных домов. В этот тёплый майский вечер некоторые окна были открытыми. Когда я после встречи возвращалась домой, то обратила внимание, что в каждом окне стоит менора, и семьи так же, как и мы, сидят и встречают Шабат!.. Это было так приятно видеть, показалось даже чем-то волшебным! Тогда я даже почувствовала себя больше в еврейской атмосфере, чем в Эстонии. Там, в Америке, еврейские традиции живут.

В школе, где я сейчас учусь, очень много еврейских студентов. Они из Израиля. Эти ребята очень талантливы, я думаю, они одни из лучших джазистов в Израиле. Вместе мы уже сделали несколько еврейских проектов. Например, мы играли клезмерские композиции, известные современные израильские композиции. В Америке живет много евреев. Когда мы давали концерты, нас очень тепло принимали и радовались нашему исполнению.

В Эстонии я участвовала в двух концертах в Таллиннской синагоге. Выступала с программой Еврейских псалмов в сопровождении органа в концертном зале Нигулисте, эту же программу представляла с хором Vox Clamantis ансамблем Notus Musikus. Участвовала в фестивале еврейской музыки и в Израиле.

На своих концертах одну-две вещи я всегда пою на иврите. Для меня это важно, и мне это нравится. Исполнители джазовой музыки редко делают джазовые интерпретации еврейской музыки, особенно в Эстонии. Я хочу записать диск с такой музыкой. Когда у меня берут интервью, я всегда говорю, что я — еврейка.

ЛЕВ КЕМПА

И МЕНЯ, ТОГО, КТО
БЫЛ У ИСТОКОВ
ЕВРЕЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В
НАШЕЙ СТРАНЕ,
КОГДА-НИБУДЬ
ВСПОМНЯТ ДОБРЫМ
СЛОВОМ...

Моя мама Буня Хаёт родом из западной Белоруссии, в то время это была территория Польши. Городочек, в котором она родилась и жила до войны, назывался Вилейка. Маминых родителей звали Рахель и Яков - вот такое совпадение! Бабушка всю жизнь была домашней, но работала дома, что называется, на еврейство, помогала, чем могла, местной синагоге. Мама рано вышла замуж, точнее, её рано выдали замуж. В 17 лет она уже родила первенца – моего брата Натана. Когда началась война, муж мамы был отправлен на фронт и, к сожалению, погиб. Бабушка, дедушка, их сын и дочь (моя мама), мамин сын были эвакуированы в Мордовскую АССР. Там они работали на торфоразработках. Потом мой дед стал служить завхозом в лагере для военнопленных немцев. Он мне рассказывал, что один пленный немец спас моего брата. Брат был ещё совсем маленький, годика три, упал в яму с водой, мог там захлебнуться, и немец его вытащил... После войны они вернулись в Вильнюс (в Вилейке жить было негде - всё разбомбили...). Дед сначала продолжил свою кожевенную деятельность, а потом стал служить кантором в Вильнюсской синагоге. Синагогу Вильнюс знали и знают во всём мире, так как она связана с Виленским Гаоном.

О родителях моего папы знаю очень мало. Отец родился в Варшаве. В 1939 году, когда началась война, вся папина семья попала в гетто... их повели на расстрел... рядом с папой шли два его товарища, они поняли, что нужно бежать... и бросились в лес... по ним стали стрелять... отца ранило в голову, он потерял сознание... и эти два товарища тащили его на себе... Вот так они, днём прячась, ночью передвигаясь, перешли границу с Советским Союзом. У отца, как и у его товарищей, естественно, никаких документов не было. К счастью, пограничники поверили их рассказу, о том, кто и откуда они, где и как перешли границу, и стали оформлять беглецам документы. У папы с пограничниками состоялся, примерно, такой диалог:

- Фамилия?

- Кемпа.

- Понятно, так и запишем. Имя?

- Авидгор.

- Что это за имя такое? Нет у нас таких имен! Будешь Виктором!

И по паспорту мой папа стал Виктором Лейбовичем. Ну, а я, почти через 10 лет – Викторовичем. Я очень много просил отца, поехать со мной в Польшу, посмотреть... Папа был уверен, что все погибли, и ни разу не захотел съездить, видимо, было страшно, не хотелось ворошить прошлое... Когда я был в Израиле в музее «Яд Вашем», искал в компьютерном каталоге какие-то следы... Мне была дана выписка, что под фамилией Кемпа около 20 человек в том месте погубило... Попав в Советский Союз, папа работал шофёром, как тогда называлось, на трудовом фронте, возил и снаряды, затем его направили в Вильнюс на восстановительные работы. Здесь он познакомился с мамой. Я родился в Вильнюсе в 1949 году, а через 2 года папу направили в Таллинн. Сначала он поехал один, обустроился, а потом и мы переехали к нему. Почти в каждом доме, если он не был разрушен, были двух-трех-четырёхкомнатные квартиры. Можно было занимать любую. Папа и выбрал... однокомнатную, в которой мы потом до-о-го жили и не только одной семьей!

Дома у нас не соблюдали еврейских традиций. Но так как раньше родители жили в Вильнюсе с бабушкой и дедушкой, то родители знали о Шабат и еврейских праздниках. Каждое лето, в детстве, я приезжал в Вильнюс к бабушке и дедушке на каникулы. Так как летом еврейских праздников нет, то я и не видел в доме празднований. Зажжения шабатных свечей я тоже не помню. Когда дед хотел со мной поговорить о еврействе, я ему отвечал: «Дед, ну какой там Б-г, я — пионер (позже — комсомолец), о чём Ты говоришь?» Помню, как он надевал какие-то черные коробочки на руку и на голову, и знаю, что он ходил в синагогу, куда я, в то время, так и ни разу не зашёл. Помню, как дед держал в руках маленькую толстенькую книжку с чеканкой на переплете и что-то из нее бубнил. Это я сейчас знаю, что держал он сидур. Сейчас этот сидур у меня. Я его показываю в школе на уроках «Еврейской традиции» (если бы дед знал... А, может быть, знает?!...) Этот сидур единственное, что у меня осталось от деда... Бабушка дома готовила кошерную еду и относила в синагогу на Шабат или праздник. Она пекла халы, тейглах, лекех.

Бабушка пекла так много, что и приторговывала ими (среди евреев-дачников у неё были постоянные клиенты). Она брала 4 полные кошёлки, садилась на автобус и ехала в пляжную зону. Однажды бабушка говорит: «Лёвушка, ты видишь, как я таскаю эти кошёлки, ты уже большая, можешь помочь». А я ей в ответ: «Бабушка, так это же спекуляция, как я могу?» Она мне объяснила, что если человек сам что-то сделал, потратив свои деньги, вложив свой труд, то это не спекуляция. Бабушка меня уговорила, и мы ходили продавали эти тейглах. Мне всё равно было очень стыдно... Есть я уже эти тейглах не мог (переел!), но, когда бабушка переносила эти тейглах в дуршлага, то из кастрюли на стол тянулись медовые нити, ох, как я любил их слизывать...

Я рос дворовым мальчишкой. Среди моих друзей не было евреев. В школе, естественно, был октябрёнок, пионером. Поэтому ни о каком Б-ге, ни о каких традициях я не знал и даже слышать не хотел. Во дворе мы любили играть в футбол. Однажды у нас во дворе появился взрослый человек (это был Иво Лайне – тренер по футболу и судья республиканской, а потом и всесоюзной категории) и предложил нам создать команду. И с того времени (с 1957) по 1975 год я играл в футбол в разных командах: и в «Калеве», и в «Динамо», и за завод «Калинина», и в команде «Старт».

По рассказам родителей, в первом классе, через несколько дней посещения школы, я пришёл и сказал родителям, что всех евреев надо убить. Родители спросили: «Почему?» И я им рассказал, что услышал в школе: у евреев есть какой-то праздник, перед которым они должны что-то кушать, и в эту еду они должны добавить кровь не еврейского ребёнка. Поэтому евреи перед своим праздником убивают не еврейского ребёнка, чтобы взять кровь для этого блюда. Родители были в ужасе!

Они мне сказали, что, во-первых, это неправда, а во-вторых, что я - тоже еврей. У меня началась истерика: «Какой я еврей?... я — русский!... я говорю на русском языке, я хожу в русскую школу, у меня все друзья русские... я — русский!...» Я этого не помню. А помню, когда впервые задумался над своим еврейством. Это было в том же дворе, на улице Койду. Мне было лет 10. Мы играли во дворе в хоккей.

Без коньков, но с клюшками, шайбой и без щитков. Я сделал бросок шайбой и попал одному парню в ногу, в кость. Аду - выше меня ростом, спортсмен - полез на меня с кулаками. Мы подрались, досталось обоим. У Аду пошла кровь из носа... и, убегая, он крикнул мне: «Жидовская морда!» Я слышал такое словосочетание, знал, что оно обидное, но смысла не понимал. Когда он ушёл, я заплакал. Впервые эти слова заделали меня. Мои друзья стали меня утешать: «Ну, не плачь, ты же не виноват, что ты - еврей...» Это «утешение» заставило меня задуматься. У меня было такое ощущение, что раз я еврей, то я в чём-то виноват... Недалеко от нашего дома, на углу Палдиски мантиэ и Техника, был двор, где в основном жили евреи. Мы дружили семьями. Однажды мама мне сказала, что организовалась еврейская самодеятельность при клубе фанерного-мебельного комбината, и что один парень из нашего двора, Гриша Рудерман, пошёл в клуб заниматься. Я решил посмотреть. Пришел и... остался там на целый год. Это был еврейский клуб с вокально-инструментальным ансамблем под руководством очень талантливого музыканта и композитора Марка Горелика. В концертах, которые мы организовывали, выступали скрипачи, вокалисты (запомнилась любимица публики Женья Фишман). Был и танцевальный ансамбль под руководством Давида Шура (в то время он уже руководил варьете Таллинн-бара), в котором стал танцевать и я. К этому времени я уже танцевал в студии народного танца при доме культуры «Маяк», которой руководил Ефим Маркелис. В клубе также начались занятия по изучению истории евреев и иврита. Начал свою работу и драматический коллектив. Мы давали концерты не только в Таллинне, но и в Вильнюсе. Было интересно.

В 1968 году меня призвали в армию, и я прервал свои занятия на 2 года. Служил в Риге и Калининградской области в мото-стрелковых войсках. Это была хорошая школа жизни. Закончив службу, я возвращался домой на поезде. Вышел в тамбур покурить, ко мне подошёл один человек и спрашивает:

- Вы — еврей?

- Да.

- Куда Вы едете?

- В Таллинн.

- Вы там живёте?

- Да.

- Я из Москвы, журналист, я слышал, что у вас, в Таллинне есть еврейская самодеятельность и какие-то спектакли поставлены. Не могли бы Вы меня ввести в курс дела?

Мы обменялись контактами. Я навёл справки и выяснил, что действуют два драматических коллектива, один на идиш, другой на русском языках, нашёл руководителя кружка на русском языке. Это был дядя известного фотографа Файви Ключика. Я связался с журналистом, мы встретились и пошли в ресторан «Космос», где этот коллектив во главе с режиссером отмечали день рождения одного из студийцев. Я подошел к руководителю, стал излагать суть, а он, почему-то, смотрит не на журналиста, а на меня... Я прервал свой рассказ:

- Почему Вы меня так разглядываете?

- А у меня в спектакле есть вакансии, мне нужны ещё два артиста. Вот из Вас бы получился хороший аферист!

Я посмеялся над его предложением, так как на сцене я играл только в первом классе старичка в «Рыбаке и рыбке». А он продолжает: «Я с Вами сделаю всё, что надо, только найдите ещё одного афериста». Я привёл своего друга. Вот так мы и начали участвовать в этом драмкружке. За то время, что мы ставили спектакль «Крупный выигрыш» по Шолом Алейхему, в другом отделении драмкружка был поставлен спектакль на идиш «Дневник Анны Франк». Я был на премьере, это было очень впечатляюще! Потом мы выпустили свой спектакль, где я играл три роли — афериста, мясника и гостя на свадьбе. Для сцены свадьбы нужно было поставить танец. По какой-то причине Давид Шур не мог в этом участвовать, и я предложил моего бывшего руководителя народных танцев Давида Маркелиса. (только через много лет я увидел его в нашей Общине. Давид Маркелис был узником концлагеря...). Он осуществил эту постановку, я с удовольствием танцевал и на свадьбе! Публике этот спектакль понравился. Нас «закидывали» цветами... В Союзе больше такого нигде не было, а у нас было!

Но уже где-то в 1971 году вся самодеятельность распалась, не знаю, по какой причине. В эти годы я впервые узнал о еврейской традиции. Но ещё глубоко не осознавал, что это значит для меня. Мне просто было интересно.

Начался мой трудовой период. Мне предложили работать на заводе им.Калинина (я понадобился заводской футбольной команде!). И вот я слесарь-электромонтажник, потом - диспетчер, начальник бюро..., чувствую - не моё! Стал заниматься в заводской самодеятельности. В 1977 году мы создали заводскую агитбригаду и, благодаря способностям актрисы Софьи Блюхер, стали лауреатами Всесоюзного фестиваля. После этого у нас было очень много поездок по стране. Одна из поездок была на БАМ (Байкало-Амурская магистраль). В течение целого месяца мы гастролировали по всему БАМу. Всё это было под эгидой ЦК ВЛКСМ. Штаб состоял из московских деятелей. Ездили на специальном поезде «Красный эшелон». Один представитель из штаба был выпускником Московского Института культуры. Он сказал: «Лёва, тебе надо учиться!» Я поступил в Московский государственный институт культуры, закончил его и, оставив рабоче-инженерную деятельность, стал работать в заводском клубе «подснежником» (в трудовой книжке было записано, что я — рабочий, а на самом деле работал не в цеху, а в клубе). Фактически я был художественным руководителем заводской самодеятельности, а кроме того - редактором и диктором заводского радио. С завода ушел в 1985 году, затем работал на Пунане Рэт, в Доме офицеров, в Мореходке...

В то время возникла воскресная, а потом и основная Еврейская школа. Тогда с еврейской традицией учеников знакомили приезжие студенты из ешивы США. Организовывались утренние молитвы с учениками... Для одних это было непривычно, для других — странно, а то и чуждо... Мне предложили вести еврейскую традицию в школе, попытаться учить детей в более приемлемой к условиям форме. Я сразу отказался. Мне говорят, что внеклассная работа — это близко к тому, что я делаю в клубе. Да, но это внеклассная работа по еврейской традиции, которую я не знаю!

Договорились о том, что я познакомлюсь и поговорю с директором школы Авивой Глуховской. Вхожу в кабинет. Манера общения: сразу на «Ты» с её стороны. А я первый раз её вижу! Мне это не понравилось. И вдруг в кабинет вводят ученика второго-третьего класса, он плачет-его незаслуженно обвинили. И во время его объяснения, что случилось, кто виноват - он обращается к директрисе на «Ты!» Тогда я понял, что это не панибратство, а тут так принято. Директор рассказала мне про мои будущие обязанности, что для подготовки к этой работе меня пошлют на семинар, кроме того, назначат меня директором летнего школьного лагеря. Этот разговор происходил перед летними каникулами. И за эти летние месяцы я должен буду войти в курс дела. Разговор с директором убедил меня принять это предложение. Я стал завучем по внеклассной работе. Через некоторое время работы в школе директор предложила мне дополнительно работать преподавателем еврейской традиции. Мне стало смешно от этого предложения. Но директор сказала: «Ничего смешного нет. Вот книга «И расскажи сыну своему». Ты приходишь на урок, читаешь одну главу и даёшь задание на дом. Вот и вся Твоя работа. А параллельно будем посылать Тебя на семинары» ... Вот так я и начал преподавать «Еврейскую традицию». Сначала в первом классе, потом - во втором, потом - в третьем... Сейчас я веду этот предмет по восьмой класс.

Международные семинары помогли войти мне в еврейскую атмосферу. Я помню один из первых семинаров, который проходил в Англии в 1993 году. Там дали задание: «Напишите 10 пунктов, которые характеризуют Вас как еврея». Я запомнил главный из моих ответов: «Я уже сейчас хочу, чтобы мои внуки были евреями». В то время у меня ещё внуков не было (сейчас у меня уже трое!). Эти семинары мне очень много дали, и я по-настоящему почувствовал себя евреем. Для меня это было очень важно.

Мой сын Дима Кемпа тоже очень активно участвует в жизни еврейской общины. Моя дочка Вита училась в еврейской школе, принимала участие в художественной самодеятельности школы, была активным воспитателем (мадрихой) в летних лагерях. Теперь мой внук, сын Димы, учится в

нашей еврейской школе, у него уже была «Бар-мицва».

У дочки Виты родилось двое близнецов, которым исполнилось уже 4 года. Близняшки впервые побывали в детском лагере «Бамба».

Еще совсем недавно мы с мамой, будучи в Вильнюсе, зашли в синагогу. Это была та синагога, в которой мой дед и был кантором. Будний день, утро. В синагоге три-четыре человека, старички. Я решил подойти к ним.

- Скажите, пожалуйста, вы долго живёте в Вильнюсе?

- Всю жизнь.

- Ну, естественно, в эту синагогу постоянно ходите?

- Всю жизнь.

- А вам говорит что-нибудь фамилия Хаэт (фамилия деда)?

- Яков Хаэт, что ли?!

Прошло столько лет! Видно, не простым кантором был мой дед!... Вот эту цепочку я и должен сохранить. И продолжить. И в семье, и в школе. Несмотря на то, что наша школа светская, я считаю своим долгом всем детям, и у которых в семьях не поддерживается еврейский дух (идишкайт), показать, раскрыть его. Примут - не примут —это зависит, в первую очередь, от них, но и от меня: насколько интересно я это делаю. А если дети будут знать традицию, то рано или поздно эти знания должны проявиться. В нашей школе учатся не только еврейские дети. И если они больше узнают о евреях, о еврейской истории и традициях, то, надеюсь, не засмеются, увидев соблюдающего еврея с традиционными пейсами и с цицит, никогда не скажут такую глупость, про кровь в маце, которую я услышал в первом классе, и, может быть, услышав «жидовская морда», сами заткнут рот антисемиту...

Тогда, может быть, и меня, того, кто был у истоков еврейского образования в нашей стране, когда-нибудь вспомнят добрым словом...

АЛИСА ЯКОБИ

ЕВРЕЕМ ВАЖНО
БЫТЬ НЕ ТОЛЬКО
НА СЛОВАХ, НО И В
ДУШЕ.

Меня зовут Алиса Якоби, родилась и выросла в замечательном городе Таллинне. По воле судьбы и случая в 1990 году открылась Еврейская гимназия, куда меня и мою сестру родители решили отдать учиться. И, конечно же, все сомнения решил тот факт, что мой дедушка, Израэль Мигдаль, его братья и сёстры учились в буржуазное время в этой же еврейской школе. Так что мы с сестрой продолжили эту традицию и очень даже в ней преуспели. И сейчас могу с гордостью сказать, что училась в ТЕШ и всегда с улыбкой вспоминаю нашу школу. Я рада, что мама перевела меня в еврейскую школу. В еврейской школе я училась с третьего по девятый класс. Нам преподавали, кроме основных предметов, иврит, еврейские традиции, историю еврейского народа, еврейскую культуру. В детстве я не делила своё происхождение с другими детьми и не знала, чем мы отличаемся от других. Еврейское самосознание, понимание нашего отличия от других ребят во дворе сформировалось у меня в еврейской школе. Эти знания и наше общение в еврейской среде помогли мне также больше понять характер и проблемы моих дедушек и бабушек. Ведь в детстве с нами о том, что им пришлось пережить: гонения, ссылка, гетто, Холокост -много не говорили. В еврейской школе я училась с третьего по девятый класс. У нас был очень хороший класс. Но потом, к сожалению, очень многие из нашего класса уехали, кто - в Америку, кто - в Израиль, кто - в Германию. Но всё равно, в каждом из нас остались самые теплые воспоминания об этом времени. А теперь немного о моей семье. Моя мама - Марина Якобишвили (Мигдаль). Мой папа - Николай Давидович Якобишвили. Моя старшая сестра Инна живёт в Израиле, в Тель Авиве.

Мой дедушка с маминой стороны - Израэль Мигдаль (в семье называли его Изей), родился в Таллинне в буржуазной Эстонии. Бабушка, Нина Мигдаль (в девичестве Горлина), приехала из Ленинграда после окончания медицинского института, она выучилась на стоматолога. Бабушка с дедушкой начали совместную жизнь в городе Хаапсалу.

Тогда там жили еще три еврейские семьи: все друг друга хорошо знали, общались, собирались по еврейским праздникам и без них. В общем, вели активную жизнь. Когда маме было 15 лет, семья переехала жить в Таллинн. Бабушка с дедушкой благополучно продолжали работать. Мама после окончания школы пошла по стопам бабушки Нины - пошла учиться на стоматологический факультет и очень в этом преуспела. Сейчас она практикует в Таллинне, все знают доктора Якобишвили и знают о её лёгкой руке. Семья Мигдалей была большой и дружной, всего в семье было 5 детей. Дедушкин старший брат, Самуил Мигдаль, служил в советской армии, после окончания войны он вернулся в Таллинн, стал работать фотографом, и в Советском Союзе его имя было очень известно среди фотожурналистов. По дедушкиным рассказам, происхождение Мигдалей простирается до самой Испании, хотя, насколько до нас дошло, родители прапрадедушки Якова Мигдала родом из Польши, потом сам Яков решил переехать, вначале он жил в Латвии. Потом, познакомившись с моей прабабушкой Идой Франк, они переехали в Эстонию. Это было вначале 20-х годов прошлого века. Яков Мигдаль держал несколько магазинов готового платья. Прабабушка Ида занималась домашним хозяйством, воспитывала детей, помогала Якову по работе. В семье Мигдалей все говорили на идиш и эстонском языках, по-русски никто не говорил до начала событий Второй мировой войны. По воспоминаниям моей мамы, бабушка Ида была очень гостеприимная, энергичная, всегда собирала вместе всю семью. По праздникам бабушка делала большие застолья, с края одного стола не было видно тех, кто сидел на другом конце стола. От Якова моему дедушке досталась небольшая библиотека на идиш, собрание Шолом Алейхема и другие книги. Давид Якобишвили, дедушка с папиной стороны, - еврей грузинского происхождения. Он из Кутаиси. Бабушка, Людмила Ленкер, родом из Австро-Венгрии. Её отец Владимир Ленкер, был врачом. Бабушка училась в Питере на медицинском факультете, где также учился дедушка.

Там они и познакомились. После окончания института они поехали на работу в Вильянди. Через какое-то время Давид Якобишвили вернулся в Грузию. Бабушка Люся с двумя сыновьями осталась в Вильянди. Когда моему папе было 16 лет, семья переехала в Таллинн. Тяга к медицине папе по наследству не передалась. Он решил пойти учиться на строительно-инженерный факультет в Ленинграде по стопам мужской половины со стороны семьи Ленкеров. Позже он решил поступить на архитектурный факультет в Эстонский художественный институт.

Я выучилась в Эстонской Академии художеств по специальности графический дизайн, сейчас работаю по этой специальности. Наверное, по этому направлению я пошла по примеру папы. Из маминых генов я унаследовала умение хорошо готовить, вести порядок в доме, быть энергичной, гостеприимной. Я очень люблю своих родителей и очень им благодарна за всё, что они для меня делали. Из своего детства я хорошо помню моих дедушек и бабушек. Они соблюдали еврейские традиции и справляли еврейские праздники. Я ходила с дедушкой Изей в синагогу на улице Магдалена, там, я помню, он со своими знакомыми общался на идиш. Дедушка мне рассказывал интересные еврейские истории, а также о моём еврейском происхождении. Дедушке тяжело было рассказывать о времени, когда он был репрессирован, он мало об этом говорил. Бабушка Нина пережила блокаду Ленинграда, это тяжело отразилось на её самочувствии впоследствии.

Когда Советский Союз развалился, быть евреем стало намного проще. Мои родители часто собираются и отмечают с друзьями еврейские праздники. Когда мы учились в еврейской школе, мы и дома отмечали еврейские праздники, обсуждали значение праздников. Еврейские праздники мы также отмечали с друзьями из еврейской школы.

Моя старшая сестра Инна Мигдаль вышла замуж в Израиле. Но хупу она делала в Таллиннском синагоге, в то время синагога была в пристройке на Кару, 16.

Я считаю, что евреем важно быть не только на словах, но и в душе. Я стараюсь всегда в пятницу вечером встречать Шабат.

Зажигаю свечи, молюсь. У меня есть свой Сидур. Дома у меня висит мезуза. Шабат для меня важен, так как я осознаю, что я - еврейка, шесть дней я занимаюсь всякими делами, много работаю, седьмой день я должна духовно расти, больше понимать свою жизнь, отдыхать. В субботу я стараюсь не работать и не заниматься повседневными делами. Для меня соблюдение Шабата это не просто традиция, а духовная необходимость. Есть вещи частные, есть вещи общие. Когда я вижу огонь шабатних свечей, я понимаю, что надо стремиться к своему духовному росту. Сейчас мне хочется больше читать еврейскую литературу, еврейских авторов, больше узнать об истории Израиля, иудаизме.

КОППЕЛЬ СВИТСКИЙ

...ПО ПОСТУПКАМ
КАЖДОГО ЕВРЕЯ
СУДЯТ ОБО ВСЁМ
НАШЕМ НАРОДЕ.

Когда я стал активно заниматься своей родословной, ни отца, ни матери, к сожалению, уже не было в живых. Я решил пойти в Тартуский архив. Там мне сказали, что Тартуский Раввинат в архив документы не передал. Но сохранилось много документов в Тартуской полиции. Я очень удивился и подумал, что у моих предков вряд ли могли быть проблемы с полицией. Однако в то время в полицию могли обращаться по разным причинам. Меня интересовали документы второй половины 18-го века, и я действительно нашёл там много документов. Я знал, что девичья фамилия моей бабушки была Шанк, её звали Ханэ-Блюмэ. Так как семья Шанк была большая, то и документов на имя Шанк было довольно много. Например, в 1868 или в 1869 году Шанк ходил в полицию, чтобы получить вид на жительство в Тарту. Когда бабушка умерла, мне было 6 лет. Помню, когда бабушка заболела, это был примерно 1926-1927 год, мы забрали её к себе, так как одна она уже не справлялась. К сожалению, я мало помню о бабушке, а о дедушке я практически ничего не знаю. Когда я родился, его уже не было в живых. Дедушку звали Нохем-Бенцион Шмулович. Это родители моей мамы.

О родителях моего папы я знаю ещё меньше. Дедушку звали Коппель. В память о нём, по еврейской традиции, меня назвали Коппелем. Мой папа Ицхак родом из Белоруссии, Минская губерния, Пинская волость. В Тарту папа пришёл как солдат царской армии, это был где-то 1917-1918 год. Когда мне было 2 года, папа от нас ушёл...

Мою маму звали Песя-Мирьям, мама родилась в Тарту.

Я родился 8 сентября 1921 года. Мы жили тогда в маленьком доме на улице Пыйк — маленькая прихожая, тёмная комната, ещё комната, в ней - печка с плитой. В нашем доме была стопроцентная еврейская жизнь. Мама вела хозяйство по всем правилам кашрута. У нас была посуда для молочных продуктов и посуда для мясных продуктов. Отдельно стояла посуда для Песаха.

В доме отмечали все праздники. Когда надо было на праздниках читать молитвы, мама звала знакомых евреев, они читали молитвы, а мама готовила угощение, строго соблюдая все еврейские традиции. Это было трудно сделать и не всегда получалось как это надо было бы. На праздники мы не могли купить курицу, но рыбу на Шабат мама как-то умудрялась приготовить всегда. Мама ведь воспитывала нас с сестрой одна, она работала на обувной фабрике закройщицей. Когда я пошёл в школу (1928 год), был всемирный кризис, маму уволили с работы. Было очень трудно. Так тяжело было примерно до 1932 года. У мамы были родственники. Они зарабатывали тем, что делали дома папиросы, Мама немного этому тоже научилась, и, когда было много работы, мама помогала им. У этих родственников была ещё своя кошерная лавка. Один раз мы с мамой были в гостях у этих родственников и там нас угостили бутербродом с колбасой. У нас дома мы такую еду даже не видели...

В Тарту, в годы моего детства, пекли мацу в одном помещении, а точнее, в сарае, который находился рядом с синагогой. Мы, мальчишки, всегда бегали смотреть на это. Из детства ещё помню, что недалеко от нашего дома была остановка такси. Таксисты тогда мыли машины в реке. Мы, мальчишки, ждали таксистов возле речки, помогали им мыть машины. За эту работу, таксисты нас подвозили к месту стоянки такси, мы были очень счастливы, что смогли прокатиться на машине.

Я начал ходить в синагогу, когда пошёл в школу. Это была Тартуская начальная еврейская школа, поэтому там неделя начиналась с воскресенья. В школе был всеми очень уважаемый учитель Лейб Левитин. Он нам преподавал Хумеш, Тору, еврейскую историю, иврит и идиш. Приходили в школу на полчаса раньше, молились, читали молитву «Шахарит», как положено. Лейб Левитин был очень тактичным человеком. Если он не видел кого-либо из нас в синагоге, то он не делал замечание, а просто говорил: «Я вчера почему-то не видел тебя в синагоге». Лейб Левитин всегда следил, чтобы в субботу утром его ученики были в синагоге. В еврейской школе я проучился с первого по шестой класс. Учёба мне давалась легко. Кроме еврейских предметов, в школе преподавали эстонский язык.

Уроки рисования вела старенькая немка. Господин Соломон, который преподавал математику и был директором школы, приехал из Литвы. Позднее моя старшая дочь тоже училась у этого же учителя Соломона!!! Его язык идиш немного отличался от того, на котором говорили в Тарту, но всё было понятно. В школе учителя были гебраисты и идишисты. Гебраисты преподавали на иврите, идишисты — на идиш. Я помню: в праздник Лаг ба омер мы не учились, ходили с классом гулять. И там каждому давали по несколько штук длинных чёрных бобов, они были твёрдые и сухие, но очень вкусные. Шестой класс закончилось всего 6 человек. Один парень сразу после окончания пошёл учиться на столяра, другой - тоже не смог дальше продолжать учёбу. Люди жили очень бедно. К тому времени моя мама уже работала. Хотя мы жили ещё совсем не богато, мама хотела, чтобы я продолжал учиться в гимназии. Однако, к сожалению, из нашего выпуска хотели пойти учиться дальше только четыре человека, поэтому этот класс не открыли, и я пошёл учиться в Тартускую мужскую гимназию. В мужской гимназии в то время проводился урок религии. Я был от этого урока освобождён. Нас было несколько еврейских ребят в этой гимназии, и в это время мы играли во дворе школы. В эстонской школе я проучился 2 года и из-за материальных трудностей не смог дальше учиться, пошёл работать учеником в слесарную мастерскую.

В 1934 году у меня была Бар Мицва. Хотя я родился в сентябре, но сам обряд Бар Мицвы мне провели в октябре, так как было много мальчиков, которые родились в сентябре. Отец тоже пришёл на мою Бар Мицву, его вызывали к Торе. Я прочитал соответствующую главу из Торы. До этого около месяца 2-3 раза в неделю я ходил к своему учителю Левитину домой. Он учил меня не только, как правильно читать, но и как правильно петь. Текст был на арамейском, было очень трудно читать, поэтому всё надо было знать наизусть. После синагоги, гости собрались у нас дома. Был накрыт стол. Позвали близких людей и раввина тоже. Фамилия раввина была Мостовский. И дома я должен был рассказать раввину на идише содержание главы, которую я читал в синагоге на иврите.

В этот день раввин подарил мне мой первый Танах.

В то время в Тарту было еврейское движение «Хашомер», я был его активным членом. Мне там нравилось. К нам приезжали мадрихи из Латвии, Литвы, когда их не было, я выполнял задания мадрихов. В 1939 году мадрихи решили, что я готов репатрироваться в Израиль. Для подготовки к отъезду меня направили в Ригу в «Хаг ша ра». Это был как кибуц - полная коммуна. Я там работал на разных работах, пригодились мои навыки в слесарных работах. В то время эстонским гражданам разрешение на работу в Латвии было сроком на два месяца. Поэтому я ездил на границу Латвии с Эстонией в Валга, мне ставили штамп, что я был в Эстонии, и возвращался назад в Латвию.

...И тут началась война... Документы с разрешением на выезд в Израиль больше не поступали.. Тогда разрешением на выезд в Израиль занималась Англия (!). Раньше из Англии каждый месяц приходило одно-два разрешения на выезд в Израиль. Моя очередь ехать в Израиль должна была подойти весной 1940 года. В это время в Латвии и Эстонии уже была советская власть и сионистские организации закрыты...

Я вернулся в Тарту. С работой в Тарту было трудно. Я встретил своих бывших одноклассников из эстонской школы, они предложили пойти с ними учиться в военное училище. Хотя для евреев было странно тогда учиться на офицера, я подумал: «А почему бы не пойти?» Так я попал в составе училища в Красную армию. Во время войны два раза был ранен, один раз тяжело.

В конце войны я женился. Моя будущая жена была тоже из нашей школы, мы дружили ещё до войны... всю войну мы переписывались... Мою жену звали Хая-Либе Гликман. Когда я вернулся из армии, меня вызвали в Горком партии. Там мне предложили как демобилизованному офицеру должность технического руководителя лесокомбината. Лесное дело я немного знал. После войны, когда в Клоога начали строить военный лагерь, нужна была древесина. Меня с ротой солдат отправили в Ляэнемаа готовить лес. Хотя навыков в этом деле у меня не было, мне сказали: «Ничего, там лесник есть,

тебе покажут». Заготовкой древесины мы занимались всё лето, и лесник меня, действительно, многому научил. Этот лесокомбинат неоднократно реорганизовывали, меняли название, впоследствии его разделили на два предприятия: лесокомбинат и мебельный комбинат «Tarmeko». Я проработал на «Tarmeko» 55 лет.

В пятидесятые годы недалеко от нашего дома жил профессор Пауль Аристэ. А рядом был магазин, в котором работала моя жена. Я часто ходил её встречать. Пауль Аристэ тоже приходил в этот магазин. Когда он услышал, что мы с женой говорим на идиш, он сразу же перешёл на идиш. При встрече профессор всегда говорил со мной на идиш. В то время почти никто не ездил за границу, профессору Аристэ иногда давали разрешение поехать на конференцию куда-либо за границу. Однажды он привёз мне из Финляндии открытки с видами городов Израиля и вместе с ними листок, на котором было отмечено на 12 лет вперёд дата Рош хашана. С помощью этого листка я мог сам уже вычислить все остальные еврейские праздники.

Во времена советской власти, несмотря ни на что, у нас дома всегда праздновали все еврейские праздники. Когда мы жили в квартире с печным отоплением, мы пекли мацу на плите, дети всегда помогали, им нравилось делать колёсиком разные узоры. Позже мы пекли мацу уже на вафельнице. Я всегда читал все молитвы на праздниках. Единственное, что мы не соблюдали, к сожалению, это Шабат, и это по той простой причине, что жена работала до 10 вечера, я тоже поздно возвращался с работы... Моя работа была часто связана с командировками, но я всегда старался сделать так, чтобы на еврейский праздник я был дома. И в Йом Кипур я никогда не работал, для этого я использовал день своего летнего отпуска.

...После войны синагоги в Тарту уже не было.... Мы собирились в доме Сохачевских, т.к. у их отца была Тора. До 1970 года, когда мне нужно было прочитать молитву по усопшим родственникам Йорцайт, я всегда мог собрать миньян у нас дома. Я и сам всегда ходил к другим, когда у них был Йорцайт кого-либо из близких. А уже после 1970 года стало трудно собрать 10 мужчин, миньян.

...Было время, когда казалось, что нет никакой надежды на то, что еврейская жизнь в Тарту когда-нибудь возродится...

И вот в конце 80-х двадцатого века появилась опять надежда!... В 1988 году Мойша Михельсон попросил меня помочь собрать евреев Тарту. На Ратушной площади, в Доме профсоюзов, нам выделили одну маленькую комнату. Мы сообщили по телефону евреям, которых мы знали. А они в свою очередь передавали своим знакомым. В итоге народу собралось так много, что в этой комнате мы не поместились. Наверху был большой зал, мы позвали всех наверх. Это было наше первое собрание. Там мы выбрали первое Правление. Сначала даже не было денег на почтовую марку, чтобы отправить письмо...

У меня были очень хорошие отношения с директором «Тартеко», господином Олев Нигул, и я попросил его стать нашим спонсором. Он согласился, и так мы получили наши первые деньги для общины. Господин Нигул помогал общине всегда, когда я к нему обращался с какой-либо просьбой. Например, когда стало поступать много книг, а ставить их было некуда, господин Нигул разрешил нам занять в общежитии большую комнату для библиотеки. Там же собиралось и правление общины.

В Правлении общины я взял часть работы на себя. Так как было очень много смешанных браков, то евреи потеряли контакт между собой. Мы стали приглашать евреев, чтобы говорить на идиш, вспоминали свои школьные годы... В университете училось много евреев из бывшего Советского союза. Как-то я с ними встретился, рассказал, что раньше в Тарту было несколько молодёжных организаций, что надо было бы и сейчас создать студенческую организацию. И студенты подали такое заявление Ректору университета. Так в 1989 году была создана студенческая еврейская организация «Leida». У меня был знакомый офицер - еврей. Однажды я пригласил его к нам в общину. Ему очень понравилось, и вскоре он привёл других евреев-офицеров, которые жили в Тарту, которых мы даже не знали. Постепенно увеличилась наша Тартуская община до 140-150 человек. Я и сегодня стараюсь активно участвовать в жизни еврейской общины Тарту.

В 2000 году, когда в Эстонию приехал Раввин, он предложил создать в Тарту религиозную общину. Нам прислали из Таллинна молитвенники. Сначала из Таллинна приезжал проводить шабатные службы Рафаил Бельчиков. Я помогал собирать людей. Я тоже знаю молитвы, поэтому, когда Р. Бельчиков не мог приезжать, шабатную службу проводил я сам. У нас не было в то время Торы, но мы знали, что они хранятся в Государственном музее. Мы написали письмо министру культуры Эстонии о том, что нам нужны Торы. Ответ пришёл, что там этим вопросом не занимаются. Наше письмо было отправлено в Министерство внутренних дел. Там ответили, что Торы взяты на учёт как бесхозный товар (!). Затем мы обратились к Главному хранителю музейного имущества, но и там нам отказали. Тогда я пошёл к директору музея господину Петерсон и попросил, чтобы нам дали Тору на временное пользование. Был заключён договор и нам разрешили взять три Торы. Рафаил Бельчиков выбрал кошерные Торы. Каждый год к нам приходили из музея на инвентаризацию проверять, как мы сохраняем эти Торы. Во время одной из таких проверок я им сказал: «Вы можете проверять, но не должны к Торам дотрагиваться, так как Торы станут некошерными». После этого работники музея долго не приходили. В прошлом году опять приходили на инвентаризацию. Мы показали все Торы работникам музея, но они к ним не притрагивались. Работники музея сказали: «Относитесь бережно к Торам, они дорогие». Я им ответил: «Для вас они дорогие как товар, а для еврея - это бОльшая ценность, чем какой-то товар. Это ТОРА!» Теперь у нас есть возможность проводить шабатную службу по всем правилам.

Я хочу пожелать всем евреям, чтобы они не забывали еврейские традиции, соблюдали их сами и передавали их своим детям и внукам. Я прожил довольно долгую жизнь и могу с уверенностью сказать, что мы, евреи, должны всегда и везде вести себя достойно, так как по поступкам каждого еврея судят обо всём нашем народе.

А Д И К Л Е В И Н

КОШЕРНАЯ ЕДА
- ЭТО ХОРОШАЯ
ВОЗМОЖНОСТЬ
УЛУЧШИТЬ СВОЁ
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И
ЗДОРОВЬЯ.

Я всегда шутя, говорю, что был задуман в капиталистическом обществе, а родился в социалистическом обществе. Я был задуман у моих родителей, Двейры Левин-Шамес и Нэхэмия (Наум) Левина, в эстонское время, а родился уже в советское время, в августе 1940 года.

В 2010 году мне исполнилось 70 лет, и я думаю, что наше поколение - очень счастливое поколение. То, что пришлось нам пережить, и то, что нам пришлось увидеть и почувствовать, - ни одно поколение за всю историю человечества не видело! Наша семья была эвакуирована в Сибирь..., потом, когда мы вернулись, сталинизм..., я помню, как отца хотели убить - его послали в колхоз работать, а он - с одной рукой после войны..., потом Гагарин полетел в космос..., потом появился телевизор с чёрно-белым экраном..., цветной телевизор..., потом Интернет..., мобильный телефон...

У нас большая семья, во многих странах есть наши родственники. Родные в Израиле организовали сайт в Интернете, чтобы можно было собрать вместе всю нашу мишпуху.

Со стороны мамы, наша родословная прослеживается в Прибалтике с семнадцатого века. Прапрапрадед — из Вильнюса. В Вильнюсе, якобы, имеется даже улица его имени, он был Ребе. Прибалтика на всю жизнь остаётся для меня Родиной.

Мой дедушка, фамилия Шамес, со стороны мамы, был каким-то бизнесменом, покупал-продавал. К сожалению, когда началась война, он не хотел с мамой и папой эвакуироваться. Он не верил, что может случиться что-то плохое, он не хотел оставить свой дом и остался в Эстонии. И мамин младший брат тоже остался в Эстонии... Их убили... Это было варварство! Все евреи, которые остались в Эстонии, все были уничтожены...

У папиного папы, его звали Рувен, тоже был небольшой гешефт, покупал-продавал сахарин и прочее. Он жил с нами. Бабушка и дед, со стороны отца, были в Сибири, поэтому они выжили. У них было одиннадцать детей. Многие были очень талантливые люди. После войны в живых из этой семьи осталось четверо...

Дедушка Рувен соблюдал все еврейские законы. Я помню, как проводили миньян. Когда мужчин не хватало, всегда звали нас, так как нас было сразу четыре мужика. Нам всё объясняли, но мы, я и братья, ничего не понимали, нам казалось, что что-то непонятное бубнили...

Мои родители — валгаские, Вообще-то, в Валга когда-то была довольно большая еврейская община. Сейчас в Валга евреев остались единицы... Когда мама окончила среднюю школу, она хотела пойти учиться на фармацевта, но вышла замуж, появились дети, поэтому её учёба прервалась. Отец работал у Юдейкиных. Юдейкины были очень состоятельные люди, у них было несколько магазинов, они продавали ткани. Отец был, как тогда называли, вояжёр, он ездил, совершал сделки... Когда родители поженились, они работали в одном магазине. Это было в городе Валга.

Я рос в еврейской семье. Помню, как в детстве ходил к раввину, учил иврит. Дома у нас была кошерная еда, праздновались все еврейские праздники, конечно, насколько это было возможно. Это было очень бедное время. Папа был коммунистом. И ему ходить в синагогу нельзя было, так как в это время это уже было опасно. Он заботился о своей семье, в которой было три сына, нужно было их кормить, одеть, дать образование...

После того, как мы вернулись из Сибири в 1945 году, я подружился с эстонскими мальчиками. Когда мне надо было идти в школу, то я пошёл в эстонскую школу. Мои братья подружались с русскими парнями, и они пошли в русскую школу. Насколько я помню, в Валга, а потом в Пярну в школе у меня не было имени. В то время моё имя было Хацкель. Как это имя только не перевёртывали! Это имя никто не умел писать, всегда делали ошибки в написании, когда где-нибудь в общественных местах я говорил своё имя, все начинали шушукаться... Я устал от того, чтобы доказывать всем, что я не «верблюд»... И, когда я получал паспорт, я записал своё имя Адик, так меня называли дома. Теперь мне стыдно за это. Теперь я понимаю, это была ошибка, но это был мой метод борьбы, так как меня никто не мог защитить, я очень болезненно ко всему этому относился. Проблема была ещё в том, что я физически был несильный... В моих бедах я виню, в первую очередь, самого себя: если бы у меня был хороший кулак, то мне было бы легче жить...

И уже ближе к подростковому возрасту у меня не было имени, меня звали «юудикраби» (juudikrabi) это можно перевести «жид». Это был неосознанный антисемитизм. Я не считаю, что мои ровесники были антисемитами. Когда я рассказывал об этих моих проблемах родителям, то они меня учили, что надо быть выше всегда, учили, как надо бы отвечать. На улицу меня защищать папа не ходил, он был инвалид, потерял на войне одну руку, ударить кого-то он не смог бы... Мама была очень интеллигентным человеком, она никогда не стала бы выяснять...

В начале пятидесятых годов в Эстонии не очень-то люди приветствовали, когда на улице говорили по-еврейски. И было время, когда говорить на идиш (мои родители говорили на идиш), было большое гражданское мужество.

После окончания школы надо было решать, куда идти учиться и кем стать. Одной из причин, почему я уехал из Эстонии и поехал в Ленинград продолжать своё образование, было то, что я бежал из той среды, в которой рос. Я поехал поступать в Ленинградский педиатрический институт. Так как я закончил эстонскую школу, мне пришлось многое перучить на русский язык. Это был 1961 год. В этот год я не поступил и уехал обратно домой в Эстонию. Но сам себе сказал: «Я поступлю!» Приезжаю на следующий год поступать в этот же институт, подаю документы. Служащая, увидев, что я из Эстонии, направляет меня в приёмную комиссию, где мне говорят: «Эстонии дано десять мест, Вы можете ехать в Таллинн, подавать документы и сдавать там экзамены». И здесь начинается самое интересное. По результатам экзаменов я прохожу третьим-четвёртым, поэтому был уверен, что я поступил! Я стал ждать официального письма о моём поступлении в институт. Этот день я запомнил особенно отчётливо. 25 августа 1962 года я пошёл в магазин, когда возвратился домой, мама стоит у дверей и говорит:

— Адик, большое несчастье... тебя не приняли в институт...

— Почему не приняли?

— Я не поняла всё, давай позвоним, выясним.

Я позвонил в отдел кадров Министерства здравоохранения Эстонской ССР, и в этот же день поехали с отцом в Таллинн. Нас приняла инспектор, симпатичная женщина, которой я обязан до сих пор. Она сказала: «Ректор Ленинградского педиатрического института посмотрела Вашу национальность и сказала, что Вы - не национальный кадр(!). Я объяснила ей, что он — молодой человек из Эстонии, кончал эстонскую школу, его все предки из Эстонии...»

Этот отказ был для меня катастрофой! Из Министерства здравоохранения позвонили в ЦК партии Эстонии, там ответили: «Этот вопрос решает ректор». Позвонили в ЦК в Москву. Ответ был: «Мы не вмешиваемся в это дело». И тут вдруг меня осенило: «У меня есть документы, что я поступал в Ленинграде и что мне вернули документы и послали в Эстонию сдавать экзамены». Опять обратился к этому же инспектору из Министерства. Она тут же при мне позвонила ректору Педиатрического института и стала громко говорить по телефону: «Мы его выбрали от Эстонии, он окончил эстонскую школу, он же полноправный гражданин Советского Союза!» И тогда ректор в Ленинграде сказала: «Ну, хорошо, пусть приезжает»... Опять поехал в Ленинград, пришёл в институт, полдня(!) простоял у кабинета ректора, потом меня позвали и сказали: «Идите оформляйтесь...» Ещё один интересный факт. На третьем курсе один из экзаменов мне пришлось сдавать именно этому же ректору, кто не хотел меня принимать в институт. Увидев меня, она воскликнула: «А, Левин, здрасте!» У меня было такое чувство, как будто бы волк поймал зайца... Не помню, что я отвечал тогда, но экзамен сдал на «5»! Этим ректором была очень красивая женщина, я запомнил, что она курила «Беломорканал»... Не думаю, что она была политическим антисемитом, она просто была продуктом советской системы... Когда закончил институт, я хотел вернуться в Эстонию. К этому времени был уже женат. Но в Эстонии мою жену нигде не брали на работу, поэтому был вынужден уехать в Казахстан. Там я увидел совершенно другой мир. Для меня Казахстан является советской Африкой.

У большинства казахов многолетние семьи. В первые же недели после моего прибытия в Казахстан местные евреи нашли меня, пригласили зайти вечером в гости. Сидим мы, человек 15, разговариваем. Разговор был такой: «Адик, мы - нерелигиозные евреи (там не было никакой синагоги), но мы все друг другу помогаем». Все евреи там были на хороших должностях: директором был обязательно казах, а его заместителем был еврей, который всем этим правил. Только главный врач был еврей, Семён Аронович Тёмкин. Тогда в Советском Союзе уже начались трудные времена со всем и с питанием тоже. Они сказали: «Если у тебя будут проблемы, вот тебе телефон, звони, тебе помогут. Но учти, ты - детский врач, у нас у всех дети, когда будет нужно, ты нам тоже поможешь». И, знаете, эта система работала очень здорово! Все евреи друг друга уважали, ходили в гости друг к другу, чувствовали, что мы все объединены, как семья.

Я только в Казахстане стал понимать, что где бы еврей ни жил, он адаптируется с местными. Поэтому эстонские евреи очень похожи на эстонцев, но со своим привкусом. В России - на русских, украинские евреи очень многое взяли от украинцев. Казахские евреи очень чувствительные, спокойные, все авторитеты, с которыми считались, но они никуда не вмешивались, друг друга защищали. Казахские евреи взяли от казахов гостеприимство. Ведь еврей сделан из такого «теста», что где бы он ни жил, он умеет интегрироваться. Приведу, для примера, один случай. Я должен был выезжать по вызову больных пациентов по всему району. Однажды зимой был очень сильный мороз, градусов 30. Наша машина заглохла. Стали замерзать в степи, у шофера к тому же был сахарный диабет, у него начались судороги... И тогда мы нашли одну хибару, где жили чабаны. Эти чабаны привели нас в дом, дали нам стакан водки, накормили, а потом только спросили, кто мы такие. Они отдавали последнее, сначала накормили гостей, а потом своих детей. Это казахская культура! Я был этим поражён! Хотя в Казахстане было очень трудно жить, трудно работать, я глубоко уважал казахов.

Через несколько лет вернулся домой из Казахстана. К тому времени у меня уже было звание Кандидат наук.

Но Эстония меня принимать не хотела. Реадаптация была очень сложной. Второй раз в жизни я получил отказ, в связи с тем с тем, что я - еврей. Я слышал, как эстонцы не понимали: «Как это, приехал из Казахстана, и он ещё по-эстонски говорит?...» Мне было настолько больно, что меня так игнорировали... И я решил уехать в Казахстан обратно. В эти годы я всё время думал, как мне жить дальше? Никогда не забуду 1974 год, осень... Я сидел в кафе «Таллинн» и думал об эмиграции в Израиль, в Америку... Думаю, если бы я рос в эстонском инкубаторе, может быть, и уехал. Но 6 лет учёбы в Ленинграде и 7 лет работы в Казахстане дали мне понять, что всё-таки я был прибалтом, евреем-прибалтом. Я остался в Эстонии.

Благодаря тому, что являюсь автором гуманной медицины новорожденных, объездил весь мир, в более 30 странах выступал с лекциями. Находил евреев везде, и они меня - по моей фамилии. Но в 2005 году фамилия Левин сыграла для меня роковую роль. Я был выдвинут Правительством Эстонии кандидатом в Комитет по правам ребёнка при ООН. Я прошёл колоссальную школу дипломатии в Хельсинки, в Женеве, в Нью-Йорке, встречался с Послами при ООН со всего мира. Кандидаты в Комитет утверждаются на заседании ООН. На соответствующем заседании за меня проголосовало 59 стран, для утверждения надо было 80... После голосования компетентные люди мне сказали, что, по-видимому, арабские страны не голосовали за меня из-за моей еврейской фамилии...

Несколько лет назад я стал интересоваться и изучать влияние питания на здоровье и самочувствие человека. Так я познакомился с индивидуальной программой питания, которую изобрёл еврей, доктор Волков из Москвы. И когда стал глубоко изучать эту систему, я только из неё понял, насколько еврейский подход к питанию правильный! То есть, кошерная еда, когда нельзя смешивать молоко с мясом и другие заповеди кашрута - это всё АРХИВАЖНО! Эта система правильная, и, действительно, обеспечивает хорошее качество жизни. Кошерная еда - это хорошая возможность улучшить своё здоровье и самочувствие. Современные евреи должны пересмотреть, как они питаются. Питаться надо правильно. Мы должны научиться сохранить и удержать своё здоровье.

Б-г так распорядился, что мы родились евреями. И это огромное счастье! Наш народ в очень многих вещах оказывается в роли пионеров. Я думаю, евреи должны себя беречь, мы очень нужны всему миру!

ЛЕОНИД КРАВЦОВ

КОГДА Я СЛУЖИЛ В
АРМИИ В ТАЛЛИННЕ,
ПЕРВОЕ, ЧТО Я
СДЕЛАЛ В СВОЙ
ПЕРВЫЙ ВЫХОДНОЙ,
- ПЫТАЛСЯ НАЙТИ,
ГДЕ В ТАЛЛИННЕ
НАХОДИТСЯ
СИНАГОГА.

Дедушку Давида со стороны матери я не помню. Он погиб в 1936 году. Он со своей семьёй жил в Витебске, Белоруссии. Он был скорняком, а также строил печи для бань. Бабушка Хана работала в кондитерской. Когда пришли Советы, индивидуальная деятельность была запрещена, они уже больше не могли этим заниматься.

Бабушка со мной разговаривала на идиш, поэтому идиш я понимаю хорошо.

Бабушку, дедушку с папиной стороны я вообще не знаю. По рассказам, дедушка был в Николаевской армии кантонистом. Прослужил там 25 лет. После окончания службы, когда у него уже была своя семья, дед, как бывший кантонист, получил надел земли и, кроме того, каждый год семья получала, так называемый, «сухой паёк»: картошку, сахар, муку... Фамилия дедушки была Шнайдер. Так как «шнайдер» переводится на белорусский язык «кравец», дед взял себе фамилию Кравцов. У дедушки было 12 детей. Жили они под Витебском, в Лётцах. Бабушка была учительницей в еврейской школе. Когда началась Вторая мировая война, и немцы оккупировали Белоруссию, некоторые из местного населения всячески пособничали немцам. И вот один из них (он был бывшим учеником бабушки), переодевшись в форму немецкого полицейского, заперол мою бабушку вилами...

Старшая папина сестра жила в Ленинграде. Но как раз в то лето с трёхлетним сыном отдыхали в Белоруссии. Когда пришли местные крестьяне громить их дом, она успела спрятаться в ригу, это помещение для хранения сена. Так они спаслись. После этого тётя с сыном ушла к партизанам...

До 1940 года в Белоруссии евреи вели активную еврейскую жизнь: был еврейский сельскохозяйственный техникум, еврейская школа, еврейский народный суд...

Обучение и в техникуме, и в школе велось на идиш. Отец и мать учились в этом техникуме, там они и познакомились. Маму звали Бася. Так как у мамы было хорошее образование, её пригласили работать в еврейский народный суд.

Она работала секретарём. После техникума отец заочно закончил военную сельскохозяйственную академию в Москве.

В 1940 году решением советского правительства язык идиш стал запрещён, суд закрыли, мама осталась без работы...

Когда началась война, мне было 6 месяцев. Как мне рассказывали, в эвакуацию наша семья поехала в товарном вагоне. Такие вагоны тогда называли «телятники», так как в них перевозили скот. Поезд направился в сторону Тамбова. По дороге поезд несколько раз бомбили... многие на ходу прыгали из поезда..., самолёт начал бомбить по выпрыгнувшим из поезда... Наша семья осталась в поезде... Когда это место проскочили, мама рассказывала, они постелили на пол газету, наклонили голову, и из головы начали сыпаться вши... Когда на второй день посмотрели, головы были чистые, никаких вшей не было... Это случилось, очевидно, от страха...

Когда доехали до Тамбова, там вышли. И в этом же поезде стоявшая в Тамбове воинская часть поехала назад на запад, на фронт. Так как у мамы была специальность - агрономом, ей предложили работать в совхозе. Нас поселили в домик при церкви. Отец воевал на фронте, был контужен, попал в госпиталь, случайно, тоже в Тамбов. При военкомате вывешивали списки всех военнослужащих, стоявших тогда в Тамбове. Мама, как чувствовала, всё время приходила и просматривала эти списки. Так мама нашла по спискам своего мужа.

Мой отец Самуил Моисеевич был офицером. После выздоровления его направили в Горьковскую область, и он забрал нас с собой. Там была воинская часть по поставке еды для армии. Потом отца перевели в Туркменскую ССР, затем - в Новосибирск. Так мы и переезжали за отцом с места на место туда, где он служил... Поэтому детства у меня так и не было. Я учился в 14(!) школах. Помню школу в Туркмении. Мне было тогда где-то 13-14 лет, заходишь в класс, учитель туркменского языка «приветствует» меня: «О, ещё не все в Палестину уехали!...» И мальчишки в Туркмении всё время меня «кидовская рожа» обзывали...

Отец служил начальником части. Помню, как отец рассказывал, что его начальник, полковник, сказал:

«Самуил Моисеевич, забудь своё имя-отчество, ты - Семён Михалыч, ты же знаешь, еврей - не в почёте».

Когда отец демобилизовался, мы вернулись в Белоруссию. В Витебске после войны осталось всего 118 (!) человек из 70 тысяч... Был а грейсер цурес... Никакой еврейской жизни в Витебске не было. До 1991 года вообще не было синагоги. Потом стали собираться для молитвы на квартире одного еврея. Когда я потом приезжал в отпуск к родителям, я тоже туда приходил. До сих пор в Витебске нет раввина. До армии я закончил в Витебске электротехническое училище. После училища служил в армии в Таллинне, был радиотелефонистом.

Еврейской жизни в детстве, юности у меня не было, она появилась только в Таллинне. Когда я служил в армии в Таллинне, первое, что я сделал в свой первый выходной, - пытался найти, где в Таллинне находится синагога. Гуляю по городу, вижу, еврей идёт по улице. Подхожу:

- А ид?
- А ид.
- А здесь есть синагога?
- Зачем тебе синагога?
- Ну как же, я хочу прийти, я же еврей!

Ответы были всякие. Например, что атеист, не ходит в синагогу... или «я - член партии»... Так я подходил к нескольким людям на улице. Наконец я нашёл одного еврея, он работал часовщиком. Смотрю, с таким большим носом может только еврей ремонтировать часы. И у него я спросил, где в Таллинне синагога. Он, оглядываясь, говорит: «Ладно, приходи завтра, я подумаю...» Это было где-то середина 60-х годов двадцатого века. Так я начал ходить в синагогу, встречался с евреями...

После демобилизации из армии я вернулся в Витебск. Но там никакой перспективы на будущее для себя не видел. Вернулся опять в Таллинн. Работал на заводе «Двигатель». Когда начались конфликты на Ближнем Востоке, на работе начались всякие проверки-перепроверки... Я помню, что после того, как первый раз был в синагоге на Магдалена, на следующий день меня вызвал начальник отдела завода. Вопросы были такие: «Зачем ходил? Что там потерял в сионистском центре?..»

В то время в Советском Союзе во всех больших городах среди евреев усилился

интерес к еврейской истории и культуре. Стали создаваться группы, где начали изучать иврит, историю еврейского народа. Ввиду почти полного отсутствия соответствующей литературы, этот интерес дал толчок еврейскому самиздату. Комитет государственной безопасности СССР очень внимательно следил за всякой антисоветской деятельностью. Так как Таллинн - портовый город, и в городе часто гуляли моряки, иностранцы, в КГБ очень боялись, что они могут привозить нелегальную литературу. В 1970 году в ленинградском аэропорту была задержана группа евреев, планировавших без оружия предпринять попытку угона самолета в Израиль. На фоне "Самолетного дела" КГБ приступил к разгрому сионистского подполья по всей территории Советского Союза. Наиболее массовые аресты и обыски производились в Ленинграде, Риге и Кишиневе. Но и в Таллинне после этого случая стало очень большое ужесточение со стороны КГБ. Кроме того, в связи с подготовкой к XXII летним Олимпийским играм (соревнования по Олимпийской парусной регате проходили в Таллинне), контроль КГБ стал еще жестче. В результате был нанесен ощутимый удар по сионистскому движению советских евреев. Десятки активистов оказались за решеткой...

В то время я учился заочно на третьем курсе Таллиннского политехнического института, экономического факультете. Но я был отчислен и арестован органами КГБ «за антисоветскую агитацию и сионизм в явном проявлении». Несколько лет провёл в тюрьме...

В бывшем Советском Союзе было полное отсутствие информации о том, что происходит за пределами страны, происходящее в Советском Союзе освещалось искажённо, многое замалчивалось. Для многих советских граждан "вражьи голоса", как их официально называли, радио Би-би-си, Голос Израиля, Свобода и другие являлись единственным источником не только альтернативных мнений, но и фактов, в том числе и о внутренней жизни Советского Союза. Из этих источников узнавали об авариях и катастрофах, тяжких преступлениях или разногласиях в руководстве. По радио зачитывали вслух

запрещённые книги, крутили джаз и рок. Слушать свободно, просто так настроиться на нужную волну, было очень сложно, так как специально на этих частотах включали заглушающий звук: шум, визг пилы и прочее. Для меня же таким источником информации было Финское радио. Каждый вечер полчаса была программа на русском языке, где всё можно было узнать. Например, там я узнавал, когда будут еврейские праздники.

Многим людям, в том числе и евреям, которые жили в Прибалтике, было непонятно, когда тебе в лицо говорят «жидовская рожа», когда учительница в школе могла сказать, что я не такой, как другие..., то же самое можно было услышать и в Белоруссии, и в Новосибирске, и в Туркмении... Когда я приехал в Таллинн, этого всего не было! Мой пройденный путь такой тернистый, всё время вертикально, всё время вверх. Всё время нужно было держать голову очень высоко. Главное, нужно было оставаться человеком. В моём понимании, вера и национальность — это не рубашка, которую можно поменять. А пот, кровь, слёзы, которые человек пережил на своём жизненном пути, они остаются. Остаются рубцом в душе человека. Они остались рубцом в моей душе.

У меня есть хобби, мне нравится делать поделки по металлу, из дерева.. Я уже сделал очень много работ, многие связаны с еврейской тематикой. Когда в 1960-ые годы в Таллинн приезжал еврейский театр из Литвы, в конце спектакля я вынес на сцену артистам подарок - большой Маген-Давид из бронзы, который тоже изготовил сам.

АЛЕКСАНДР ЗДАНКЕВИЧ

ВАЖНАЯ РОЛЬ
ПОКОЛЕНИЯ
1990X-2000X СОСТОИТ
В ТОМ, ЧТО МЫ
ВОЗВРАЩАЕМ
ЕВРЕЙСКИЕ
ТРАДИЦИИ В ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО
ЕВРЕЙСТВА.

Сразу уточню: так как речь идёт о “Еврейском паспорте”, то я расскажу вам только о еврейской линии моей семьи (по линии мамы), которая восходит к семье Вайссер. Это вовсе не значит, что я менее уважительно отношусь к своим русско-украинско-немецко-польским корням. История моей семьи, семьи Вайссер, в том виде, в котором она дошла до меня, начинается в селе Колодезки (Брянская Губерния, Стародубский уезд). Там жили мои прародители.

Существуют два варианта происхождения фамилии Вайссер:

1. Фамилия Вайссер могла произойти от немецкого слова «Weiser», что в переводе означает «мудрый человек». Соответственно, в такой фамилии отразилось наиболее выдающееся качество первого носителя этой фамилии. Фамилия Вайссер в дореволюционной России встречалась в основном в городах и местечках Волынской, Подольской и Черниговской губерний.

2. Фамилия Вайссер произошла от слова «vasser», что в переводе с идиша означает «вода». В этом случае она принадлежит к достаточно распространённой группе еврейских фамилий, образованных от названий профессий или рода деятельности. Зачастую, такие фамилии создавались на основе иврита, идиша, или немецкого, а также польского, украинского, белорусского или чешского языков. То есть, фамилия Вайссер (Вассар) создана на основе немецкого языка и происходит от профессии водовоза.

Согласно переписи населения Российской империи 1897 года, в Стародубском уезде проживало 144 833 человека; из них 92,91% — русские, 6,79% — евреи (Википедия). Семья Вайссер пережила погром в Стародубе 1891 года, основными участниками которого были местные торговцы-старообрядцы, недовольные торговой конкуренцией со стороны евреев, а также погромы в начале XX века, начавшиеся после опубликования Царского Манифеста от 17 октября 1905 года (Октябрьский Манифест - Высочайший Манифест об Усовершенствовании государственного порядка). Публикация Манифеста, кроме прочего, привела к наиболее массовым еврейским погромам в истории Российской империи.

По официальным данным — 690 погромов в 660 населённых пунктах, в период с 18 по 29 октября 1905 года было убито около 4000 тысяч человек, ранено 10 тысяч человек. (Википедия)

Основными занятиями еврейского населения в Брянской губернии в конце XIX – начале XX веков были ремесло и торговля. Евреи торговали преимущественно зерном и другими сельскохозяйственными продуктами.

Мой прадед Григорий Вайссер и прабабушка Мотя Вайссер владели несколькими мельницами и лесом. Когда пришло время, так называемых «кулаков» (кулаки - наиболее обеспеченная категория крестьян в дореволюционной России, использовавшая наёмный труд), наша семья была раскулачена. Это мне рассказала бабушка. Потом был голод, затем война. У семьи Вайссер отобрали мельницы и земли. После всех погромов и страхов, которые они пережили, мои прадеды сменили фамилию с Вайссер на Вайсера. Прадедуска был верующим человеком, прабабушка была атеисткой. У них было четверо детей.

Моя бабушка, Дина Григорьевна Вайссер, потрясающе красивая женщина, вышла замуж и переехала работать и жить в город Кохтла-Ярве, который строил мой дед. У них родились двое детей, сын и дочь. Дочь Дины Григорьевны, как вы уже догадались, – моя мама.

Я родился 20 августа 1985 года в Таллинне.

Впервые мы с мамой услышали семейную историю во всех подробностях только в конце 80-х годов прошлого столетия. Мне тогда было 5 лет. Через 2 года после этого, в 1992 году, меня отдали учиться в Таллиннскую Еврейскую школу. Мне очень повезло, что родители отдали меня именно в эту школу. Это был только третий год, как школа снова начала работать после долгих лет тишины. Тогда мы даже не знали, как долго я там проручусь – всё было ново, не так, как в других школах. В ту пору в ТЭШ было сильное образование и ещё более сильная семейная атмосфера. Преподавательский состав был потрясающий! Учителя еврейских традиций и еврейской истории, преподававшие тогда в нашей школе, до сих пор присутствуют в моей жизни. Моим

первым учителем еврейских традиций был Геннадий Грамберг - ультра-образованный человек. Хоть тогда я и был маленький, в пятом классе, но отчётливо помню, как мы сдавали ему «Модэ Ани» (молитва после сна) наизусть:

מודה אני לפניך מלך חי וקים, שהחיות בי נשמתי;
”במלמה. רבה אמותך”

Лев Кемпа – незаменимый человек, преподаватель еврейских традиций и педагог по внеклассной работе. Еврейскую историю преподавал Михаил Бейлинсон – великий человек, легенда, светлая ему память. А моим классным руководителем был учитель истории Игорь Талис. Так и вышло, что я иду по жизни с историей.

Я учился в Таллиннской Еврейской Школе в 1992-2004 годах. Затем закончил с отличием факультет Международных Отношений в Евроуниверситете, обладатель степени магистра социальных наук. 2010-2012 - докторант Евроакадемии, пишу докторскую диссертацию по теме «Балтийское измерение в европейской экологической политике».

В Еврейскую общину я пришёл в 2003 году, тогда был объявлен набор в «Школу молодых лидеров». С этого момента начался более активный период моей еврейской жизни. Я участвовал в подготовке мероприятий молодёжного клуба, работал в детских лагерях, пройдя все ступени от дипломированного вожатого до директора лагеря. В 2005 году я стал координатором студенческих программ в Еврейской Общине Эстонии. Это направление пришлось долго восстанавливать, так как многие студенты в 90-ые годы уехали, и в Общине ничего не происходило. Сейчас Студенческая Организация насчитывает около 150 человек. И это всё - тоже «школа»! В Еврейской Общине работаю руководителем программных проектов, директором Прибалтийского студенческого семинара «ОР»С 2014 года совместно с банкиром из Риги Ильей Хагиным руководим региональной организацией для деловых и предприимчивых людей Baltic Jewish Network.

Я принимаю активное участие и в жизни города Таллинна. 2009-2013 — член административного совета муниципального района Кристиине. С 2013 года - депутат Таллиннского городского собрания (Tallinna Linnavolikogu), член административного совета муниципального района Ласнамяэ.

По отношению к религии я выбрал для себя определённый подход к иудаизму. Я полностью согласен с великим мудрецом Гилелем, который рассматривал еврейскую религию, как средство для нравственного совершенствования личности: «обязанности человека перед ближним» он ставил ещё выше, чем «обязанности человека перед Б-гом». Это полностью отвечает моему сегодняшнему мировоззрению. На эту тему есть притча: «Один язычник, желавший принять иудаизм, но страшившийся обилия иудейских законов и обрядов, обратился к Гилелю с просьбой передать ему в нескольких словах сущность еврейского вероучения. И Гилель сказал ему: «Что тебе неприятно, того не делай другому – вот сущность Торы, а всё остальное есть лишь объяснения к этому. Ступай, учись!».

Я считаю себя верующим человеком. Иудаизм уникален – ты можешь просто, по-семейному, говорить с Богом, о чём хочешь... Не строго определенным текстом из молитвенника, а своими словами!

Что касается традиций, то их возвращением после развала Советского Союза, занимается, как мне кажется, новое поколение. Я думаю, что моё поколение знает о еврействе, иудаизме больше, чем поколение наших родителей. Важная роль поколения 1990х-2000х состоит в том, что мы возвращаем еврейские традиции в жизнь современного еврейства. Как правило, в семье традиции передаются от старшего поколения к младшему. Но сейчас, пока ещё, происходит так, что дети и внуки приносят их в свои дома. Основным сегодняшним приоритетом нашей Общины являются дети и молодые семьи. Всё развивается верным путем!

На своём примере могу сказать, что в Эстонии принадлежность к еврейской общине и к еврейскому народу вызывает больше вопросов, чем негодования. Обычно люди начинают сразу спрашивать: «а почему...», «а что...», «а вы не работаете в пятницу?», «почему вы не едите свинину?», «что такое кошерная еда?» и так далее. И ведь надо суметь ответить, объяснить, а может и заинтересовать. Для этого надо владеть такой информацией.

Главное – стремиться быть достойным, образованным и честным членом общества вне зависимости от национальности.

ЛЕОН ЯНКЕЛЕВИЧ

...БЫТЬ ЕВРЕЕМ
В ДИАСПОРЕ И
СОВРЕМЕННЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ... -
ЭТО, ПО МЕНЬШЕЙ
МЕРЕ, ОЗНАЧАЕТ НЕ
ЗАБЫВАТЬ, КТО ТЫ
ЕСТЬ...

Еврейское воспоминание из детства

Первым знаменательным еврейским событием для меня стала моя Бар-Мицва. Бар-Мицва была, так сказать, самодельная. Я помню, что мама сказала, что я должен к ней подготовиться. Я не понял и спросил у мамы: «Что значит подготовиться?» «Ну, какую-то речь подготовить, поблагодарить родителей, бабушек, дедушек». И я думал: «Что бы мне такое сказать?», и неожиданно возникла мысль: «А сочиню-ка я стихи... Скажу речь Бар-Мицвы в рифмованном виде». Что интересно, ни до этого, ни после я стихи не писал. И я придумал благодарственный стихотворный текст на 12-16 строк. Я знал с самого детства о том, что у мальчика в 13 лет должна быть Бар-Мицва. Когда листал старые альбомы бабушек и дедушек, там были фотографии некоторых бабушкиных братьев во время их Бар-Мицвы, я их с интересом разглядывал, изучал, спрашивал, но как правильно всё должно быть, меня никто не учил.

У дочки два имени

Когда у меня родилась дочь в 2004 году, я обратился к Раввину с вопросом, что полагается делать. В результате мы ей делали Бриту (ритуал для девочки аналогичный Брит-Мила для мальчиков). Происходило это в синагоге, и Раввин провёл этот обряд по всем правилам. Когда подбирали имя дочке, мы с женой хотели найти такое имя, чтобы на иврите оно что-то означало. Дочь зовут Алис, но у нее есть и еврейское имя Ализа, что на иврите означает веселье, радость, праздник.

На празднике Брита мы получили «Сертификат» в красивой рамке, в котором написано, что она Алис Янкелевич, еврейское имя Ализа. В подарок дочка получила Маген-Давид. Наш ребёнок знает своё еврейское имя и что это имя означает. Хотя наша семья и не соблюдает традиции повседневно, когда случаются ключевые моменты, как рождение ребёнка, хочется чтобы это прошло в еврейских традициях.

Прибалт в шестом поколении

Насколько я знаю, здесь, в Прибалтике, живёт пятое-шестое поколение нашей семьи. Прабабушек,

прадедушек я никогда не видел. Две бабушки и один дедушка - из Валги, Южной Эстонии, и один дедушка - из Тарту. В эстонское время Валга была одним из центров еврейства в Эстонии.

В Таллинне я - второе поколение. Мама Женни родилась в Таллинне, папа Моисей родился в Валга. Мама с папой знали друг друга с детства, их семьи были знакомы между собой. Они поженились в 1974 году. Мама была стоматологом, закончила Тартуский университет. Папа закончил нынешний Технический университет в Таллинне

Дедушки, бабушки, кнейдлах и “Чайка”

У прабабушек и прадедушек, особенно со стороны мамы, было много детей. Это были традиционные еврейские семьи. Дедушка Беньямин, один из 12 детей, бабушка Песя - одна из шести. Всех, кроме дедушки с папиной стороны, я застал. Бабушка Песя в Валга ходила в еврейскую школу, туда же ходила и вторая моя бабушка, со стороны папы, Анна. Они соблюдали до войны все еврейские традиции и, конечно, у них было еврейское самосознание.

Дед Беньямин был энергичен и предприимчив, занимался торговлей и производством, то есть, в нашем понимании, был бизнесменом. Насколько я понимаю, бизнес при наступлении советской власти у него отобрали, но его лично смена государственного строя не затронула. Он остался в Эстонии, его нигде не выслали. Потом дед воевал, прошёл войну от начала и до конца, но серьёзных ранений, к счастью, не получил. Бабушка со своей семьёй были в эвакуации, в Казахстане.

Познакомились бабушка и дедушка после войны, в 1948 году. Дед был на 11 лет старше бабушки и к этому времени добился немало. Они стали жить в Таллинне, где в 1949 году и родилась моя мама, единственный ребёнок в семье. После войны бабушки и дедушки кашрут уже не соблюдали, но обе бабушки замечательно готовили еврейские блюда, до сих пор помню вкус бабушкиных кнейдлах. Дедушку, с папиной стороны, я не видел, он умер до моего рождения. К бабушке Анне мы ездили в Валга всей семьёй в гости почти каждый год: поездка на “Чайке”, поезде Таллинн - Минск в Валга - это одно из ярких детских воспоминаний. Бабушка работала много лет продавщицей в магазине тканей в Валга.

Семья бабушки Анны тоже была в эвакуации, в Марийской республике. После войны они вернулись в Валга.

С бабушкой и дедушкой, со стороны мамы, я был очень близок. С самого раннего детства слышал от них идиш, сначала абсолютно непонятный для меня язык. На идиш говорила и моя вторая бабушка. Я слышал, как они с моим папой говорили на идиш, иногда для того, чтобы что-то скрыть от меня. Но это получалось недолго: в школе я учил немецкий и благодаря этому сейчас идиш понимаю процентов на 70. Еврейские праздники бабушки и дедушки знали, но строгого соблюдения не было. Уже ближе к концу 80-х, когда стало посвободнее, появлялась и маца к Песах.

«А как ещё? Я и есть еврей»

Я знаю людей, которые осознали факт, что по национальности они не русские, только в школе. Я с раннего детства знал, что я - еврей. В этом была определенная роль и у родителей, и, даже больше, у бабушек и дедушек. В детский сад я не ходил. Когда родители работали, я был у бабушки. Для неё было важно, чтобы я понимал, кто я есть. Она говорила мне, что мы - евреи, она рассказывала и про своё детство, и про довоенную еврейскую школу, и про своих еврейских друзей и подруг.

Многие родственники бабушек и дедушек жили в Израиле. Братья моего деда, со стороны мамы, уехали в Израиль давно, в конце 40-х, чтобы строить Израиль. В советское время контакты между ними не были очень сильными. Но то, что там живут братья деда, и что они уехали в Израиль давно - это я знал с самого маленького возраста. Бабушка утверждала довольно категорично, что у еврейского мальчика должна быть еврейская девочка. Но играть мне разрешали, естественно, со всеми детьми, не только с еврейскими.

У бабушки и дедушки родной язык был эстонский, и с ними я говорил именно на нём. Можно сказать, что у меня два родных языка, русский и эстонский, хотя я учился в русской школе. В школу я пошёл в 1982 году. Кстати, в классном журнале я был вписан как еврей. Во мне это не вызывало удивления: «А как ещё? Я и есть еврей». Но я не помню ни во дворе, ни в школе, ни в более позднем периоде, чтобы меня как-то дразнили, что я — еврей. Моя национальность никак не помешала

мне закончить среднюю школу с золотой медалью.

Учеба - еврейская и европейская

Я получил степень бакалавра в Estonian Business School, затем закончил Edinburgh Business School, в Шотландии, там я учился заочно и получил степень магистра.

Работать начал с 19 лет в аудиторской фирме PricewaterhouseCoopers, когда ещё учился на третьем курсе, там проработал 10 лет. Затем провёл два года в Эстонской почте (Eesti Post) финансовым директором, членом правления. Сейчас работаю в международном концерне «Magnum» председателем правления. Эта фирма занимается оптовой и розничной торговлей лекарствами в странах Балтии и Финляндии.

В начале 90-х, когда появилась воскресная еврейская школа, ходил туда и я. И это было первым плотным реальным соприкосновением с еврейской жизнью. Я помню лекции Самуила Лазикина, первого Председателя Еврейской общины. Запомнились и уроки музыки. Первый раз я услышал именно там новые для себя еврейские песни на иврите. До этого знал только «Тум балалайка» и некоторые другие песни на идиш, которые дома на кассетах слушал не один раз. До сих пор я часто напеваю: «Иерусалаим шель захав...» В воскресной школе я и познакомился со своей будущей женой. Когда я женился, мне был 21 год. Свадьба у меня не была еврейской, хупы не было, но музыка на свадьбе большей частью была еврейская. Нашу дочку некоторое время мы тоже водили учиться в воскресную еврейскую школу.

Чувство принадлежности

Я комфортно чувствую себя и в эстонском кругу, и в русском, но я знаю, что я - еврей. Быть евреем - это, прежде всего, помнить об этом, особенно в наше время глобализации.

На мой взгляд, быть евреем в диаспоре и современным человеком, у которого в детстве не было особого акцента на традиции - это, по меньшей мере, означает не забывать, кто ты есть. Не отождествлять себя с теми, с кем повседневно общаешься, с титульной доминирующей нацией. Нужно выстраивать отношения со всеми, но не забывать, кто ты есть сам.

И определённое чувство принадлежности я, безусловно, испытываю.

Узнав, например, об успехе какого-то еврея в любой области или услышав какую-то хорошую еврейскую новость, я очень радуюсь. Когда бываю в первый раз в каком-нибудь месте заграницей, и если есть хоть какое-то свободное время, то мне всегда хочется увидеть синагогу этого города. Но в тоже время, когда я вижу, например, эстонский Певческий праздник, где десятки тысяч людей собрались не случайно, а как один народ, взявшись за руки, и где каждый чувствует себя частью огромного целого, частью одного народа, я завидую белой завистью, так как этого у меня нет, мне этого не дано - вот так, взявшись за руки, чувствовать себя частью огромного целого.

РЕБЕККА БЛУМБЕРГ

...ЭТО В ЕВРЕЙСКОЙ
ТРАДИЦИИ - ВСЕГДА
ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ
И ПОМОГАТЬ ДРУГ
ДРУГУ...

По-еврейски меня зовут Рива, Ривка. Родилась я в Каунасе, в Литве. Литва всегда была и осталась очень еврейской страной. До Второй мировой войны там жило очень много евреев.

О моей ветви со стороны папы я мало знаю. Я была очень маленькой, когда нашу семью репрессировали, папу арестовали, и всю нашу семью как «врагов народа» выслали в Сибирь. Это произошло 16 июня 1941 года. Папа, по советским понятиям, был богатым. У него было ein Grossgeschäft — оптовая торговля, в основном, тканями. Папу осудили по статье «социально-опасный элемент». Репрессии в Прибалтике начались за две недели до начала войны — 14 июня 1941 года. В 2011 году исполняется ровно 70 лет этому трагическому событию.

К сожалению, родителей моей мамы Ханы-Леи Фишер я вообще не помню. Дедушка умер ещё до войны. Моя бабушка, пятеро братьев и сестёр моей мамы - все погибли в Каунасском гетто. Они были сожжены заживо вместе со всеми другими еврейскими семьями... Перед отступлением немцы подожгли Каунасское гетто.... Кому-то удалось спастись..., это были, в основном, молодые люди, которым удалось сбежать. У них были очень трудные судьбы... они бежали, вынуждены были прятаться в лесах...

Крепких трудоспособных молодых людей немцы угоняли в Германию на работу. Некоторые из них по дороге прыгали с поезда... Среди таких был мой двоюродный брат Моисей и его девушка Рива. Они были очень молоды, им удалось сбежать и спастись... В 60-х годах они уехали в Израиль. Детей у них не было. Молодых женщин в концентрационных лагерях стерилизовали, поэтому они не могли иметь детей никогда...

Мне было 3,5 года, когда началась война. По стечению обстоятельств, многие из тех, кого выслали, остались живы. Конечно, в Сибири эти люди пережили не лучшие годы своей жизни, многие погибли в лагерях. Это были лагеря, которые предусматривали для основных «виновников» 5 лет каторжных работ.

Мой отец Якоб-Берл Левин, к сожалению, не выжил.

Трагедия, случившаяся в моей семье, привела к тому, что негласно в семье был запрет на вопросы, связанные с ссылкой. Мама была очень сильно травмирована тем, что произошло. На её психику подействовала двойная нагрузка: трагедия Каунасского гетто, где погибла вся её семья, и гибель мужа, моего отца... Эта травма у мамы осталась на всю жизнь...

Мама до войны была из бедной, но довольно интеллигентной семьи. Мама ходила сначала в религиозную школу в Мемеле (до войны это был немецкий город, в настоящее время - Клайпеда), затем училась в немецкой гимназии и идеально знала немецкий язык. До войны она работала секретарём-референтом на престижной и успешной фабрике. Мама была грамотным человеком. Она знала идиш, литовский, немецкий языки, русского она не знала. Когда мы были в Сибири, мама скрывала, что знает немецкий язык, потому что там людей, владеющих немецким языком, воспринимали как «немецких шпионов». Мама очень боялась этого. Она мне строго-настрого наказала, чтобы я никому нигде не говорила о её знании немецкого языка, тем более, что она плохо говорила по-русски.

В Сибири мы жили в бараках, в которых были двух-, трёхъярусные нары. Женщины очень тяжело физически работали, чтобы заработать трудовни, чтобы как-то прокормить детей... дети болели, умирали... всякое было... В нашем посёлке жили, в основном, женщины из Литвы - литовки, еврейки... И они объединились в общем несчастье. Все, которые были высланы в Сибирь, были объединены одной судьбой. Это не был вопрос национальности, это был вопрос выживания. В Сибири я проучилась два с половиной года в русской школе. Мама и другие женщины занимались там самой чёрной работой — делали торфяные брикеты, работали в поле... На высланных женщин смотрели как на бесплатных рабов. Денег не платили, давали какие-то трудовни, по которым выдавали замёрзшую картошку... Мы жили впроголодь в ссылке. Иногда меня приглашали к себе и подкармливали родители моей подруги (некоторые евреи получали через «Красный крест» помощь от родственников, живших за границей).

Из ссылки мы вернулись в 1949 году нелегально. Нам, как высланным, не было разрешено возвращаться. Все наши документы у нас были отняты, была только справка на право проживания в той местности в Сибири, куда нас выслали. В это время стали появляться сигналы, что некоторые высланные нелегально уехали... Остаться там было бесперспективно. Нам помогли уехать наши друзья. Реабилитировали нас только в 1956 году. После возвращения из ссылки мама отправила меня к тётке Шуле, папиной сестре, в Каунас. Я хорошо помню Шулю, Шуламит. Она со своей семьёй была в эвакуации. Там они пережили войну. Шуля была очень сильная личность и одна из первых смогла вывезти всю свою семью после войны в Израиль.

Некоторое время я жила у тётки Шули. У неё в доме я выучила идиш. В этом доме соблюдались еврейские традиции, соблюдали субботу, по праздникам там встречались евреи, отмечали все вместе.

А мама сама поехала в Вильнюс, чтобы получить хоть какие-то документы. Все документы, где было написано Бийск, надо было уничтожить, чтобы никто не знал, откуда мы приехали без разрешения. Мы сочинили какую-то легенду о том, что у нас потеряны, сожжены документы. Новые документы можно было только купить, а чтобы купить, надо было иметь деньги. Тогда были еврейские благотворительные группы, которые занимались этими вопросами — сбором денег для оформления документов, помощью в трудоустройстве... Всё это делалось нелегально и было связано с большим риском. За такую деятельность могли арестовать и посадить в тюрьму. И в течение года после возвращения мама находилась на дотации такой благотворительной еврейской организации. Когда через год мама получила паспорт, она забрала меня в Вильнюс. В Каунасе остаться мы не могли — город маленький, все друг друга знают. Если бы кто-то доложил, что мы приехали нелегально, нас бы ещё за это арестовали и в тюрьму посадили.

В Вильнюсе нас никто не ждал. Своего жилья не было. Мама работала домработницей у кого-то. И там нам дали маленький угол. Мама за эту работу денег не получала. Платой было проживание и еда. Там мы прожили где-то год.

Мы поддерживали связь с одной еврейской семьёй, жившей до войны в Каунасе. Эту семью тоже выслали в Сибирь. Они из ссылки нелегально уехали в Ригу. Они нам предложили переехать в Ригу, Рига - большой город, там нас никто не узнает...

В Риге мы снимали угол. Мама где-то пыталась работать, но особо не могла это делать. Она была очень травмирована всем пережитым...

Я очень рано стала взрослой... В 15 лет мне пришлось пойти работать, чтобы прокормить нас двоих. Я должна была нести ответственность за себя и за маму. Я пошла работать туда, куда меня приняли - на швейную фабрику. В этом возрасте никуда больше не принимали. Мне пришлось уйти из дневной школы и перейти учиться в вечернюю. Последние три года школы я училась и работала в две смены обычной швей-мотористкой. Я уставала, засыпала, сидя за партой... Материально жить было очень тяжело на мою маленькую зарплату... После окончания средней школы мне удалось поступить в Риге в филиал Московского текстильного института на вечернее отделение.

В Риге у меня появились друзья. Вообще, это в еврейской традиции - всегда держаться вместе и помогать друг другу, особенно, в трудное время. Иногда это был просто совет или материальная помощь. И первое время, когда мы с мамой приехали в Ригу, наши друзья помогали нам устроиться. Всех нас объединяло и то, что мы евреи, и то, что вместе пережито, и общая судьба. Не помню, в каком году, в Риге появилась синагога, где проводились еврейские праздники, проводились поминальные молитвы, обряды при рождении ребёнка... Это всё было полулегально. И мы, рижская молодёжь, начали активно туда ходить. Это было наше внутреннее желание быть вместе. Евреи, которые переехали из Украины, России, ощущали себя в Риге более защищёнными. По отношению к себе на протяжении всей моей жизни - и на работе, и в общественных местах, в детстве, например, в лагерях, в школе - антисемитизма я не чувствовала. Я думаю, что человек должен оставаться самим собой. Я никогда не меняла ни фамилию, ни имя, ничего такого, чтобы скрыть, что я - еврейка. Я была горда, что принадлежу к этой нации, так как в нашей нации есть много достойнейших людей.

Для меня быть избранным народом не значит, что мы лучше других, а то что мы более ответственны по отношению к другим.

Когда мне предлагали вступить в комсомол, я не делала это сознательно. Не делали этого ни я, ни моя подруга. Мы считали, что обманывать нельзя, так как мы скрывали, что были высланы... Когда нам в очередной раз предлагали вступить в комсомол, мы говорили, что ещё недостаточно готовы..., что нам надо ещё над собой поработать...

Среди моих друзей в Риге была подруга Ида Блумберг. У неё был двоюродный брат Моррис, который жил в Таллинне. Когда однажды он приехал навестить своих родственников в Риге, он пришёл на одну из наших молодёжных встреч. Там я и познакомилась с Моррисом, моим будущим мужем. Постепенно наша взаимная симпатия друг к другу росла, мы поняли, что у нас общие жизненные установки и, кроме того, нас объединило то, что его семья тоже была выслана.

Когда я первый раз приехала в Таллинн и вошла в дом семьи Морриса, мне настолько понравилось там! их еврейский уклад жизни, отношение друг к другу... Это был настоящий еврейский дом. Я почувствовала теплоту и домашний уют... Ведь все эти годы до моего замужества у меня не было чувство дома, я всё время росла в состоянии временного жилья, и не имела обычного для каждого человека чувства дома. Это семейное тепло и защищённость я почувствовала в большой семье Морриса.

Через некоторое время мы поженились, и я переехала в Таллинн. Отец Морриса, Рахмиэль, принял меня как родную дочь. Нас очень объединило и то, что между собой мы говорили на идиш. Рахмиэль Блумберг был тот неформальный габэ, к которому все приходили за советом. «И как Рахмиэль скажет, так мы и сделаем», - говорили евреи. Он был образцом честного, порядочного, рассудительного человека. Свои суждения он говорил так убедительно и так строго, что послушаться его не могли.

Когда у нас родился сын, легально сделать ему Брит-мила нельзя было. Более того, мой муж работал в таком месте, что проведение такого обряда могло помешать его карьере.

Рахмиэль взял организацию обряда на себя - пригласил из Питера мозля, и это делалось нелегально у нас дома. В это время мы жили вместе с родителями Морриса.

С 1997 года я работаю в социальном центре еврейской общины Эстонии координатором социальных программ:

- патронаж — уход на дому;
- тёплый дом — клуб по интересам;
- мелкий ремонт.

Программа «Патронаж» охватывает 102 человека: 70 - в Таллинне и 32 — в филиалах. Обслуживают наших подопечных 34 человека. Мне удалось собрать хорошую команду помощников и группу волонтеров WIZO, без которых мы бы не справились с этой сложной задачей. Я благодарна судьбе, что имею возможность заниматься делом, которое мне по душе. Убеждена, что когда мы делаем другому жизнь легче, и нам становится легче.

Программа «Тёплый дом» - моя отдушина. Это домашний клуб по интересам. Встречи проходят 1-2 раза в месяц в домашней обстановке. Это обмен информацией по всем еврейским и нееврейским вопросам, встречи с интересными людьми, там мы отмечаем наши еврейские праздники, дни рождения. Это юмор, самоирония, анекдоты, стихи и разные придумки. Мы ждём этих встреч, это для нас праздники души! У нас много талантливых творческих людей, каждая встреча открывает и раскрывает новые таланты. Мы едины не только во время застолья, но и в трудные минуты жизни, когда нужна поддержка, участие и реальная помощь. В Таллинне у нас 5 таких домов, есть ещё в Пярну, Вильянди и Валга.

«Тёплый дом» - моя радость и гордость. Я вижу плоды своего труда, так как я вижу, как постепенно стирается грань между «местными» и «приезжими» евреями. Мы настолько сблизились, что появилось желание чаще встречаться домами, обмениваться своими находками и удачами. Одну из встреч «Тёплого дома» мы провели в последний день Хануки 5771 года в доме у Раввина Шмуэля и Ханы Кот. Большинство из нас были в этом доме впервые. Обстановка была особенно тёплой и приветливой, а 7 детей семьи Раввина, которые встретили нас с улыбками и радовались встрече, просто потяряли нас!

Зажжённые ханукальные свечи, песни и удивительный покой и радость общения... У многих появилось желание рассказать о своём детстве, о трудной судьбе, когда еврейство надо было скрывать, у многих возникли воспоминания-исповеди... Было так хорошо вместе, не хотелось расходиться!

Кроме социального центра я представляю WIZO (Women International Zionist Organization) Эстонии, куда была избрана в 1995 году. В Эстонии WIZO активно занималась благотворительностью до 1940 года и возобновила своё существование лишь в 1990 году при помощи и поддержке WIZO Швеции. Сейчас мы являемся одной из 52 стран членом WIZO.

Работа нашей группы - это, в основном, волонтерство, участие в программах Социального центра общины, таких, например, как «Mitzva Days», «Патронаж» и там, где такая помощь востребована. Одним из последних проектов стал проект «Курсана» - пансионат для пожилых людей, которые нуждаются в круглосуточном наблюдении и уходе.

Когда 10 лет назад появился у нас раввин, многие люди в Эстонии не были готовы к этому - такой молодой, тем более хасид..., в Эстонии до войны не было такого направления иудаизма. Некоторые сомневались: «Ой, это не наш, это не для нас» и так далее... Но нам очень повезло. Раввин Шмуэль Кот делает своё дело так, как он понимает свой долг, и он также понимает, что находится в среде, которая не готова воспринимать еврейскую религию так, как он это понимает. Открытость раввина по отношению к людям привлекли многих людей в синагогу. Меня радует то, что много молодых людей начали посещать синагогу, в их числе и мой сын.

Мне бы хотелось, чтобы у наших общин, и религиозной, и светской, появилось взаимное проникновение, взаимное понимание. Чтобы это была одна большая семья, один большой тёплый дом для всех евреев.

ГАЛИ БАХАР

... Я ХОЧУ
ПОЖЕЛАТЬ ВСЕМ
МИРА, ТОЛЬКО
МИРА!

Я отношусь к той категории достаточно многочисленных евреев из бывшего СССР, которые не соблюдали еврейские традиции по разным причинам. Я знала, что наша семья - евреи, но дальше этого ничего не слышала. Либо это было сделано принципиально, либо по каким-то причинам - мне тяжело об этом судить.

Я знаю от бабушки Тоси, что её родители, мои прабабушка и прадедушка Зелковские, были из города Лодзь, Польши. Сама бабушка оказалась в Смоленске - как?, почему? - ничего не знаю. Моя мама Наталья уже родилась в Смоленске. Моя бабушка служила стенографисткой у одного из красных комиссаров Гражданской войны. Думаю, может быть, это служило причиной того, что о своём еврействе она особо не хотела рассказывать.

Это те крупницы, которая моя детская память помнит. Из Смоленска бабушка с семьёй переехала в Москву. Она работала на авиационном заводе. Во время Второй мировой войны, когда немецкие войска стали подходить к Москве, завод эвакуировали в Самару. Завод так и остался после войны в Самаре. И вся семья также осталась в Самаре. Моей маме тогда было лет 12-13. Там же мама вышла замуж.

Я родилась в Самаре. Закончила исторический факультет местного университета. Я училась в брежневский период. Тогда тема истории была определённой: была история КПСС, была Всемирная история, история средних веков, история Африки, Азии, Латинской Америки, только с одной маленькой пометочкой - даже намёка на государство Израиль вообще не существовало!

После окончания института работала в музее экскурсоводом. В одной из поездок я была в Баку, там и познакомилась со своим будущим мужем. Когда вышла замуж, то переехала жить в Баку. И уже в Баку, познакомившись со своей свекровью, началось моё постепенное еврейское просветление. В Баку в то время была достаточно сильная еврейская община. Ашкеназская еврейская община Баку состояла, в основном, из беженцев с Украины, Белоруссии, которые во время Второй мировой войны бежали и

нашли убежище в Баку. Вот так и моя свекровь попала в Баку. Там её называли Полиной Абрамовной, но для всех нас она была Песей. И даже однажды, когда внук, мой сын, пытался назвать её бабушка, она ему ответила: «Какая я бабушка, я - Песя». Я думаю от Песи пошли токи ко мне, и началось моё еврейское возрождение. У свекрови на дверях висела мезуза, мы отмечали у неё Песах, на Хануку она пекла пончики... хотя это и не было в плане религиозности, а в плане идентификации.

Свекровь работала на высокой должности, была партийным работником, и свёкр тоже был партийным работником. Оба были участниками войны. Свёкра я не застала. Я благодарна жизни, что я познакомилась с этим хорошим человеком, моей свекровью. У нас с ней были очень близкие отношения, как между подружками. Она мне звонила по телефону: «Я сделала цимес или ещё что-то, приходи покушаешь.» И я тут же мчалась. Свекровь ходила в Бейт Кнесет. С ней я в первый раз пошла в Бейт Кнесет на Йом Кипур. Еврейские праздники мы отмечали у свекрови. Она рассказывала о своей семье, где поддерживались еврейские традиции, праздники. В Баку тогда можно было довольно открыто купить мацу. Правда, кушали мы её с чёрной икрой.

Баку в то время был очень многонациональный город. Я помню, когда мы поженились, наш дом стал открытым для гостей. И кого только не было у нас за столом: у нас были и евреи, и были азербайджанцы, у нас были и армяне.... - такой полный конгломерат! Естественно, за столом анекдоты. Вечно за столом спорили, кто более умный армянин или еврей... В 1988 году начался Карабахский конфликт, начались стычки между азербайджанцами и армянами. В Баку было очень много смешанных армяно-азербайджанских семей. Начались чистки этих семей... Начались волнения и среди русских, и среди еврейских семей. И в этот период началась Большая алия в Израиле. Открылись ворота, и, кто хотел, могли уезжать. И в Баку началась обсуждаться тема алии, тема переезда. Я не могу сказать, что из Баку надо было бежать. Я тогда не очень поддавалась на эту волну. Во время этих событий в 1991 году у меня умер муж.

После этого свекровь сказала, что её здесь ничего не держит. Свекровь первая репатрировалась в Израиль. Мне нужно было решать. Я понимала, что я останусь одна с ребёнком. Но я понимала, и что в Израиле я должна тянуть ребёнка одна. У меня не было розовой эйфории, я прекрасно понимала, что в Израиле я должна начинать сначала, одна с маленьким ребёнком... В Баку меня немножко удерживала достаточно хорошая работа. В то время я работала в книжном издательстве, получала достаточно хорошую зарплату. И, в принципе, материально жила хорошо. В Баку никогда не было карточной системы, как в 90-ые годы XX века было на большей части СССР. В Баку люди материально жили достаточно хорошо. Евреев там очень уважали. Евреи в Баку были как будто в «Красной книге». Отношение уважительное, почтительное. Поэтому внешне никакого повода у меня не было «бежать» из Баку. Я просто видела, как в развитие в республике идёт в сторону национальных привилегий. Началось «азербайджанивание», то есть русские школы должны были переходить на азербайджанский язык, начался перевод всех документов на азербайджанский язык... Я должна была решать: либо я принимаю решение репатрироваться, либо погружаюсь в омут национального государства, которое в Азербайджане пытались построить...

Свекровь меня постоянно звала: «Приезжай, приезжай, приезжай...» В это время сын должен был пойти в первый класс. И я понимала: даже, если мне там будет трудно, я должна вывезти ребенка. В основном, старшее поколение едет не для себя, оно едет для детей. И я взяла ребёнка, и мы репатрировались. Отъезд у нас произошёл совершенно спокойно. Я репатрировалась в 1996 году. Достаточно осознанно - я хочу, чтобы мой сын начинал здесь, в Израиле, чтобы его сознательная жизнь начиналась в государстве, в котором он и должен жить. Большая алия уже пошла на убыль, не было больших очередей в разных учреждениях, где нужно было оформить документы всем вновь прибывшим. С тех пор, как я стала жить в Израиле, моё мировоззрение меняется вместе с воздухом Израиля, его природой, историей.

Стоит только сделать первую экскурсию - поехать в Иерусалим, по историческим местам, просто зайти в первую попавшуюся синагогу - и ты просто хорошо себя чувствуешь!, это ощущение на подклеточном уровне... Я чувствовала, что я приехала к себе домой. Израильтjане очень открытые. Любой человек на улице может подойти и спросить тебя о чём угодно.

Вначале мне было очень тяжело. Для того, чтобы продолжать работать на той работе на которой я хотела, надо было интенсивно учить язык. У меня прежде должен был быть ЯЗЫК, я не собиралась закрываться внутри русскоязычного проживания. Первый год я жила в Ашдоде. Я помню своё ощущение утром на следующий день, как приехала. Я проснулась, открываю окна, и из окон слышу популярную телевизионную передачу на русском языке! И я про себя подумала: «Где я нахожусь?» То, что я услышала, меня не обрадовало... Русскую речь я слышала везде - на улице, в магазинах... Я для себя решила, что здесь жить не буду. Первый год я учила иврит, ходила в ульпан. В изучение языка я вкладывала очень много времени и сил, я учила не час, не два - я учила много, потому что мне это было важно. Я выключила все каналы на русском языке, попыталась создать мини мир с ивритоговорящей публикой. Хотя материально было тяжело, сразу взяла ребёнку частные дополнительные уроки иврита, чтобы он влился в среду с первого класса. На второй год я уехала из Ашдода, переехала в Холон, пригород Тель-Авива, где и живу до сих пор.

На второй год смогла уже найти себе подходящую работу. Я обязательно хотела, чтобы хотя бы на первое время меня окружал иврит. И я начала работать в телемаркетинге медицинской кампании, которая продавала абонементы «Приглашение врача домой в вечернее время». В Израиле, если ночью или вечером что-то случится, обычная медицинская помощь не доступна. Ночью врача можно вызвать только через частную кампанию, которая организует обслуживание в вечернее и ночное время. В этой кампании работали коренные израильтjане. В то время я говорила на начальном иврите, но меня взяли, потому что им было выгодно держать работника, который мог говорить на двух языках.

Когда мы звонили в города, где проживало много русскоговорящих жителей, никто, кроме меня, не мог с клиентами говорить по-русски. Там я говорила и на русском языке с клиентами, а общение с израильтjанами у меня было на иврите. Иногда меня приглашали как переводчика, когда надо было заключать какие-то сделки с русскоговорящими бизнесменами. Так постепенно мой иврит развивался. Потом получилась ситуация, что в одном ульпане не было учителя, и меня пригласили туда на работу, но эту работу не оплачивали. Несмотря на это, для меня эта работа была важной, так как я хотела в дальнейшем работать преподавателем. И буквально через месяц меня уже поставили на зарплату. Мои ученики потом говорили: «Мы за месяц узнали больше, чем за полгода с ивритоговорящим педагогом.»

Мой мини круг общения был израильский, я его сама выбрала, потому что мне нужно было постоянно слышать иврит, говорить с кем-то. И мне важно было понять Израиль не от новых репатриантов, а понять Израиль изнутри. Поэтому у меня появились друзья, подруги - израильтjане, носители языка. И от них я узнавала про Израиль.

И оказалось, что Израиль - очень разный. Есть Израиль очень религиозный, есть Израиль совершенно светский, часть израильтjан в Израиле не отмечают даже ни Пейсах, ни Хануку, не интересуются, что именно связано с этим праздником. Когда я спрашивала что-то конкретное про праздник, о чём не могла найти информацию, они в ответ у меня спрашивали: «Откуда ты это знаешь?»... И есть третья категория израильтjан - «средние» израильтjане, которые соблюдают традиции в определённых рамках, знают историю Израиля... Думаю, я отношусь к ним.

Хочу ещё поделиться на тему религиозного Израиля. Я знаю одного молодого еврея, который принял и соблюдает иудаизм полностью. Он живет в Бней Браке, у него жена - армянка, которая прошла гиюр. Сейчас у них восемь детей. Я достаточно часто бываю в этой семье. Я вижу, как они живут. Материально прожить им достаточно тяжело. Но насколько они все светлые! Их дети ещё маленькие, но каждый помогает друг другу.

Они рады этой жизни! Они живут очень бедно, но видно, что у них другие взаимоотношения - их не волнует, где купить, что купить, то есть не до такой степени, как это волнует светских израильтян. Мне очень нравится у них бывать. И более того, мой сын Дима, который закончил армию, он совсем не религиозный, но его тянет в этот дом. Они находят какие то общие темы, он там часто остаётся и на пару дней погостить...

Со временем я поняла, что мне нужно ещё учиться и получить израильский диплом для того, чтобы делать карьеру более быстрыми темпами. Тогда дорОт у меня откроется больше. Я поступила и закончила в Израиле Институт по изучению семитских языков, получила Диплом учителя иврита в старших классах. Я начала работать в школе и продолжала работать в ульпане. Но всё-таки, всего у меня было не очень много часов работы. И я стала искать дополнительно какую-то работу. И случайно в интернете наткнулась на объявление организации ОРТ. Эта всемирная еврейская организация. Эта организация создана в Санкт Петербурге, её создали три богатых еврея. С самого начала, среди прочего, задачей этой организации было помогать евреям получать еврейское образование. Сейчас ОРТ - это мощная организация, штаб-квартира которой находится в Лондоне. Задача организации осталась та же, но на более современном уровне. Со времени развала Советского Союза на его территории стали работать еврейские школы. Задача ОРТа была помочь этим школам остаться на плаву, чтобы там продолжалось изучение иврита, еврейских традиций, еврейской истории. Организация помогала финансами, а также стала готовить и отправлять израильских учителей преподавать иврит в этих школах. Я подала своё CV в эту организацию. Меня приглашали на несколько собеседований: сначала в ОРТ, потом в Министерство образования Израиля. Так я получила место преподавателя иврита в диаспоре. Несмотря на то, что в ОРТ работают преподаватели иврита с дипломами, нас дополнительно специально готовят для преподавания в диаспоре. Нас постоянно собирают на семинары, где мы повышаем квалификацию.

В диаспоре нужен совсем другой подход, отличный от преподавания иврита в Израиле, где иврит является родным языком. Установка Министерства образования такая, что мы не должны преподавать иврит на русском языке. В этой работе мне помог мой опыт работы в ульпане.

Первое моё впечатление, когда я зашла в первый раз в Таллинскую еврейскую школу, увидела оформление, связанное с еврейской историей, еврейскими традициями, увидела флаг Израиля, что-то написанное на иврите - я так удивилась!, я даже не думала, что где-то далеко, в Таллинне, может быть так - я захожу, и там есть иврит! На дверях классов было написано на эстонском, английском и на иврите. Мне было так удивительно! Сравнивая с другими еврейскими школами, в Таллинской школе тема еврейских традиций, еврейской истории очень поддерживается благодаря педагогам, которые в ней работают. В школе давно работает Лев Кемпа, который ведёт «Еврейские традиции», давно работает Игорь Талис, который ведёт историю, Инна Кандель, которая вкладывает всю себя и в преподавание уроков музыки, и в преподавание в младших классах иврита - все они стараются держать еврейский дух в школе. Коллектив в школе чудесный, и администрация - директор Игорь Ильченко, завуч Фаина Габович - все мне помогают с первого дня.

Со стороны Израиля нам дают специальную программу для работы в диаспоре. Я работаю по двум программам: одна программа - для детей с четвёртого класса и дальше, вторая программа - канадская, её название ТАЛЪ АМ. Канадские преподаватели разработали новую программу изучения иврита по всему миру.

В конце своего рассказа хочу пожелать всем мира, только мира! Я помню три года, когда у меня сын служил в армии, - я себе не находила места. Я знала, что если какая то экстренная ситуация, он будет там. Мы все — матери, отцы, у которых сыновья проходят армию, - чётко понимаем, что мы ничего большего не хотим - только мира. Только чтобы не было войны.

Евреи - избранный народ. А избранный народ должен терпеть трудности. Если бы было всё хорошо,- в чём же тогда наша избранность?

Мы должны показывать, что в самых тяжёлых условиях можем быть Людьми с большой буквы. Всё, что Господь на нас посылал, посылает и, по - видимому, будет посылать, - для того, чтобы проверить свой народ, который был бы примером для других. Недаром в нашей истории горе и радость идут вместе. Постоянно нам открывается, что такова жизнь и нужно быть Человеком с большой буквы во всех ситуациях: и когда тебе очень хорошо, и когда тебе очень плохо. У царя Соломона был перстень-печатка, на которой было написано: «И это пройдёт». Когда ему было хорошо и радостно, он смотрел на этот перстень и понимал: радость закончится и будет что-то другое. Когда у него было горе, он опять смотрел на эту печатку «И это пройдет» и понимал, что опять будет что-то другое... И вот это сочетание двух несоединимых вещей сопровождает всю историю еврейского народа.

ЦИОНА МЕКОНЕН

... НАВЕРНОЕ, Я НЕ
СООТВЕТСТВОВАЛА
ИХ СТЕРЕОТИПАМ О
ЕВРЕЯХ...

Еврейская традиция, начиная с древних пророков, считает Цион ориентиром для возвращения всех евреев. Цион является символом Иерусалима и всей Земли Обетованной. Цион - это место, куда еврейский народ стремился со времени рассеяния после разрушения Иерусалимского храма. В честь самого Святого для евреев места на Земле мои родители назвали меня Ционией.

Папа, Элияху Меконен, и мама, Белайнеш Меконен, репатрировались в Израиль из Эфиопии. В годы моего детства в Израиле жило не так много евреев из Эфиопии, как сейчас. В Израиле у нас не было даже родственников. Бабушки, дедушки, двоюродные братья и сёстры, дяди, тёти - все жили в Эфиопии. Вся история жизни моих родителей и родственников в Эфиопии очень далека от меня, так как в Эфиопии я никогда не была и жизнь в Эфиопии никогда не видела. Недавно впервые меня заинтересовало восстановить свои корни. Вместе с папой начала работать над этим. Это большая работа, так как у нас очень большая семья.

Я не знаю родителей моего папы, потому что они умерли ещё до того, как я родилась. Дедушка Муше Элиас умер, когда папа был ещё совсем молодым, а бабушка Асегедеш Элиас умерла по дороге в Израиль. С маминой стороны, дедушка и бабушка, фамилия Тэфесахаку, совершили алию в 1981 году, я их хорошо помню. Родители рассказывали мне разные истории о своей жизни в Эфиопии. Жизнь моей семьи в Эфиопии всегда была очень-очень хорошей. И с маминой стороны, и с папиной стороны, семья жила достаточно зажиточно. Они жили в деревне, у них было своё хозяйство, много земли в собственности, жизнь была спокойной и обеспеченной. Мои прауродители также были очень богаты. Тот имидж, который имеет Эфиопия сейчас - голод, нищета и многое другое - никогда не испытывала моя семья. В деревне, где они жили, жили только евреи. Но у них были хорошие отношения, и они дружили с жителями других деревень, которые не были евреями - и с христианами, и с мусульманами. Жизнь у них была совершенно обособленной, так как они соблюдали и хранили еврейские традиции, еврейский образ жизни.

Они следовали еврейской религии очень строго, соблюдали кашрут, еврейские законы. Конечно, в деревне была своя синагога. Я приведу только один пример из жизни моей семьи в Эфиопии, который мне рассказывала мама. По еврейским законам, когда у женщины ежемесечный период, она не должна быть близко со своим мужем. За пределами деревни, где жили родители, был специальный дом, где женщина жила в течение всего своего периода. Там, конечно, она была всем обеспечена. Дети оставались дома с папой. Женщины в той деревне занимались домашним хозяйством, заботились о семье, воспитывали детей. Мужчины много работали вне дома и обеспечивали свои семьи всем необходимым.

Эфиопские евреи всегда жили с мечтой вернуться в Иерусалим, на Святую Землю. И мой папа тоже хотел осуществить эту мечту. В 1971 году папа со своим братом решили репатрироваться в Израиль. Сначала они решили поехать одни, оставив свои семьи, посмотреть, как там, может быть, найти работу, а потом привезти свои семьи. Они приехали в Израиль как туристы. Виза им была оформлена на 6 месяцев. В течение этих 6 месяцев они поняли, что хотят остаться в Израиле, жить в Израиле - исполнить свою мечту! Но в офисе, который занимался вопросами репатриации, им было сказано, что они не евреи и у них нет права на репатриацию. Им пришлось много бороться, чтобы добиться своего. Папа с дядей ходили по всяким инстанциям, министерствам... Они пытались везде доказать что они евреи, что в Эфиопии живёт много евреев. Они просили, чтобы их признали евреями и что они хотят остаться в Израиле. В 1973 году сефардский Верховный Раввин Израиля Овадия Йосеф признал эфиопскую общину бета Исраэль евреями, потомками исчезнувшего колена Дана, соответствующей требованиям Галахи. Это открыло для общины возможность али. Сразу после того, как мама узнала, что папа и дядя подучили право на репатриацию, она с двумя сыновьями сделали алию. И они воссоединились с папой. Уже в Израиле родилась моя сестра и потом я. Сначала в Израиле папа стал работать в гостинице в Рамат-Ган. Затем семья переехала в Ашдод, папа стал там работать на военном заводе.

Мама оставалась дома, занималась воспитанием детей, была домохозяйкой. В Ашдод в годы моего детства мы были единственными чернокожими. Рядом с нами жили евреи из Грузии, России, Индии, Марокко.

Родители осуществили свою мечту, и это было самым важным для них! Всё время их жизни в Эфиопии это было их мечтой, и теперь эта мечта стала реальной жизнью. Хотя жизнь в Израиле была связана с трудностями, но всё-таки наша семья была достаточно обеспечена и здесь.

Наша семья продолжала соблюдать еврейские традиции, но уже не так строго, как в Эфиопии. Дома соблюдали кашрут. У меня было религиозное воспитание дома. В детстве я всегда ходила в длинной юбке. Шабат был самым важным днём для меня. Из всех обрядов пятницу вечер и Шабат я любила больше всего. Это совершенно другая атмосфера, совсем отличавшаяся от будней, в пятницу вечером за шабатным столом собиралась вся семья. Делали кидуш. В Израиле приготовления к Шабату начинают в четверг вечером. Убирают в доме, готовят еду для Шабата. В пятницу уже чувствуется напряжение, так как нужно всё успеть сделать до наступления Шабата. Мама готовила традиционную эфиопскую еду, у нас был специальный хлеб для Шабата, а также была обычная израильская еда. Семья сидела за столом, мы пели, разговаривали... очень красиво, спокойно, было много шуток, радостно...

Хотя я выросла в религиозной семье, я ходила в не религиозную школу. Для папы это было нелегко принять. Дома, конечно, из уважения к своим родителям, я соблюдала все обычаи. Когда у меня была Бат-мицва, это не было таким грандиозным праздником. Я отметила своё совершеннолетие в школе с друзьями. Когда у моих братьев была Бар-мицва, это было более знаменательно. Я помню, мы ездили тогда в Иерусалим. Вся моя жизнь в Израиле и то, что я еврейка, было совершенно естественным для меня. Я никогда даже не задавала об этом вопросы. Первый раз, когда я поехала за границу и сказала, что я из Израиля, я - еврейка, люди удивлялись: «Какая ты еврейка, как ты можешь быть еврейкой, ты же негритянка?».

Или что-то в этом роде. В Израиле я никогда не сталкивалась с этим, потому что в Израиле каждый - еврей, и тебе не задают об этом вопросы. А когда я уехала из Израиля, тогда стала получать эти вопросы. Не то что люди относились ко мне негативно, хотели меня обидеть - нет. Они были очень удивлены. Наверное, я не соответствовала их стереотипам о евреях. Для меня это тоже было неожиданно, так как никогда до этого не сталкивалась с такими вопросами.

В 1970-х годах началась алия евреев из Эфиопии. В 1980-ые годы число прибывающих постоянно увеличивалось. В ходе операции «Моше», предпринятой правительством Израиля в ноябре 1984 года, прямыми перелётами из сборных пунктов на севере Эфиопии и юге Судана (куда будущих олим доставляли с помощью сотрудников секретных служб и спецподразделений военно-морских сил Израиля) были переправлены в Израиль около 14 тысячи эфиопских евреев. И тогда я впервые встретила с действительно большой нашей семьёй. Я встретила со своими двоюродными братьями, сёстрами, дядями, тётями ... Очень большая семья. Представьте себе: никого не было - и вдруг появилось очень много ... И на улице уже стало появляться много эфиопских евреев, мы уже были не единственными из Эфиопии...

После окончания школы я пошла служить в армию. В Израиле все граждане - и парни, и девушки - должны служить в армии. И это является чем-то естественным. В армии я служила в навигационных войсках. 3 дня я работала на базе, три дня отдыхала дома. Служба в армии была очень хорошим временем для меня. Там я узнала много разных людей. Армия сделала меня крепче, более дисциплинированной, более взрослой. После окончания армии я стала учиться на инженера. Проучилась год и поняла, что специальность инженера не для меня. Через некоторое время поступила в университет имени Бен Гуриона в Бер-Шеве и стала изучать географию, охрану и развитие окружающей среды. Там я получила степень бакалавра.

После этого стала работать в порту города Ашдод. Там я встретила своего будущего мужа, Давида. Он тоже работал там. Давид вместе со своей семьёй сделали алию из Таллинна в 1991 году.

Честно говоря, сначала для меня было очень странным встречаться с парнем из бывшего СССР, так как в Израиле русские и эфиопские евреи - это два совершенно разных мира. Я не имею в виду, что эти общины не любят друг друга, но разница в менталитете очень большая. Я помню, когда встретила Давида и спросила его национальность, ему было трудно ответить на мой вопрос. Тогда я спросила, откуда он. Он ответил, что из Эстонии, Тогда я говорю: «Ок, если ты из Эстонии, значит, ты - эстонец». Он ответил: «Нет, я - еврей». Я не могла понять: «Понятно, что ты еврей, но еврей - это религия, а эстонец - это твоя национальность или гражданство. В чём проблема?» И он попытался ещё раз, и ещё, и ещё объяснить мне: «Там, где я родился, ты не можешь сказать, что ты - эстонец или русский. Там я - еврей». Я так и не смогла это понять. В моём понимании, национальность (гражданство) и религия - это не одно и то же...

Через некоторое время я познакомилась с семьёй Давида. Семья Давида - просто удивительные люди! С самого первого раза они отнеслись ко мне тепло, доброжелательно. Когда я рассказала дома о своих встречах с Давидом, моя семья приняла это также благожелательно. У меня в семье самое важное было, чтобы человек был хорошим. Не важно, был ли он из Эфиопии или ещё откуда-то.

Мы встречались около 4-х лет. Поженились мы в Израиле. Это было в 2005 году. Сделали хупу. По еврейскому обычаю, за одну неделю до свадьбы жених и невеста не должны встречаться. Мы не встречались одну неделю до свадьбы. У эфиопских евреев есть ещё один обычай. По этому обычаю за несколько дней до свадьбы мы провели специальную церемонию. Собралось много гостей. Я, моя семья и многие гости были одеты в традиционную эфиопскую одежду. Мама раскрашивала мои руки, руки невесты, краской. Эта церемония означает удачу молодой паре. Перед хупой я посетила микву. По дороге в микву и после неё меня провожало много людей, мы пели и радовались предстоящей хупе. Наша свадьба была в мошаве, недалеко от Ашдод. И был большой праздник. На свадьбе было около 500 человек. Для эфиопских евреев это считается ещё небольшая свадьба.

Мой папа хотел пригласить очень много людей. Приехали друзья и родственники из Эстонии, были наши друзья из Израиля и очень много родственников из Эфиопии.

До того, как мы поженились, в 2003 году, я приезжала в Таллинн. Был декабрь месяца, было очень-очень холодно и много снега. Мы с Давидом пошли на прогулку в старый город... И как только я увидела сказочный старый город, моя первая мысль была: «Это то место, где я хочу жить!...» Потому что это было так волшебно! И все люди, с кем мы тогда встретились, были очень приятные, все мне очень понравилось.

Затем в Израиле была Вторая ливанская война, Давид был в армии и служил в Ливане. Я сидела дома и всё время ждала, что вот сейчас мне позвонят и скажут, что Давид мёртв. Мой брат тоже был в армии... Одного своего друга я потеряла в той войне... Это было очень тяжёлое время для меня. Когда война закончилась, я поняла, что больше не смогу жить в таком напряжении. У меня в Израиле семья и друзья, я люблю эту страну и большинство вещей там, но я не смогла продолжать жить там таким образом... Через некоторое время мы с Давидом решили переехать в Таллинн. Это было естественное решение, так как Давид в Таллинне родился. Мы переехали в Таллинн в 2007 году.

Для меня было крайне важно прийти в синагогу. Я была и на открытии новой синагоги. Я помню, когда мы с Давидом первый раз пришли к Раввину, первое, что он у нас спросил, была ли у нас хупа. Для меня этот вопрос показался немного странным, так как в Израиле это естественно и для меня это естественно, что должна быть хупа.

У нас с Давидом есть сын Йонатан. Он родился в Эстонии, поэтому он больше эстонец, чем израильтянин. На восьмой день мы провели ему обряд Брит-мила. Мы провели ещё одну церемонию для нашего сына. Церемония называется Пидьон ха-Бен. Обряд должен провести обязательно коэн. Церемония означает, что мы «выкупаем» нашего первенца, чтобы «освободить» его от статуса священнослужителя.

Теперь Эстония - это мой второй дом. Я имею в виду и синагогу, и еврейскую общину. Конечно, для меня - это совсем другое, что было у меня в Израиле, всё другое.

Когда я только приехала, было очень трудно. Сейчас становится всё лучше и лучше. Я привыкаю к местному менталитету, к погоде... И мой маленький сын помогает мне в этом. Я никогда не думала, что буду жить в Эстонии, но, действительно, очень рада, что здесь живу. Я встретила здесь много великодушных и добрых людей. И страна такая красивая! Я очень счастливая, что у меня был шанс приехать сюда.

Примечание: в настоящее время мы с Давидом разведены.

Перевод с английского: Галя Келензон

САРА УДИКАС

ЧЕМ БОЛЬШЕ Я
УЗНАВАЛА ОБ
ИУДАИЗМЕ, ТЕМ
БОЛЬШЕ ПОНИМАЛА,
КАКОЕ БОГАТСТВО
ДАНО ЕВРЕЯМ!

У меня эстонские корни. Я родилась в Вильянди. Была замужем, у меня два сына.

Несколько лет назад неожиданно мой дядя Яан, брат мамы, сказал, что его мама, моя бабушка, была еврейкой. Её имя было Сара, девичья фамилия Ыунап (Saara Üunar). Как-то так получилось в нашей семье, что о бабушке никто никогда не говорил, как будто бы её вообще не было. Бабушка умерла, когда маме было 7 лет. Мужем бабушки Сары был Яан Бальцар. Мою маму звали Линда, папу - Эльмар. Родители познакомились после войны. Во время советской депортации очень много наших родственников увезли в Сибирь. Маминого брата Александра тоже увезли в Сибирь, его жена умерла ещё раньше... Остались их четверо детей, которые жили у нас. Отца тоже хотели депортировать, но, всё-таки, эта участь его миновала. Я думаю, мамина семья жила довольно обеспеченно. Например, мамин брат учился в Германии. Мама закончила институт и некоторое время работала в Вильянди в горисполкоме инспектором.

Школу я закончила в Вильянди, затем училась в Тартуском университете на факультете журналистики и филологии. После окончания университета работала журналисткой в редакции газеты в Пярну.

Я всегда старалась жить по своим принципам, даже и в советское время. К вопросам религии относилась очень серьёзно. Меня это интересовало не потому, что это становилось модным. Для меня очень важно, чтобы это не было бы игрой и лицемерием. Уже в новое эстонское время, в 90-ые годы прошлого века, начала интересоваться более глубоко духовными вопросами. И уже в те годы я писала статьи на религиозную тему. В это время газета, где я работала, стала уже называться "Postimees".

Муж умер, когда мне было 36. Он болел, и последние годы у него были очень тяжелыми. Тогда, помню, я ходила вокруг церкви и в мыслях искала ответы на свои вопросы, так мне было тяжело... Несколько раз ходила в церковь, искала СВОЙ духовный путь. Когда оглядываюсь на свою жизнь и думаю о том, что было в ней, что сейчас есть, вспоминаю какие-то события, факты, я понимаю, что все события в жизни, все люди, с кем встречаемся,

отражаются потом в нашей будущей жизни.

Я думаю, одна из причин, почему я пришла к иудаизму, является то доброе, что евреи делали для меня. В важных моментах моей жизни со мной рядом были евреи. Например, редактор Пярну “Postimees” Фёдор Гродинский. Он был моим первым редактором. Фёдор был очень хорошим человеком и много доброго делал для всей редакции. Я очень глубоко уважаю этого человека. Ещё пример. Недавно я побывала в Израиле, и его дочь Майя Гродинская даже взяла отпуск, чтобы уделить мне больше времени. Фёдор Гродинский работал 40 лет(!) главным редактором. Из-за того, что его сын репатрировался в Израиль, Фёдора уволили, хотя ему до пенсии оставалось всего 1,5 года...

Со временем я переехала в Таллинн. И здесь продолжила поиск своего духовного пути. Я искала здесь и там, но определённого места, куда бы я могла и хотела приходить, у меня не было. Помню, как в 2000 году проходила Всеевропейская акция христиан в поддержку Израиля - собирали подписи под Обращением, в котором говорилось о тех преступлениях, которые совершила церковь во время Холокоста, и высказывалось сожаление о случившемся. Написанные в этом Обращении факты были для меня первой информацией о тех ужасах, которые пережили евреи во время Второй мировой войны. Из этого же Обращения я впервые узнала, что тогда Эстонию объявили “Judenfrei”... Я читала то, что написано, а в моей памяти сразу возникали те евреи, которых я знала... Вспомнила время, когда работала в редакции, во главе которой был Фёдор Гродинский... Вспомнила, когда у меня случалось горе, я ходила к нему, он всегда внимательно слушал, не было никаких упрёков, весь разговор оставался между нами... Вспомнила, как тогда все работающие в редакции должны были быть членами Коммунистической партии. Я не хотела вступать в партию. Ко мне обращались снова и снова, чтобы вступила... Только много лет спустя узнала, что Фёдор Гродинский ходил в партийный комитет, просил за меня... Вспомнила ещё один случай, когда работала в Пярну. Там редакция и типография были в одном помещении. Как-то вечером привезли бумагу в больших рулонах для типографии. Никого из рабочих на месте уже не было.

Шофёр, который привёз бумагу, сказал, что это не его работа, он не будет разгружать... Фёдор Гродинский ответил: «Я - редактор, и я пойду разгружать. Это моя работа...» Однажды встретила одну знакомую из Пярну, и она мне рассказала, что во время сталинских репрессий её мужа родителей хотели выслать в Сибирь. И Фёдор Гродинский пошёл в соответствующий отдел просить, чтобы их не выслали... И я читала в Обращении о том, какие ужасы делали евреям во время войны, а в моих мыслях, как унижали Гродинского, как его выгнали с работы... Никогда в жизни так много не плакала... Это было очень тяжёлое время для меня... Несколькими неделями я не могла прийти в себя...

Я думаю, что мы живём в каком-то определённом месте для того, чтобы именно в этом месте мы делали то, что предназначено именно нам. Всевышний выбирает нам путь, выбирает, с кем встретиться... Однажды меня познакомили с Пестер Вьзу (Peeter Võsu). Я сказала, что по профессии я журналистка. Тогда он предложил мне писать статьи для журнала “Jerusalem Saandumid”. Меня тогда тревожил вопрос, почему евреи не принимают христианство? Я беседовала с разными христианами об этом и писала статьи на эту тему. Я сама стала искать материалы о Холокосте и писала о Холокосте в Эстонии. На эту тему, я думаю, собрала все опубликованные на то время материалы. Я стала писать на эту тему и в другие эстонские газеты. Но это было время, когда ряд видных эстонских деятелей стали выступать с заявлениями, что Холокоста не было. Крупные эстонские газеты отказали мне, они не хотели этот материал публиковать. Я обратилась в местные газеты. Некоторые из них опубликовали мои материалы. И тогда заведующие исторических музеев этих городов заявили, что это всё ерунда, о чём я написала, что этого ничего не было... После этого я ушла с этой работы, ушла из церкви, при которой была эта редакция. И всё продолжала искать свой духовный путь. Нашла в Интернете некоторые сайты по иудаизму. Чем больше я узнавала об иудаизме, тем больше понимала, какое богатство дано евреям! Я изучала также иврит, и всё удивлялась, что даже одна буква может так много значить!

Я очень благодарна своему учителю иврита Шмуэлю Лазикину, который открыл для меня дорогу в иудаизм, к Б-гу Израйля.

Так я начала понимать, что иудаизм - это та Правда, которую всю жизнь искала. Но мне уже было почти 60 лет, и я боялась начинать что-то новое. В 5768 году по еврейскому календарю приняла решение принять гиюр. Постепенно, где-то с месяца тевет 5769 года, начала соблюдать кашрут. Через некоторое время я пришла на беседу к Раввину. И на этой первой встрече, и на последующих Раввин предостерегал меня, что принять гиюр - это очень серьёзный шаг. Когда Раввин убедился, что для меня это уже вопрос решённый, он познакомил меня с господином Бельчиковым, который стал моим учителем по иудаизму. Я также могла задавать вопросы и Раввину и получала на свои вопросы понятные ответы. Я сама составила себе программу и по ней изучала нужный материал. Конечно, только изучение теории было недостаточным. По практическим вопросам мне помогала Хана Кот. Я к ней приходила в Шабат утром и могла всё у неё спросить. Семья Кот мне очень помогла и, кроме того, я чувствую, что они меня приняли. Раввин Шмуэль периодически экзаменовал меня. Несколько раз приезжал член раввинского суда (бейт дин) из Израйля и долго разговаривал со мной. Сначала он спрашивал о моих мотивах, почему я хочу принять иудаизм, затем задавал вопросы по иудаизму и соблюдению законов. Я также ездила в Ригу, где со мной беседовал этот же господин из раввинского суда.

2 числа месяца Ав 5770 года я поехала в Клайпеду принять гиюр. Там заседал раввинский суд. С собой у меня было рекомендательное письмо от раввина Шмуэля Кот. Раввинский суд состоял из трёх раввинов. Я запомнила, как один из раввинов несколько раз повторил, что быть евреем очень тяжело, чтобы я ещё раз подумала, что ещё не поздно отказаться... Затем задали мне некоторые вопросы. Один из вопросов был, почему я хочу принять иудаизм. И я ответила на него, что не могу жить среди тех людей, которые в течение всей истории преследовали, изгоняли со своей земли, ненавидели и убивали евреев. И раз я была христианкой, то это и на моей совести.

После экзамена началась подготовка к микве. Подготовиться мне помогала одна женщина. Сначала нужно было находиться полчаса в ванне, чтобы тело полностью очистилось и я смогла духовно расслабиться. После этого опять была беседа с раввинами. В конце беседы мне сказали, что если я всё-таки не передумала, то могу погрузиться в микве. После микве у меня было такое хорошее радостное чувство!... Каждый гер получает себе новое имя. Моё прежнее имя было Пирет. Когда Равби Шмуэль Кот спросил меня, какое у меня будет еврейское имя, я ответила, что выбрала имя Сара в память о своей бабушке. Это имя дали мне в самом конце процесса гиюр после микве.

Сейчас я живу еврейской жизнью. Я чувствую каждый день, как Всевышний, Кто позвал меня на этот путь, управляет мной и направляет меня. Это открывается во многих вещах, на которые обычно не обращаешь внимание. На самом деле, во всём, что у нас есть, что с нами происходит, в каждом дыхании человека, в каждом животном, даже в каждом листе дерева и взмахе крыльев бабочки - есть желание и воля Всевышнего. Наше участие в этом - это заметить и признать или нет. И отсюда следует, что если это признаёшь, тогда жить так, как Он указал евреям, исполняя Заповеди. Суть иудаизма такова, чтобы люди физически признавали в каждом своём мгновении, в каждом своём действии близость Б-га. Это достигается тем, что каждое наше действие осмысленно и подчинено Ему. Когда мы просыпаемся утром, благодарим и благословляем Его, когда молимся, когда едим, даже, когда одеваем обувь и одежду - всё это делаем по тому порядку, который Он указал. И, таким образом, в каждом нашем действии открывается Его близость. И, кроме всего этого, я думаю, основное желание Б-га, чтобы мы любили своих ближних, каждого еврея и делали один другому хорошее. Для меня иудаизм и еврейство неотделимы. И не бывает еврея без Всевышнего и без Торы. У еврейских мудрецов сказано, что если все евреи во всём мире хотя бы один раз полностью соблюдали Шабат, то все проблемы евреев были бы решены.

Я очень рада и благодарна за то, что большая еврейская семья приняла меня в свой круг, за то, что могу получать часть их заботы, их дружелюбия, часть их радостей, могу принимать участие во всех еврейских

праздниках, на службах в синагоге и чувствовать себя здесь, как в своём настоящем доме. И больше всего я благодарна Раввину Шмуэль Кот, Рабанит Хане, всем их детям - с их помощью я смогла стать еврейкой.

Пусть Б-г Израиля благословит вас всех!

«Еврейский паспорт» Сары Удикас — это очень важный «Паспорт», поскольку говорит о том, что да, есть ещё и такие евреи, настоящие евреи, точно такие же евреи, которые родились в Израиле и точно такие же евреи, которые родились у еврейской мамы, которая готовила каждую пятницу гефилтэ фиши и зажигала шабатные свечи. Душа у них точно такая же еврейская. То, что они прожили жизнь и искали путь к еврейству, в чём-то даже важнее, то есть они даже лучше, чем обычные евреи. Они не получили это как подарок от Б-га. Они искали это. Они получили потенциал в душе, и этот потенциал реализовали практически. Потенциал евреев, которые родились у еврейской мамы, не всегда реализован до конца, у кого-то лучше, у кого-то хуже. Но человек, который принял иудаизм, он не родился с этим, он принял это по своей воле. И это говорит о том, что его душа, его еврейская душа светлая и хорошая. Что касается лично Сары Удикас. Мы часто видим её в синагоге. По её отношению к еврейству видно чистую еврейскую душу, душу а идише мамэ.

Желаем ей успехов, здоровья. Сара может быть для нас, читателей «Еврейских паспортов», живым примером, как надо знать наши еврейские ценности и использовать их.
Раввин Шмуэль Кот

Дополнительная информация из: <http://toldot.ru/tags/giur/#nbEEautoOgl13>

Только раввинский суд, состоящий из религиозных людей, наделённых правом выносить галахические (законодательные) решения, уполномочен принимать решение о гиуре. Авторитет подобного суда был основан на том, что полномочия передавались судьям в непрерывной цепи рукоположения от самого Моше.

Таких судов сегодня не существует, поскольку цепь рукоположения - смихи - прервалась. Однако современный бейт-дин может выполнять в этом вопросе функции прежних судов.

Подобный суд в наше время должен состоять из трёх человек. Действия раввинского суда должны сохраняться в тайне. При этом необходимо соблюдать строгое равновесие между обязанностью отвергать людей с неискренними побуждениями, которые были бы «тяжелы для Израиля (т.к. не способны выдержать испытания временем)» [Иевамот 47 б], и долгом принимать искренних, о которых сказано: «Возлюблен (настоящий) гер». [Мидраш Танхума, Лех Леха] Много бед претерпел еврейский народ от лжегеров, но бывали трагические последствия и тогда, когда без надобности отвергали искренних геров.

Когда человек обращается к суду с просьбой о гиуре, суд должен выяснить обстоятельность его жизни и причины, которые привели его сюда, чтобы понять его мотивы. Может быть, его побудило к этому желание заключить брак с еврейкой? Или, если это женщина, она уже замужем за евреем? Может быть, на человека оказывают давление родственники еврейки, с которой он находится в близких отношениях (или, соответственно, родственники еврея, с которым она находится в близких отношениях)? Будет ли его окружение побуждать его соблюдать заповеди после того, как он примет еврейство? И действительно ли он собирается их соблюдать? Принятие на себя ярма заповедей обязывает очень ко многому, и суд должен убедиться в том, что кандидат способен искренне и серьёзно выполнить всё, что он на себя берёт. Он может не осознавать до конца всю меру ответственности за принятое решение, всю глубину и разнообразие требований, которые предъявляются к еврею, всю трудность их выполнения.

Когда кандидат в геры первый раз является в суд, его стремление принять гиур обычно ещё неглубоко. И тогда ему сообщают, что для обращения в еврейство необходимо подлинное принятие еврейской веры. Ему говорят, что нееврей совершенно не обязан становиться евреем, но если уж станет, то должен неукоснительно соблюдать все предписания еврейской традиции.

Ему рассказывают «об унижении и преследовании еврейского народа... и учат определённым правилам так, чтобы, если он в результате передумает, мог бы отказаться от своего решения». [Йевамот 47 б] Тогда он не сможет впоследствии объявить свой гиюр недействительным, утверждая, что не подзрел, насколько тяжело соблюдать заповеди. Когда судьи убеждаются в бескорыстии, искренности и серьёзности намерений человека, они поощряют его и сообщают ему основные принципы еврейской веры. Однако кандидата в геры не следует ни слишком привлекать, ни слишком отталкивать. Если человек уже на пути к гиюру, ему следует помогать. Это одно из предписаний, составляющих заповедь Торы: «Люби гера». Насколько серьёзны должны быть это любовь и помощь, можно понять на примере наших мудрецов: они совершали дальние путешествия ради потенциальных геров, ради тех, кто проявлял искренность и приближался к еврейской традиции по собственной инициативе.

Цель погружения в микве - не физическое очищение от грязи. Благодаря такому погружению, гер изменяется, пройдя Б-жественный процесс очищения. Поэтому сразу после погружения гер становится «евреем во всех отношениях». [В.Талмуд, Йевамот 47 б] Члены раввинского суда должны присутствовать при погружении в той самой комнате, где гер окунается в миквэ. [Игрот Моше, Йорэ Дэа 2, 127] Но из скромности женщина, которая проходит гиюр, может надеть просторное одеяние, которое не помешает воде достичь всех частей её тела. Погружение в микве ради гиюра проводится днём.

Во время процедуры погружения судьи вновь должны объяснить геру основы веры, смысл субботы и некоторых других заповедей. А женщине, которая совершает гиюр, напоминают, что она должна соблюдать законы семейной чистоты, зажигать субботние свечи. Перед погружением гер должен помыться тёплой водой, почистить зубы, вымыть и расчесать волосы и снять с тела всё, что может «отделить» воду от какого-либо участка его тела (хацица). Закончив эти приготовления, он может входить в микве.

После погружения гер получает новое имя. Принято давать геру новое имя, даже если прежнее имя у него было еврейское. Нееврейское имя в любом случае нужно менять. Гер может выбрать любое еврейское имя, которое пожелает. Часто выбирают имена Авраам, Овадья и Акива. Авраам - первый из неевреев, который стал евреем. Овадья (Овед й-а — «раб Б-га») был праведным гером, который с риском для жизни спас многих пророков от принявшей фальшивый гиюр злодейки, царицы Израила Изэвели. Великий мудрец рабби Акива был сыном геров. После принятия гиюра мужчину называют «такой-то, сын Авраама-авину (нашего праотца)», а женщину - «такая-то, дочь Авраама-авину» (а не «дочь Сары»).

АЛЕКСАНДР ИЛЬИН

НЕСМОТЯ НА ТО,
ЧТО В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ «НЕ
ВАЖНА» БЫЛА
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ -
ВСЕ БЫЛИ «РАВНЫ»,
И МЫ ВСЕ ДРУЖИЛИ
- ВСЁ РАВНО,
КАКИМ-ТО ОБРАЗОМ
НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
КАЖДОГО
ОПРЕДЕЛЯЛАСЬ.

После эвакуации мои бабушка, Галя Пинская, и дедушка, Абрам Исаакович Оникул, со своими детьми вернулись к себе на родину в Могилёв. Это был 1944 год. Война ещё не закончилась...

В это же время в этом городке остановилась идущая на Запад десантная дивизия...

Случилось так, что молодая красивая еврейская девушка и молодой русский офицер из этой дивизии познакомились... Через некоторое время они заключили брак. Это были мои будущие мама и папа... Когда после боёв сформировали часть, мой отец ушёл воевать дальше. Больше он не вернулся...

Я родился, когда маме ещё и 18 не было... В доме бабушки и дедушки прошло моё детство. В семье у них были: моя мама, Маргарита - старшая дочь, дочь Белла, на 6 лет младше мамы, сын Изя - на 6 лет младше Беллы и я, на 6 лет младше Изя. Так что, для дяди, тёти я был как брат. Дедушку называл папой, бабушку называл мамой. В детстве я даже маму не помню, она уехала в Минск, я оставался с бабушкой и дедушкой.

У бабушки было много родственников. Во время Большой Алии они все репатрировались в Израиль. Я также хорошо помню своих прабабушку и прадедушку, родителей бабушки. Мы навещали их в Гомеле, где они жили. Моя прабабушка происходила из семьи Шнеерсонов. Прадедушка был строго религиозным евреем. Вспоминаю, как мы даже подсмеивались над ним, так как он никуда не ходил и, как нам казалось, ничего не делал. Было непривычно смотреть, как прабабушка обслуживала его, везде за него старалась, а он только сидел и читал Талмуд... Но прадедушка никого и ничего не замечал. Когда мы приезжали, нам казалось, что он даже не обращал на нас внимания...

О семье дедушки я знаю только из его рассказов. В годы Первой мировой войны Могилёв стал военной столицей Российской империи, где размещалась Ставка Верховного Главнокомандующего. Здесь жили император Николай II и члены царской семьи. Отец дедушки владел банями и прачечными в Могилёве, и как поставщик чистой одежды для двора Его Величества мой прадед был награждён серебряными часами.

Я не помню, чтобы бабушка, дедушка соблюдали еврейские традиции. В то время это ведь была советская страна. О еврействе, о том, что я - еврей, мне никто не говорил. Я не знал о погромах..., не читал Солженицына, Гроссмана..., я жил «нормальным» мальчишкой в советской стране. Иногда в доме была маца, но, что это связано с каким-то праздником, я не знал.

Но когда к нам приезжала моя прабабушка из Гомеля, она соблюдала кашрут. У неё была отдельная посуда... Помню, как она стояла у окошка, молилась...

Бабушка и дедушка работали на высоких должностях. Наша семья была материально обеспеченной, и мы всегда помогали нуждающимся семьям. Помню друга Гарика, у которого была только мама, жили они очень бедно. Мои бабушка и дедушка всегда им помогали. Вспоминаю ещё одного друга, Вовку Лака. Мы знали, что его семья живёт бедно. Но Вовка был гордым, он не хотел принимать никакой помощи. Тогда у нас, помню, были свои куры. И к какому-то празднику мы подбросили забитую курицу в Вовкин дом через форточку...

Вообще, в детстве все мои друзья были евреи. Несмотря на то, что в Советском Союзе «не важна» была национальность - все были «равны», и мы все дружили - всё равно каким-то образом национальность каждого определялась. Вспоминаю, как я был удивлён, когда узнал, что Иван Павлов, знаменитый учёный, - не еврей... Мне казалось, что все великие люди - евреи. Когда я узнавал, например, о каком-то великом человеке, что он - еврей, вплоть до В.И.Ленина, мне становилось это приятно. Как пишет Солженицын, что еврейство неубиваемо, оно сидит в каждом человеке, даже, если в нём есть хоть капелька еврейской крови. Мама забрала меня в Минск, когда я пошёл в первый класс. Когда мне исполнилось 9 лет, мама вторично вышла замуж за еврея, Михаила Семёновича Рабинова. Внешне он был очень похож на типичного еврея, но менталитет у него был совершенно советский. В моём паспорте в графе «национальность» значилось «русский». Это избавило меня от каких-либо притеснений в школе и осложнений при поступлении в ВУЗ. В театральный

институт, ГИТИС, я поступил с первого раза. В ГИТИСе мне и было впервые указано на то, что я - еврей. На втором курсе, сдавая экзамен по актёрскому мастерству, я сделал отрывок про какого-то комиссара, которого уведят в плен. Этого комиссара я старался сыграть чуть-чуть «под Ленина». И вдруг услышал от одного из руководителей курса: «Почему его там уведят? Он кто - большевик? Или он иудей?» И вот тогда я задумался: «Я так играю, или я внешне похож на иудея?» Это был мой первый «звоночек».

На втором курсе института меня призвали в армию, где я прослужил три года. В армии очень часто стал задумываться о смысле жизни, но и тогда ещё не думал ни о еврействе, ни даже о том, что я - еврей.

Во мне всегда жило стремление к возвышенному, хотелось нести добро и красоту в этот мир. В школе, как положено комсомольцу, верил, что наше поколение будет жить при коммунизме. В армии, помню, написал рассказ, пафос которого сводился к тому, что надо сжигать себя, отдавая всё своё тепло другим. У меня был армейский друг, тоже артист. Мы часто разговаривали о том, что же это такое - творить добро. Иногда читал религиозную литературу... думал, что, может быть, там найду ответы на свои вопросы. Однажды, когда я читал Евангелие, ко мне подошёл командир и спросил, что я читаю... Услышав ответ, он провёл со мной беседу, из которой следовало, что к таким же идеалам стремится Коммунистическая партия. В армии, руководствуясь возвышенными мотивами, человек должен делать добро, отдавая во имя этого всего себя, - я вступил в партию.

Отслужив в армии, вернулся в институт. На третьем курсе приехал в Таллинн, здесь и остался. Здесь женился, моя жена - Айли. В 1973 году у нас родился сын.

До 1981 года работал актёром Русского театра. Был избран секретарём партийной организации. В 1982 году стал директором Русского театра.

Никакого еврейства и тогда в моей жизни не присутствовало. Знал, что в Таллинне есть синагога, но ни разу в ней не был.

В восьмидесятые годы прошлого века в Таллинне создавалось Общество еврейской культуры. О моих еврейских корнях, видимо, было известно. Когда возникла необходимость в помещении, где члены общества смогли бы собираться,

госпожа Лоов обратилась ко мне за помощью. В театре тогда пустовал кабинет главного режиссёра, и я предоставил это помещение для собраний Еврейского общества. Естественно, без какой бы то ни было арендной платы. Учредительное собрание Общества еврейской культуры тоже прошло в Большом зале Русского театра, а потом в театральном ресторане «Астория» был фуршет. Впоследствии у меня были тесные контакты с господином Лазикиным, Председателем Общества еврейской культуры в то время. Моим хорошим приятелем был Миша Бейлинсон, который тогда работал документалистом на киностудии «Таллинфильм» и приглашал меня озвучивать документальные фильмы. Став директором Еврейской школы, Миша обращался ко мне за помощью, когда в школе ставились спектакли, концерты - нужны были костюмы, реквизит... Я всегда был рад помочь...

В должности директора Русского театра я проработал 18 лет (дольше, чем все предыдущие директора), отдавая театру всё своё время и все свои силы. В 2001 году ушёл из театра и был назначен директором Центра русской культуры. В этот период ко мне за помощью, например, с просьбой предоставить помещения РКЦ для различных мероприятий, обращались из синагоги и Еврейской общины. Не помню случая, чтобы я отказал, всегда был рад помочь.

В моей жизни случилось так, что случай сблизил меня с одним православным священником... В возрасте около 40 лет я крестился... Стал активно помогать церкви, вошёл в Попечительский совет. Вспоминаю, как в Попечительском совете появился один человек с большим чувством юмора, начитанный, бывший политработник, хороший... Его знания и о православии, и об иудаизме были обширнее, чем у меня... Я не скрывал, что я - еврей... При нашем общении он постоянно подчёркивал моё еврейство... Всегда, вроде бы, с юмором... О чём бы мы ни рассуждали, он не забывал сказать: «Как у вас, евреев»... Или рассказывает какой-то анекдот: «Из ваших анекдотов (Абрам, Сара...), помнишь?»... Я это воспринимал не как антисемитизм, а как шутка... Но идентифицировал себя чужим, каким бы я ни был... Мне было уже больше 40 лет, и я впервые почувствовал этот акцент: ты - еврей.

Вспоминаю, как мы впервые встретились с Раввином... я увидел молодого человека... У нас была небольшая беседа... В последующие годы я стал наблюдать за жизнью и деятельностью синагоги и удивлялся, как много Раввин сделал, как много он работал, работал, работал... Со временем мы познакомились ближе... Раввин приглашал меня на мероприятия синагоги. Я приходил и чувствовал себя среди своих. Когда в Таллинн на гастроли приехал Иосиф Кобзон, Раввин попросил меня пригласить его в синагогу. Так как Иосиф Кобзон был чрезвычайно занят, мне пришлось приложить много усилий, чтобы он посетил новую синагогу. Мне удалось организовать и встречу И.Кобзона с членами Еврейской общины в РКЦ.

Несколько раз я был в Израиле. Впервые приехал сразу после репатриции мамы и брата. Этот приезд помню отчетливее всего: спускаюсь по трапу самолёта, горячий воздух ударяет лицо, меня встречают мама с братом... И, помню, пронизывающее ощущение: эта земля - Святая...

...Работая в РКЦ, у меня появилось больше свободного времени, о котором в театре я не мог даже мечтать. Я стал больше читать, задумываться о себе, о своих корнях. Я стал отождествлять себя с евреями. Поскольку я человек советский и еврей тоже советский, неверие в Б-га, поселившееся в моём сознании с момента рождения, постепенно исчезает. Просыпается вера. Книги и долгие размышления пробудили во мне чувство собственной вины в создании советского государства и советских концлагерей, хотя я лично не имею к этому отношения, хотя бы в силу возраста. Но моя совесть говорит, что и я к этому причастен. Всё хорошее и плохое, что во мне сидит, сделано евреями. Например, Лениным, совершившим октябрьский переворот... Троцкий, Зиновьев, Каменев, Маркс - все они евреи. Я согласен с тем, что все беды с евреями происходят потому, что мы не чтим Б-га.

С годами моё еврейство проявляется всё отчетливее - и во внешности, и в том, что составляет мою суть. Я начинаю понимать то, что не понимал в детстве. Сегодня я вспоминаю и понимаю своего прадедушку, который сидел в одиночестве, ни с кем не общался и читал еврейские книги... Так и я

сейчас - сижу с книгой и до глубокой ночи читаю...

Фото: Галя Келензон и из личного архива

«Паспорт» Александра Ильина ещё раз подтверждает важность проекта «Еврейский паспорт». Разные люди - разные судьбы,.. но мы все - евреи! Да, бывает еврей, который, как я, раввин, родился и вырос в религиозной еврейской семье в Иерусалиме и живу еврейскую жизнь определённым образом... Есть еврей, у которого Душа еврея, но он родился и вырос в совсем другом месте, и его жизнь проходит совсем по-другому...

Большинство евреев из бывших советских республик, которые родились там во время «коммунизма», называются на иврите לולו שלשיל (тинок шенишба). Дословный перевод этого выражения «младенец, грудной ребёнок, попавший в плен». То есть ребёнок, который родился и вырос не в еврейском доме, не в еврейской среде.

Еврейский закон говорит о том, что человек, который родился не в еврейской среде, остаётся евреем даже, если он крестился, принял ислам или любую другую религию. Еврей остаётся евреем(!) и никакой процесс не может это изменить.

Для нас, для общества евреев, необходимо принять этих евреев и попытаться вернуть каждого «младенца» в наш народ. Душа каждого еврея очень важна! Мы все - евреи. И те, которые приняли гшор, приняли иудаизм полностью, - их Души всегда были еврейскими. И так же невозможно отдать, подарить, изменить Еврейскую Душу тех людей, которые родились от Еврейской Мамы.

Знаю лично Александра Ильина, у него всегда была и есть Еврейская Душа.

Раввин Шмуэль Кот

ИГОРЬ ЛИРИСМАН

ОСНОВНАЯ МОЯ
ЗАДАЧА, ЧТОБЫ
ВЫПУСКНИКИ ПО
ОКОНЧАНИИ ШКОЛЫ
СМОГЛИ НАЙТИ
СЕБЯ ВЕЗДЕ... И
ЧТОБЫ ВЫПУСКНИКИ
ШКОЛЫ ОСТАВАЛИСЬ
ЕВРЕЯМИ. КАК
ДИРЕКТОР,
ПОСТАРАЮСЬ
СОЗДАТЬ ВСЕ
УСЛОВИЯ ДЛЯ ЭТОГО.

Начну с того, что я родился в 1962 году в городе Москве. Мой отец, Юрий Ильченко, был моряком, капитаном дальнего плавания, а мама, Лилия Лирисман - учительница.

Моя мама - еврейка. Её родители: Анна Семёновна Козорез и Пинхас Лирисман. Своего деда Пинхаса я вообще не знал. По рассказам мамы знаю, что он был очень образованный человек, инженер, активный общественный деятель. Дед продвигался по карьере как лидер молодёжного, в то время комсомольского, движения. Мама рассказала мне о своём отце очень поздно, когда я уже поступил в университет. В 1937 году деда посадили в тюрьму. Причину точно никто не знает, но вроде бы «за антисоветскую деятельность». Время было очень тяжёлое, страшное... Мама вспоминала об их последнем свидании в Бутырской тюрьме... это было очень страшное свидание... И с тех пор этот страх остался у мамы...

Во время Второй мировой войны бабушка со своими детьми были в эвакуации, и после войны они вернулись в Москву. Здесь бабушка работала на заводе в гальваническом цеху. Бабушка, мама, мамина сестра и мамин брат, то есть семья из 4-х человек, жили в одной комнате в коммунальной квартире...

Хорошо помню свою бабушку. Она была очень добрая, но в то же время строгая. Помню её блины... очень вкусные блины... Бабушка осталась у меня в памяти как очень светлый человек, и я помню, как от неё лилась светлая доброта. Я не помню, чтобы в доме соблюдали еврейские традиции - страх после пережитого был очень сильным.

В детстве я думал, что по отчеству моя мама Петровна, её на работе звали Лилия Петровна. Потом, когда получал паспорт, по документам увидел, что мама - еврейка, не Петровна, а Пинхасовна... Тогда у меня стали появляться первые вопросы... И мама стала мне рассказывать о своей жизни, но выборочно, потому что это было время конца 70-х прошлого века, и страх от пережитого всё ещё оставался. После того, как деда арестовали, мама и бабушка были объявлены как дочь врага народа и жена врага народа...

Мама закончила школу даже не в Москве, а в городе Инта, куда при советской власти ссылали политзаключённых. Они жили рядом с местом, где дед сидел в тюрьме. В городе Инта были угольные шахты, и дед работал на этих шахтах. Чем мама и бабушка там занимались — ни мама, ни бабушка не хотели говорить. Это было как табу. Больше о деде ничего не знаю.

Мама очень хорошо училась. Она мечтала стать врачом. Но как раз в это время началось гонение против евреев... известное «Дело врачей»... Мама поступала в медицинский институт, сдала очень хорошо вступительные экзамены, но, увы... в связи с пятым параграфом, она не прошла. Она забрала из этого института документы и с этими же оценками поступила в Псковский педагогический институт, стала учителем химии и биологии. После окончания института вернулась в Москву, работала. Они встретились с отцом, когда маме было уже 30 лет. Они поженились. Со временем отца перевели работать в Эстонию в Эстрибпром. Мама работала в Таллинском техникуме железнодорожного транспорта учителем химии.

Я учился в таллиннской 15 средней школе. Активно занимался спортом, был мастером спорта, был даже кандидатом в молодёжную сборную Советского Союза.

После школы учился в Тартуском университете на факультете физической культуры, закончил его. После этого заочным закончил юридический факультет Тартуского университета. В студенческие годы у меня было очень много друзей-евреев. У нас была своя еврейская тусовка. То, что я - еврей, я стал понимать через общение с еврейскими друзьями и тогда стал осознавать свою еврейскую принадлежность. У нас между собой были прекрасные отношения. Помню, на физкультурном факультете учился Айвар Ланкей, внешне - чистый эстонец, высокий, легкоатлет... Когда я стал директором Таллиннской еврейской школы, одним из первых, кто меня поздравил, был Айвар. Я даже сначала не мог понять кто это и что именно он меня поздравляет, а он мне говорит: «Игорь, я же тоже еврей! Ты - молодец!»

После Тартуского университета я работал тренером.

Одной из моих первых учениц была дочь Миши Бейлинсона, Элина Бейлинсон. Так я познакомился с Мишей Бейлинсоном. Мы много общались, в то время он ещё работал на «Таллиннфильме». Потом, когда моя дочь должна была пойти в школу, Миша уже работал директором Еврейской школы. Мы с женой стали думать, в какую школу отдать дочь учиться, и поняли, что у нас вариантов нет - только к Мише. В то время у меня уже было сильное еврейское самоосознание, и этого же я хотел, чтобы было у моих детей. Я записал Ли в подготовительный класс Еврейской школы, и дальше она продолжала учиться в Еврейской школе.

У каждого человека в жизни есть и хорошие, и плохие времена... В плохие времена мне помогали только мои друзья-евреи... Судьба свела меня с таким человеком как Марк Шагал. Я помню Марка с конца советских времён. Мы работали вместе, были партнёрами по бизнесу. Со временем стали хорошими друзьями. Знаете, есть поговорка: «Я не дам тебе деньги, я дам тебе удочку, чтобы ты сам мог поймать рыбу» - Марк мне очень много помогал советом, мудрым словом.

Я знал, что Марк входит в совет Еврейской общины, и от него немного знал о деятельности общины. Через некоторое время я сам пришёл в общину, пригласил маму в общину, дочку записал в еврейскую школу.

Когда моя дочь начала ходить в Еврейскую школу, мы много раз встречались и разговаривали с Мишей. Миша со мной делился о своих планах, как он видит развитие школы, что должно быть, что мешает, что нужно было бы сделать... У Миши была мечта, чтобы в школе была спортивная площадка... Спортивная площадка, слава Б-гу, уже есть. У Миши была мечта, чтобы сделать в школе дополнительный тренажёрный зал... К сожалению, пока не вижу возможности, как это сделать, но буду над этим думать и работать. Мы говорили с Мишей о проблемах воспитания детей, о проблемах образования, какая направленность должна была бы быть в школе... Мы с Мишей находили общий язык. У нас было общее мнение о том, что в первую очередь, это должна быть еврейская школа,

во-вторых, она должна быть школа, где детям тепло, школа, как одна семья. В еврейской школе должен быть еврейский дух и хорошее образование.

Однажды Миша говорит: «Игорь, а ты бы не хотел стать членом Попечительского совета?» Я ему ответил: «Это достаточно серьёзно, я должен подумать». Потом согласился. 2,5 года я был Председателем Попечительского совета школы. Попечительский совет - это общественная организация, которая не имеет юридического статуса. Но это орган, кому подотчётен, в какой-то мере, директор школы. В Попечительский совет входят родители, представитель школы, представитель административного управления части города, председатель школьного самоуправления. Согласно новому закону все важные документы, касающиеся внутренней жизни школы: внутренний распорядок, программа развития, правила приёма в школу, правила поощрения и т.д. должны обсуждаться на заседаниях Попечительского совета. Директора школы приглашают на заседания, но права голоса там директор не имеет. С одной стороны - это общественный орган, а с другой стороны - это достаточно влиятельный орган, который имеет важное значение в жизни школы.

Когда с Мишей случилась трагедия, был 16-ый выпуск Еврейской школы... Была солнечная погода... Миша был очень элегантно одет... в белом пиджаке... В тот день, мне показалось, он изучал особенный свет... Миша был очень светлый человек! Он был одновременно и очень сильный, и очень ранимый человек... У меня возникает только тёплое чувство от воспоминаний о Мише. Нам легко было общаться, мы делились друг с другом самым сокровенным, спрашивали друг у друга совета. По отношению к несправедливости, неуважению к старшим Миша мог быть и достаточно жёстким. Если он уже принимал какое-то решение в принципиальном вопросе, никто уже не мог на это решение повлиять.

Когда Миша погиб, я стал думать, кто мог бы стать директором школы?... Через некоторое время ко мне обратились представители Педсовета и предложили стать директором школы. Тогда я задумался. У меня первое образование педагогическое, второе - юридическое. К школе я был как будто бы и близко, но от такой работы далеко.

Вначале я сомневался, но педагоги школы меня поддержали: «Мы поможем». Я ответил, что подумаю. После того, как принял решение участвовать в конкурсе и подал заявление на должность директора Еврейской школы, я прошёл очень много собеседований и выдержал конкурс среди многих кандидатов. 30 декабря 2009 года меня назначили на должность директора школы.

Это был новый вызов моей жизни, новая среда общения. Я считаю, что работать в школе - это очень важно. Здесь нужно работать с детьми, нужно работать с учителями, с родителями. Моя задача, чтобы дети, которые приходят в школу, чувствовали себя тепло, комфортно, чтобы они хорошо учились, чтобы они хотели приходить в эту школу, чтобы в школе царил еврейский дух, чтобы все были как одна семья, чтобы ученики вышли из школы и были готовы к этой жизни, где бы они ни оказались.

Наша Еврейская школа славится тем, что бывшие выпускники не забывают свою школу. Находясь в Таллинне, они приходят, где бы они ни жили: в Америке, в Израиле, в Европе... выпускники всегда возвращаются и приходят в школу, как к себе домой! Сохранение этих тёплых традиций, которые всегда были в школе, хочу продолжить. Это сделать нелегко. Но мне нравится эта работа.

В Еврейской школе есть своя история, свои традиции, своя тёплая домашняя атмосфера. Коллектив учителей в школе как одна семья. Моя задача, чтобы всё вот это осталось в школе, чтобы это не ушло. И одновременно школа должна развиваться, должна стать современной еврейской школой. Чтобы выпускники по окончании школы смогли найти себя везде: и в Эстонии, и в Америке, и в Израиле... и могли учиться в любом ВУЗе, где они хотят. Чтобы они были конкурентоспособны везде, смогли бы работать на любых предприятиях, организовать свой бизнес. И чтобы выпускники школы оставались евреями. Я, как директор, постараюсь создать все условия для этого. У нас в школе сейчас квалифицированные учителя по всем предметам. В 1-м, 2-м, 3-м классах идёт изучение иврита по программе Таль-ам, где методика преподавания совсем другая, отличная от старых методик. Эта

программа с элементами погружения в язык. Обучение ведётся, в основном, на иврите. На уроках звучит очень много музыки, дети там много поют. Ориентир на этих уроках направлен на ассоциативное и звуковое восприятие, на восприятие зрением и повтор. Даже присутствуя на одном уроке, ты выходишь и удивляешься, сколько слов уже знаешь!

Я также считаю, что в школе созданы все условия для того, чтобы качество знаний было достаточно высоким по всем предметам. В школе создана хорошая учебная среда. В каждом классе есть компьютер, средства инфотехнологий, которые помогают обучению.

Школа входит в сеть всемирной еврейской организации ОРТ. Основная направленность ОРТА - это высококачественное обучение реальным предметам, инфотехнологиям. Я надеюсь, что с помощью этой организации мы сможем в ближайшем будущем создать в школе современный инфотехнологический центр. Будущее - за инфотехнологиями! В нашей школе также приблизили университет (ВУЗ) к школе. У нас в гимназических классах есть академический день, где преподаватели университетов читают лекции по экономике, медиа и другим дисциплинам.

Надо мечтать! Если прекратим мечтать, если прекратим представлять себе то хорошее, к чему стремиться, мы остановимся на месте. Дети приходят в первый класс, у них спрашивают: «Кем вы хотите стать?» Они отвечают, что хотят стать космонавтом, моряком, пожарным... Когда спрашиваем детей в шестом классе, кем бы они хотели стать, они уже не знают... Нужно мечтать! Нужно ставить цель, идти к ней и цели добиваться! А школа в этом поможет.

С 2011 года в Эстонии введена новая школьная программа, новый Закон об образовании. Законодатели как будто бы подсмотрели у нас, они узаконили то, что в Еврейской школе уже было. По новому Закону в каждой школе должно быть своё профилирующее направление. В нашей школе таким является еврейское направление. Моё ощущение, что это должно ещё больше развиваться. Предметы еврейского цикла должны быть интересными для всех - и для детей, и для учителей.

И тогда школа будет оправдывать своё название. Школа должна быть по-настоящему еврейской и в то же время современной школой. То, что дети в школе изучают иврит, который не изучают ни в одной из школ Эстонии, делает им только дополнительный плюс.

Многие наши выпускники работают в Израиле, Англии, Америке, Франции... Интересный случай рассказала одна наша бывшая ученица, которая работает в Англии в одной из 5-звездочных гостиниц.

В тот день была суббота.

К ней обратились служащие гостиницы: «Что нам делать? Гости из такого-то номера отказываются подписывать счёт».

Наша ученица отвечает: «Из этого номера? Не волнуйтесь, они подпишут счёт».

Служащие спрашивают: «Откуда ты знаешь?»

«Они счёт подпишут! Сегодня суббота, а в субботу по еврейскому закону евреи не должны подписывать счёт».

Знания еврейских традиций, многих языков помогает нашим выпускникам не только разрешать различные жизненные ситуации, но и в карьерном росте тоже.

В детстве я был очень далёк от еврейства. Еврейское самосознание приходит ко мне постепенно. Где-то приходится менять привычки... Трудно меняться - ты хочешь сделать больше, а обстоятельства не позволяют. Это большая работа над собой. Я узнаю очень много сейчас. Я ощущаю интерес ко всему, о чём узнаю и читаю по иудаизму. Хочу просто больше общаться на эти темы. Сейчас моя настольная книга на работе «Еврейская этика в школе». Настольная книга у меня дома «Еврейские ценности», автор рав Галушкин. Я могу открыть эту книгу на любой странице и начать читать, и мне это интересно. В заповедях Торы открываю очень много для себя. Для меня осознание себя евреем - это не значит делай то-то или то-то. Это исходит из души. К сожалению, я не всегда могу прийти в синагогу, но очень хотел бы. Впервые Раввину Шмуэлю Кот меня представил Миша. Потом, когда я стал с Раввином более тесно общаться, он произвёл на меня впечатление человека, от которого идёт внутренний свет и с кем хочется общаться ещё больше. Если какой-то длительный промежуток времени мы с ним не виделись, мне хочется ему позвонить.

Когда на душе что-то гложет, какой-то ощущаешь дискомфорт, мне хочется позвонить ему. Он замечательный! Раввин делает огромную работу в Таллиннской синагоге, много ездит в другие еврейские общины по всей Эстонии, посещает евреев в тюрьмах... То, что он сделал в Таллинне, в Эстонии, достойно самых высоких слов! Он стал очень уважаемым человеком во всей Эстонии. Когда я встречаюсь с разными людьми, о нём все говорят: «А, это ваш Раввин, мы знаем его»

“ЕВРЕЙСКИЙ”
ПАСПОРТ

ЧАСТЬ 2

МИХАИЛ БУРЫХ

ДЛЯ МЕНЯ ОЧЕНЬ
ВАЖНО ГОРДИТЬСЯ
ТЕМ, КТО ТЫ ЕСТЬ,
И НЕСМОТРИ НА ВСЕ
УНИЖЕНИЯ, СКАЗАТЬ:
«ДА, Я - ЕВРЕЙ»

Один из членов нашей большой семьи, Леонард Кофкин, создал и уточняет ещё сейчас генеалогическое дерево нашей семьи. Он выяснил, что фамилия Кофкин много раз в истории менялась и пишется по-разному: Кофкин, Кофман... Он нашёл и самых старых наших родственников в местечке Друя, Витебской области, Белоруссии.

Мою прабабушку, бабушку моего папы, звали Мэри Кофкин, девичья фамилия Шескин. Прадедушка звали Симон Кофкин. Прабабушка и прадедушка похоронены в Таллинне.

Бабушка, папина мама, Эда Кофкина, родилась в Пярну. Она вышла замуж за Владимира Бурых, и они переехали в Магнитогорск, где я и родился. С бабушкой я смог пообщаться, когда был ещё маленький. Бабушка работала учительницей. Потом она вернулась в Эстонию и жила в Таллинне до конца своей жизни.

В начале 90-х прошлого века папа задумал репатрироваться. Мама и бабушка активно поддерживали такой переезд. Когда мы сделали алию, мне было 5 лет. Россию я не помню вообще. Впервые о всех еврейских праздниках, еврейских традициях мы узнали только, когда переехали в Израиль. До этого я не знал, что такое иудаизм, что я еврей... Я рос в Израиле и уже там узнал и отмечал все еврейские праздники, знал, что эти праздники означают. Помню, как пошёл в первый класс в Хайфе, где мы жили первый год. Потом мы переехали в Тель Авив. Я учился все эти годы в израильской школе. Для меня еврейство стало естественным. В школе старался хорошо учиться. За первый год, пока мы жили в Хайфе, я очень хорошо выучил иврит. По моему языку нельзя было сказать, что я оле хадаш, вновь прибывший. Те, кто родился в Израиле, называются «צבר» - сабр», и меня тоже стали воспринимать как сабра, родившегося в Израиле. Я не общался с русской компанией, у меня все друзья были местные, израильтяне. И поэтому я очень хорошо интегрировался. Как я помню, в Израиле было так: с 1-го по 6-ой класс мы учились в одной школе. Классы были довольно-таки большие. У нас было около 35 человек в классе. Учёба мне очень нравилась. Там уважали учителя. Учителя были очень дружелюбные. Проблем в классе с тем, что кто-то не учится, не было.

Очень часто проводились экскурсии, мы ездили по всему Израилю. Несмотря на то, что мы с друзьями были ещё детьми, довольно часто между собой говорили о политике. Для Израиля это очень нормально. В 4-м или в 5-м классе я знал всех израильских политиков. Я думаю, это были золотые годы, потому что в Израиле, и не только в школе, к детям относились очень-очень хорошо. После 6-го класса начался активный поиск, где учиться дальше. В Израиле есть районные школы, где все могут продолжать учёбу после 6-го класса. Но в некоторые школы можно было поступить только по конкурсу. Когда мы переехали в Тель Авив, сначала я учился в школе Аювель, потом 7-ой класс закончил в другой школе. В израильской школе учатся 6 дней в неделю, что очень необычно для Эстонии. Во всех школах есть урок Торы. В Израиле дети очень самостоятельные. Когда я был в 4-м классе, родители разрешали мне пойти вечером с друзьями погулять. Взрослые в школе относятся к детям, как ко взрослым, они обсуждают с детьми разные темы, в том числе и политику. Так как Израиль — это такое государство, где всегда что-то может произойти, мы изучали географию раньше, чем в других странах. Мы изучали историю, чтобы знать и сохранить в памяти то, что произошло много лет назад.

В Израиле есть два экстрима. Первый экстрим — это постоянная готовность к непредвиденному: каждый год всем жителям надо было менять противорады, каждый год надо было пройти такой тренинг, как спускаться в бункер, если будет такая необходимость. Но, с другой стороны, то, что освещается в масс-медиа про Израиль, намного преувеличено по сравнению с тем, что есть на самом деле. Какого-то страха там нет. Родители знали, что если послать ребёнка в магазин, его не обманут с деньгами, ему помогут, подскажут, если надо. В Израиле к детям и солдатам особое отношение. Родители знали, что если что-то произойдёт, всегда найдутся люди, которые ребёнку помогут. Для меня был огромный культурный шок, когда я приехал в Эстонию. После Израиля я привык к такому общению, что если прииду в любой магазин, вижу человека в первый раз, он обязательно улыбнётся, поздоровается, спросит, как у меня дела... И это всё в Израиле воспринимается как норма.

Человек не хочет узнать о тебе что-то, чтобы навредить, это просто израильский менталитет. Один раз поговоришь с человеком, он уже хочет к себе домой пригласить, и не потому, что хочет показать какой у него большой телевизор, как это часто здесь делается, а просто людям нравится общаться. Даже, если они выйдут вечером одни погулять, они обязательно с кем-то познакомятся... И когда так поступают повсюду, по всей стране, то в Израиле это воспринимается как норма. Здесь такое общение, чтобы к тебе подошёл незнакомый и спросил, как у тебя дела, выглядит довольно странным. В эту израильскую культуру поведения я просто влюбился. Сам таким стал и ожидаю такого же поведения от других. Израиль меня научил, что можно научиться чему-то от людей, с кем ты беседуешь. Это твоё богатство. Чем больше ты знаешь людей, тем лучше ты будешь жить. Помню, как в Израиле приходил на разные праздники. Например, на Лаг ба Омер... там люди встречались, делали костры вместе... Я был тогда ещё ребёнок, меня каждый приглашал к себе, угощал... В Израиле я гораздо чаще доверял чужим людям, чем сегодня. Люди там обращаются к тебе не потому, что хотят чего-то от тебя, это просто такая натура, это такой стиль жизни. И мне вначале в Эстонии было довольно трудно принять другой стиль поведения.

Когда господин Кофкин стал строить гостиницу в Таллинне, он пригласил моего папу на работу. Сначала папа поехал один, я с мамой остались в Израиле. Так как папа мог сделать свою карьеру в Таллинне лучше, чем в Израиле, мы переехали в Таллинн. Когда я приехал из Израиля, мне было 12 лет. Я плохо говорил по-русски, эстонского языка не знал. Я пошёл учиться в интернациональную школу, где обучение было на английском языке. Еврейство, еврейские праздники — это единственное, что я знал и не переставал делать.

Свою Бар - мицву я отмечал в Таллинне, в синагоге на Магдалена. Я очень хотел провести этот обряд в синагоге, и родители меня в этом очень поддерживали. Все люди, которые были тогда в синагоге, были мне не знакомы. Когда мне дали прочитать отрывок из Торы для моей Бар -мицвы, я прочитал его очень быстро, и все удивились этому.

В Израиле каждый мальчик ждёт своей Бар -мицвы, потому что тогда мальчик становится мужчиной. Я еврей по папе, не по маме, но я принял еврейскую религию, я в ней вырос... Мама поддерживает все еврейские традиции, мы вместе справляем еврейские праздники. Сейчас в своей жизни я стараюсь всё, что узнал и выучил в Израиле, сохранить. Когда проводятся Еврейские Праздники в синагоге, в гостинице, я стараюсь принимать участие. Это у меня также осталось с Израиля до сих пор.

Бабушкин брат, Александр Кофкин, учредил здесь Фонд семьи Кофкиных, который напрямую помогал и помогает евреям в Эстонии. Фонд спонсировал мероприятия, которые организовывала Еврейская община для евреев Эстонии. Например, на ремонт еврейского кладбища, ремонт школы, разовые обращения руководителей Еврейской общины. До создания Фонда это были отдельные проекты. Со временем вместо разовых проектов Александр Кофкин решил организовать под эгидой Еврейской общины Эстонии Фонд семьи Кофкиных, у которого будут определённые цели и задачи. У Фонда есть свой Устав, Правление, Совет. В настоящее время Фонд ежегодно выделяет определённую сумму синагоге на охрану, спонсирует две социальные программы: одну - по уходу за престарелыми членами еврейской общины и вторую - по компенсации стоимости лекарств пенсионерам. Дополнительно, если случаются какие-то непредвиденные случаи, Фонд и это поддерживает. Ежегодно на Совете утверждается бюджет Фонда. Одна из важных целей создания Фонда семьи Кофкиных заключалась в том, что господин Кофкин своим примером хотел показать другим, что надеется, что будет один из многих, кто будет помогать развивать еврейскую жизнь в Эстонии. Каждый помогает как может, кто-то временем, кто-то деньгами, кто-то по-другому. Я думаю, потенциал в Эстонии гораздо больше, чем то, что делается сегодня. Мой папа, Александр Бурых, непосредственно занимается этим Фондом, он является членом Правления и Совета этого Фонда.

В еврейской традиции семья стоит на первом месте. И для меня это очень важно. Для меня это значит общаться, помогать друг другу. Быть евреем в истории всегда было очень тяжело. Для меня очень важно гордиться тем, кто ты есть, и несмотря на все унижения, сказать: «Да, я — еврей». Я никогда не боялся это сказать.

Хочу пожелать, чтобы евреи гордились тем, кто они есть, никогда этого не боялись и продолжали участвовать в тех мероприятиях и инициативах, которые предпринимаются и еврейской общиной, и синагогой. Все, кто здесь работает, очень много сделали для того, чтобы развить еврейское самосознание, еврейскую жизнь в Эстонии, сумели объединить всех евреев, живущих в Эстонии, смогли создать чувство, что мы многое пережили, и всё переживём!

АЛЕКСЕЙ ТУРОВСКИЙ

«КТО НЕ ВЕРИТ В
ЧУДЕСА, У ТОГО
НЕТ ЧУВСТВА
РЕАЛЬНОСТИ»

Моё осознание принадлежности к еврейству произошло резко, единомоментно и, в общем, достаточно драматически, когда мне было 7 лет.

В первый класс я пошёл в московскую школу в Замоскворечье, где жили бабушка и дедушка. Жить им, евреям, в самом центре Москвы разрешалось только потому, что дед был высококлассным специалистом. Дедушка был заместителем директора по производству на заводе сложных эфиров. Дед, кстати, в партии не состоял никогда. В то время, в 1952 году, если руководитель советского предприятия решался официально заявить, что тот или иной специалист еврейской национальности ему нужен, то оставляли возможность держать на работе этого человека. Сталин был крайне основателен во всём, что он делал: «Раз для какого-то стратегического предприятия нужны какие-то евреи, пусть работают, всегда успеем привести и их в своё время к общему знаменателю». Товарные составы были готовы,.. Биробиджан, Еврейская автономная область были учреждены...

А в школе в первом классе нас, детей, спросили, какой мы национальности. Тогда была «замечательная» сталинская национальная полититка, когда все национальности равны. Политику внедряли прямо, начиная с детского сада и первого класса. Когда спросили у меня, какой я национальности, я ответил, что точно не знаю, но поскольку я такой весь черноволосый и черноглазый, то я или украинец, или грузин. И это был естественный честный детский ответ. Ну просто у нас в семье не было еврейской тематики в моём детстве, её не существовало. Конечно, я обращал внимание, как в субботу бабушка доставала серебряные рюмочки различной величины работы рижских мастеров, бокальчики, красивые тарелочки... Но дома субботу никто не соблюдал. Хотя, я помню, когда мне было лет 5, мы ездили к дальним родственникам моего деда в Москву. Я смутно припоминаю... там было что-то очень интересное: там были подсвечники, там были металлические бокальчики и тарелочки, там что-то говорили...

Был у меня друг, и друг настоящий, очень дорогой мне, Али Фатахатдинов.

Был у меня друг, и друг настоящий, очень дорогой мне, Али Фатахатдинов. Из крымских татар. Отец Али был дважды Героем Советского Союза, это дало ему, татарину, возможность жить в Москве. Так что непосредственно с исламом я познакомился раньше, чем с иудаизмом. Семья Али была очень религиозна. Иногда я присутствовал при их молитвах, а молились они 5 раз в день от восхода до заката. ...В самом начале первого класса, осенью, мы с Али стоим в школьном дворе, спина к спине, а вокруг целая куча мальчишек, которые хотели поколотить нас обоих, но, по-моему, всё-таки меня, потому что я - еврей. Али пытался меня защитить, доказывая, что я - не еврей: «Может он русский, а может украинец, а может даже татарин,.. но он не еврей» Я прихожу домой и спрашиваю у бабушки: «Бабушка, скажи, пожалуйста, а мы - еврей?» И я помню точно ответ бабушки: «Алчик, дорогой мой, знаешь, Карл Маркс тоже еврей». Вот так я представляю с обстоятельством своей национальной принадлежности Потом, естественно, дед мне объяснил всё, просто, спокойно и очень-очень понятно. У дедушки было образование и полная ешива, и полное официальное гимназическое образование тоже. Он рассказал мне про еврейство вообще и про то, как с еврейством обстоят дела, как к евреям раньше относились и как многие сейчас относятся... Но, как дед мне объяснил, это реальность, и надо относиться к этому спокойно, обстоятельно, быть непоколебимым и в себе уверенным. Это надо знать, и за это надо держаться.

Моя мама, Анита Шлёмовна, была родом из семьи Клаусов. Клаусы были пярнуские евреи, очень давно поселившиеся в Эстонии. Я думаю, что поколения три Клаусов до рождения моей мамы жили в Эстонии. Среди них были и очень глубоко верующие ортодоксы. Дедушка моей мамы был строгим ортодоксом. И, конечно, бабушка тоже, но она была человеком достаточно вольнодумственным. Она занималась и хозяйством, и экономикой, и бизнесом... У дедушки была даже отдельная посуда, чтобы не есть некошерное. Среди Клаусов можно найти евреев самых разных установок, социальных, идеологических, но все они, несомненно, были евреи.

Мамины братья учились в Германии, домашний язык был немецкий, не идиш. Маминого отца звали Шлём Евгеньевич Клаус.

Со стороны мамы моей мамы, моей бабушки, — это Хволисы, польские евреи. Они приехали в Эстонию через Белосток, очевидно, из Варшавы. Её отец, дедушка были инженерами. Мой дедушка, мамин папа, погиб в самом начале Второй мировой войны.

Моего отца звали Марк Борисович. Его мама, Софья Семёновна Якобсон, была из Голдингена, сейчас это латвийский город Кулдига. Бабушка всю жизнь преподавала, давала частные уроки немецкого языка. Во время Первой мировой войны она стала медсестрой, ей тогда было лет 18-19. Она прошла все фронты. У меня есть фотография 1916 года, где моя бабушка вместе с корпусом фронтовых сестёр в Галиции. Дедушка родом из-под Гомеля. А его дедушка был палестинским евреем. В своё время он со своей семьёй переехал из Палестины через Ливан. Поселились они возле города Турова в Польше, и отсюда пошла фамилия Туровский. Дед моего отца был шойхетом. Шойхеты в то время были очень уважаемые люди. Шойхет определяет, как животное должно быть превращено в пищу с соблюдением Законов чистоты, а это всегда означает соблюдение требований безопасности здоровья. Святость и чистота — понятия, теснейшим образом связаны в любой религии, а в иудаизме, тем более, - строжайшим образом.

Из моего детства я вспоминаю бабушку с маминой стороны, Ханну Аркадьевну, бабушку и дедушку со стороны отца, Софью Семёновну и Бориса Евсеевича Туровского. Ещё была жива и моя прабабушка с отцовской стороны. Из родственников моего возраста у меня был только троюродный братишка Миша Горелик.

Мои родители познакомились во время войны в Московском университете. Мама сама из глубокой Сибири, она жила там во время эвакуации, добиралась до Казани, где тогда был эвакуирован Московский университет. Потом университет вернулся в Москву, там мама закончила философский факультет. Папа тоже учился на философском факультете на два курса старше.

Я родился в 1946 году. Через некоторое время после окончания университета родители переехали в Таллинн. Они развелись, когда мне было 6 лет. Я остался с мамой.

1952-53 год. Сталинский подход к решению еврейского вопроса был в самом разгаре, уже шли процессы врачей, еврейских деятелей культуры... Мама с папой были членами партии, причём верили они в идеалы коммунизма страстно, с энтузиазмом. В те времена мой отец относился к Сталину с религиозным восторгом. Несмотря на это, их обоих исключили из партии. Маме вменили в вину то, что когда-то она общалась с представителями сионистских организаций. Она, действительно, в 14 лет учила иврит. Её друг, страстный сионист, учил маму ивриту. Вот это моей маме вменили в вину и уволили из Таллиннского педагогического института, где она преподавала психологию после окончания университета. Мама стала работать санитаркой в Тарту в детской инфекционной больнице. Отец преподавал философию на кафедре естественных наук в Таллинском политехническом институте. Его тоже исключили из партии, уволили с работы..., он был безработным почти три года. Профессиональные коллеги его очень уважали, любили и доверяли отцу множество самых разных своих работ. Вот так он практически перебивался. Тогда он уже жил в Москве... Отец женился второй раз. С его супругой, Верой Григорьевной, у меня были великолепные отношения. Я обожаю своего отца, и он всегда со мной. У меня был чудесный отец.

Начиная с того, рассказанного в детстве, дедушкиного рассказа, я уже представлял себя евреем. Это меня интересовало, но, конечно же, зоология интересовала меня гораздо больше. Тем ни менее, к возрасту средней школы я уже был достаточно сознательным евреем. Хотя об иудаизме, еврейской истории я знал немного. Но, конечно, побольше чем это преподавалось в советской школе. По-настоящему с иудаизмом - и с еврейскими бытовыми традициями и обрядами, и в религиозном отношении - я познакомился, когда влюбился в Абиigail Левитину, которая стала потом моей первой женой. В семье Гайль к иудаизму относились органически, жизненно, а как же иначе?

У Гайль был чудный зэйдэ, звали его Лейб Левитин - чудесный дед, учитель в Еврейской школе, в Еврейской гимназии в Тарту, хибраист. Изумительный человек, невероятно обаятельный, умный, бесконечно тактичный... Я никогда его не забывал... Вот, например, однажды, как только вошёл в Таллиннскую синагогу, я на секунду вспомнил его серебряные густейшие усы... Он был очень старый, худенький, на Эйнштейна немножко похож, благодаря причёске и усам, главным образом, но и носом тоже... И наши разговоры... С каким тактом, мудростью он излагал мне основы иудаизма. Конечно, когда я уже стал членом этой семьи, я принимал участие во всех еврейских праздниках. На празднике Песах первый раз в жизни, я был из мужчин самым младшим за столом, в должный момент встал и заговорил:

? נשתנה, הלילה הזה מכל הלילות
שכל הלילות אנו אוכלין המץ ומצה.
הלילה הזה, כלו מצה.

Я всё-таки не могу сказать, что я действительно верующий еврей, но не могу это и отрицать. Я — агностик, я не знаю. Для меня быть евреем — это значит ни в коем случае не подвести Г-да, это страх Б-жий. Я верю в Б-га, и в глубине души у меня эта связь есть, и основа этой связи, безусловно, еврейская. Я никогда и никого не буду обвинять. Всё, что человек делает, всё доброе и всё плохое, он делает сам, и он полностью ответственен перед Г-дом. Мы все - Б-жи дары, и в ситуации, в которой человек оказывается, он обязан максимально развивать свои врождённые способности. Человек обязан так жить. Это его обязанность по отношению к Г-ду. Разумеется, человек должен избегать и бороться со злом. Где кончается зло, и где начинается добро — все эти вопросы человеку, который в общем живёт обычной жизнью, приходится решать на общечеловеческих основаниях. Что значит для меня то, что я еврей? Это значит, что в любом случае, чтобы со мной ни произошло, чтобы я ни делал, я отвечаю за себя перед Г-ом сам. Я никогда не буду валить на каких-нибудь злых духов, я даже не буду на злых людей указывать перстом: вот, дескать, кто виноват!

Я отвечаю за всё, что Г-дь мне дал, и я живу в страхе Б-жьём. Это значит, что я ни в коем случае не позволю себе подвести моего Г-да — это практическое еврейство для меня. И, естественно, в моей душе совершенно чётко встроено одно кредо, одна форма верования:

שמע ישראל ה' אלקינו ה' אחד

И никаких других форм для меня нет. Б-г един и Его доверие нужно всеми силами, чего бы это ни стоило, оправдать. Всё, что Он мне дал, я должен использовать.

Я по-настоящему счастлив, что в Таллинне удалось наконец-то создать такую чудесную синагогу. Первый раз, когда я увидел здание синагоги с улицы, сразу вспомнил и чётко представил верблюжье седло. Я довольно много ездил на верблюдах и двугорбных, и одногорбных. Вот так мы, евреи, ходили, бежали, останавливались, жили в пустынях и полупустынях, в горах - везде и всюду, и с нами были наши животные, и с нами были наши дети, и с нами были все-все-все... мы всегда в дороге. При всей страшной тяге к осёдлости мы всё-таки всегда в пути и этот путь Г-дний. Каждый раз, когда я в синагоге, мне тепло и приятно на душе. Чудесная синагога получилась! Совершенно чудесная!

Я очень рад что у нас такой очаровательный, умный, тактичный и, при всей своей молодости, по-настоящему мудрый Раввин. Вспоминается смешной случай. Однажды от синагоги была организована экскурсия по зоопарку для детей и родителей. На экскурсии наш мудрый Раввин посмотрел на очень живую и весёлую публику — еврейские дети и еврейские родители, снял свою шляпу и торжественно надел её мне на голову, сказав: «Вот так они на Вас всё-таки хоть какое-то внимание будут обращать!»

ЮЛИЯ КОЛЕКТОР

У НАС БЫЛА ПЕРВАЯ
ХУПА, ПЕРВАЯ
ЕВРЕЙСКАЯ СВАДЬБА В
ЭСТОНИИ ЗА МНОГО-
МНОГО ЛЕТ!

Я вообще поздний ребёнок у своих родителей. Поэтому бабушек, дедушек не видела, знаю о них только по разговорам. Я родилась, когда папе было 50 лет. Мои родители - евреи из Украины. Папа - из Артёмовска, мама - из Житомира, они из простых больших еврейских семей. С маминой стороны, бабушку звали Хая-Рая, девичья фамилия Кац, дедушку - Ханин. Мама говорит на идиш, до войны она ходила в еврейский садик. Мама рассказывала, что помнит, как на Песах сами раскатывали тесто для мацы...

С папиной стороны, бабушку звали Тема Израилевна, а дедушку - Абрам.

Маме было 11 лет, когда началась война. Она была в эвакуации со своей мамой и братом, они были в Астрахани. Бабушка моей мамы тогда была уже очень больна, парализована, и они не смогли её забрать... Прабабушка погибла в Бабьем Яру... Иногда мама вспоминала, как они с братом ловили во время эвакуации рыбу. Но рыбу они не съедали, а продавали или выменивали на хлеб. Продукты можно было купить только по карточкам. Мама вспоминала военные годы как полуголодное существование... Это было просто время выживания. Старшие её брат и сестра уже служили в армии. Одна из сестёр мамы была в армии военным переводчиком. После эвакуации вернулись в Житомир. Каким-то чудом их дом уцелел.

Папа во время войны попал в плен. Конечно же, ему было ужасно страшно, что он еврей и что он в плену. Папа вспоминал, что военнопленных перевели в Англию, потом он попал во Францию. Оттуда их депортировали в Эстонию... Они уже были в списках тех, кого отправляли в лагерь смерти, но это уже был конец войны, пришли советские войска и их освободили... Но папа говорил, что из одной «за решёткой» его перевели в другую «за решётку», «пошла уже фильтрация», как тогда это называлось. У папы ничего подозрительного не нашли, и он оказался на свободе. Вернулся в Украину, поступил в Харькове в институт иностранных языков, и, когда уже учился на 3-м курсе, прошла повторная «зачистка», это был год 1950.

Когда папа поступал, он не указал в анкете, что был в плену, и, очевидно, кто-то на него донёс... С 3-го курса папу отчислили из института... После этого он решил вернуться в Эстонию и здесь уже закончил свою учёбу.

После войны, после того, что родителям пришлось пережить, они стали своего еврейства стесняться (бояться), стали стесняться даже своих еврейских имён. Появилась некая юдофобия. После войны многие евреи стали менять свои еврейские имена. Так как родители были выходцы из Украины, где евреи не могли себя чувствовать свободно, они стали менять свои имена на более приближённые к русским. Маму звали Бетти (мамина девичья фамилия Гохштейн), но ей больше понравилось имя Александра. Папа был урождённый Пейсах, но в военном билете записал своё имя Павел, - так и остался.

Несмотря на всё пережитое, для мамы было однозначно, что муж должен быть евреем и семья должна быть еврейская. Помню, когда мне было лет 6-7, как родители шептались, и мама уговаривала мою среднюю сестру выходить замуж за еврея: «Он должен быть еврей и с высшим...» Я была ещё маленькая, и что значит еврей, я понимала, а что значит «с высшим», я не могла понять... Потом спросила у мамы, что это значит «с высшим». Мама отвечала, что это значит закончить 10 классов и получить высшее образование. Я удивилась: «И это всё?» Она отвечала: «Ты попробуй это сделать с 5-ой графой...» Для мамы было желательно, чтобы дочери вышли замуж за евреев. Вспоминаю, как мама готовила блюда еврейской кухни: фаршированную рыбу, варнечки... Календарь еврейских праздников «плавают», и мы тогда точно не знали, когда должен быть еврейский Новый год, когда Песах...

В детстве я особо не понимала, что я - еврейка и чем-то отличаюсь от других детей. Но потом поняла, что во дворе мы - единственная еврейская семья. Это был советский большой двор, где я с детьми играла. И мальчики со двора стали меня дразнить: «Еврейка, еврейка...» Я приходила домой и плакала... Мама меня успокаивала: «Не дружи с этими мальчиками!..» Но тогда я почувствовала свою отличность, что я какая-то другая... Почему-то никого русских не обзывали, и даже, если приходили эстонские дети

и называли кого-то «venelane», в слово «русский» не вкладывалось ничего негативного, отрицательного, а в «еврей» - что-то презрительное. Помню случай, когда я была где-то в первом-втором классе. Обычно, ученикам не давали смотреть классный журнал. Но в тот день на урок музыки нужно было принести журнал учителю в другой класс. И вот пока дети несли этот журнал, они стали его рассматривать. Когда дошли до последней страницы, там была информация о родителях и национальности каждого ребёнка. Против моей единственной фамилии было написано «еврейка»... Меня бросило в жар... я вспомнила тех мальчиков с нашего двора... И эти девочки ко мне: «Так ты - еврейка?!» И тут во мне опять возникло недоумение: «Опять я не такая!..» Я почувствовала себя дискомфортно. Мне никто ничего не объяснил в тот момент. Единственное, что было понятно: все остальные - другие, а у меня что-то не так, и это вызывает презрение.

Помню, в детстве стеснялась, что я - еврейка, мне казалось, что со мной не так дружат, что я не такая, как все. И нашла для себя такой выход: когда была очередная перепись данных, я просто написала, что я - русская, мне так было проще... чтобы было тихо... мне не хотелось выделяться, мне не хотелось бороться... Когда кто-то вспоминал, что вроде где-то было, что я - еврейка, я начинала юлить: «Я наполевинку..., четвертинку...»

Это всё продолжалось до того момента, когда в седьмом классе к нам в класс не пришла ещё одна еврейская девочка. Она была воспитана по-другому. Она привыкла бороться и отстаивать честь своей национальности. У неё были «говорящие» еврейские имя и фамилия - Эрика Рубинштейн. Мы сразу стали с Эрикой дружить, Я в ней увидела человека своей национальности. Как в известной цитате из сказочной повести «Маугли» Киплинг «Мы с тобой одной крови - ты и я», нас объединила наша национальность и общность многих взглядов, которые раньше мне не с кем было разделить. Её появление вызвало бурю эмоций в классе, её тут же стали дразнить, но она боролась и отстаивала своё: «Да, мы евреи, что здесь постыдного?». Уже настал 1988-89 год, начало создаваться Еврейское общество, организовывались встречи еврейской

молодёжи. Помню, как в кафе «Диана» справляли еврейский Новый год. Это было так ново, так интересно для всех нас! Мы все были объединены национальностью, которую я ещё совсем недавно стеснялась, а здесь мы гордились! Менялась страна, наступало что-то новое, мы чувствовали своё движение вперед... Я стала читать еврейскую литературу.., знакомиться со многими молодыми людьми, которые тоже были евреи!.. Я помню первых лидеров еврейской молодежи: Паенсон, Гурвич... Стали проводиться еврейские молодёжные семинары, заграничные еврейские молодёжные лагеря. На мероприятиях продавали еврейскую литературу, других источников, где можно было бы почерпнуть информацию об иудаизме, тогда ещё не было. Когда училась в Тартуском университете, тоже посещала еврейские молодёжные мероприятия, всегда тянуло к «своим»...

В то время многие эмигрировали, кто-то ещё готовился к отъезду... Помню 1990 год, я заканчивала школу. В этот год была самая большая волна отъездов. Я помню, что те, кто собирались отъезжать, держали до последнего момента это в секрете... Помню, была уже весна, подходил к концу учебный год. И вдруг стало проявляться... «А ты знаешь, они уезжают.., а ты знаешь, и вот эти уезжают...» И было это настолько массово!.. Уезжала учительница из школы, ученики... Тогда уехала и моя старшая сестра. Всё это было очень волнительно! Ведь было чувство, что прощаешься навсегда!... Тогда даже телефонных звонков нельзя было сделать, не то, чтобы поехать... Мы здесь остались, как будто в какой-то разрушенной семье.., в разваливающемся на части государстве... Было мрачно, бедно и одиноко.., всё вперемешку: еврейство-нееврейство, работа-не работа, Советского Союза больше нет.., обмен денег...

С моим взрослением моё отношение к тому, что я - еврейка поменялось. Я стала воспринимать это с гордостью! И даже, если когда-то где-то меня задевали по поводу моей национальности, меня уже это не беспокоило. Когда мы с будущим мужем Александром решили оформить наши отношения, мы хотели сделать Хупу. В Таллинне тогда ещё не было раввина. Я нашла литературу, читала, как это должно быть. Мы связались с раввином Баркан в Риге.

Оказалось, что всё не так просто. Раввин был согласен приехать в Таллинн, но нужно было ещё перед Хупой окупиться в микве. Тогда в Таллинне микве не было. Мы уже думали, что, вероятней всего, откажемся от проведения Хупы - слишком всё сложно правильно соблюсти. Была зима, я не представляла, как это куда-то ехать ради того, чтобы окупиться в микве. Но позвонил старый Рав Баркан и так проникновенно лично мне говорил: «Я ничего не скажу тебе, девочка, - он меня ещё не видел, - за стол, кошерно или нет.., но если вы почувствовали, что Хупа вам важна, то сделай эту малость, приедь в Ригу, окупись в микве, и я вас благословлю... Дам вам новый полог для обряда, вы будете первыми под ним стоять... Всё у вас будет хорошо...» И я почувствовала такую глубину в его словах! И до сих пор ему за это благодарна. В Риге меня встретил раввин Арье Беккер. С его женой мы пошли в микве, там я совершила этот обряд и ночью уже уехали домой. У нас была первая Хупа, первая еврейская свадьба в Эстонии за много-много лет! Это был 1999 год. Рав Баркан приехал в Таллинн для проведения нашей Хупы. Тогда и синагоги ещё не было - только малюсенькая полуфункционирующая на улице Магдалена. Наши гости были, в основном, евреи. И многие из гостей видели и узнали о таком обряде в первый раз! Увиденное возбудило у гостей далёкие воспоминания: где-то когда-то рассказывали, что тысячи лет..., а обряд всё такой же!

Еврейская жизнь - это какой-то внутренний огонёк, иногда это пламя выше, иногда ниже, но огонёк всё равно есть, всё равно это ощущаешь, и это ощущение, родное и близкое, у меня всегда внутри. От Александра у меня двое детей - дочь Ева и сын Ари Александр. Сын родился после трагичной смерти отца. И я ни дня не сомневалась, чтобы сделать ему обрезание.

Через несколько лет мне повезло встретить хорошего человека. Эдуард тоже еврей и у нас родился ещё один мальчик. Наш сын был первым, кому обрезание, Брит-мила, провели в новой синагоге. Как сказал тогда Рав Шмуэль: «Этим обрядом мы приглашаем Машиаха в нашу синагогу.» Для нас это была большая честь!

Брит-мила нашего сына освятила синагогу. И у меня такое ощущение, как будто бы мы - первопроходцы в Эстонии. Тогда даже синагога официально ещё не была открыта. Наш сын родился 20 апреля 2007 года. Обрезание договорились провести 27 апреля. Мы должны были к 10 утра быть в синагоге. А в ночь на 27 апреля случилась «Бронзовая ночь». С вечера 26-го по телевизору только и показывали все эти ужасные погромы. На душе было отвратительно... Центр города был разгромлен, к синагоге надо было ехать в объезд. Мы даже не знали, успеем ли к 10 в синагогу... Но специально ради нас из Англии приехал моэль... Так, по разбитому центру, в некоторых местах центр города был вообще перекрыт, мы доехали до синагоги...

В настоящее время мы дома отмечаем еврейские праздники. Стараемся делать это по всем правилам, готовим соответствующую еду. Своих детей я стараюсь отправить в еврейские лагеря. На праздники приходим в синагогу. Почему-то для меня еврейство больше всего связано с едой. Я готовлю те же блюда, что и когда-то моя мама готовила дома. И у моих мужей это вызывает также чувство чего-то родного, что было принято и в их семьях. Избранность евреев - это законы семейной чистоты и порядочности в жизни, отношение к своим детям, то, как мы их любим и воспитываем, как прививаем им то, что дорого нам.

Недавно у моей старшей дочери была Бат-мицва. Мы торжественно провели обряд Бат-мицва в синагоге. Ева так трепетно готовилась к этому... У нас получился очень тёплый праздник и для нашей семьи, и для всех её друзей. А главное, что она осознала, что это значит - совершеннолетие еврейской девочки!

Внутреннее самосознание человека идёт из семьи. У евреев самое дорогое - это жизнь. Даже еврейский тост - это «Лехаим», за жизнь. А счастливая жизнь - это то, к чему мы все стремимся. Жизнь - это то, что дано нам от Б-га. Я рада, что дала ещё трём человечкам жизнь, и они дальше продолжают свои-мои ветви, ветви наших праотцов. Я рада, что сделала своим мальчикам обрезание, которое всегда будет им напоминать о своей принадлежности к еврейскому народу.

АДИНА ФАЙМАН

...ДЛЯ МЕНЯ БЫТЬ
ЕВРЕЙКОЙ ОЗНАЧАЕТ:
ЧУВСТВОВАТЬ СВОИ
ЕВРЕЙСКИЕ КОРНИ...,
ЖИТЬ ЕВРЕЙСКОЙ
ЖИЗНЬЮ И ДЕЛАТЬ
ДЛЯ ЕВРЕЕВ ЧТО-ТО
ХОРОШЕЕ И ПОЛЕЗНОЕ.

Наши родственники, со стороны маминой мамы, жили в Раквере. Мою прабабушку, бабушкину маму, звали Минна. У прабабушки и прадедушки в Раквере было своё дело, они изготавливали дамскую обувь и дамские сумочки. Мой прадедушка Моозес Блехман погиб в битве под Великими Луками, там и похоронен. Бабушка вышла замуж во второй раз. Её второго мужа звали Беньямин Гительсон. Он родился не в Эстонии, по профессии был зубной врач и зубной техник. Может, в Таллинне ещё остались люди, которые помнят его. Он был замечательный зубной врач и очень хороший человек. Мои прабабушка и прадедушка уехали в Израиль, там они и умерли. У них есть две дочери, которые тоже сейчас живут в Израиле. Одна из них - моя бабушка, её зовут Рива, Ребекка. Её дочь Илана - моя мама.

Мои бабушка и дедушка, папины родители, были родом из Тарту. Бабушку звали Шейна Файман, в девичестве Тейтельбаум. Она родилась в городе Валга. Затем её семья переехала в Тарту. Там же, в Тарту, она закончила частную балетную студию. После войны танцевала в балетной труппе театра «Ванемуйне». Потом преподавала в школе балет и танец. Бабушки уже нет в живых. Она умерла, когда мне было 10 лет. Дедушку звали Авром, дома его звали Апа. Я его почти не помню, он умер, когда я была очень маленькая. Он проработал на кожевенно-меховой фабрике всю свою жизнь, был хорошим специалистом и очень добрым человеком. У них был единственный сын - мой папа Харри Файман.

Я всегда знала, что я родом из еврейской семьи, это не было каким-то открытием для меня. Наши семейные друзья - это тоже еврейские семьи, и наше окружение было еврейским. Большие еврейские праздники в семье знали и праздновали. На Песах всегда была маца. Но раньше я не помню, чтобы мы отмечали Шабат.

Я ходила в эстонскую школу. Когда училась в пятом классе, со мной произошёл маленький инцидент. Один мой одноклассник написал на бумажке что-то, связанное с евреями. Я показала это учительнице, которая посчитала это недопустимым.

Позвали директора школы, который, к слову, относился ко мне с особым уважением из-за моего происхождения. Директор всё объяснил этому мальчику. Очевидно, разговор этот был суровый, потому что после этого никаких конфликтов по поводу моей национальности не было, хотя в школе все знали, что я еврейка. Сначала ребята думали, что я - русская, так как я владею одинаково и русским, и эстонским языками, но я всем говорила: «Я не русская, я - еврейка». Но ребята плохо понимали это. Их мир делился тогда на русских и эстонцев. Сейчас все мои друзья знают о моём происхождении, я нередко рассказываю сама или отвечаю на вопросы, связанные с нашими традициями и обычаями. Также с удовольствием знаколюсь с еврейской кухней.

Самый первый раз я оказалась в окружении еврейских детей, когда ходила ещё в начальную школу. В начале лета в Еврейской школе устраивали городские лагеря. В течение недели проходили занятия в школе. Мне это всё очень понравилось, и мне было безумно интересно. Мне очень понравилась атмосфера в лагере: все были очень очень доброжелательные и как-то особенно близки друг другу. Меня поразило отношение между учениками и учителями. Казалось, что это одна семья. В Таллинском Французском лицее, школе, где я училась, этого не было, и я почувствовала, что нахожусь в подходящей для себя среде. Мне это запало в душу. Если ты оказываешься в окружении еврейских ребят, и ты оказываешься в еврейской школе, то уже воздухом передаётся еврейская среда, потому что есть разница между эстонской школой и еврейской школой. Я начала ездить в еврейские лагеря с 12 лет. Мой первый лагерь проходил в Литве. Мне там тоже очень понравилось, и я пережила такие сильные положительные эмоции, находясь там, что после этого ездила в еврейские лагеря почти каждый год. В лагерях узнавала о еврейских традициях ещё больше. Неотъемлемая часть каждого лагеря - это встреча Шабата, изучение еврейских песен и танцев, занятия по традициям. Там всегда встречали Шабат, по завершении Шабата всегда делалась авдала. В лагерях соблюдали кашрут, произносили молитвы до и после еды. Так еврейские знания стали накапливаться во мне. С каждым лагерем этих знаний становилось всё больше и больше.

И для меня стало очень важно моё участие в еврейской жизни. Я чувствовала так, что поскольку в еврейской школе не учусь, то должна по-другому как-то узнать, изучить еврейские традиции, как правильно это нужно делать. С этой целью я и пришла в Еврейскую общину. Когда мне исполнилось 16 лет, я пришла учиться в школу мадрихов. С одной стороны, хотела сохранить контакт с еврейской молодёжной жизнью, а с другой - сделать что-то хорошее и полезное для еврейской общины. Школа мадрихов - это курсы для молодых людей, которые хотят стать еврейскими молодёжными лидерами. Это курс занятий, на котором учат работе с детьми и молодёжью. Руководителем нашей группы была Бетина Ферман, которая сама прошла цикл обучения и к тому времени была уже вожатой.

Через год мы уже сами стали проводить программы для детей. С какой энергией и энтузиазмом готовилась наша первая программа! Я до сих пор помню свои эмоции после окончания программы. Когда за детьми закрылась дверь, мы почувствовали, насколько устали, насколько выжаты, но как мы при этом были счастливы! Мы это сделали! Мы это сделали сами! Мы это сделали вместе! Нашей гордости не было предела. От полученных эмоций хотелось сделать ещё что-то, ещё лучше и интересней. Несколько лет вместе с другими я организовывала программы для детей в Еврейской общине и работала вожатой в еврейских лагерях. Сейчас я студентка Тартуского университета. Моя специальность - романистика-французский язык. В сентябре 2011 года я поехала по программе студенческого обмена во Францию, во второй по величине город Франции - Лион. Благодаря помощи нашего раввина Шмуэля Кот, я познакомилась с местным раввином, который, в свою очередь, познакомил меня с еврейской жизнью Лиона. Раввина города Лион зовут Сендер, то есть Александр, а его жену - Дебора. Сендер родом из Лиона, а Дебора приехала из Австралии. У них трое маленьких детей, и они представители Хабад Любавичского Центра в Лионе. Сендер и Дебора - очень милые и приятные люди. Они часто приглашают меня к себе в гости на встречу Шабата.

Эти встречи дают мне почувствовать себя здесь, во Франции, где поначалу никого не знала и меня никто не знал, как дома. В Лионе есть ещё старая синагога, которая, к сожалению, не так привлекает иностранцев, как, например, Таллиннская синагога. Недавно прошедший Песах 5772 я справляла в небольшом кругу знакомых Сендера и Деборы в маленьком хабадном центре. Компания была разношёрстная: на сцене были представители всех возрастных групп и разных стран. Были гости из Австралии, Америки, Израиля и, конечно, из Лиона. Ашкеназский гефилтэ фиш оказался для многих кулинарным открытием. В очередной раз я убедилась, насколько этот мир маленький: я встретила с братом Деборы, живущим на данный момент в Нью-Йорке, который недавно вернулся из Эстонии, где проводил пасхальный седер. Он также посетил Тарту, который запомнился ему как уютный студенческий город. Есть в Лионе и светский (не религиозный) культурный центр. Для студентов существует Ассоциация еврейских студентов, которая время от времени устраивает общие поездки и мероприятия. Праздник Пурим в этом году я отмечала с местными студентами. В таком роде общинности и состоит, как мне кажется, уникальность нашего народа: в любом уголке мира можно найти “своих” людей.

Уверена, что сознание генетической и культурной принадлежности к какой-то национальности и культуре воспитывается, прежде всего, в семье. Своим родителям я обязана тем, что родилась еврейкой и не перестала ею быть, хотя говорю на русском, 12 лет проучилась в эстонской школе и выбрала в качестве своей специальности французский язык и культуру. На вопрос, что для меня означает быть еврейкой, отвечаю так: чувствовать свои еврейские корни и на «генетическом», и на историческом, и на культурном уровне, жить еврейской жизнью и делать для евреев что-то хорошее и полезное.

Небольшая справка о «еврейском» Лионе
взята из:

<http://www.eleven.co.il/article/12462>

Лион, административный центр департамента Рона, Франция. По всей видимости, уже во втором веке в городе было еврейское население, однако о нём мало что известно вплоть до начала 9-го века, когда здесь существовала значительная по численности, процветающая и влиятельная еврейская община. В средние века евреи жили на Еврейской улице (Рю жуивери). В 1250 году они подверглись изгнанию, и около ста лет в Лионе не было постоянного еврейского населения. Во второй половине 14-го века в городе вновь появилась еврейская община. Так как Лион имел особый статус (с 1312 года - домен короля), эдикт 1394 года об изгнании евреев из Франции не затронул еврейскую общину города, однако евреи были изгнаны из Лиона несколько десятилетий спустя, по-видимому, в 1420 году. С 16-го века евреи периодически появляются в Лионе в качестве купцов на ярмарках. Постепенно в Лионе сложилась община, состоявшая преимущественно из выходцев из Авиньона, однако весьма малочисленная и которая не имела синагоги. В 1864 году в Лионе была открыта первая синагога. В начале 20-го века с прибытием иммигрантов из приморских районов в Лионе образовалась сефардская община. Накануне Второй мировой войны в городе насчитывалось 500–600 еврейских семей. Согласно франко-германскому соглашению о перемирии (июнь 1940 года), Лион вошёл в неоккупированную зону Франции, что превратило город в убежище для еврейских организаций.

В ноябре 1942 года Лион был оккупирован германскими войсками. В 1942–44 годах нацисты осуществляли массовые аресты и депортации.

После войны многие беженцы остались в Лионе, еврейская община города тогда составляла около семи тысяч человек. Экономический рост Лиона привлек сюда многих еврейских эмигрантов из Северной Африки, и в 1969 году местная община насчитывала 20 тысяч человек. В городе действовали общинный центр, несколько синагог, еврейские учебные заведения, включая ОРТ. В 1980–1990-х годах продолжалось увеличение численности еврейского населения Лиона, в первую очередь, благодаря приезду в город большого числа евреев выходцев из государств

Северной Африки. Согласно переписи населения во Франции 1999 года, в Лионе проживали около 30 тысяч евреев. Лионская еврейская община - третья по численности во Франции после парижской и марсельской.

СЕМЁН И АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦМАН

ДЛЯ НАС ЕВРЕЙСТВО
- ЭТО БЫТЬ ВЕРНЫМИ
СВОЕЙ СЕМЬЕ.

ЕВРЕЙСТВО — ЭТО
СЕМЬЯ!

НАШИ ДЕТИ

Сделаем наш «Паспорт» необычным — начнём не с «Аврама, Ицхака и Якова», а наоборот. Мы расскажем про наших детей. Наши дети по Галахе — не евреи, их мамы, наши жёны — не еврейки. Наш рассказ о нашей еврейской жизни начинается с наших не еврейских детей. Александр: у меня один сын - Михаэль. Семён: у меня двое детей - София и Давид.

Нам кажется, что еврей — это тот человек, который не просто бытует на этой земле, он реально работает головой, он работает сердцем, он считает, что он не один единственный в этом мире, он связан генетически со своим предыдущим поколением, и он будет связан генетически со своим будущим поколением. Для нас важно, чтобы наши дети знали, кто они, откуда они, и кто их родители.

Для нас еврейство - это не национальность, для нас еврейство — это не еврейская кровь. Для нас - это быть верными своей семье. Еврейство — это семья! Это то, что мы прививаем своим детям. Нас с детства родители учили быть постоянно вместе, поддерживать друг друга и в горе, и в радости. Мы живём в окрестностях Таллинна, у нас здесь один дом с двумя половинами для каждой семьи. У нас общее хозяйство, общий бизнес, мы учимся, работаем, отдыхаем вместе.

НАШЕ ЕВРЕЙСТВО

Мы родились и выросли в Кохтла-Ярве. Мы ходили в обычную русскую школу. У нас было чёткое осознание того, что мы — евреи, все в семье евреи. Бабушки и дедушки, со стороны отца и мамы, отмечали еврейские праздники. В семье практически все говорили на идиш. В нашей семье все женщины прекрасно готовили еврейские блюда : это и «гифилтэ фиш», это и «фаршмак», и так далее и так далее...

Александр: Но, в обществе нас воспринимали совсем по-другому, чем в семье. И для меня такой первый урок был выучен разбитым носом, не моим, конечно. Это было в классе 5-6м, меня назвали «жид». Придя домой, у меня состоялся разговор с мамой. «Драться нельзя, но ты поступил правильно. Ты должен знать, что ты — другой».

Драка – не самый лучший способ показать это». Я впервые понял, что за мой проступок, который был неправильный, мама меня не отругала. У нас очень много двоюродных братьев и сестёр, со стороны мамы. Они жили на Украине, в Казатине. Мы каждое лето ездили туда и проводили с ними всё лето. Со стороны папы, бабушка с дедушкой жили с нами в Кохтла-Ярве.

Когда мы уже заканчивали школу, очень активно стал работать Сохнут. Наша мама с самого начала активно помогала создавать Еврейскую общину Кохтла-Ярве и некоторое время была председателем Еврейской общины Кохтла-Ярве. На праздники начали организовывать вечера для еврейской молодёжи, организовали кружок по изучению иврита, истории, культуры. Мы стали знакомиться с евреями нашего возраста из Кохтла-Ярве. Стала появляться различная литература по еврейским темам.

Когда мы поступили уже в Тартуский университет, евреев друзей стало больше. Мы познакомились с тартуской еврейской молодёжью, стали ездить в сохнутовские лагеря. На 3-4м курсе университета мы уже сами стали мадрихами и создали еврейскую молодёжную общину ТЕМО. Семён: В то время я её возглавлял. Руководителем молодёжной еврейской жизни я работал довольно долго, даже и после окончания университета.

НАША ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ
Это были годы, когда народ стал активно уезжать в Израиль. Мы тоже начали «собирать вещи». Конечно же, вместе. В то время мы даже и не предполагали, что останемся жить в Эстонии. Мы хотели уехать любой ценой. Наше желание было настолько сильным, что мы «уезжали» раза три.

Первая наша эмиграция должна была состояться в 1990-ые годы в Израиль. Мы уже «сидели на чемоданах», оставили минимум, всё остальное было отправлено огромным контейнером в Израиль. Корабль, на котором был и наш контейнер, утонул. Мы восприняли это как судьбоносный знак, и нашим родителям этот знак показал, что мы что-то делаем неправильно, репатрироваться не надо.

Однако, инерция эмиграции осталась. Прошёл год-два. И следующая страна, которая нас ждала, была Канада, где жил брат отца.

Он подготовил для нас все документы, паспорта готовы, вещи вновь собраны. Мы собирались жить в Торонто. Но вдруг, в этот период, случилась потеря в семье, и поездку пришлось отложить, а затем мама интуитивно почувствовала, что и в Канаду мы тоже не должны ехать. Спустя время мы поняли, что она оказалась права.

Следующая эмиграция была в Австралию. Мы собирались всей семьёй. Тогда мы всё ещё продолжали думать, что Эстония не для нас, что мы тут никому не нужны, что мы чужие. В Австралии живут родственники нашей мамы. Подали документы, всё нормально, акцептировали. Стали готовиться. Вдруг приходит из посольства запрос, переподтвердить какую-то бумажку. Мы отослали подтверждение. Потом возникла длинная пауза, почти до года не было ответа. Мы были все в подвешенном состоянии, ждать - не ждать... Потом пришло сообщение, что Австралия пересмотрела правила эмиграции. По этим правилам у нас вроде бы недостаточно пунктов для разрешения. И опять получился какой-то тормоз с выездом.

В то время, пока наше внимание было направлено за границу, жизнь в Эстонии проходила благоприятным для нас образом. Всё складывалось удачно. Мы поняли, что эмигрировать нужно в Эстонию).

С поступлением в университет, с устройством на работу у нас никогда проблем не было. Наоборот, сейчас к нам приходят в клинику и говорят, обращаясь ко мне, доктору: «Вы не обижайтесь только, пожалуйста, но я к Вам пришёл на приём потому, что Вы — еврей.»

НАШИ «АВРААМЫ, ИЦХАКИ И ЯКОВЫ»:

Дедушку, со стороны мамы, звали Рувим, а бабушку - Геня. Они оба хорошо говорили на идиш, умели читать на иврите, отмечали праздники, ходили в синагогу. Дедушка был танкистом во время Второй мировой войны. После войны, вернувшись домой в Казатин, он стал работать на «керосинке». Развезил керосин в большой бочке. Бабушка работала бухгалтером. Ещё мама рассказывала, что у них был семейный бизнес, они делали мороженое. У дедушки была очень большая семья, было 13 братьев и сестёр. Поэтому наши родственники живут по всему миру.

Дедушку, со стороны отца, зовут Давид, бабушку - Мария. Они владели несколькими языками: говорили на русском, идиш, румынско-молдавском. Родом они из Бессарабии. Когда в Бессарабию пришла советская власть, они были очень зажиточны... их выслали в Сибирь...

Наши родители Белла и Мирон познакомились в Эстонии. Так сложилось, что Эстония стала их и нашим домом.

Когда мама ушла из жизни, то мы решили в её честь создать «Фонд здоровья имени Беллы Гольцман». Этот Фонд существует при общине. Работает Фонд таким образом, что люди, которые нуждаются в лечении, могут через Социальный центр получить лечение в нашей клинике бесплатно. Это дань уважения нашей Еврейской общине и нашему еврейству. Это то, чему нас научили наши родители. Они и наши родственники, и со стороны мамы, и со стороны папы, всегда поддерживали Еврейские общины. Например, наш дядя Григорий Гольцман – первый, кто открыл в Днепропетровске Еврейскую школу, помог восстановить общину, синагогу, открыть еврейский детский сад. Таких примеров в нашей семье много.

Еврейство - это жизненная мудрость, универсальная формула «жить по принципам благочестия». Мы пришли в этот мир, чтобы его исправлять и улучшать. В нашей семье существует этот жизненный принцип, и наша задача его сохранить и передать дальше!

ИЛЬЯ БАНД

РИЖСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ
ШКОЛА БЫЛА ПЕРВОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛОЙ
НА ТЕРРИТОРИИ
БЫВШЕГО
СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

Папины и мамины родители родом из Белоруссии, и история маминих родителей довольно похожа с историей папиных родителей. Жили, практически, в параллельных мирах. К сожалению, я не знаю, на сколько глубоко уходят еврейские корни нашей семьи. Догадываюсь, что глубоко, потому что от родителей идёт очень много рассказов о том, как проходила их еврейская жизнь.

Папины родители, их звали Хаим и Дася, жили в городе Браславе, в Белоруссии. До войны это была территория Польши. Там же родился папа. Бабушка занималась домашним хозяйством, а дедушка был руководителем колхозного хозяйства. Я знаю, что папины родители не были очень религиозными. Но еврейская традиция в их семье занимала очень важное место. На Песах дома сами пекли мацу, проводили Седер Песах. Дедушка занимался довольно активно еврейской жизнью в Браславе. С одной из волн алии в 1980 году он и бабушка уехали в Израиль. Но задолго до этого дедушка сам начал изучать иврит. Происходило это тайно, открыто изучать иврит в те годы было запрещено и очень опасно. Дома с бабушкой дед говорил на идиш, но с детьми они говорили по-русски. Например, мой папа идиш уже не знал. До отъезда в Израиль дедушка с бабушкой переехали в Ригу. Но и в Риге открыто изучать иврит, соблюдать еврейские традиции было сложно. Они негласно собирались со своими знакомыми, читали и изучали Тору. Когда я уже немного подрос и смог бы с ними общаться, то происходило это очень редко, так как они жили в Израиле. Мы переписывались, иногда говорили по телефону. Первый раз дедушку и бабушку я увидел в 1992 году, когда впервые после своего отъезда они приехали в Ригу. Мне тогда было 12 лет.

Маминих родителей звали Фаня и Авсей. Дедушку я не знал, он умер вскоре после моего рождения. Бабушка работала на заводе. Она не очень много говорила о еврействе и еврейских традициях. Я думаю, что советская власть «воспитала» у этого поколения такую скрытность. С этой бабушкой я проводил больше времени.

Бабушка жила в городе Верхнедвинске, в Белоруссии. По её рассказам, в Верхнедвинске было меньше евреев, чем в Браславе. И вся еврейская жизнь была менее насыщенной. Но, на мой взгляд, всё, что там делалось, было ещё более ценным. Они пытались соблюдать очень многие традиции, на Песах сами пекли мацу. Бабушка Фаня была одна из тех, которая сохранила у нас в семье еврейскую кухню. Многие бабушкины блюда готовятся и по сей день у нас дома.

Моих родителей зовут Галина и Борис. Папа учился в Даугавпилсе. Маму после окончания учёбы в Ленинграде направили на работу в Ригу. После того, как они поженились, родители жили в Риге. Мама работает экономистом, папа работал в строительстве. Папа умер несколько лет назад.

У нас было мало родственников в Риге. Я помню, что когда уже ходил в начальную школу, стал узнавать, что мои бабушка и дедушка живут в Израиле. Узнал, как они папиных брата с семьями тоже уехали в конце 70-х в Израиль, практически, в одно время с бабушкой и дедушкой. Так же поступили и многие наши родственники с папиной стороны. Бабушка с дедушкой хотели бы, чтобы и мы репатрировались. Но родители решили оставаться в Риге, так как мамина мама осталась жить в Белоруссии, и мама не хотела от неё далеко уезжать.

До 90-х годов прошлого столетия в Риге ничего особенного, связанного с еврейством, не происходило, и познакомиться с этим также было нелегко. Я думаю, что еврейство в нашу семью начало передаваться из Израиля.

Я родился в конце 1979 года в Риге. На протяжении многих лет с еврейством никак не соприкасался. Ходил в обычный детский сад, обычную школу. В школе произошёл комичный случай. Это были начальные классы. Однажды мы с одноклассниками разглядывали классный журнал. В этом журнале была графа «национальность». У всех моих одноклассников в этой колонке стояло: «рус», «рус», «рус», иногда попадалось «бел», «укр», против моей фамилии, единственной, стояло «евр». Я к тому времени знал, что это такое. Но одноклассники заинтересовались: «А что это значит?»

Я сказал, что не знаю, но, наверное, это «европеец». Просто пошутили на эту тему, но больше эта тема никак не развивалась. Я никак не заострял на этом моменте внимание, и моих друзей моя национальность не интересовала. Наверное, поэтому проявления негатива я не ощущал. В начальной школе еврейство меня мало интересовало. Но именно в школе и случился мой переломный момент осознания, что я — еврей. В Риге вся еврейская жизнь началась в 1989 году. Начала завязываться активная молодёжная жизнь. С этих пор мой старший брат начал интересоваться еврейскими делами и в этом участвовать. Каким-то образом он пытался и меня привлечь, водил на еврейские праздники, которые тогда начали устраивать. Я ходил с ним, мне было интересно посмотреть, что это такое. Но я не могу сказать, что относился к этому с каким-то переживанием.

В 1989 году открылась еврейская школа. Рижская еврейская школа была первой государственной еврейской школой на территории бывшего Советского Союза. Более того, она была открыта ещё до восстановления Латвии независимости. Родители относились к брату, как ко взрослому, и к нему прислушивались. Брат предложил отдать меня в еврейскую школу. Я очень хорошо помню этот момент, потому что, когда меня спросили, хочу ли перейти в эту школу, я сказал, что нет, не хочу, потому что все мои друзья остаются в прежней школе. Но, в итоге, я оказался в еврейской школе, потому что всё также с подачи моего старшего брата, спустя несколько лет, я поехал в еврейский лагерь. Мне было 13 лет. Тем летом я побывал даже в двух лагерях от двух еврейских организаций. Я провёл несколько недель в этих лагерях, завёл знакомства. Думаю, что лагерь и стал переломным моментом в моей нееврейской жизни. Именно в тот момент я становился всё ближе и ближе к еврейству. Познакомившись с ребятами, которые уже учились в еврейской школе, я, естественно, захотел перейти в эту школу и учиться вместе с ними. В те годы поступить учиться в еврейскую школу было непросто, нужно было пройти большой конкурс. Классы были переполнены. В Рижской еврейской школе начался мой 8-ой класс. Школа очень сильно меняла меня.

Северной Африки. Согласно переписи населения во Франции 1999 года, в Лионе проживали около 30 тысяч евреев. Лионская еврейская община - третья по численности во Франции после парижской и марсельской. Но и школа за время, когда я пришёл туда учиться, до момента, когда заканчивал 12-ый класс, тоже стала довольно другой. Я помню свои ощущения, когда только пришёл в эту школу. Это был 1993 год. Я просто оказался в каком-то другом мире, по сравнению с той школой, в которой учился до того. В школе царил домашняя атмосфера. Все всех во всей школе знали. Все сравнивали нашу еврейскую школу с израильской школой, где дети к учителям обращаются на Ты, где уже у учителей нет отчеств, только имена. Для меня это всё было в диковинку и необычно. Мне всё очень нравилось, меня, буквально, это захватило. Ну и, конечно, кроме этого, в школе обязательными предметами были еврейская история, иврит, еврейские традиции, которые мне были очень интересны. Учителя по еврейской истории и по ивриту часто менялись, они приезжали из Израиля. Но, когда я приезжал в Израиль к дедушке и бабушке, я уже понимал вывески и мог немного говорить на иврите. Конечно, в школе отмечали все еврейские праздники, справляли Шабат. С самого начала своего здания у школы не было, она находилась в здании еврейской общины. Потом младшие классы переехали в одно здание, старшие классы - в другое. Только недавно школа объединилась и сейчас находится в одном здании.

Кроме государственной еврейской школы, в которой я учился, в Риге есть ещё и частная еврейская школа, где также можно получить образование с 1-го по 12-ый класс. Учредителями школы являются Всемирная организация Хабад Любавич, раввин Мордехай Глазман и его жена Ривка. Школа находится в здании, в котором находилась и до войны. Это очень большое красивое здание в центре Риги. Работают там профессиональные педагоги с большим опытом. Девочки, и мальчики учатся вместе в классах. Девочки в этой школе носят длинные юбки, мальчики носят кипы. По-моему, только внешне ученики этой школы отличаются от учеников в той школе, где я учился. Но так как школа религиозная, в ней очень много внимания уделяется религии.

В этой школе я проработал 5 лет. Несмотря на то, что часто приходил в синагогу, ходил на многие еврейские праздники, всё-таки глубокой религиозной жизни у меня не было, и до того момента в религиозной среде я не оказывался. Мне было интересно работать там. Несмотря на то, что преподавал в школе лишь только информатику, я был всё равно вовлечён в общую жизнь школы. В этой школе учебный процесс и религиозная жизнь очень сильно переплетаются. И, находясь там, невозможно в этом не участвовать. Раввин Глазман очень хорошо ко мне относился и старался научить и привить мне Заповеди, которые должен исполнять каждый еврей. Например, он звал меня к себе, чтобы одеть тфилин раз в день. Мне это тоже было очень интересно, и я всегда приходил и делал это. После школы я также вёл активную еврейскую жизнь и посвящал много времени этому. В этот промежуток времени у меня существовали две параллельные жизни: учеба в университете и моя еврейская жизнь. В одной из еврейских организаций, Сохнут, я принимал участие в организации различных мероприятий, а также летних лагерей для детей и подростков. Лето проводил в лагерях, на протяжении года участвовал в семинарах.

Всё то время в Прибалтике была активная еврейская жизнь. Много мероприятий проводилось совместно с латвийскими, литовскими и эстонскими еврейскими организациями. Мы все были знакомы между собой, общались и помимо мероприятий, ездили в гости друг к другу. Так я познакомился с девушкой из Таллинна, её зовут Яна. Стали много общаться, в итоге мы решили жить в Таллинне, где и поженились. Сейчас моя еврейская жизнь не такая активная, как была раньше. Но всё равно, это мне всё также интересно, и с Яной стараемся участвовать в мероприятиях общины и синагоги.

Для меня быть евреем - это значит: знать об этом, знать, кем ты являешься, знать свои корни и иметь желание передать это всё своим детям.

ХАНОН БАРАБАНЕР

“...А ИНГЕЛЕ, ВУЗ
ЛЭРНТ ШОЙН ГЕМОРЭ,
ОТ ШТЭЙТ ДЕР ТАТЭ,
КВЭЛТ УН ХЕРТ ЗИХ
ЦУ,

А ИНГЕЛЭ, ВУЗ ВАКСТ
А ТАЛМИД-ХОХЭМ,
ЛОСТ ГАНЦЭ НЭХТ
ДИ МАМЭ НИШТ МИТ
РУ?...”

В Советском Союзе очень многие люди пытались скрыть своё еврейство. Очень многие меняли фамилии, очень многие тем или иным образом меняли паспорта. У меня этой проблемы никогда не было. Я всегда ощущал себя евреем и в хорошие времена, и в плохие...

Мне очень приятно, что классик еврейской литературы, лауреат Нобелевской премии Исаак Башевис Зингер в одной из своих книг упоминает фамилию Барабанер как одного из очень известных врачей в Варшаве. Этот врач был из нашей семьи.

Может быть, не по именам, но я знал свои корни. Мой прадед Мойше был раввином. Жил он в маленьком белорусско-литовском местечке Дрисса, недалеко от города Полоцка. Я застал своего деда Элю, сына Мойше. Мой внук назван в честь этого деда. Отца звали Зэлик. После революции уже была запрещена всякая религиозная деятельность, и дед Эля уже не мог быть раввином, как его отец. Во время гражданской войны погибла бабушка Хана, жена деда. Меня назвали в её честь. Дед, не знаю по какой причине, должен был скрываться. Четверо детей остались, практически, сиротами... Мой отец был один из них, старшей его сестре было тогда 15 лет... В семье все говорили на идиш. Их кен а билсилэ редэн аф идиш эх.

Мама была из простой еврейской семьи, из семьи Гольдиных. Маму звали Яхне, по паспорту Анна Соломоновна. У бабушки Блюмэсэйнэ, маминой мамы, я был любимчиком. Отец мамы умер очень рано. И бабушка осталась вдовой. 8 детей остались у неё на руках. Мама была последним ребёнком. Бабушка была простая еврейская женщина, и со мной она разговаривала на смеси белорусского, русского и вставляла слова на идиш. В то время идиш я не очень понимал. От неё я впервые узнал, что такое хала, булбэладкес, цимэс и многое другое. Я всё это выпитывал. Бабушка умерла до 1940 года, до того, как пришли немцы. Вся её семья, кто остался в Белоруссии, - все были уничтожены... Я помню, как мама после смерти бабушки каждый год отмечала Йор-цайт. Мой отец в то суровое время самоучкой закончил среднюю школу. После школы он учился в Витебске в Первой советской партийной школе, закончил её и после этого стал работать преподавателем в еврейской школе в

городе Полоцке. Там, кстати, он познакомился с моей мамой. Потом отец решил стать военным, он стал курсантом Ульяновского бронетанкового училища. В Ульяновск родители поехали вместе. Там отец заболел малярией, был демобилизован. И отец с мамой решили переехать в Ленинград.

В Ленинграде мы жили на Лиговке. Это был рабочий район, который считался бандитским, криминальным. В этом районе довольно важную роль играла сила, кулак. И когда меня первый раз в школе кто-то назвал жидом, я вступил в драку, хотя парень был сильнее меня. Я очень рано понял, что должен быть сильным. После этого начал заниматься боксом. В боксе я достиг больших успехов. И в школе все знали, что меня лучше не задевать - я на это очень резко и сильно реагирую.

Когда началась война, мне было 8 лет. В том году я должен был пойти в школу... Моей сестрёнке в это время был годик. Маме - 26. Началась блокада... голодовка... Сейчас я даже не представляю те усилия, которые прилагала мама, чтобы где-то что-то из вещей продать и нас накормить. У нас дома была большая библиотека. И чтобы как-то отопить комнату, была поставлена буржуйка, такая печечка, сделанная из трубы, и какое-то время мы жгли книги... Где-то маме удалось своё обручальное кольцо выменять на несколько плиток столярного клея, который она потом нам варила. Я помню, как у меня всё болело внутри после этого варева... В это время на одного человека давали 125 граммов хлеба, и мама даже от этого своего кусочка отламывала мне и сестрёнке... Зимой 1942 года в марте у мамы началась дистрофия, она слегла... Мне в это время было уже почти 9 лет, и я должен был взять на себя ответственность за всю семью. Я ходил за хлебом по этим карточкам..., видел трупы, лежащие на улицах... Я помню, как бомбили, и у нас уже ни у кого не было сил спуститься в бомбоубежище... и мамини причитания: «Готэньке... Готэньке... Готэньке...»...

С самого детства я очень много знал от отца и от мамы. У нас всегда в доме были еврейские книги, старые и новые. Папа рассказывал о многих еврейских обычаях и традициях. И я многое знаю и помню до сих пор. Я знал с детства, что я — еврей, знал еврейскую среду.

До войны мы ездили с мамой каждый год в Полоцк, где жили мамина семья и её родственники. А после войны родственники, те, кто выжили, вернувшись из эвакуации, оказались в Литве, в Вильнюсе. И я каждый год на каникулы ездил к ним. Поэтому общался не только в ленинградской, более интернациональной среде, но и в сугубо еврейской среде в Вильнюсе. В Литве я замечал две группы евреев. Это местные, которые жили и до войны там и выжили, их называли литваками, и были приезжие евреи. Я видел очень большую разницу между ними. Со временем эта разница стала срабатывать. В Вильнюсе я первый раз видел миньян, когда 10 человек собирались на квартире у одного из моих родственников. Я видел, как евреи даже в будние дни по улице всегда ходили в шапке. Не в кипе, а именно в шапке. Я видел идэн мит дэм борд, евреев с бородами, которых раньше видел только в книгах. Для меня еврейство само по себе было всегда интересным. Многие это было связано с тем, что мне рассказывал отец. Я тогда увидел, что есть две разновидности евреев: эмансипированные, это в Ленинграде, где жила наша семья, и, в какой-то степени, местечковые - в Литве, в Белоруссии.

Мой отец по образованию историк, философ. Долгое время он работал в Ленинградской военно-морской медицинской академии, где преподавал философию. Он был полковник, профессор. Хотя мой отец состоял в Партии, он никогда не забывал, что он — еврей. О еврейских праздниках я знал от папы. Один раз в год на Йом кипур отец снимал свою военную форму, одевал гражданскую одежду и шёл в синагогу. Когда я стал постарше, он меня брал с собой. Я знал уже в то время, что такое Кол-Нидре (קול נידר — «все обеть») — молитва, читаемая в синагоге в начале вечерней службы Йом-Кипура. От дедушки я совершенно чётко знал, что надо помянуть умерших и что надо зажигать в этот день свечу. С детства я помню, хотя тогда не очень понимал это, как отец мне говорил, что в субботу надо больше читать и думать. Я знал о филактериях, о том, что завязывается тфилин на лбу, знал, что такое мезуза. У нас в доме не было мезузы, но я знал, что в каждом еврейском доме раньше висели мезузы. Знал, что мезуза вешается не прямо, а чуть-чуть с наклоном.

Я очень рано услышал от папы о еврейских писателях Шолом Алейхем, Мэндэлэ Мойхер-Сфорим и др. Когда я читал эти книги о еврейской жизни, то вспоминал, что мама или папа об этом уже мне рассказывали.

Дома у нас была еврейская кухня. Мама никогда ничего не готовила на свинине. Дома часто была фаршированная рыба. Я даже некоторые блюда так и называл по-еврейски: гехахтэр лэбэр, тэйгелэх, гефилтэ фиш... С детства я знал «ханука гелт». Мне рассказывали, что это такое, и я помню, как спросил у папы: «А где мои ханука гелт?» И папа достал такую большую ассигнацию, по-моему, это было 30 рублей, и дал мне.

У мамы был великолепный голос, она знала очень много народных еврейских песен и часто их напевала. Иногда и я пою мамины песни, которые с детства мне запомнились.

Вот, например, одна из них:

*Шлуф же шойн, майн ингелэ, майн
клэйнер,*

*Ди эйгелэх, ди шварцинке мах ци,
А ингелэ, вуз от шойн але цэйнделэх,
Миз нох ди мамэ зинген ай-лю-ли?*

*А ингелэ, вуз от шойн але цэйнделэх,
Ун вэт мит мазл балд ин хэйдер гейн,*

*Ун лэрнен вэт эр Хумэши ун Геморэ,
Зол вэйнен, вэн ди мамэ вигт им эйн?*

*А ингеле, вуз лэрнт шойн Геморэ,
От штэйт дер татэ, квэлт ун херт зих
цу,*

*А ингелэ, вуз вакст а талмид-хохэм,
Лост ганцэ нэшт ди мамэ ништ мит ру?*

*Ну, шлуф же шойн, майн шэйнер хусэн-
бухэр,*

Дэрвайл лигст ду ин вигелэ бай мир.

*С'вет костн нох фил ми ун мамэс трээн,
Бизванен с'вэт а мэнч аройс фин дир.*

Я думаю, что эту колыбельную пела каждая идишэ мамэ своим маленьким сыновьям, поэтому хочу привести и перевод песни:

*Усни же, мой сыночек, мой маленький,
Глазки чёрненькие закрывай,*

*Мальчику, у которого уже все зубки,
Должна ли ещё мама петь ай-лю-ли?*

*Мальчик, у которого уже все зубки,
И который, в добрый час, скоро в хедэр
пойдёт*

*И будет учить Хумаши и Гемара
Разве плачет, если мама его убаюкивает?*

*Мальчик, который уже учит Гемара,
А папа рядом стоит, слушает и радуется
этому;*

*Мальчик, который вырастет знатоком
Талмуда,*

*Не даёт маме всю ночь покоя?
Так усни же, мой красивый женех,
Пока ты ещё лежишь в колыбельке у
меня.*

*Ещё будет стоить много усилий и
маминых слёз,*

Пока из тебя получится человек.

Когда стал выходить журнал «Советише геймланд» на идиш, у нас дома он был всегда. Так как папа великолепно читал и писал на идиш, то его иногда просили сделать рецензии некоторых публикаций в этом журнале. Одно время папу приглашали в Ленинградскую публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина в отдел иудаики. Там папа помогал с переводом и принимать новые поступления.

В конце сороковых-начале пятидесятых прошлого века в СССР шёл процесс активного государственного антисемитизма. Я в это время заканчивал школу и собирался поступать в университет на философский факультет. Отец меня очень отговаривал: «Всё равно тебя не примут». В те годы помимо того, что надо было сдать вступительные экзамены, надо было ещё пройти Мандатную комиссию. Что это такое? Это комиссия, которая рассматривала, по существу, твою подноготную: был ли ты на оккупированной территории, были ли у тебя репрессированные каким-либо образом родные, кто ты по национальности и т.д. И эта Мандатная комиссия выносила своё заключение: может ли этот человек, даже если он дал успешно экзамены, получить образование в той или иной сфере. Философия, история, социология — это были сугубо политизированные сферы. И в это время ни один, буквально, ни один человек еврейской национальности на такие факультеты не проходил.

Мне казалось, что учитывая, что мой отец - профессор философии, что он - член Партии, что у меня никаких «грехов», как говорится, не было (репрессированных, к счастью, в нашем семействе тоже не было), я смогу поступить учиться. Четыре вступительных экзамена из пяти я сдал великолепно, а на пятый экзамен мне просто сказали: «Вы всё равно не поступите. Есть Мандатная комиссия, и там Вы не пройдёте».

Я вынужден был забрать документы и поступил в другой, Ленинградский инженерно-экономический институт. Когда я уже начал там учиться, отца из академии отчислили и перевели в Ригу, в Училище береговой обороны ВМФ. Но там к нему начались придирки... Кончилось это тем, что в конце 1952 года, начало 53-го, за несколько дней до объявления «дела врачей», отца арестовали, а меня через несколько дней исключили из института. Причём, мне заявили, что «Вы не имеете права быть советским студентом, потому что Ваш отец — враг народа, сионист и прочее...» Слава Б-гу, что это длилось недолго, потому что в марте месяце умер Сталин, и, по-моему, 16 апреля появилось сообщение о том, что «дело врачей» было фальсифицировано. Отца освободили, даже суда над ним не было. Но после этого папа остался инвалидом, ему было 47 лет... Через несколько месяцев отец демобилизовался. Меня восстановили в институте.

После окончания учёбы работал в Ленинграде по своей специальности. У меня было несколько командировок в Эстонию. И в 1957 году меня пригласили на работу в Эстонию. Я начал работать в тресте «Эстонсланец» теплотехником. Тогда там работал начальником отдела кадров закоренелый антисемит. Когда он узнал, что мне предложили такую высокую должность, а мне тогда было 24 года, он рвал и метал: «Что, мы не могли здесь, на месте русского найти или, в конце концов, эстонца?!» На работе у меня складывалось всё очень хорошо. Довольно быстро стал главным инженером монтажного управления. Потом меня пригласили в Таллинн на работу в проектный институт. Затем я перешёл на работу в Академию наук Эстонской ССР в институт энергетике, директором которой был Лембит Эрнстович Вайк. Он был очень честный, очень искренний человек, хороший учёный.

У меня довольно хорошо шла научная карьера. Однажды директор подошёл ко мне и сказал, что хотел бы видеть меня своим заместителем по общей энергетике. В то время это была номенклатурная должность. Согласие, чтобы меня назначили на эту должность, надо было получить в двух инстанциях: в Президиуме Академии наук и в Центральном комитете Компартии Эстонии. Пройдя эти оба учреждения, Лембит Эрнстович, очень обескураженный, подошёл ко мне и говорит: «Вы знаете, мне сказали, что у Вас два недостатка. В одном месте мне сказали что Ваш недостаток, что Вы не эстонец, но это бы ещё ничего, а во втором месте мне сказали, что у Вас ещё больший недостаток, что Вы - еврей!» Мы посмеялись... Но мне, кстати, было очень обидно, я хотел занять это место. Но это был единственный случай, в своей работе я не ощущал антисемитского отношения к себе. С глубоким уважением вспоминаю своих коллег по Академии наук, в которой проработал почти 30 лет. Я тогда много ездил, руководил большими работами. Выезжая в командировки, я видел антисемитские выходы против моих еврейских коллег в Киеве, Москве. Но здесь, в Эстонии, если это и было, то это не находило такого выражения, которое я ощущал бы.

Я женился в 1956 году. Моя первая жена была еврейка. У нас был, я бы сказал, советский еврейский дом. Я был членом Компартии, человеком весьма активным. Но вместе с тем, то, что я - еврей, было заложено во мне с детства. Большинство наших семейных друзей были евреи: Бассель, Уманские, Гибисы, Гельбы. Шуточно-или-нешуточно мы отмечали еврейские праздники. Я помню, в году 1965-66 на Пуриим мы поставили домашний спектакль, в котором играли некоторые наши друзья, они сейчас являются членами нашей Еврейской общины. Это Нафтолий и Ита Бассель, Гибис Алла, сейчас она живёт в Израиле. Я был режиссёром этого спектакля. У нас даже была афиша. Не менее 5-6 раз в разных таллинских квартирах мы играли Пуриим-шпиль. Это была смесь истории Эстер и истории Иосифа. Я слышал, что в Таллинне на квартире собирались евреи для молитвы, но я туда не ходил. Когда на Магдалена стала функционировать синагога, то туда

иногда я уже начал приходить, приходить. Я не знал, делал ли кто-то тогда, в советское время, в Таллинне мацу, но в Вильнюсе делали. Это было подпольное изготовления мацы. И в одной из таких подпольных «пекарен» работала моя родная тётя Ида. Каждый год я знал, когда Песах, ехал в Вильнюс, и маца у нас дома была.

В жизни каждого еврея отражается вся история еврейского народа, с его горестями, бедами и радостями. И, может быть, самое главное, что помогло нам, евреям, сохраниться, как целостному народу, это то, что мы умели ценить мать, отца, родных, это первое. И второе, как бы тяжело ни было, мы всегда должны были работать и работали лучше, чем те, которые работали рядом с нами. Я уже говорил, что вроде бы не ощущал предвзятого отношения к себе, но каждый шагок в научной, производственной карьере давался с гораздо большими усилиями, чем кому-то другому. Я сейчас академик многих академий, почётный профессор и доктор многих университетов мира: действительный член-академик Международной академии наук высшей школы, действительный член Российской Академии естественных наук, действительный член Европейской академии, действительный член-академик Международной академии биосферных наук, почётный профессор Уральского государственного экономического университета, почетный профессор Казахстанского института экономических исследований, действительный член-академик Европейской Академии торговли и член Президиума этой Академии, профессор Международной Академии туризма, Почётный доктор Санкт-Петербургского Государственного инженерно-экономического университета... Кстати, это интересный момент. Меня ведь когда-то исключили из инженерно-экономического института, я об этом говорил, и моя мать тогда сказала: «Ты знаешь, они когда-нибудь будут гордиться, что ты учился в этом институте». И несколько лет тому назад, в 2006 году, мне приснилась мама. Как раз то, что она когда-то говорила, она во сне снова говорит: «...они будут гордиться...».

Вы знаете, бывают чудеса в мире, и я тогда поверил в этот сон. И на второй день после этого сна у меня раздался телефонный звонок из Петербурга. Мне сообщили, что я избран Почётным доктором Санкт-Петербургского Государственного инженерно-экономического университета... Сейчас в этом университете на самом почётном месте висит мой портрет. Всего Почётных докторов университета 10 человек, я в их числе. Каждый награждённый на церемонии присуждения ему Почётного звания должен произнести особую, торжественную речь. И, когда я выступал, я начал с того, что выступаю в том же зале, с которого меня изгнали в 1953 году...

У меня есть сын, который 6-7 лет прожил в Израиле. Мой внук Илья живёт в Израиле, служил в израильской армии, сейчас он учится в Тель-Авивском университете на факультете журналистики.

Я хотел бы пожелать, чтобы история еврейства была историей для каждого еврея. Мы, евреи, всегда должны быть в своей работе на высоте и в своём отношении к людям — благородны. И, самое главное, мне бы хотелось, чтобы долгие-долгие годы, века существовало и процветало государство Израиль!

ЦИЛЯ ЛАУД

В КОНЦЕ 1994 ГОДА
МЕНЯ ИЗБРАЛИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ
ЭСТОНИИ.

Я родилась в Таллинне. Родители мамы родились в Нарве, а папины - в Пярну. В Эстонии у меня 4 поколения. Но, к сожалению, должна признаться, что я ещё не была в архиве, более глубоко историю своей родословной не изучала. Знаю, что в семье бабушки и дедушки с маминой стороны было трое дочерей, одна из них умерла в возрасте 11 лет. Бабушка Анна Александровна Перцовская, по девичьей фамилии, рассказывала, что она - внучка кантониста. Родители бабушки были родом из Петербурга. Дедушка Абрам Каплан был военным портным. Семья была довольно состоятельная. До войны у нас была большая 13 комнатная квартира на улице Виру. Мама Хана Перельман также и её сестра закончили консерваторию. Папа Исаак Абрамович Перельман до войны учился в Лейпцигском университете на философском факультете. Но он не хотел об этом вспоминать - во время сталинских репрессий он сидел в тюрьме, так же, как и многие евреи... Во время войны папу направили на военный завод в город Киров, там он проработал до 1951 года.

В годы Холокоста моя семья эвакуировалась из Эстонии на Урал, в Нижнюю Увелку под Челябинском. Я думаю, иначе нас бы не было в живых... Все евреи, которые в Эстонии остались, все были в годы Холокоста истреблены... Кроме того, 414 евреев эстонских граждан были депортированы из Эстонии. Папин родной брат, который был редактором газеты «Эстония», остался в Таллинне и был расстрелян...

Бабушка с маминой стороны была очень набожной. Я помню, что даже в эвакуации, в Нижней Увелке, бабушка очень часто молилась, и наша хозяйка квартиры, мы её звали Кузьмовной, говорила бабушке: «Что ты там, Анна Александровна, шепчешь?» У нас даже в эвакуации сохранился кидушный бокал и накидка, которой покрывали халы по субботам. Там, в эвакуации, мама была на работе с утра до вечера. Вспоминаю, как однажды мама продала свою чернобурку за буханку хлеба... В тот день у нас был большой праздник!..

Когда мы вернулись из эвакуации, мне уже шёл 8-ой год. Я помню, что нам выделили только 2 комнаты в

нашей 13-ти комнатной квартире на улице Виру. После войны раненым вернулся дядя, и мы все: дядя, тётя с тремя маленькими детьми и я с мамой ютились в этих 2-х комнатах. Дома нас, детей, очень любили, уделяли очень много внимания и старались дать всё самое лучшее и не только по праздникам. У мамы и папы я была одна, а у маминой сестры было трое сыновей.

Помню, у нас всегда, и в советское время, отмечались четыре основных праздника еврейского календаря: Песах, Ханука, Йом Кипур и Пурим.

Седер Песах мы проводили дома. Бабушка сама пекла мацу и обязательно три круглые мацы тоже. Дети портняжным колёсиком делали дорожки. Ещё бабушка готовила фаршированную рыбу, печёнку. Всё это было красиво оформлено. За праздничным столом собиралась вся наша семья - 10 человек. Бабушка рассказывала нам о значении Песаха - как мы были в рабстве, как стали свободными, что мы сохранились, благодаря вере. А дедушка всё смеялся - он не был набожным и не верил в это. Но ради бабушки он надевал кепку, наполнял вином кидушный бокал так, чтобы вино немножко перелилось на блюдце, и произносил кидуш. Тогда же напечатанной Агады не было, и дедушка сам рассказывал о празднике Песах. Он рассказывал, какие вопросы задавал умный сын, разумный сын..., какие были ответы. А мы, дети, только и ждали, когда запрячут кусочек мацы, чтобы потом его найти и получить подарок. Дедушка объяснял, что такое мицва: «Если у тебя есть, обязательно дай кому-то», - он называл это десятиной. Объяснял, как нужно помогать друг другу, как нужно вместе держаться: «Мы выжили все вместе, потому что мы друг другу помогали, кто чем мог. Никогда никого не обижай, если ты знаешь, что человек нуждается в чём-то, помоги ему. И дело даже не всегда в том, что ты протянешь ему кусок хлеба...» Пурим у нас всегда был весёлым праздником, и родители его устраивали ради детей. На Пурим пекли хоменташен с изюмом и маком. Таких вкусных хоменташен я нигде никогда больше не ела - они сами просились в рот. На Йом Кипур мы всегда ходили в синагогу. Я помню, это был очень строгий праздник. Тогда синагога находилась в здании бывшей автобазы напротив 6-ой школы, и каким-то образом это здание

преобразовали в синагогу. На праздники там всегда было много евреев. В пятницу вечером зажигали дома свечи. А по субботам, помню, я одевала на голову пионерский галстук и водила бабушку в синагогу. Мы сидели наверху, а мужчины - внизу. Потом мы приходили домой, обед был сварен заранее, был красиво накрыт стол. Когда стали жить уже немного лучше, бабушка делала фаршированную рыбу. Помню, у бабушки был такой симпатичный сервиз, даже не знаю, где она его раздобыла в то время, как она говорила: «На тейке» - барахолке. Бабушка доставала этот сервиз только по субботам. Так было, пока жили бабушка и дедушка.

Я запомнила свою бабушку представительной красивой дамой, всегда носившей шляпу и белую блузку с бантиком. Бабушка учила меня: «Мы, евреи, ответственны за других людей в мире». Бабушка мне часто рассказывала свои сказки и всем героям в этих сказках давала еврейские имена. Во всех сказках у неё добро всегда побеждало зло. Часто она мне говорила: «Никогда не скрывай свою национальность». Я помню, когда мне выдавали паспорт, участковый, у которого я должна была оформлять паспорт, предложил мне стать армянкой: «У тебя светлые глаза, тебе будет легче жить». Я пришла домой и рассказала об этом бабушке. И бабушка всегда такая тихая, скромная, всегда такая покладистая сказала мне строгим голосом: «Ты знай, что ты - еврейка, и это очень важно! Смотри, никогда не выходи замуж за человека другой национальности!»

Я очень хорошо помню и бабушку с папиной стороны. Мне говорят, что я очень похожа на эту бабушку - такая же толстенная, кругленькая. Ещё я помню, что эта бабушка не была набожной. Она всегда была такой деловой женщиной. Оставшись в 24 года вдовой, она воспитала троих сыновей. У себя дома бабушка содержала (она сама это слово говорила) такую еврейскую столовую-клуб. Туда ходили многие известные люди: и Бенцион Левин, и Симон Левин, и Александр Левин. За эти обеды каждый сколько мог, столько и платил. Но эти обеды превращались в еврейские посиделки, было замечательное ощущение большой еврейской семьи! Бабушка была изумительный повар! Её гефилтэ фиш, гехактэр лебэр, гехактэр хэринг знали все евреи Таллинна.

По цепочке люди передавали: «У фру Перельман завтра будет фаршированная рыба...» Иногда меня люди останавливали на улице и спрашивали: «Ой, а Вы внучка Гени Семёновны? Вы умеете такую рыбу готовить, как Ваша бабушка?» Она многих знала и, когда могла, помогала устраивать людей на работу. Её любили очень многие. Когда она была уже совсем старенькая, многие навещали её. Она была очень хорошим человеком!

Когда мы вернулись после войны, мама повела меня в эстонскую школу, но там я ничего не понимала - эстонский язык тогда я не знала. Мама перевела меня в русскую школу, где я хоть немного понимала. Дело в том, что моя учительница в начальных классах была еврейкой, она говорила также и на идиш, а я понимала немецкий язык. И то, что я не понимала, эта учительница переводила. В школе мне не давалась математика, и учительница математики меня упрекала, что все евреи такие талантливые, а я, мол, с фамилией Перельман не могу никак получить больше тройки. Я перешла в вечернюю школу и пошла работать пионервожатой в школу, подрабатывала в домоуправлении. Я работала с 15 лет. Хотя это очень странно для еврейского ребёнка, но я была самостоятельная девочка. Затем я заочно закончила Ленинградский институт культуры и пошла работать в Эстонскую академию наук. В 1968 году я пошла работать на завод. Там мне предложили вступить в партию. Когда я дома об этом рассказала, папа сказал: «Или у тебя есть еврейская семья и ты - еврейка, или ты - коммунистка. Выбирай». И стал мне рассказывать, кто такой Сталин, как мы жили до войны, как тогда уважали людей и как у нас всё было... Я отказалась вступить в партию.

Я никогда не только не скрывала, что я еврейка, наоборот, гордилась этим. Антисемитизма в Эстонии на государственном уровне никогда не было, на бытовом - был, как и сейчас.

Первые ветры, когда стало возможно создавать общину, появились в 1988 году. Самые активные евреи Эстонии: Давид Сломка, Женя Лоов, Самуил Лазикин, Гидон Паенсон создали большой съезд

евреев. Знаете, работала станция ОБС (одна баба сказала) — все передавали друг другу о возможности прийти и сказать своё слово в создании будущего Еврейского общества. На первую встречу мы собрались в здании ТПИ, каждый давал свои советы, свои пожелания. И, в конечном итоге, образовалось Общество еврейской культуры. Это было в конце 1988 года. Я помню, как после долгого времени на этом съезде был впервые предложен настоящий еврейский обед - бульон с шариками (у кого-то оставалась ещё мука из мацы), на второе была курица с чем-то. Этот обед помогла приготовить совершенно замечательная еврейская женщина Лина Абель. Она учила поваров из столовой ТПИ, и сама стояла рядом и тоже готовила. И я помню, какое радостное выражение лиц было у собравшихся - стало возможным сказать, что ты - еврей! Многие достали из потаённых мест и надели Маген-давиды. У меня осталась чудная подвеска маген-давид ещё от бабушки, я её одела. И вот мы все там собрались, было довольно много народу, где-то около 300 человек. Первым Председателем Еврейской общины стал Самуэль Лазикин. Я, как сейчас помню, наше самое первое помещение, где мы могли собраться и поработать - маленький подвал, в котором сидел Гена Гамберг, головой ушедший во всякие бумаги..., напротив него сидела Лия Каплан, собирала членские взносы, у неё очень красивый почерк, и она от руки записывала тех первых евреев, которые пришли и осознали, что они хотят быть все вместе в общине. В Еврейскую общину мы принимали людей не по Галахе, а по Закону о возвращении в Израиль.

Затем мы принялись за работу. Каждый делал то, что ему было интересно. Мне было интересно собрать еврейских женщин, мы хотели создать женскую еврейскую организацию. Кому-то было интересно начать собирать еврейские истории. Марк Рыбак, сегодняшний директор музея «Истории евреев Эстонии» собирал и делал большую электронную картотеку эстонского еврейства. А потом нам удалось получить небольшую комнату в Эстонском фонде культуры, помог в этом Йосиф Эйделькинд. Оттуда мы переехали в подвальное помещение на улице Венэ и были там довольно долго. В 1991 году в

Эстонии была проведена реформа реституции, и нам вернули здание нашей Еврейской школы. С 1990 года после более, чем 50-летнего перерыва Еврейская школа вновь стала работать. Директором школы стала Авива Глуховская. В здании школы для общины было выделено две небольшие комнаты.

В конце 1994 года меня избрали Председателем Еврейской общины Эстонии. Сначала я, честно говоря, была этим очень напугана, потому что объём работы был очень большой, не знала, с чего начать... Было очень сложно. Но мне эта работа казалась интересной. К тому же, очевидно, деловые качества передались мне по наследству от моей бабушки по папе.

Одной из работ общины в то время было то, что мы помогали организовывать еврейские праздники. Ведь тогда не было ни синагоги, ни социального центра. Отмечали праздники в актовом зале или столовой Еврейской школы. На дому делали традиционные еврейские блюда, заказывали мацу, накрывали столы. Я помню Песах 2001 года. Тогда у нас уже появился раввин, открылась временная синагога на 2-м этаже... Тогда никто не мог и мечтать о сегодняшнем прекрасном современном здании синагоги! Осуществилась мечта всех евреев Эстонии! А тогда мы накрыли столы на 250 человек! Б-же мой, как трудно было проходить между рядами накрытых столов! Всё угощение делали вручную... Нас собрался большой актив - каждому нашлась работа! У Регины Патц дома мы пропускали яблоки через мясорубку, смешивали их с вином, мёдом... Какие только еврейские блюда мы там не делали! И даже курицу варили. Фаршированную рыбу, правда, не делали. В то время мы сами готовили не только Песах. Когда отмечали Рош хашана, то тогда варили рыбные головы и затем использовали их как символ начала года.

Была такая дружная община, просто потрясающая! В конце 1994 года в общине создан социальный центр. Тогда уже стало немножко легче. Постепенно организовали филиалы Еврейской общины в Тарту, Нарве, Кохтла-Ярве, Пярну.

И членам в этих общинах тоже выделяли помощь. С теплым чувством вспоминаю, как приезжали в Нарву. Там мы собирались за столом как одна еврейская семья! Была также организована Молодёжная еврейская организация.

За 10 лет моей работы Председателем Еврейской общины я поняла, как важно не просто быть евреем, а ощущать себя евреем. Когда я вижу, что кому-то из евреев плохо, мне это доставляет боль. Я не могу мимо этого просто так пройти. И если могу кому-то помочь, я стараюсь это сделать. Например, во время моей работы нужно было найти многие документы тем евреям, которые хотели репатрироваться во время Большой алии. И мы с Региной искали, рассчитывали, как и где найти эти документы. Одной женщине негде было жить, мы постарались найти ей квартиру. Во всех делах мне помогала Ната Ринг, она была просто моим ангелом-хранителем. Она внимательно выслушивала всех приходивших к нам людей. Мне тоже нравилось разговаривать с посетителями и выслушивать их еврейские истории.

В 2003 году был создан большой международный проект - записать истории евреев Европы. Организатором этого проекта был Эдвард Широга. Вместе с представителем этого проекта Серафимой мы ездили по всей Эстонии, собирали, записывали истории эстонских евреев. Теперь эти записанные истории переданы в Еврейский музей.

Я была первым Председателем эстонской Женской Международной Сионистской Организации WIZO. Первыми членами стали Рахель Рандвее, Лия Каплан, Регина Патс, Рита Вайнгурт, некоторые еще помнили, чем занималась WIZO в Эстонии до войны. Одной из функций организации было сбор пожертвований для Израиля. Так это принято во всех еврейских общинах. Но мы тогда, после развала Советского Союза, не могли это делать, у нас не было для этого финансовой возможности, мы помогали евреям здесь, в Эстонии. Несколько раз я ездила на съезды WIZO. На одном из таких съездов я участвовала на своём первом международном Шабате. Я не представляла, что могут приехать еврейские женщины со всех стран мира, собраться вместе и рассказывать о своих добрых делах. Эстонское WIZO находилось под патронажем шведского WIZO.

Когда стали создавать общину, стал вопрос о том, как вернуть здание, принадлежащее до войны Еврейской общине. В то время в этом здании находилось профтехучилище. Когда стал вопрос финансов, нашлись спонсоры, и тогда это здание было выкуплено у Министерства образования Эстонии. Здание нам досталось в ужасном виде. Постепенно стали приводить его в надлежащее состояние.

Американский Еврейский Благотворительный Комитет «Джойнт» начал помогать общине после развала Советского Союза. Мы стали внедрять программы «Джойнт» согласно тем требованиям, которые были там установлены. Впятером мы вели эту работу в общине: Ната Ринг, Рита Блумберг, Лариса Симонова, Марина Астановская, которая затем стала директором Социального центра. Община была домом, который приютил у себя евреев, где не делали между ними различий. В эстонском обществе никто не верил, что есть евреи, которые нуждаются. И даже на сегодняшний день, мне кажется, что если бы не община, многие просто не могли выжить.

До 1940 года в Эстонии не было отдельного понятия светская община, религиозная община. Была синагога, вокруг синагоги почковались разные еврейские организации. Никакого разделения не было. До войны таллиннская синагога находилась в изумительном здании, построенном в готическом стиле. Я не помню, но со слов моих родителей, бабушки, дедушки это была консервативная синагога, мужчины и женщины всегда сидели отдельно. И даже, когда мы получили в советское время здание на Магдалена, я помню, что женщины сидели слева, мужчины сидели справа, голова была покрыта у всех, и раввин всегда был мужчиной. Когда раввин Левин умер, не стало раввина вообще, то тогда у нас был габэ, звали его Шлафит. Когда синагога на Магдалена стала работать, там всегда было много народу. Когда мой папа вернулся в Таллинн после войны, он тоже стал приходить в эту синагогу. Большую помощь в подготовке этого здания под синагогу оказали Рахмиэль Блумберг и папа Марка Шагала. Они очень много сделали для восстановления и поддержания еврейского духа в Эстонии. Ведь всё же было уничтожено в годы войны!..

Когда у нас появилась временная синагога на 2-м этаже общинного центра, то тогда раввин завёл такой порядок, что часть рядов была отведена женщинам, а часть рядов — для мужчин. Так что основные понятия еврейства всегда сохранялись.

Незвиряя ни на что, евреев объединяла религия. Может это звучит смешно, потому что многие из евреев были неверующие, и в советский период вообще была уничтожена еврейская культура, лучшие люди - цвет европейского еврейства, были уничтожены, убиты... И всё-таки, именно благодаря религии, мы сохранились как нация! Чем старше я становлюсь, тем мне интереснее и важнее ходить в синагогу. Честно говоря, я очень испугалась, узнав, что в Эстонию приехал работать раввин любовического направления иудаизма. Мой предвзятый опыт общения с людьми этого направления был скорее негативный, чем позитивный. А когда я познакомилась с нашим будущим раввином, узнала, что он — образованный человек, который имеет свою харизму, доброжелательный и, самое главное, понимает куда он попал - для него здесь оказалось непаханное поле работы, и всё надо было начинать с нуля! И, конечно, хотелось ему помочь. Помощь эта заключалась в том, что мы старались делать какие-то праздники вместе, старались найти еврейских детей по Галахе для летних лагерей, старались помогать ежедневно в решении самых обычных бытовых вопросов.

Учитывая, что наш Раввин ортодоксального направления иудаизма, а Еврейская община после войны и советской власти стала светской общиной, мы находили пути взаимодействия, старались уважать друг друга. Например, у нас был совершенно замечательный танцевальный ансамбль. И до приезда раввина они проводили репетиции и в субботу, и в пятницу вечером. Я помню случай, когда они делали генеральную репетицию в пятницу вечером.. Естественно, там звучала музыка... Но, когда пришёл Раввин, мы музыку отключили и стали петь без сопровождения. Он был очень тронут, что мы уважаем его. Ещё пример. Песах 2003 года мы проводили в школьном зале, тогда у нас ещё не было синагоги. Зал большой, а акустика слабая. Многие тогда ещё ничего не знали о Песахе. Как услышать, что говорит раввин?

Мы сделали перед Песахом небольшое вступление, используя микрофон, рассказали о традициях, что из себя представляет этот праздник. Но когда наступило время зажигания свечей, были отключены микрофоны. Стояла тишина, хотя евреев очень трудно заставить замолчать, и было слышно, как говорит Раввин.

Я бесконечно рада, что у нас есть синагога и такой замечательный Раввин! С тех пор, как Раввин Шмуэль пришёл в нашу общину и начал свою деятельность, это вдохнуло в неё совершенно новую жизнь. Евреи больше почувствовали себя евреями, благодаря именно ему. Он постепенно возвращает нам наши корни. Как много людей собирается сейчас на праздники! Сколько молодёжи!

Я хотела бы пожелать евреям помнить о том, что они евреи и ни в коем случае не ассимилироваться. Потому что мы - замечательная нация! Для того чтобы в этом убедиться, надо хоть один раз побывать в Израиле. Когда всё хорошо - мы ругаемся, миримся, а когда плохо - мы становимся как один кулак. Мне очень хочется, чтобы новое поколение евреев, которое приходит на смену, не ощущало бы себя русскими, узбеками, китайцами, эстонцами.., а чтобы они были евреи. Мне также хочется пожелать, чтобы у всех будущих поколений евреев осталась память о Холокосте, чтобы эту память передавали следующим поколениям. Желаю всем, чтобы мы помнили еврейское учение о том, что в этот мир мы пришли для того, чтобы быть нужными друг другу и ответственными друг за друга.

Я назван в честь прадедушки с папиной стороны - его тоже звали Лев. Он был Лев Самуилович, и меня зовут Лев Самуилович. Корни прадедушки из Белоруссии, но отец и дедушка родились в России, в Горьком, сейчас это Нижний Новгород. Прадедушка был ярым идейным коммунистом, но тем ни менее, его посадили в тюрьму как врага народа. Это были сталинские 30-ые годы прошлого века. Я пытался интересоваться судьбой прадедушки, но и сами родители немного знали об этом — в Советском Союзе были абсолютно уничтожены, напрочь закрыты все архивы. Прабабушка была из богатой семьи, во времена НЭП у её семьи были свои магазины... Папин отец был военным, подводником, участвовал в Великой Отечественной войне. После войны дедушка служил на Дальнем Востоке, потом его перевели в Эстонию, в Палдиски. В Палдиски был построен учебный центр для обучения подводников, и дедушка обучал там курсантов. Папе в то время было около 10 лет. Бабушка по профессии была химик.

Мамина семья Гринфельдт из Молдавии. Мама родилась в городе Арциз Одесской области. Но потом семья жила в Бендерах, сейчас этот город стоит на границе Приднестровья с Республикой Молдова. Бабушка и дедушка, с маминой стороны, были учителями. У маминой бабушки в семье было очень религиозно: соблюдали кашрут, Шабат, отмечали еврейские праздники... Уже, к сожалению, в семье моей бабушки с соблюдением еврейских традиций было не очень... Но бабушка соблюдала Седер Песах, я не говорю, что это было религиозно, но хотя бы традиционно. У моих бабушки и дедушки, с папиной стороны, в семье был полный «коммунизм», то есть, всё забылось.. Что касается моих родителей, они уже мало знают о еврейской религии и, практически, не соблюдают еврейские традиции. Я думаю, что знаю о еврейской религии в десятки раз больше, чем они. Мама с папой познакомились в Ленинградском Педагогическом институте имени Герцена, где они учились. Я родился в 1985 году. Помню, с самого раннего детства ездил отдыхать к бабушке в Молдавию. Там всегда хорошо проводил лето.

Л Е В

РУБИНШТЕЙН

...БЫТЬ ЕВРЕЕМ - ЭТО
ЗНАЧИТ УВАЖАТЬ,
СОБЛЮДАТЬ ГЛУБОКО,
ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ
НАШИ ТРАДИЦИИ,
ПОДДЕРЖИВАТЬ ИХ
ВО ВСЁМ ...В ЭТОМ
СИЛА ЕВРЕЙСКОГО
НАРОДА!

В Молдавии лето было всегда жарким, каким настоящим лето и должно быть. Так я ездил несколько лет. На лето 1991 года я снова должен был поехать. Вот мы уже собираемся.., и тут звонит моя бабушка и говорит маме: «Элла, здесь началась война...» Город Бендеры стал фронтом вооружённого конфликта в Приднестровье. В советское время город Бендеры, можно сказать, был еврейским городом - 60-70% населения были евреи. Во время этого конфликта Сохнут пытался сделать всё возможное, чтобы помочь всем желающим евреям очень срочно покинуть Молдавию и выехать в Израиль. Так как в Бендерах проходили боевые действия, то заказанные Сохнутом автобусы (их было 6-7) не могли въехать в Бендеры. Может вы слышали, что город Тирасполь, нынешняя столица Приднестровья, соединена с Бендерами через реку Днестр мостом? Так вот, тогда сохнутовские автобусы ждали евреев в Тирасполе возле моста на другом берегу Днестра, и евреи, в их числе и моя бабушка, бежали под пулями по мосту до автобуса... Всё нажитое имущество, квартиры, дома — всё было брошено, всё оставлено, побегали с одним чемоданчиком.., смогли взять только документы, из вещей взяли только то, что сами смогли донести до автобуса... - и вперёд, в Израиль... Автобусы довезли беженцев до Одессы, и оттуда уже самолётом всех перевезли в Израиль. Так, с начала 90-х бабушка живёт в Израиле. Я думаю, что реально сейчас евреев в Бендерах нет. Моя тётя как-то звонила в Бендеры своей однокласснице, и та ей рассказала, что там нищета, бедность, очень плачевное состояние... Я всегда знал, что я — еврей. То, что я — еврей, есть у меня в душе, я родился с генетической памятью. Я никогда этого не стыдился и не скрывал, и все мои друзья знали, что я еврей, и никогда никаких неприятностей из-за этого у меня не было. Родители были убеждённые евреи и всегда гордились этим, не скрывали этого и не меняли фамилию. У нас в семье всегда была связь с родственниками в Израиле. Папа рассказывал мне о Второй мировой войне, какая это была катастрофа для евреев, что евреев уничтожали только потому, что они евреи и ни по каким другим причинам.

Когда должен был начать учиться в школе, я поступил в 40-ую школу Таллинна. Я походил там недели две, и папа сказал: «Мой сын должен учиться в Еврейской школе». Так я и начал учиться в Еврейской школе. Еврейскую школу можно рассматривать как бы с двух сторон: с одной стороны, там хорошо учиться, если ты еврей, получаешь еврейские знания; с другой стороны, школа - такое же образовательное учреждение, как любое другое в нашем городе. У меня остались очень хорошие воспоминания о Гене Грамберге. Он пропитан еврейским духом и пытался «Еврейские традиции» преподавать фундаментально. Это я стал особенно хорошо понимать с возрастом. Мне также запомнился Лёва Кемпа, он с энтузиазмом пытался донести до нас еврейство. Игорь Талис, наш классный руководитель и учитель истории — замечательный человек, он всегда был частью нашего класса. Помню, когда в общине был организован самый первый набор на обучение мадрихов, мне тогда было 16 лет. Я тоже там учился и некоторое время активно участвовал в работе общины.

После окончания школы, в 17 лет, я поступил на исторический факультет в Тартуский университет и на юридический - в Таллиннский. Надо было выбрать, где учиться дальше. И в это время от Раввина Шмуэля узнал об открывшемся в Вене Еврейском университете. Он сказал, что там учат бизнесу, и предложил мне поехать туда учиться. Я никогда не думал о бизнесе. Но всё-таки решил поехать учиться в Еврейский университет. В 2004 году, в год открытия, в этом университете училось 12 человек. Во второй год поступило 7 человек. На третьем году университет набрал 60 человек, сейчас в университете учатся 200 человек. Для поступления в университет сначала сдал экзамен по английскому языку, потом поехал в Москву на вступительные экзамены. Я прошёл все тесты и в октябре 2005 поехал учиться в Вену. Учиться было страшно тяжело, совсем другой уровень. Сначала я был к этому не готов. Но потихоньку стал подтягивать свой английский - всё преподавание было на английском языке. Жизнь там для меня была очень тяжёлая, чувствовал одиночество. Начал заниматься спортом, профессионально танцами, занимался каждый день.

Через 2 года уехал из Вены, так как мне было очень тяжело, я не был готов к самостоятельной жизни. Закончил начатое образование в Эстонской Бизнес Школе EBS. Сейчас вместе со своим другом являемся владельцами косметической фирмы.

Когда только приехал в Вену, я очень сильно был настроен против всей религиозности в еврействе, потому что, когда жил дома, в Таллинне, такое сложилось впечатление, что еврей — это светский человек. Ну, пойти Пурим отпраздновать в ресторане, ещё какое-нибудь мероприятие... - вот так это должно выглядеть. А в Вене, в Еврейском университете, довольно активно насаживался религиозный образ жизни. Для меня это было не очень принято - я не соблюдал кашрут, Шабат... В Вене меня окружало очень много религиозных людей, и в самом начале мне это было не очень приятно. Например, кушаю какой-то гамбургер, который, конечно, не кошерный, и меня видит раввин... - мне было стыдно... Знаете, когда что-то сильно на тебя начинают пихать, - естественная реакция - отгалькиваешь это. И сначала я был против всего этого. Но потом, со временем, я как-то начал проникаться Настоящей Еврейской Культурой, Настоящими Еврейскими Традициями. Начиная понимать логику того, что говорят учителя. Так как получал еврейскую стипендию, я обязан был посещать курсы иврита и еврейских традиций. Но это не те еврейские традиции, которые преподают в школе, это Настоящее изучение Торы. Правила, традиции, кашрут, как это всё соблюдать. Например, как режется мясо и сколько оно должно засолённым пролежать, чтобы стало кошерным. То есть всё, что в Таллинне, никто не обучает. И так как я учился длительный период, то начал этим проникаться: почему еврей должен жениться на еврейке, как должна выглядеть свадьба, почему на свадьбе женщины танцуют отдельно от мужчин, почему женщины носят длинные юбки, почему мужчины не стригут бороду и море-море всяких маленьких знаний, которые мне были не известны и раньше мне казались смешными. А там мне это не казалось смешным, мне всё казалось логичным, потому что такова наша традиция, в этом сила еврейского народа!

Несмотря на все беды, которые на нас свалились за долгие тысячелетия истории, мы всё-равно вместе, мы всё равно сильные! И мы сильные благодаря только одной вещи — религии! И я ставлю знак равно между религией и традициями. Общая атмосфера в университетах, настоящая еврейская жизнь и знания дали такой эффект, что я проникся этим. Мы ходили в пятницу в синагогу, потом из синагоги нас приглашали на шабатный ужин в семью... помоем руки до того, как прикоснёмся к хале...

И в Вене я понял, что такое быть евреем. Я понял, что быть евреем - это значит уважать, соблюдать глубоко, до глубины души наши традиции, поддерживать их во всём; стал понимать, что значат наши традиции и вести себя, как еврей должен себя вести. Я даже не могу это так просто объяснить словами. Я помню, когда жил в Вене, в пятницу синагоги по всему городу полны людей, все молятся. Когда вокруг тебя все соблюдающие евреи, возникают совсем другие ощущения! Там я почувствовал, что значит присутствует Еврейский дух. В Таллинне, к сожалению, этого нет...

Когда вернулся из Вены, я старался, насколько это возможно в Таллинне, соблюдать кашрут. Но все, окружающие меня, этого не понимали и смеялись над этим..., я слышал неодобрительные, иногда с издёвкой, слова о соблюдающих евреях. А я им отвечал: « Да вы что, ребята? Только благодаря таким людям, как наш Раввин, другим соблюдающим евреям, вы все здесь и есть, вы все здесь — евреи. Вот такое моё мнение. На мой взгляд, евреи — это религия, это не национальность. Еврей из Марокко — это совсем другой еврей, нежели еврей из Эстонии или еврей из Америки. Мы совершенно разные люди, у нас разная ментальность. Единственное, что нас всех объединяет, — это религия. И в Вене я это понял! Опыт, полученный в Вене, помог мне стать убедительным, поскольку я сам в это верю, то хочу всё это передать своему ребёнку. Я искренне верю и считаю, что в Шабат семья должна собираться вместе, зажигать свечи, соблюдать еврейские традиции. После того, как вернулся в Таллинн, я стал ходить в синагогу, активно участвовать в еврейской религиозной жизни.

В Молдавии лето было всегда жарким, каким настоящим лето и должно быть. Так я ездил несколько лет. На лето 1991 года я снова должен был поехать. Вот мы уже собираемся.., и тут звонит моя бабушка и говорит маме: «Элла, здесь началась война...» Город Бендеры стал фронтом вооружённого конфликта в Приднестровье. В советское время город Бендеры, можно сказать, был еврейским городом - 60-70% населения были евреи. Во время этого конфликта Сохнут пытался сделать всё возможное, чтобы помочь всем желающим евреям очень срочно покинуть Молдавию и выехать в Израиль. Так как в Бендерах проходили боевые действия, то заказанные Сохнутом автобусы (их было 6-7) не могли въехать в Бендеры. Может вы слышали, что город Тирасполь, нынешняя столица Приднестровья, соединена с Бендерами через реку Днестр мостом? Так вот, тогда сохнутовские автобусы ждали евреев в Тирасполе возле моста на другом берегу Днестра, и евреи, в их числе и моя бабушка, бежали под пулями по мосту до автобуса... Всё нажитое имущество, квартиры, дома — всё было брошено, всё оставлено, побегали с одним чемоданчиком.., смогли взять только документы, из вещей взяли только то, что сами смогли донести до автобуса... - и вперёд, в Израиль... Автобусы довели беженцев до Одессы, и оттуда уже самолётом всех перевезли в Израиль. Так, с начала 90-х бабушка живёт в Израиле. Я думаю, что реально сейчас евреев в Бендерах нет. Моя тётя как-то звонила в Бендеры своей однокласснице, и та ей рассказала, что там нищета, бедность, очень плачевное состояние... Я всегда знал, что я — еврей. То, что я — еврей, есть у меня в душе, я родился с генетической памятью. Я никогда этого не стыдился и не скрывал, и все мои друзья знали, что я еврей, и никогда никаких неприятностей из-за этого у меня не было. Родители были убеждённые евреи и всегда гордились этим, не скрывали этого и не меняли фамилию. У нас в семье всегда была связь с родственниками в Израиле. Папа рассказывал мне о Второй мировой войне, какая это была катастрофа для евреев, что евреев уничтожали только потому, что они евреи и ни по каким другим причинам.

Но, к сожалению, жизнь в Эстонии, в антирелигиозном обществе, не важно среди евреев или не евреев, очень сильно на меня повлияла, и я стал реже приходиться в синагогу...

Сейчас я женат. 1 мая 2011 года была наша хупа. У нас уже родился сын, мы назвали его Илан. Со своей будущей женой мы познакомились на еврейской образовательной конференции «Лимуд», которая проходит раз в году в Вильнюсе. Моя жена — еврейка, родом из Литвы. Она тоже хочет соблюдать еврейские традиции, зажигает свечи на Шабат.

Я убеждён, что еврей должен жениться на еврейке. Мы чётко должны понимать, что мы не русские, мы не эстонцы, мы не немцы, мы не американцы, мы - именно евреи. Может быть, сейчас, когда это написано, это трудно понять, но для себя внутри я эту чёткую границу делю. Когда мне говорят, что не могут найти еврейку, которая нравилась бы, то я думаю, что можно найти человека, который понравился бы, и среди евреев. У меня была такая установка внутри, что я женюсь только на еврейке, и дети у меня будут только с еврейкой. Помню один случай. Мне было лет 16. Тогда в Таллинн приезжали религиозные молодые евреи из Лос-Анджелеса. Я спросил тогда у одного парня, ему было 26 лет: «Ну вот ты должен жениться на еврейке, а вдруг ты идёшь по улице, тебе понравится, например, американка, испанка или другая?..» Он ответил: «Ты понимаешь, у меня просто стоит как бы внутренний фильтр, я понимаю, что на этой девушке я не могу жениться и не могу с ней иметь детей». Помню, тогда его ответ показался мне странным, а теперь я чувствую то же самое. Потому что, если мы, евреи, хотим, чтобы мы оставались евреями и продолжали быть евреями, нужно не ассимилироваться. То есть, неважно, где мы живём - нам нужно жениться на еврейках, а еврейкам нужно выходить замуж за евреев. Вспоминаю, когда в первый раз подошёл познакомиться к своей будущей жене, я ей сразу задал два вопроса: первый был «Есть ли у тебя парень?» и второй: «Ты - еврейка?»

Я хочу, чтобы мы не забывали свои корни, чтобы мы, евреи, знали, кто мы и откуда мы, чтобы не стеснялись этого, а гордились этим, и чтобы как можно больше стремились приходиться в такие места, как синагога.

С маминой стороны, мой прадед Давид Кан и прабабушка Анна Кан родом из Тарту. Прабабушка была домохозяйкой, у неё было пятеро детей. Из рассказов моей бабушки знаю, что прадед был из бедной семьи. Он начинал свою трудовую деятельность мальчиком на побегушках. Работал с самого детства, накопил какой-то капитал, умел удачно вкладывать деньги... Со временем он стал довольно состоятельным человеком. Бабушка рассказывала, что прадед Давид был филантропом Тартуской синагоги. Старшие дочери Клара, Соня работали врачами, сын Юлиус умер во время сталинских репрессий в Сибири. Самая младшая у них была моя бабушка Ида. Прадед и прабабушка были очень верующие, строго придерживались всех еврейских традиций.

Мой дед Вульф Шурас родом из Литвы. До войны они жили в Таллинне. Дедушка погиб во время войны. Бабушку вместе с двумя детьми отправили в эвакуацию в Узбекистан. В дороге было очень тяжело. Бабушка вспоминала, как поезд, на котором они ехали, попал под бомбовые удары... и один раз она даже подумала, что своего сына потеряла — моя мама была рядом, а он убежал... Но, к счастью, все остались живы...

Ещё перед войной бабушкины сёстры разъехались из родительского дома: кто переехал в Литву жить, кто - в Польшу... Вся эта родня погибла в газовых камерах - никого в живых из них не осталось... Кроме моей бабушки, которая в это время жила в эвакуации, осталась жива её сестра Лина - она была выслана в годы сталинских репрессий в Казань.

Бабушка жила вместе с нами. Она была мой ангел хранитель, очень добрый хороший человек. В детстве она мне очень часто рассказывала, как у них дома было принято на все еврейские праздники собираться, какие у них были еврейские блюда, и она сама умела их готовить. Моё любимое бабушкино блюдо было цимес с кугелем. Бабушка учила меня, какие продукты нельзя с какими смешивать... что даже кастрюли нельзя менять - если в молочной кастрюле что-то делаешь, то ни для чего другого её нельзя использовать. Но я не помню, чтобы бабушка зажигала свечи на Шабат, уже было советское время, соблюдать еврейские традиции

МИРА ТРОСТНИКОВА

ВО ВРЕМЯ МОЕГО
ДЕТСТВА Я НЕ
ЗНАЛА НИ О
КАКИХ ЕВРЕЙСКИХ
ПРАЗДНИКАХ,
СИНАГОГИ НЕ
БЫЛО, УЗНАТЬ ОБ
ЭТОМ ГДЕ-ТО БЫЛО
НЕВОЗМОЖНО...

было тяжело. Папина сторона родом из Нарвы. Мой прадед Мясников был управляющим Кренгольской мануфактуры. В этой семье были 4 дочки. Моя бабушка Валя была младшей. Бабушка вышла замуж за русского. Особо много об этой линии не знаю.

Мама с папой знали друг друга уже с детства, так как их мамы были подругами. Мою маму звали Анна Вульфовна, девичья фамилия Шурас. Мама умерла 3 года назад... Я думаю, что многие, кто приходил ещё в старую синагогу в здании Еврейской общины, знают и помнят мою маму. Мама работала на кухне при синагоге, готовила кошерные блюда ко всем Шабатам и праздникам. Мама устроилась на работу благодаря моей старшей дочери. Элина где-то узнала, что требуется работник на кухню в синагогу, и предложила бабуле. Мама вначале засомневалась: «Ой нет, я не смогу», - а потом как-то решилась: «А почему бы и не попробовать». На работе её очень хорошо приняли. Тогда ещё не было никакого кошерного ресторана. Кухня в старой синагоге была очень маленькая и отдельного помещения не было - в этой же комнате мама и готовила еду, и накрывала столы на Шабаты, праздники. Для Шабата мама готовила уже с пятницы и всё оставляла на плите на маленьком огне, чтобы еда оставалась тёплой до утра - в Шабат утром ведь нельзя ничего делать и подогревать. Готовить приходилось много, особенно на праздники. Самой ей было не справиться, и мы приходили всей семьёй: я с двумя дочерьми, и папа мой тоже приходил - все помогали ей и под её руководством. Когда люди уходили после праздников, всегда подходили к ней и благодарили, говорили, что всё очень вкусно! Мама знала много еврейских блюд и готовила и курицу, и латкес, и салаты... Сама пекла хоменташен к Пуриму, и на каждый шабат она пекла халы. Помню, что мама часто там делала фаршированную рыбу, причём не из консервов, а сама - свежую рыбу чистила, потрошила, готовила фарш и так далее, и особенно радовалась, когда рыба была такая свежая, что ещё даже подпрыгивала и шевелилась. Несмотря на то, что у мамы было слабое здоровье, она с удовольствием ходила в синагогу на работу и говорила: «Мне это возвращает жизнь». Мама очень

обрадовалась подарку от нашего Раввина, он подарил ей книжку «Еврейская кухня». Для меня быть еврейкой ассоциируется с еврейской мамой, с моим детством, когда мама - это что-то такое, что тебя оберегает... с душевной теплотой... У моих нееврейских подруг такого ни у кого не было... Я хочу быть похожей во всём на свою маму. Во время моего детства я не знала ни о каких еврейских праздниках, синагоги не было, узнать об этом где-то было невозможно. Всё, что я знала о еврействе, это только то, что в детстве рассказывала моя бабушка. У нас был обычный советский дом. Но мама готовила все еврейские блюда так же, как бабушка.

Я училась в таллиннской русской школе. В школе меня очень много обзывали из-за моей национальности. Я не особо умела себя защищать, но я никому и не жаловалась - тихонько сидела где-то и плакала... В классе нас было трое евреев. В принципе, и учителя нас не переносили: всё время цеплялись, придирались. Кроме того, я была такая, что не всё быстро схватывала, может немножко где-то в облаках витала... Когда закончила школу, я особо не задумывалась куда пойти дальше. Может быть, это от того, что бабушка говорила, что её сёстры были врачами... А может потому, что последние годы жизни бабушка очень болела, и я все её лекарства с самого детства знала, собирала бутылочки, пробочки от лекарств... К окончанию школы я твёрдо знала, что пойду в медицинское училище. Поступила сразу, да и отношение ко мне там было совсем другое. Я ещё удивилась, что вступительные экзамены написала на отлично. Я не поверила, пошла посмотреть работы, думала, наверное, перепутали мою работу... Оказалось, что правда — всё было сделано на отлично. С учёбой у меня больше проблем не было. После окончания училища с работой тоже проблем не было. Начала работать в Мустамяэской больнице, продолжала там работать до сих пор - вот уже 25 лет!

Дома у нас никаких разговоров не было, что замуж нужно выходить только за еврея. Я вышла замуж не за еврея. У меня две дочери. Старшая дочь Элина училась и уже закончила Еврейскую школу. Вместе с дочкой и я учила еврейские традиции: читала по учебникам, что-то она мне рассказывала.

Когда в школе задавали подготовить какой-нибудь материал, например, нарисовать плакат, то мы участвовали в этом всей семьёй. Один наш плакат, подготовленный к празднику Ту-бешват, даже уехал в Израиль на выставку - такой был красивый! В школе каждую пятницу проводили Шабаты. Дочка приходила из школы и рассказывала: «Мы на Шабате зажигали свечи, и сегодня была моя очередь зажигать! Она была в приподнятом настроении и дальше рассказывала, как они халу кушали, и эта хала была такая тёплая!.. Она приходила из школы и требовала, чтобы мы и дома зажигали свечи. Молитву говорила дочка, и я тоже уже эту молитву выучила с первого класса, так как учили это вместе, чтобы легче было ей запомнить. Но когда я говорю, дочка смеётся, что у меня жуткий русский акцент. Моя младшая дочь Регина начала ходить в еврейскую школу с нулевого класса. Когда она ходила в подготовительную школу, там также были уроки по еврейским традициям, которые вёл Лёва Кемпа. Это был её любимый предмет. И бывали дни, когда по какой-то причине этого урока не было, она так переживала и говорила: «Почему Лёвы не было? Я его целый день ждала!» Сейчас Регина учится в третьем классе Еврейской школы. Она очень довольна школой, своими одноклассниками.

Еврейская школа отличается от обычной тем, что в школе совсем другое отношение учителей к детям, индивидуальное отношение к каждому ученику, я бы даже сказала, относятся, как к своим: несколько раз позвонят, если ребёнок не пришёл в школу; если у ребёнка не получается, учитель остаётся с ним после уроков и дополнительно объясняет. В других школах такого нет. В Таллинне есть ещё и воскресная школа при синагоге. В этой школе в игровой форме детей учат еврейским буквам, словам, молитвам, традициям. Я приводила в эту школу мою младшую дочку, когда она была ещё совсем маленькая. Регина с большим удовольствием приходила туда, чувствуется, что у неё чисто еврейская душа. Регина боготворила нашу рабанит Хану, она всё время спрашивала: «Когда мы к Хани опять пойдём?» Рабанит Хани очень интересно проводила уроки.

В школе также был и учитель музыки — на этих уроках дети играли, пели.

Помню, когда мы с мамой услышали, что в Таллинн приехал работать раввин, мы очень обрадовались этому, потому что когда бабушка ещё жива была, она всегда говорила: «Вот был бы раввин в Эстонии, то здесь жизнь была бы у нас другая». Когда у меня есть время по субботам, и я прихожу на службу в синагогу, то там у меня возникает какое-то такое приятное чувство — слёзы текут... В старой синагоге такого чувства трепета не было, в новой - сама атмосфера совсем другая. Мне нравится приходить в синагогу.

Я желаю всем евреям никогда не отступать от своих традиций, помнить их и при этом каждому еврею оставаться хорошим человеком.

АРОН (АРКАДИЙ) РАЙХШТЕЙН

...В РОССИИ Я
ВОЗРОЖДЕНИЕ
(ЕВРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ)
ЛИЦЕЗРЕЛ, А ЗДЕСЬ,
В ТАЛЛИННЕ, МНЕ
ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ
ШАНС В ЭТОМ
ПОУЧАСТВОВАТЬ.

Самое дальнее, что я могу вспомнить, это мой прадедущка с папиной стороны, Яков Мордехаевич Млодик. Родом он был из Вильно а прабабушка - из Укмерге. Про него я знаю, что он первое поколение, которое жило за чертой оседлости, они жили в царском Санкт-Петербурге. На волне революции он стал главным редактором «Петроградских Ведомостей», а после - директором ЛенСоюзПечати. А брат прадедущки, Аарон (Аркадий) Млодик - известный детский советский писатель сталинского времени. Он написал, ничего не говорящие мне, но известные в советское время, рассказы для детей: «Армия Трясогузки», «Бумбараш» и другие. Прабабушку звали Гита. И свою дочку, мою бабушку, они назвали Ягида. Такого имени не существует, её называли в честь и папы, и мамы - производная от Яков-Гита. Бабушка Ягида родилась на Московском вокзале Санкт-Петербурга, в то время город назывался Петроград, по дороге в эвакуацию во время Гражданской войны. Мой дедушка происходит из рода коэнов, в его семье были и раввины, и талмудисты. Дедушка был родом из той области в Бессарабии, бывшей Румынии, которая по пакту Молотова-Риббентропа была аннексирована Советским Союзом. Это малоизвестный факт, в основном, все говорят о Прибалтике. Поэтому в 1939 году дедушка неожиданно стал гражданином Советского Союза. А его отец родом из Бердичева, Украина. 20 июня 1941 года он поехал навестить старшего брата, который учился в Москве. Через 2 дня началась война. Они не были призваны, так как были жителями вновь присоединённых территорий и считались политически неблагонадёжными - Румыния в той войне была союзником Гитлера. Дедушка и его брат - единственные в их семье, кто уцелели. Судьба всех остальных из их семейства, кто остался в Бессарабии, неизвестна, так как в Бессарабии и в Буковине не было ни гетто, ни концлагерей. Евреев тех мест румыны под руководством СС пригоняли в лагерь на восток, в Украину. Поскольку дело было в степях и уже это была зима, из 400000 евреев, которые шли в этом конвое, почти все умерли по дороге от голода, холода, их убивали охранники... - что с ними точно

происходило, неизвестно. Даже в ЯдваШем я смотрел отдельный мемориал Бессарабии, но и там не нашёл ни документов, ни экспонатов об этих событиях. Когда дед с братом ехали в эвакуацию в Поволжье, по пути вагоны, на которых они ехали, срочно понадобились для переброски войск с Дальнего Востока на Западный фронт. И всех, кто ехал в этих составах, высадили просто в поле... Где-то два года они там жили, никому не были нужны, жили в голоде, питались травяными лепёшками, никто об этих новых гражданах и не вспоминал... В это время шла подготовка к великой битве под Сталинградом, и их погнали рыть лопатами укрепления за Сталинградом. Но там людей хотя бы кормили.

Дедушка никогда в жизни не желал изменять свою 5-ую графу. При советской власти запись «еврей» в этой самой графе всегда было минусом при приёме на работу. Но, кроме этого, в его документах была запись о том, что он бывший гражданин Румынии, поэтому для советской власти он считался ещё и неблагонадёжным. Так дедушка и после войны никогда не смог найти себе хорошую работу, несмотря на то, что у него было высшее образование и говорил на четырёх языках. Бабушка с дедушкой познакомилась в Москве. Родной язык у дедушки был идиш, но с бабушкой он говорил на русском, поскольку бабушка не знала идиш - она уже родилась в СССР. Мой папа вспоминал, что бабушкин отец был из левитов, из колена Леви, а мой дед был ха-Коэн, хотя в XIX веке в его фамилии эта приставка исчезла. Полное имя дедушки - Ицхок Эли Райхштейн хаКоэн.

Историю маминой семьи я знаю очень смутно. До войны они жили в Лепеле, Белоруссии. Все евреи Лепеля были сосланы в гетто и расстреляны. Её семья спасалась в белорусских деревнях в подвалах. Где-то года три они так прожили. Мамина сестра рассказывала, что выжили они только потому, что научили белорусов выращивать фасоль, в награду крестьяне им дали козу - так с козой, на фасолях они и выжили. Их документы были куплены на поддельную фамилию и на поддельный возраст. Я интересовался историей семьи в архиве. Никаких записей там не осталось, поскольку до войны фамилия деда была Лейтман, а документы были куплены на фамилию Латыш, что на идише очень

схоже. Звали деда Арон, Аркадий. До войны семья деда жила в еврейском доме. Так получилось, что большинством коммунистов в Лепеле были евреи, они жили в одном коммунальном доме. В их жизни декреты из Кремля соседствовали со справлением Шабата. Они продолжали оставаться религиозными евреями, но при этом были коммунистами. После войны, насколько это было возможно, дед ходил в открытую синагогу в Москве, тогда это была улица Архипова, ходил туда по праздникам, брал с собой папу и мою тётю. Были некоторые праздники, с которыми даже в советской Москве особо ничего не могли делать, собиралось большое количество людей. Один из таких праздников был Симхат-Тора, советская власть почему-то этот праздник не возбраняла. Папа вспоминает, что на одном из праздников где-то тысяч 400 людей собралось, нельзя было не то, что в синагогу зайти, но и 2-3 соседние улицы были полностью забиты. Это было время, когда уже появились отказники, образовалась какая-то еврейская общность, евреи стали чувствовать себя единой нацией. На волне этого протеста люди выплёскивали там, где было возможно, то, что скрывали многие-многие годы. Чтобы помнить, когда еврейские праздники, когда годовщины, дед высчитывал на бумажке еврейский календарь. Бабушка жила светской жизнью, еврейские традиции не соблюдала, она была учительницей. Дед был напротив очень замкнутым человеком и предпочитал общаться только с евреями, всё время где-то они собирались. Со своего детства я помню, что дед дома употреблял слова на идиш. Но вот, если бы его ночью разбудили и спросили: «Кто ты?», он бы сказал, что он — белорус.

Самая активная в продвижении еврейских традиций в нашей семье, и от кого я многое узнал, была папина мама, бабушка Ягида. Она мне много рассказывала про Петербург, про своих родителей. Однажды, когда мне было лет 5, она меня попросила сложить пальцы на руке таким образом, чтобы указательный и средний палец были вместе, и, одновременно, безымянный и мизинец были бы вместе. Бабушка сказала, что так должны уметь делать все из нашего рода, рода коэнов. На праздники коэны такими жестами благословляли еврейский народ. Такой жест можно увидеть и на древних барельефах, сохранившихся

тысячи лет. После смерти бабушки дедушка стал постепенно возвращаться к своим истокам. В Москве он стал постоянно ходить в общину в Марьиной Роще, начал восстанавливать иврит - он не говорил на иврите больше 50 лет. В советское время они с бабушкой были обычными советскими людьми.

Мои родители жили обычной советской жизнью, еврейские традиции не соблюдали. Мама была учёным по атмосферам в барокамерах, папа был инженером, но с начала 1990-х годов занимался бизнесом. Сейчас родители живут в Израиле. Я родился на исходе еврейского праздника Лаг-ба-Омер 17 ияр 5741, 21 мая 1981 года. Моё детство прошло в московской коммуналке в центре Москвы. Затем мы переехали в один из спальных районов Москвы. Ходил в обычную школу. Однажды я пришёл после школы и спросил у мамы: «А кто такие евреи? Почему меня называют евреем?» Мама ответила: «Еврей — это ты, это мы». Сказала мне, не обращать внимания. Но всё-таки школа была хорошая, тот случай, скорее, было исключением, и я не сталкивался с проблемой, что я еврей.

Мои родители дружили с семьёй горских евреев. У них было два сына. Их отец воспитывал своих сыновей в еврейских традициях. Помню, мне тогда было 13 лет, когда в этой семье друзей мне, наконец-то, доступно, по-детски объяснили, кто такие евреи. Первый раз тогда с ними я пошёл в синагогу. И вот с тех пор, с 13 лет, я начал, что называется, путь возвращения, который продолжается и сейчас. В 13 лет я перестал есть свинину и так дальше, дальше. Для меня было важно, чтобы и окружающим было понятно, что я — еврей: я носил Маген-Давид так, чтобы его было видно. Сейчас я соблюдаю правила кашрута, регулярно хожу в синагогу, постоянно ношу кипу. Я ещё застал тот момент, когда в России выдавали паспорта советского образца, где указывалась национальность, хотя это уже была Российская Федерация. Это был 1997 год. В паспорте я записался евреем, хотя мне даже родители говорили: «Да запишись-ка ты лучше русским». Я так удивился и подумал: «Почему я должен записываться русским, почему я должен скрывать, что я еврей? Наоборот, это у меня повод для гордости, нежели повод для стыда».

В 1996- 97 годах в России быть евреем не было ещё привилегией, как в современной России. С 17 лет я уехал в США учиться в международный университет имени Шиллера, где учились студенты со всего мира. Последний год университета я учился во Франции. После учёбы, в 2002 году, приехал в Москву. Везде знали, что я не просто из России, а что я - Russian Israeli.

В Москве регулярно ходил в синагогу на Большой Бронной. Старался соблюдать еврейские законы, в Йом-Кипур ходил в синагогу в комнатных тапочках. В то время в Москве начался период, когда быть евреем уже было даже почётным. Шёл и идёт сейчас обратный процесс - люди ищут всяких дальних родственников, чтобы только доказать, что они евреи, многие проходят обряд гиюра. Я помню в 2002 году в синагоге на Бронной на праздники было где-то человек 30-40. Когда я был там на Йом-Кипур в 2009 году, в синагогу невозможно было войти, там было больше 2000 человек. Синагогу на Большой Бронной перестроили, она стала в 2 раза больше, вырос семиэтажный центр в Марьиной Роще, открыли синагоги во всех районах столицы. В Москве есть главный раввин России, главный раввин Москвы, есть ещё главные раввины каждого округа Москвы.

В Таллинн я попал случайно. В 2008 году приехал навестить одного товарища, который учился со мной в Америке. В этот первый приезд я спросил у него: «Где в Таллинне синагога?» Он ответил: «О, здесь такая красивая синагога! Её только недавно построили. Таллинн был последней европейской столицей, где не было синагоги...» Тогда я впервые пришёл в Таллиннскую синагогу, встретил там реб Шмуля. Мне очень понравилась сама атмосфера в синагоге. Потом я стал ходить постоянно. Как-то реб Шмуль подошёл ко мне и предложил прийти к нему пообщаться. Я сразу подумал: «Наверное, будет просить стать спонсором синагоги...» Но, когда я пришёл на встречу, реб Шмуль спросил у меня только всего лишь две вещи: есть ли у меня жена и второе - хотел бы я ходить к нему на уроки. Я не ожидал такого и, конечно, сразу согласился. С тех пор достаточно регулярно я прихожу к Раввину на уроки.

Когда я в Таллинне, то прихожу в синагогу каждое утро, а также на кабалат Шабат, на еврейские праздники.

После непродолжительного нашего знакомства реб Шмуль предложил мне пройти обряд Брит-Мила. Вначале мне было страшно. Но где-то через полгода, когда я был в Израиле, я прошёл этот обряд. После этого реб Шмуль подарил мне тфилин. Сейчас я надеваю этот тфилин регулярно.

У меня есть своё мнение насчёт еврейского брака. Я считаю, что у еврея с нееврейкой будущего нет. Такого союза просто не бывает. Если в семейной паре один - еврей, а второй - нет, то либо второй становится евреем, либо первый перестаёт им быть, и, по моему мнению, это самое страшное, что может произойти с евреем. Это равносильно тому, что предать всю свою историю и сотни предыдущих поколений в своём роду. Зачем же все предыдущие поколения тысячелетиями сохраняли традиции, рискуя и даже умирая за них? Чтобы пришёл еврей в XXI веке и забыл обо всём?! Какое мы имеем право на это? Когда мне говорят, что в современном мире сложно или нельзя соблюдать еврейские традиции, что это чушь, я им отвечаю: «Господа, еврейская нация сохранилась в течение уже тысячелетий. Сколько по этой дороге более многочисленные нации исчезли? А евреи сохранились! А благодаря чему?. Вы говорите, что сейчас это не нужно, неважно... Вы что, умнее всех своих предков вместе взятых?!»

Общине я стараюсь помогать, для меня это важно. Я ощущаю себя полноценным членом еврейской религиозной общины. Для меня еврейство - это не просто пункт в графе национальность, а образ жизни, где нужно придерживаться основ еврейской традиции. Это не значит, что сейчас я уже полностью всё соблюдаю. Этот путь сложный и может занимать всю жизнь, я на этом пути уже около 20 лет. И, Барух хаШем, я буду по нему идти и буду на этом пути ещё много лет. Скоро будем отмечать праздник Песах. Уже более 3320 лет никто не обещал лёгкого пути. Я думаю, что в ближайшие годы в Эстонии увижу ещё большее возрождение еврейской жизни. Я видел это в Москве в начале 2000-х. И это было возрождение не в светском понимании, это было возрождение еврейских традиций в духовном плане и религии.

На мой взгляд, произошло это, в основном, благодаря Хабаду. Только в России я это возрождение лицезрел, а здесь, в Таллинне, мне представляется шанс в этом поучаствовать.

Я охватил четыре поколения своей семьи. Эти 4 поколения жили не в простые времена но, несмотря на большую турбулентность этого времени, они выжили и передали мне то, кто я есть. Я понимаю, насколько это было сложно, но в тоже время важно. Понимая всё это, я строю свою жизнь. Могу сказать, что для меня важно, чтобы семья продолжила еврейские традиции, чтобы была столпом, от которого мои потомки не отойдут и передадут следующим поколениям.

<http://levit1144.ru/forum/15-9950-1>

Биркат-коханам – благословение кознов
Это формула, заповеданная, по Библии, Богом Моисею для передачи Аарону и сынам его, дабы они призывали его имя Господне на сынов Израилевых: «Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! Да озарит Господь лицо Свое и помилует тебя! Да обратит Господь лицо Свое к тебе и даст тебе мир!». Это благословение входило в состав богослужения в Храме. Совершая ежедневное жертвоприношение утром и на исходе дня, священнослужители Храма – козны восходили на особое возвышение, называемое духан и, воздев руки к небу, произносили биркат-коханам. При упоминании слова «кознов» козны обращаются лицом к молящимся и покрывают таллитом голову и руки, протянутые вперед на уровне плеч; ладони их обращены вперед, большие пальцы касаются друг друга, а указательный и средний пальцы на каждой руке сдвинуты вместе и держатся отдельно от безымянного пальца и мизинца, также сдвинутых вместе. Затем козны произносят особое благословение, предвещающее биркат-коханам, после чего громко повторяют за ведущим молитву, произнося отдельно каждое слово формулы биркат-коханам. В соответствии с устоявшейся традицией, молящиеся не смотря на кознов во время произнесения ими благословения.

АРТУР ТАММЕ

...СМЫСЛ ШАБАТА...

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕР,
КОТОРЫЙ МОЖНО
И НУЖНО ДЕЛАТЬ
КАЖДУЮ ПЯТНИЦУ.

Изучать свою родословную начал, когда узнал о программе «Таглит» и для участия в которой нужно было предоставить документы и написать о своём генеалогическом древе. «Таглит» - это образовательная поездка в Израиль в составе молодёжных групп для евреев в возрасте от 18 до 26 лет, которые никогда не были в этой стране. Основатели программы создали её для того, чтобы молодые евреи со всего мира побывали в Израиле и помогли бы уменьшить пропасть, возникающую между Израилем и общинами в диаспоре, а также, чтобы объединить мировое еврейство и помочь участникам больше осознавать свою национальную принадлежность. Моя поездка была в октябре 2009. Мне было очень приятно, что получилось поехать. Но ещё больше был рад тому, что это было уже в осознанном возрасте.

Помню своё самое первое ощущение в Израиле и как оно меня поразило. Сначала даже не верится, что это тот Израиль, о котором ты всегда думал. Ладно, пальмы, ладно, тепло..., но слышишь живую ивритскую речь, как говорят сами израильтяне..., прислушиваешься и начинаешь понимать о чём говорят! :); везде продают разный хумус - от невкусного до очень вкусного - очень много разновидностей:)... И хоть Израиль и европейская страна, там чувствуется Восток. Многие увидели в Израиле своими глазами, увидел то, что когда-то учил в школе и видел только на картинках и в кино. И это было здорово! Помню, как у меня возникло очень волнующее чувство, когда мы оказались в Зале Независимости, где была подписана Декларация независимости Израиля, не верилось, что ты просто видишь этот Зал живую. Мы также посетили первый в мире институт по исследованию еврейской генеалогии. Международный институт еврейской генеалогии находится в национальной библиотеке Еврейского университета Иерусалима. Этот институт ставит перед собой задачу составить единое генеалогическое древо для всего народа Израиля. Генеалоги создали здесь международный исследовательский центр, который работает в сотрудничестве с такими институтами, как Джуиш Ген, Яд Вашем, Центральный архив истории еврейского народа и Нью-Йоркский Центр еврейской истории.

Во время посещения института для нашей группы была проведена небольшая экскурсия об истории еврейского народа. Экспозиции размещались в нескольких комнатах, и в каждой комнате был отражён разный век. А потом каждый из нас называл имя и фамилию, и нам рассказывали некоторые подробности об этой фамилии.

Запомнились абсолютно разные встречи с местными жителями в разных местах Израиля. Одна из встреч была с арабом, который живёт в Израиле. Он нам рассказывал, как ему многое не нравится в стране. Так как в нашей группе были ребята из Прибалтики, то нам было интересно сравнить, как живут русскоязычные здесь, в Прибалтике, и как живёт араб в Израиле. На фоне своего двухэтажного дома он рассказывал нам, как ему там плохо, как он не имеет многих возможностей. Например, что он не имел возможности служить в израильской армии, у него нет других гражданских прав. В одном из кибуцев встретились с арабской девушкой, которая там выращивала цветы, и увидели, как могут евреи и арабы мирно сосуществовать. В другом кибуце мне очень запомнился один американец. Как раз наступил Шабат. И этот кабалат Шабат мы провели с этим евреем из Америки. Он так просто, доступно, замечательно донёс смысл Шабата как семейный вечер, который можно и нужно делать каждую пятницу. Это время, когда собирается семья, когда все красиво, нарядно одеты, накрыт шабатный стол, и вся семья встречает Субботу. Как это важно собраться с семьёй! Пускай ты включишь свет или не так строго соблюдаешь все необходимые детали, но ты в семье, вы общаетесь в этот вечер - и это самое лучшее! Было так здорово! После того Шабата мне захотелось справлять Шабат каждую пятницу. Ещё была поездка в город Цфат. Это очень религиозный город, там много синагог, на улицах увидели много многодетных семей. Там все молятся, все ждут прихода мессии. Были в Тель Авиве. Это современный интересный город. Мне понравились вечерние прогулки вдоль моря - очень красиво. Побывали на Мёртвом море. Тогда в Израиле купальный сезон уже был закрыт, и в глазах окружающих было видно, что им странно видеть, что мы купались в море. Плаваешь в море и совсем не тонешь.

Особенно сильно взволновал меня музей Холокоста Яд Вашем. Это, конечно, огромное потрясение... это всё очень тяжело... не дай, Б-г, такому повториться. Отдельный зал посвящён полумиллиону погибших детей... Музей оставил очень серьёзное и сильное впечатление - одно дело об этом говорить, читать и слышать, а другое дело это увидеть. В музее много кинохроники, под стеклом в полу лежит много женской, мужской, детской обуви, оставшейся от людей, которых вели в концлагерь... Когда идёшь по этому комплексу — вокруг горящие свечи, отражающиеся в преломляющихся зеркалах, из динамика звучит голос, слышишь имя, фамилию погибшего, сколько было лет и откуда... Есть комната вопросов и ответов. Ответы дали разные люди: раввин, учитель... И можно просто нажать на тот или иной вопрос, и на экране видишь, кто и как на этот вопрос отвечал. На вопрос «Где же был Бг, когда ни в чём невинные дети злужны были принести себя в жертву?» - ответа не было... Конечно, были в Иерусалиме. Прошлись по узким улочкам Старого города, подошли к Стене Плача... Увидеть всё это воочию, притронуться к Стене... - чувство непередаваемое, лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Запомнились Голанские высоты. Там мы всё время прислушивались: стреляют... — не стреляют?.. Нам рассказывали, что в Израиле ценят две вещи - это мир и воду.

В Израиле у меня было такое чувство, что я нахожусь на своём месте. Пусть ты и не религиозный, там это не важно, но ты всё равно каким-то образом знаешь, что это твоё! Назад мы вернулись в приподнятом настроении. И, самое интересное, после того, как многое увидел, многое узнал, после всего пережитого чувствуешь, что ты стал «больше евреем».

Я — еврей по маме. Мамина девичья фамилия Кац. Мои дедушка и бабушка по маме - евреи. Дедушку звали Семён Максимович и бабушка - Полина. Дедушка из семьи музыкантов, дирижёров. Он родился в Вильно, тогда это была территория Польши. Во Вторую мировую войну дедушке удалось выжить только потому, что он знал очень много языков: немецкий, польский, русский, английский, идиш. На каком языке говорил собеседник, на таком языке говорил дедушка.

Язык и спас его - когда приходили русские, он говорил на русском языке, когда приходили немцы, он говорил на немецком языке, также на польском. Семья деда была достаточно обеспеченной, дома у них была гувернантка. Когда росли дочери, деньги, главным образом, тратили на книги, на образование. Дедушка был очень рад, что я знаю иврит, даже я просто мог сказать «лехаим», и ему это было очень по сердцу, очень важно. Мне очень жаль, что я был слишком мал, когда встречался с дедушкой, сейчас бы у него больше спросил о его жизни, о традициях, которые соблюдались в их семье... Дедушка был наш главный семейный раввин. Он передал мне миниатюрную Тору и мешочек с тфилином. Эта Тора передаётся по наследству уже много поколений в нашей семье.

Мою маму зовут Евгения, Женя, папу зовут Артур. Они познакомились в Днепродзержинске. Мой папа по папе эстонец, мама у него украинка. До замужества у моих родителей были отношения 6 лет. У них была одна проблема: папина мама не хотела принимать мою маму именно потому, что она еврейка. Мамина мама, бабушка Поля, не была против того, что дочка хочет выйти замуж не за еврея. Они всё-таки поженились. Я родился в 1982 году в Днепрпетровске. Моя мама была далека от еврейства. Мы с моим младшим братом Женей росли абсолютно советскими детьми, еврейского воспитания, к сожалению, у нас не было. Первые три класса я проучился в ласнамяэской русской школе. Учёба давалась мне с трудом. Так как мама была учительницей в этой же школе, то ей всё время на меня жаловались. И меня решили перевести в другую школу. Перевели в Хаапсалу в эстонскую школу, жил там у дедушки по папе. Помню, в школе меня ребята избили из-за того, что я говорил по-русски; может учительница допустила ошибку, когда знакомила меня с классом: «Этот мальчик эстонец, но говорит по-русски». Ко всему новому я привыкал сложно. Там, в Хаапсалу, я часто плакал, дедушке говорил, что хожу в школу, а сам не ходил... Меня решили забрать из Хаапсалу и перевели в Таллиннскую Еврейскую школу. Надо сказать, что вначале и в этой школе мне также было тяжело войти в

коллектив. Мои одноклассники уже раньше начали изучать эстонский, английский, иврит. Мне пришлось брать репетиторов, чтобы догнать их. Помню, как папа сидел со мной на уроке, когда репетитор по ивриту занимался со мной. В Еврейской школе я стал осознавать, что я - еврей, что у меня еврейская кровь. Из школы я очень много узнал об еврейских традициях, праздниках, еврейской истории. И эти традиции потом «переходили» домой. Я приходил домой: «Папа, мама, давайте накроем стол, у нас сегодня Шабат, Песах, Рош hashana...» Тогда, помню, мама говорила: «Я, к сожалению, не могу поделиться какими-либо знаниями, хорошо, что теперь ты можешь рассказать!» Я привнёс еврейский дух и немного еврейской жизни в наш дом.

Вспоминается, как было здорово в еврейской школе, когда каждую пятницу мы играли сценки на тему Шабата. Всё организовывал и помогал Лёва Кемпа. Мне это сразу понравилось, так как мне нравится театр, нравится играть на сцене. Каждый класс делал сам сценарии, они были разные, но в конце каждой пьесы «семья» садилась за шабатный стол для кабалат Шабат. Это было классно! Вся школа собирается в пятницу в актовом зале и каждую неделю театр играет другой класс. В школе были уроки по еврейским традициям, их проводил Геннадий Грамберг. Его уроки были мне интересны. Но ещё я запомнил Геннадия и потому, что он учился в одной школе с моей мамой, это было ещё в Украине. Я запомнил их встречу, когда они увиделись здесь через «дцать» лет! У меня остались хорошие воспоминания об Игоре Талисе, учителе истории, ну просто очень хороший приятный человек! И учитель черчения Марк Шур - прекрасный человек! Запомнились уроки музыки, которые вела Инна Кандель. На этих уроках я первый раз услышал еврейскую музыку, еврейские песни. Мне очень нравится гимн Израиля и очень трепетно его петь.

Мне особенно нравится связь Израиля с диаспорой, как эта ниточка работает. Когда я сравнивал со школой, где работала мама, мне было очень радостно, как хорошо работает еврейская община, несмотря на то, что Израиль находится так далеко, а Россия — близко. Мне нравится работа всевозможных еврейских фондов, проектов, программ, как много они делают для всего еврейства.

С самых ранних лет у меня было ощущение, что хочу сам зарабатывать. В 16 лет пошёл на практику в один ресторан, работал официантом. Однажды обслуживал столик, за которым сидели два иностранца. Услышал, что они говорят на иврите, оказались - израильтяне. И тогда мне стало важно им показать, что я - еврей. Стал им говорить шабатные молитвы на иврите: «Барух Ата, Адонай, Элохейну, Мэлэх Хаолам...» Затем мы разговорились, и оказалось, что эти израильтяне искали как раз еврея, чтобы помочь им в бизнесе - они хотели открыть в Таллинне магазин женской одежды. С тех пор мода, красота стали и моим бизнесом. Помню, как работал с одним израильтянином, и он каждое утро до работы надевал тфилин, талит и молился. Для меня это было ново и заставило задуматься, как связана молитва с бизнесом, с предстоящим днём...

С самого детства я не стыдился своего еврейства. На груди у меня всегда Маген Давид, и всегда всем говорил, чтобы и окружающие знали, что я — еврей. Это моё мироощущение, моё мышление. Во всех моих магазинах на двери висит мезуза и на стене - хамса. Связью с еврейством для меня является синагога. Пока на молитвы в синагогу не так часто прихожу, но, когда я там, у меня возникает особенное чувство — светлое, доброе, хорошее - и от этого появляются свежие силы, положительная энергия. Мне всегда хочется знать о событиях, которые происходят в еврейской общине, в некоторых тоже принимаю участие. Мне важно передать всё своим детям, чтобы они знали, кто они и откуда.

ЯНИНА- ХАННА ГРИНФЕЛЬД

МЫ СОБЛЮДАЕМ ВСЕ
ТРАДИЦИИ ЕВРЕЙСКОЙ
ЖИЗНИ: СОБЛЮДАЕМ
ШАБАТ, СОБЛЮДАЕМ
КОШЕРНОЕ ПИТАНИЕ
И ЗАКОНЫ СЕМЕЙНОЙ
ЧИСТОТЫ.

Бабушка и дедушка со стороны моей мамы из Молдавии, они жили в Бендерах. Дедушку звали Герш Гринфельд. Он погиб в аварии, когда моей маме было 15 лет. Я его не знала, но мне много про него рассказывали. Бабушку звали Муся Исааковна Шварцман, но все к ней обращались Мария Исааковна. Они оба работали учителями и были известными людьми в городе, многие приходили к ним и домой. Про дедушку рассказывали, что он был очень весёлый, общительный, ученики были постоянно у него дома, хотели с ним разговаривать, спрашивали совета. Бабушка была очень умная, выдержанная. Своими советами она очень помогала мне. С тех пор, как её не стало, мне очень не хватает бабушки и её советов. Мама рассказывала про родителей бабушки. Они из Бессарабии. Прадедушка Исаак Абрамович Шварцман и прабабушка Шейндл Цикман. Во времена их юности не все могли получить образование, но прадедушка Исаак был очень умным, он учился в гимназии в Одессе. После окончания у него были большие планы, хотел поехать продолжить учёбу в Брюсселе. Но тут заболела его мама, он не смог поехать, потом границу закрыли... Началась Первая мировая война... Всю свою жизнь прадедушка работал на железной дороге. Он соблюдал все еврейские традиции. Прадедушка вспоминал, что его семья была довольно бедной, и когда на Хануку не могли купить ханукию, то свечи ставили в скорлупы грецких орехов... А прабабушка была неписаная красавица, у неё было много женихов. Но она выбрала прадедушку, всю жизнь не работала, была домохозяйкой.

На каждый еврейский праздник бабушка Муся из Молдавии присылала нам в Таллинн гостинцы, связанные с этим праздником: то «уши Омана», то на Хануку что-то особенное, чтобы и у нас дома был праздник. Я ещё тогда была ребёнком, обычным советским ребёнком, и не понимала, что бабушкины гостинцы с чем-то связаны. Знала, что есть Новый год, 8 Марта, а это что за праздники и почему их отмечают — не понимала. И каждый год мама мне рассказывала заново историю этих праздников.

Мне это было очень интересно. Так что я выросла, зная, что я еврейка. Помню, когда была маленькая, выступал какой-то артист и, если мне говорили, вот он еврей, у меня сердце замирало - и он в нашем особенном кругу..., я начинала этого артиста обожать, не важно, как он пел :) Каждое лето меня отправляли к бабушке в Бендеры. Она мне много рассказывала о своей семье, как они соблюдали еврейские традиции, всегда отмечали еврейские праздники. Бабушка хорошо готовила еврейские блюда. Между собой бабушка и мама говорили на идиш. На бабушкиной улице в центре города жили одни евреи, они собирались вечером и часами разговаривали. У меня было такое чувство, как будто вокруг одни евреи :)

Папа у меня тоже еврей. Бабушка, папина мама, Шейндл Яковлевна Эberman из Гомеля, Белоруссии. Во время войны бабушка была в эвакуации в Оренбурге, там в 1943 году родился мой папа. Бабушка участвовала в Сталинградской битве, была военным врачом. После войны семья переехала в Питер. На летних каникулах я два месяца проводила в Бендерах, в августе ездила в Питер ко второй бабушке. Там всё было очень строго, эта бабушка не соблюдала еврейские традиции.

Мама Анна Гершевна и папа Владимир Рувимович Мирский познакомились в Питере. Мама закончила в Тирасполе педагогический институт. Когда они с папой поженились, мама переехала в Питер. Я родилась в Питере 16 августа 1977 года. Так как мамина сестра жила в Таллинне, а у мамы в Питере никого не было, то, когда мне было 2 года, наша семья переехала в Таллинн.

Каждый вечер перед сном лучше любых сказок было то, что мама садилась ко мне на кровать и рассказывала бесконечные еврейские истории: про своё детство, про бабушек, дедушек. Когда я была совсем маленькая, у меня были только русские подружки. Помню, когда приходила к ним в гости, удивлялась, что они едят абсолютно другую еду... Первый класс начала учиться в 26-ой школе. Когда узнала, что открылась Таллиннская еврейская школа, то сразу захотела туда перейти, хотя ничего не знала об этой школе. Учёба в еврейской школе — это один из самых счастливых периодов в моей жизни! Потому что такой лёгкости, свободы, такого удовольствия в моей прежней школе не было.

Кроме учёбы здесь происходило так много всего интересного! До этой школы я знала, что я еврейка, есть особенные еврейские праздники, знала, что евреи отличаются от остальных..., но обо всём этом знала поверхностно. После опыта в предыдущей школе мне было поразительно, что в еврейской школе дружат все дети с первого класса по последний, все друг друга знают. И, конечно, намного больше о евреях, традициях узнала, когда появился предмет «Еврейская история». С тех пор, как начала учиться в еврейской школе, старалась на Шабат зажигать свечи. У нас был очень дружный класс, часто приходили в гости друг к другу. Каждое лето ездила в еврейский лагерь. Нашими мадрихами были ребята из Америки. Запомнила, как эти ребята сидели в стороне и ели свои кошерные чипсы, печенье :) Кстати, там я узнала, что значит кошерная еда. У каждого еврея изнутри есть особенный еврейский огонь, еврейский дух, но школа, лагерь укрепляют это. Когда у тебя друзья еврейские, когда учишься в еврейской школе, то это делает твоё еврейское мировоззрение крепче, устойчивее. В еврейской школе я училась в начале 90-х прошлого века. Помню, как постоянно кто-то из нашего класса уезжал - кто в Америку, кто в Израиль... Всем классом ходили на вокзал каждого отъезжающего провожать, рыдали там все: «Вот, такой классный человек и уезжает...»

Стал рушиться Советский Союз, Молдавия обрела независимость. Приднестровский конфликт, начавшийся ещё в советское время, привёл к вооружённому противостоянию и многочисленным жертвам. Оставаться там было просто опасно для жизни. Бабушка Муся была вынуждена покинуть Молдавию. Она приехала к нам в Таллинн, а потом репатрировалась в Израиль. И вторая бабушка из Питера тоже репатрировалась. Мой папа очень выдержанный человек и совсем немногословный. Он был очень строг со мной и очень сильно любил, ему хотелось воспитать меня правильно, как ему казалось... Когда я стала подростком, и меня уже стали интересоваться мальчишки, папа мне говорил: «Я тебе не разрешаю встречаться с этими мальчишками, они гои. «Что это значит гои?» - спрашивала я и начинала с ним спорить: «Ну как же, папа, а чувства?!»

На что папа отвечал: «Ты не понимаешь, чувства - это одно, но потом начинается жизнь, и это будет совсем по-другому. Должен быть еврей!» Мне тогда было 17 лет и казалось, что это полная глупость. Наперекор папе сразу после школы познакомилась и встречалась со своим будущим русским мужем. А потом просто сбежала из дома... вышла за него замуж... Когда у меня была свадьба, моему папе стало плохо, у него болело сердце — он не был рад этой свадьбе. Потом родился мой ребёнок. Все, кто приходили ко мне в роддом, видели, лежит еврейский мальчик: с чёрными волосами, чёрными глазами... Но муж говорит: «Его будут звать Никита». Я начала рыдать: «Ну какой Никита!?!...» Но всё-таки назвали ребенка Даниэль, Даник. Когда сын был маленьким, мы с мужем говорили, что он вырастет и сам поймет, кем он будет. Когда ребенок стал старше, я твёрдо сказала: «Он родился евреем, и тут ничего изменить нельзя!» А муж и его семья пытались крестить ребенка. Начались скандалы, муж всегда вспоминал и оскорблял, что я еврейка. Но я сделала так, что сын ходил в еврейские кружки, в воскресную школу, в еврейские дошкольные лагеря, водила на еврейские праздники в синагогу. Несмотря на возражения мужа, записала сына в Таллинскую Еврейскую школу. ...Мы разошлись...

Когда сын пошел в еврейскую школу в 1 класс, меня там знали половина учителей. У меня было такое чувство, что эта школа, как одна семья. Ребёнок часто болел, и я могла прийти к учителям и рассказать, что происходит с ребёнком. Учителя всегда понимали и помогали, искали оптимальный вариант, чтобы ребёнок успевал в учебе. После совместной жизни с русским человеком я, может быть, немножко подзабыла еврейские традиции, но когда ребёнок в еврейской школе, где есть те же самые «Еврейские традиции» и ведёт предмет Лёва Кемпа, то приходилось опять об этом читать, вспоминать. Чтобы ребёнок больше чувствовал себя евреем, я справляла дома Шабат, зажигала свечи, читала молитву и вместе с сыном ужинали. На праздники ходила в синагогу. Когда посещаю еврейские праздники в синагоге, мне на душе становится легче, светлее.

Я очень хотела выйти замуж за еврея. Когда ты общаешься с евреем, у тебя общий менталитет, общие понятия, можешь поговорить обо всём: и что тебя интересует с еврейской точки зрения, и про любой еврейский праздник, Шабат — обо всём просто можешь сказать и не надо ничего объяснять. Если не еврейю скажешь, что не будешь есть то, что евреи не едят, он сразу спросит: «Что с тобой?» Мне кажется, даже если рядом еврей, который не соблюдает еврейские традиции, всё равно в семье общий дух.

Сейчас в моей жизни очень многое изменилось. Для меня было очень важно найти только еврейского мужа, чтобы вместе соблюдать праздники, вместе ходить в синагогу. Я очень благодарна своему двоюродному брату Лёву Рубинштейн, который познакомил меня со своим другом, моим будущим мужем. А затем Лёва и его родители, моя тётя Элла и её муж Самуил, делали нам шидух. Через некоторое время знакомства мы поняли, что нам хорошо друг с другом, у нас много общих тем для разговоров и хотим быть вместе. Мой сын сразу принял Хайма и сказал: «Этой мой друг!»

Хайм — еврей по папе. Ещё до знакомства со мной он начал соблюдать еврейские традиции: ходил в синагогу, соблюдал Шабат, и это волновало его глубоко. Хайм много беседовал с Рабби Шмуэлем, ходил на уроки в синагогу и постепенно принял решение о прохождении гиюра. Я тоже помогала ему подготовиться к этому. Хотя мне не надо было проходить гиюр, я хотела поддержать его, ходила вместе с ним на все занятия, да и самой хотелось больше знать - мне всё было так интересно! Вместе занимались, вместе обсуждали. Иногда у меня получалось лучше, иногда у него, мы друг другу помогали, постоянно тянули друг друга. Но без помощи Рабби Шмуэля, Хани и их детей ничего бы не получилось — столько поддержки, столько советов мы получили от них! Конечно, всё было постепенно, не так всё сразу получилось - и там промах, и тут промах... Очень много людей перестали с нами общаться, потому что мы стали серьёзно соблюдать еврейские традиции. С нами стало не так интересно, потому что в пятницу, субботу мы соблюдаем Шабат и с нами никуда не сходить;

в ресторане с нами нельзя встретиться — мы кушаем только кошерное; Песах, Суккот длятся неделями — мы не отвечаем на телефонные звонки... Иногда это было очень грустно и неприятно. Думаю, что и тем людям, которые перестали с нами общаться, тоже было грустно: они привыкли видеть нас какими-то определёнными, а теперь мы совершенно другие, не такие, как раньше - абсолютно изменили свой образ жизни. И мы переживали, и наши друзья переживали. Но зато мы стали замечать, что вокруг нас появились абсолютно другие люди: у меня появилась хорошая подруга Хая-Мушка, она меня до сих пор очень поддерживает и помогает, очень нам помогали и сейчас общаемся с семьёй Бешкиных, семьёй Фишкиных, нас очень поддерживал и помогал Арон Райхштейн, также Борух Левин. Нельзя сказать, что это друзья, как раньше были, с которыми ты можешь веселиться, но если у тебя какой-то вопрос, какие-то переживания, ты всегда можешь к ним подойти и поговорить. И это очень здорово! Совсем другие люди, совсем другие советы, узнаёшь совсем другой взгляд на мир.

Потом мы решили втроём поехать в Израиль, посмотреть, окунуться в атмосферу, почувствовать, понять... У нас в Израиле много родственников, но мы поехали самостоятельно, никому ничего не сказали, снимали квартиры, комнаты. Как раз был Рош Хашана. Этот праздник мы встретили в гостях у маминной троюродной сестры. На праздничном столе стояли блюда с кошерной, правильной едой... - мы окунулись в атмосферу настоящего еврейского Большого Праздника! Тётина семья репатрировалась из Молдавии, там это была абсолютно обыкновенная советская семья. В Израиле муж начал очень строго соблюдать еврейские традиции, семья стала ортодоксальной. В Израиле у них родилось ещё трое сыновей, которые учатся в ешивах. После Израиля мы приехали такими наполненными солнцем и всем еврейским! Это было здорово! Вернувшись в Таллинн, продолжали процесс подготовки к гибору. Это давалось не очень легко и не очень просто, были и слёзы: друзья отходят, в материальном плане жизнь ухудшилась намного, потому что начинаешь работать намного меньше — не можешь себе позволить работать ни в выходные, ни в праздники, а праздников у нас много.

Но на душе становилось всё лучше и лучше, и дух становился всё сильнее. Начинаешь понимать, что ты идёшь правильным путём, и так вот жить здорово!

Два раза ездили в Клайпеду познакомиться с равом Бродбекер, с ним должны были пройти гиор. Это очень замечательный человек, у него такая замечательная аура. Он просто заряжает всем еврейским! После встреч с ним становишься просто другим человеком. Потом постоянно созванивались с ним (и до сих пор поддерживаем связь), он направлял нашу подготовку, давал задания, на что должны обратить внимание. Через некоторое время получили приглашение пройти обряд гиор в Риге. Мой ребёнок тоже захотел поехать с нами и поддержать своего друга. Рабби Шмуэль пожелал нам удачи перед дорогой. В Рижской синагоге мы встретились с равом Бродбекер, сначала он побеседовал с Хаймом, потом со мной. Сказал, какая большая роль лежит на женщине: от неё зависит, как чувствует себя её муж и как будут идти дела в семье. ...Они ушли. Я с ребёнком остались. Читала Тетилим..., ребёнок уснул на столе... не знаю, сколько времени прошло... А я всё читала-читала-читала... Вдруг возвращается Хайм. Вижу, что у него абсолютно поменялось лицо, даже объяснить словами не могу! Рав Бродбекер нас поздравил, затем читали молитвы в синагоге. После всего пережитого было такое состояние, что не передать: волнение, радость, и даже до конца не осознавали, что наконец это случилось! Мы вместе шли к этому 1,5 года. Всё было за эти полтора года: и сложности, и удачи, разные периоды были - и родители нас не понимали, и между собой бывали недопонимания... И вдруг это случилось! После гиора Виталик взял себе имя Хайм, פ"יח, с иврита означает жизнь. Сразу позвонили рабби Шмуэлю, он поздравил нас и был счастлив вместе с нами.

Приехали из Риги, и сразу появилась новая проблема. И до гиор мы питались только кошерно, но после гиор уже не могли дома полностью кошерно кушать, так как надо было откошеровать всю кухню. Приехали мы в пятницу утром, вечером уже Шабат. Это была зима. Шабат начинался очень рано. И опять нам помогла семья Рабби Шмуэля. У него дома мы завтракали, обедали, ужинали, пока не

откошервали всю кухню. Этим занимались всю неделю. Выбросили всю старую посуду. Всё, что возможно было откошервать, носили в синагогу, там посуду окунали в микву со специальным благословением. Купили новую посуду, с которой из магазина ехали в синагогу, чтобы её тоже окунуть в микву. Решали, какая посуда будет мясной, какая молочной, сделали отдельные места для мясной и молочной посуды. Для нас всё это тоже был такой сильный стресс! Кроме того, была ещё одна проблема. Несмотря на то, что были расписаны в ЗАГСе, по еврейскому закону мы не являлись мужем и женой. Надо было ставить хупу. Но и это ещё не всё:) Для того, чтобы Хайму было возможно пройти гиюр, мы вместе приняли решение, чтобы он ушёл со старой работы. Он работал бартендером, и эта работа не соответствовала еврейскому образу жизни. Возникли финансовые трудности...

Всё надо было успевать делать одновременно: кошеровать кухню, готовиться к хупе... Хупу назначили через 12 дней после гиюра, на 11 шват 5773 года. Не было ни свадебного платья, ни работы, ни денег... И если бы не наши новые друзья, то у нас ничего бы не получилось. С платьем очень помогла Маша Шморгун. Рабби Шмуэль и Раббанит Хани приглашали нас на беседы, помогали, поддерживали во всём. В ресторане синагоги мы договорились насчёт кошерного угощения для нашей хупы. Но всё, что происходило, было таким интересным, таким волнительным! И не было такого, что мы остались одни наедине со своими проблемами. Вокруг нас всегда были люди, которые нас очень поддерживали. День хупы был для нас очень волнительным! Хупа была в 5 часов вечера. Хайм уехал с утра в синагогу и целый день был там - готовился, читал молитвы, Теһилим. Ко мне приехала Хая-Мушка и моя сестра, они меня красили, причёсывали, в перерывах я читала Теһилим, мы много разговаривали, смеялись, у нас было такое хорошее настроение! Хая-Мушка давала мне такие хорошие наставления, говорила добрые слова, что какие мы молодцы, что всё будет хорошо. И день был замечательный — было такое яркое солнце!

Хайма я не видела весь день. К 5-ти часам стала уже нервничать, мне казалось, что я ничего не успеваю, что я плохо выгляжу... Когда зашла в синагогу, меня всю трясло, была мелкая дрожь и страх накатился... Но я увидела много людей, все меня поздравляли. Все эти полтора года и в день хупы меня очень поддерживали дети Рабби Шмуэля и Раббанит Хани. Могу сказать, они - мои друзья, потому что очень многие знания мы получили именно от них. Когда мы только начинали ходить в синагогу, например, на шабатние службы, я ничего не понимала: какая молитва, где её читать, почему это сейчас читают, то всегда дочки Муסי и Рэйчи помогали: «Ханна, надо читать тут, или это, потому что вот это...». Хайму всегда помогали сыновья Мэнди, Йоши, Янки. И когда в день хупы зашла в синагогу, увидела этих девочек, взяла их за руки и сказала: «Девочки, я вас не отпущу», - мне стало так спокойно. Они стояли около меня, и мне становилось легче. Когда началась сама церемония, возникло необыкновенное чувство - такое волнение, такая радость внутри! Мы позвали только очень близких нам людей, и было радостно видеть родные лица рядом. Люди радуются, и ты радуешься! Было так здорово и очень-очень приятно! Это был очень хороший день в моей жизни! Некоторые к нам подошли после хупы и сказали: «Мы первый раз видим хупу, это так красиво и здорово, что мы тоже этого хотим». И это были люди более старшего возраста. Но я вам скажу, что и после хупы нужно учиться жить заново. Оказывается, что жить в браке, который заключили в ЗАГСе, это совсем не то же самое, что жить после гиюра и после хупы. У нас возникло такое чувство, что надо заново учиться жить друг с другом. Я не могла понять, почему? Мы уже были давно знакомы и жили вместе, у нас была семья и вместе вели хозяйство - а тут всё заново начинать! И пришлось опять обращаться к Рабби Шмуэлю за советами: «А почему, а что случилось, а почему опять трудности?..» Рабби Шмуэль учил нас заново жить вместе.

За эти полтора года мой сын прошёл обряд Брит-мила. Он уже был был подростком и это решение ему далось непросто. Но после этого Даник тоже изменился, стал более взрослым, более самостоятельным. У Даниэля была Бар-мицва, которая тоже прошла в Таллиннской синагоге.

Мы соблюдаем все традиции еврейской жизни: соблюдаем Шабат, соблюдаем кошерное питание и Законы семейной чистоты. В Шабат мы не скушаем много читаем, да и положенные три трапезы занимают много времени. С правильным проведением Шабата тоже было много всяких экспериментов и проблем: и плита лопалась, и сгорала еда, и скисала еда - учились и учимся — это всё не так просто. Учимся и пытаемся правильно соблюдать и Законы семейной чистоты. В определённые дни муж и жена не могут иметь интимные отношения и даже прикасаться нельзя друг к другу. Сначала было очень трудно так вести себя, но сразу, как Хайм прошёл гиюр, мы уже считались еврейскими женихом и невестой, и не могли прикасаться друг к другу. Всё это было сложно. И Рабби Шмуэль терпеливо нас учил: «Надо учиться выражать любовь друг к другу по-другому. Очень легко подойти, обнять друг друга, поцеловать и успокоиться прикосновением, а очень сложно найти слова любви и поддержки без прикосновений. Надо учиться друг друга поддерживать и понимать словами, держать свои эмоции при себе». Это сложно так же, как и весь путь к еврейской жизни. Но, знаете, абсолютно по-другому, с радостью, начинаешь воспринимать и ценить время, когда можно быть вместе, понимаешь, что две недели не мог дотронуться до любимого человека и через две недели опять не сможешь до него дотронуться... Если бы не Рабби Шмуэль, Раббанит Хани, Арон Райхштейн, Бешкины, Хая-Мушка, Борух Левин... мы бы, наверное, не справились, не выдержали. И наши родители, которым сложно принять наш еврейский образ жизни, всё равно нас поддерживали и поддерживают. Да и без поддержки любимого человека это очень трудно сделать одному. Нам повезло, что и Хайм к этому стремился, и я этого хотела - как две части пазла совпали вместе. Лично на меня большое влияние вести еврейский образ жизни оказала моя лучшая подруга Юлия Колектор. И когда мой ребёнок только родился, она помогала мне советами. Мы много говорили о том, что это, еврейское, в нас есть, и это так важно, и это так здорово! Вспоминаю, как переживала, что Юлия со своим мужем могла идти в синагогу, а я со своим русским мужем нет. Мне было так грустно...

Со стороны кажется, что, соблюдая еврейский образ жизни, ты теряешь многое в жизни. Но, на самом деле, приобретаешь намного больше! Сначала и сама воспринимаешь бывшую свою жизнь как потерю: как это, не могу пойти в любимый ресторан, не могу носить одежду, которую раньше любила, не могу поесть, где хочу, в субботу не могу пойти в магазин или в кино... Вся твоя жизнь была вот такой, ты привык к этому. И вдруг всё меняется. Но со временем понимаешь, что приобретаешь намного больше: радость и спокойствие в душе, возникает такое чувство, что твоя душа на месте. Несмотря на то, что раньше ходила в рестораны, кино, душа всё время чего-то искала. Моя душа всё время была беспокойной. У меня никогда не было ощущения, что удовлетворена и что имею то, что хочу в этой жизни, всё время во мне была какая-то грусть, раздражение. А сейчас - да, у тебя бывает расстройство, бывают какие-то переживания, бывают и ссоры в семье и материальные проблемы — но это и есть жизнь! - но ощущение внутри, в душе, что ты - на своём месте, тебе хорошо. Довольно быстро привыкаешь кушать только кошерную пищу и, как ни странно, от этого только выигрываешь — и у меня, и у Хайма фигуры улучшились:) Рацион у нас совсем не скудный. Раббанит Хани научила меня готовить много вкусных кошерных блюд, из Израиля я привезла несколько книг кошерных рецептов. Со временем начинаешь понимать, что так питаться, на самом деле, правильно. Мы завтракаем, ужинаем вместе дома, а не где-то забегаем перекусить. И мой ребёнок видит, как мы живём, тоже старается соблюдать традиции: дома он всегда в кипе, делает омовение рук перед едой.

Моя мечта, чтобы у нас была хорошая еврейская семья, где соблюдаются еврейские обычаи.

ИЗАБЕЛЛА ОЛИВСОН

РАНЬШЕ ВСЁ
ЕВРЕЙСКОЕ БЫЛО
ЗАСЕКРЕЧЕНО.
ТЕПЕРЬ... ВСЁ
СВОБОДНО!

ИМЕННО ЕВРЕЙСКИЙ
НАРОД ДАЛ ТОЛЧОК
САМОЙ ЖИЗНИ И ВЕРЕ.

Я, Оливсон (Беркун) Изабелла Абрамовна, родилась 11 мая 1926 года в городе Ленинграде в еврейской семье. Моя мама Беркун (Гольдберг) Берта Юделевна уроженка города Пылтсамаа, Эстония. Отец Беркун Абрам Исаакович родом из города Яссы, Румыния.

В 1924 году мама со своей подругой Сарой Эйрус поехали на экскурсию в Ленинград. Но назад, в Эстонию, они не смогли вернуться... 1924 год был беспокойным в Эстонии. Коммунистическая партия вела активную работу против якобы угрозы установления фашистского режима в Эстонии и с призывами к свержению буржуазного правительства, призывая народ к восстанию. 1 декабря 1924 года была даже предпринята попытка государственного переворота, которая закончилась неудачей... Подруги так и остались в Ленинграде... Как папа попал в Ленинград, не знаю. Там мои будущие родители познакомились и поженились. Отец работал на заводе «Котлотурбины», мама - швеей-надомницей, кроме того, она давала частные уроки немецкого языка. Домашними языками у нас были идиш и русский. Помимо этого, мама учила меня немецкому языку, разговаривала со мной на нём. Мама владела и французским языком.

Папа, к сожалению, своих родителей не помнил, рос сиротой. У родителей моей мамы сложилось так, что рано умер отец и моя бабушка осталась с 9 детьми. Она была очень красивой женщиной. Ей многие предлагали сделать шидух, но она не хотела ни с кем сходитья. Она вырастила детей, все получили образование.

Я рано осиротела, но в памяти остались некоторые воспоминания детства. Как-то поздно вечером папа принёс домой мацу, завернутую в полупрозрачную бумагу, и очень бережно вынимал её из старого портфеля. Мне дали сразу «полакомиться», но сразу предупредили: «Когда твоя подруга Галя придёт, смотри, ничего не говори, всё это надо держать в секрете, про это нельзя нигде и никому рассказывать». Такая тогда жизнь была. Мацу положили в шкафчик из орехового дерева, где мама держала испечённые ею тейглах и мёд. Когда мне нездоровилось, папа шутил, что мне надо дать «лекарства» из этого шкафчика с горячим чаем.

Мне становилось лучше после этого. В своём детстве я не помню, чтобы справляли еврейские праздники, время было очень напряжённым, никто об этом и не говорил. Тогда в Ленинграде была действующая синагога. Однажды, когда мне было лет 5, запомнился разговор между родителями. Папа хотел пойти со мной в синагогу, но мама не одобряла, так как там будет много народу, раздеться нелегко, ребёнок вспотеет и заболит. Так и произошло. Папа тогда сказал маме, что мы с ним пойдём погуляем, а, на самом деле, всё же повёл меня в синагогу, где действительно было очень много людей. Папа сказал, что здесь люди молятся, посмотрев при этом многозначительно наверх... Когда носили Тору, папа держал меня на руках и сказал, чтобы её погладила и поцеловала, что я и сделала. Папа знал и напевал песенки на идиш, переводил их мне. Больше всего запомнилась эта:

*Ойфн припэчек брэнт а файерл
Ун ин штуб из хэйс.
Ун дер ребе лернт клэйнэ киндерлах
Дэм алэф-бейс.*

*Гэдэнтк же киндерлах,
Гэдэнтк же тайерэ,
Вос ир лернт до,
Зогт же нох а мол ун такэ нох а мол
Комец – алеф – о.*

*Ас ир вэт, киндэрлах, элтэн вэрн,
Вэт ир дос фэрштэйн,
Выфл ин ди ойсэс лыгн трэрн,
Ун Выфл лигт гэвэйн.*

*В печи горит огонёк
В комнате тепло
Учит рэбэ малых деточек
Алеф-бэт.*

*Помните же, деточки,
Помните же, дорогие,
Что вы здесь учитё,
Повторите ещё раз и ещё раз*

Комец — алеф – о.

*Когда вы, деточки, старшие станете,
Вы это поймёте,
Сколько слёз в этих рассказах
И сколько в них плача.*

Когда мне было лет 5-6, нашей семье пришлось уехать в Белоруссию, город Орша. Нас выслали по доносу соседей. Найти там работу было трудно. Папа купил лошадь, чтобы устроиться на железную дорогу, перевозить прибывающий груз. Лошадь была деревенская и, услышав паровозный гудок, она начала метаться и перевернула телегу. Папа долго лежал в больнице после этого случая. В это время я заболела тяжелейшим коклюшем... Через некоторое время мы переехали в Витебск, там я пошла в школу. Это была единственная русская школа в городе, остальные – белорусские. В то время были проблемы с учебниками, тетрадками, контурными картами. Один учебник был на несколько учеников. Надо было довольно быстро выучить заданное по предмету и бежать передавать учебник следующему. От семей подружек узнали, что в городе была синагога, но помещение отобрали. В Витебске папа устроился в «Табакторг» заведующим магазином. Мама вязала на дому, позже работала маникюршей в открывшемся хлебозаводе. Помню, когда мама покупала на базаре живую курицу, то её обезглавить она ходила к шойхету. Но это тоже было как-то потихоньку, чтобы никто не увидел: запаковывала курицу в корзинку, покрывала сверху и уходила. Тогда я не знала про кашрут, но мама никогда не готовила из свинины. Дома у нас всегда были блюда еврейской кухни: фаршированная рыба, рубленая селёдка и печенье, картофельные оладьи.

В 1937-1938 годах настал период массовых репрессий и политических преследований, настали страшные годы «ежовщины». Моих родителей арестовали... Больше я их не видела... Некоторое время со мной были знакомые родителей, Рива и Лёва Рамм. В 1938 году за мной из Ленинграда приехали мои тётя и дядя, Бумштейн Роза и Миша. И вот я снова в городе на Неве. Пошла в 5-ый класс, училась хорошо, была ударницей. В то время об еврейских праздниках даже и не упоминали. Я хотела узнать о своих родителях, писать в определённые инстанции, но мне запретили это делать - боялись... Времена были очень тяжёлые. Я смогла узнать о судьбе своих родителей гораздо позднее, когда настало другое время, и уже имела свою семью. В полученных документах было написано, что родители были невинно расстреляны и

впоследствии реабилитированы. Я часто думала: «Почему моих родителей постигла такая участь?» В зрелом возрасте поняла, что причина вполне могла заключаться в том, что они были с Запада. Мама - из Эстонии, папа - из Румынии. Такие люди всегда вызывали подозрение в СССР, их изгоняли, уничтожали...

В 1941 году началась война, потом блокада Ленинграда. Дядя умер от голода, мы с тётёй чудом выжили... Когда вспоминаешь блокаду, думаешь: «Б-же мой, это, как сон. Даже не верится, что такое могло быть на самом деле, что можно было остаться в живых». Сегодня это трудно себе представить: ни воды, ни еды, ни света, ни дров — абсолютно ничего... Выйдешь на улицу - кругом трупы валялись, некому было хоронить... Иногда видела: лежал покойник и рядом лежал человек, который не довёз его от слабости... На топку шла именуемая мебель, постепенно и её истопили... В соседней комнате уже давно никто не жил. Тётя отправилась к дворнику, чтобы вместе открыть комнату соседа. Там взяли табуретку и положили в печь, нас охватило очень приятное тепло. Мне захотелось спать, но тётя не разрешила и посоветовала чем-то заняться. Я заглянула в шкафчик соседа и вдруг увидела целый сухой батон, а рядом стояла сахарница с настоящим сахарным песком!!! Счастью не было предела! Откусить батон не удалось. Вместе с тётёй мы держали этот батон и смотрели друг на друга... потом собрали снег во дворе, растопили его в кастрюльке на горящих углях, положили туда батон, ещё и сахар добавили... Это был настоящий деликатес! На какое-то время мы смогли отвлечься от бомбёжек, валяющихся на улице трупов... Сейчас трудно описать это чувство... Не дай Б-г такому повториться. Я написала стих об этом времени в книге «БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК», изданной Таллинским Обществом жителей блокадного Ленинграда в 2005 году:

*Блокада, блокада, блокада...
Уцелевшим рассказывать надо:
И холод, и голод...
Без света, воды...*

*Так, случайно, выжили мы.
Копали траншеи на Марсовом поле, носили
воду, песок на чердак своей школы -
готовились зажигалки тушить.*

*Задача была одна - победить!
Тревогу воздушную объявляли
громкоговорители -
В убежище торопились мирные жители...
Громыхали бомбы фугасные, оставляя
следы ужасные...
Горели кварталы домов, Бадаи...
Жители погибли и поизбали...
Немцы стояли уже у ворот,
Но ополченцы дали им поворот!
Как забыть ту паечку хлеба,
Ту водичу из талого снега...
Трупы, на санках лежащие,
И дистрофиков, этот груз отвозящие?..
Подростками были тогда -
Блокада запомнилась навсегда.
И люди это знать должны!
Чтоб не было блокады и войны!*

В 1946 году я вышла замуж за уроженца города Таллинна Оливсон Юлиуса. Он привёз меня в Эстонию, в Таллинн. С приходом советской власти в Эстонию вся семья Оливсон была депортирована в Кировскую область, город Котельнич. Причина депортации заключалась в том, что у бабушки был свой магазин тканей по Тарту маантеэ. Позже семья узнала, что на них был донос. Моему мужу и его брату удалось вернуться на родину раньше, чем их родителям, так как они были несовершеннолетними в момент высылки. Я собрала нужные документы и обратилась в Москву в соответствующие инстанции с ходатайством о разрешении родителям моего мужа возвратиться из Кировской области. Моё ходатайство было удовлетворено. Родители, Хася и Миша Оливсон, были реабилитированы и после 13-ти летней ссылки вернулись в Таллинн. Их возвращение и обустройство тоже было непростым - надо было решать жилищный вопрос, устроиться на работу. Постепенно всё наладилось.

Хася и Миша тоже коренные жители Таллинна. У них была хорошая еврейская семья. Родители всегда, в меру возможностей, ходили в синагогу, отмечали еврейские праздники, соблюдали традиции, постились. Мы всегда жили с родителями мужа. Мама всегда следила, чтобы на Песах не было дома хлеба, во время этого праздника она делала клёцки к куриному бульону из мацовой муки, на Рош хашана на столе были яблоки и мёд.

То, что я не смогла узнать в своей семье, увидела в семье мужа. Свекровь рассказывала, что в Эстонии до войны евреи очень хорошо жили, часто в гости друг к другу ходили, что сейчас традиции соблюдаются скромно, а раньше еврейские праздники побогаче устраивали. От неё и я начала притрагиваться к еврейским традициям и потом уже сама перед Песахом мужа предупреждала: «Смотри, только хлеб не покупай».

В 1947 году у нас с мужем родилась дочка Жанна. В 1959 году у нас родилась вторая дочь, Марина, которой суждено было прожить крайне мало. Ей был почти годик, когда она заболела и умерла... Мой муж проработал на заводе «Промприбор» 45 лет. За эти годы он занимал там разные руководящие должности. В 1993 году, будучи пенсионером, на 70-ом году жизни умер после операции. Последние 17 лет моей трудовой деятельности я проработала на том же заводе, где и муж, в должности инженера по подготовке кадров. В 1981 году вышла на пенсию.

Как только мы с мужем узнали о Еврейской общине, сразу в неё вступили. В первые годы образования общины тоже надо было быть осторожным, потому что мы оба были членами Компартии. Но мы всё время держали связь с общиной, жили жизнью общины, ничего не пропускали. Я участвовала в кружке по интересам. В этом кружке кто-то приносит марки, кто-то приносит какие-то альбомы. Я приносила афоризмы - у меня есть много выписок из прочитанных книг. Эти афоризмы очень там понравились, и члены кружка даже делали себе копии этих афоризмов. Я была членом женской еврейской организации WIZO. Муж встретил в общине своих школьных друзей и часто общался с ними. Мои дети тоже являются членами таллиннской Еврейской общины. Мы стараемся участвовать во всех мероприятиях: слушаем радиопередачу «Шалом», читаем газету «Хашахар», литературу на еврейские темы, посещаем лекции, организованные общиной и синагогой, ежегодно участвуем в Форуме эстонского еврейства «Яхад». Зять участвовал в пожертвовании сумм на строительство синагоги и музея при общине. Мы всегда чувствовали поддержку Еврейской общины. После распада Советского Союза сотни тысяч до этого благополучных пенсионеров-евреев перешли в разряд остро нуждающихся.

Всемирная еврейская организация «Джойнт» создала сеть центров социальной помощи - «хесед»-ы. Сотни тысяч подопечных этих центров получали разные виды помощи. Например, на праздники нам присылали продовольственные пакеты. В то время это была большая помощь, потому что жизнь была не такой лёгкой. Когда я осталась одна, то в столовой общины бесплатно обедала - это тоже поддерживало. Сейчас моё здоровье ослабло, уже не могу сама приходить в общину, мне уже стало трудно и по дому что-то делать и с каждым днём всё труднее. Как-то Рита Блумберг, руководитель патронажной службы, предложила помощь от общины. Ко мне домой стала приходить и помогать Виолетта, очень хорошая, приятная женщина. Она приносит продукты, делает уборку в квартире, вместе гуляем. Виолетта очень услужливая, старается как можно больше помочь. Для меня это большая помощь. Я очень благодарна Еврейской общине и социальному центру за внимание и помощь, которые они оказывают пожилым людям и мне в том числе. Но мы не только получали от общины помощь, но и сами тоже старались что-то сделать. Когда ремонтировали здание общины, и мы помогали, как могли: мыли окна, оказывали помощь, которая там нужна была. Когда в Чехии был пожар в библиотеке Еврейской общины и уничтожил много ценных материалов, мы помогли денежно, каждый вносил сколько мог.

Моя дочь Жанна работала в Эстони-Американской бизнес академии. Она также преподаёт в старших классах Таллиннской Еврейской школы. Дочь замужем, её муж, Аронштам Беньямин, свыше 50 лет работал на Таллинском ювелирном заводе - вначале рабочим, затем на руководящих должностях. Мои внуки, Максим и Диана, уже самостоятельные. Максим Аронштам имеет небольшую ветеринарную клинику, он очень любит свою работу, с детства мечтал о ней. Его считают одним из лучших ветеринарных врачей Таллинна. Он женат, и у него две дочери Даниелла и Аннабелла. Девочки уже несколько лет ездят в еврейские лагеря, где им нравятся и где они научились многим нашим традициям. Моя внучка Диана закончила еврейскую школу в 2001 году с золотой медалью.

Кстати, в этой школе до войны учился и мой муж. Диана так же, как и её брат, приобрела специальность ветеринарного врача. Она с мужем и дочерьми, Джессикой и Абигайл, живут в Лондоне. Её муж, Эдуард Марон, профессор клинической психофармакологии Тартуского университета, в настоящее время работает в Лондоне психиатром и является научным сотрудником Имперского колледжа. Когда семья внучки приезжает в Таллинн, то с удовольствием посещают общину и её мероприятия. Наш Раввин, Шмуэль Кот, принимает их у себя дома. Внучка любит бывать в еврейской школе и встречаться со своими одноклассниками и учителями. Как хорошо, что мои дети, внуки и правнуки могут принимать участие в разных мероприятиях еврейской общины, подробнее узнавать свои корни и традиции! Наша семья дружная, на всех непростых жизненных этапах помогаем друг другу. Мои отношения с семьёй дочери и семьями моих внуков очень хорошие, а все правнучки мои - просто чудесные. Они звонят мне, пишут письма, рисуют для меня, а при встрече играем в настольные игры: лото, домино и другие. На праздниках дарим друг другу подарки.

Раньше всё еврейское было засекречено. В настоящее время еврейская жизнь приняла другой оборот. Теперь, если хочешь, можешь поехать на свою историческую Родину, в Израиль, можешь открыто встречаться со своими друзьями-евреями, можешь открыто посещать синагогу и отмечать еврейские праздники, придерживаться еврейских традиций, можешь читать любую литературу на еврейскую тему - всё свободно теперь!

Именно еврейский народ дал толчок самой жизни и вере. Будущим поколениям хочу сказать: «Мы должны гордиться нашей нацией, должны поддерживать, помогать и любить друг друга».

ЙОСИФ БЕНЕНСОН

СИНАГОГА ДЛЯ
МЕНЯ — ЭТО ДОМ,
КУДА ИДЁШЬ И
ЧУВСТВУЕШЬ, ЧТО
ТЫ УЖЕ ОТОРВАН
ОТ БЫТОВЫХ ДЕЛ.
В СИНАГОГЕ Я
ЧУВСТВУЮ БЛИЗОСТЬ
К ВСЕВЫШНЕМУ,
ПРОСТО ЧУВСТВУЮ
СЕБЯ ХОРОШО

Бабушек, дедушек с маминой стороны я очень плохо знаю, потому что они жили в Польше, в Варшаве. Я только один или два раза был там, когда был маленький. Моя сестра родилась в 1912 году в Вильно, тогда это был польский еврейский город.

Бабушка, дедушка с папиной стороны жили в Таллинне. Дедушка Абрам был один из самых набожных евреев в Таллинне. Это все знали и признавали. Когда бабушка умерла в 1926 году, дедушке было 85 лет, он переехал к нам. Я помню, как дедушка молился дома, я стоял рядом. В синагогу он уже ходить не мог, и к нам домой приходили его друзья, их было достаточно для миньяна. И все праздники отмечали, обряды и молитвы осуществляли у нас дома. Даже шofар приносили и трубили у нас дома. У дедушки было своё место в синагоге. На фотографии старой синагоги в Таллинне можно увидеть это место, недалеко от Арон Кодеш. Конечно, с тех пор, как дедушка переехал к нам, наш дом стал абсолютно кошерным. Маме было далеко нелегко так строго всё соблюдать. Мне тогда было семь лет, но я всё это хорошо помню. Дедушка по профессии был столяром высшей категории, но где он работал, я не знаю. Бабушка Зельда была домашней хозяйкой, помню только, что она была маленькая тихенькая спокойная.

Я - третье поколение нашей семьи в Эстонии. Корни моих родителей из Белоруссии, из Пинска. В начале прошлого века, до Первой мировой войны, они жили в Петербурге, потом переехали в Эстонию. Когда в 1918 году Эстония стала самостоятельной, и был подписан Тартуский мирный договор, один из его пунктов гласил, что все граждане Эстонии имели право вызвать своих родителей, которые жили в советской России, без всяких препятствий. И тогда родители моего отца переехали в Таллинн. Папа и мама знали друг друга ещё с детства. Папу звали Исаак, маму — Мария. Я родился в Таллинне 3 июня 1919 года. Моя мама была домашней хозяйкой. Папа был не очень богатым, но и не очень бедным. Сегодняшним языком можно сказать, что он работал коммерческим директором на фабрике “Rauniit”. Это была текстильная фабрика, недалеко от вокзала.

Потом папа купил дом на улице Vilmsi, и мы переехали в собственный дом. Кроме того, папа создал фирму «Kaubanduskontor I. Benenson», которая занималась импортом фанеры-шпона, в основном, из Чехословакии. Во дворе дома был построен склад. Фирма состояла из двух человек: папы и бухгалтера Юргенса. Она просуществовала до установления в Эстонии советской власти в 1940 году.

Незадолго до своей смерти, в 1930 году, дедушка сказал, что он меня будет готовить к Бар-мицве так, как ещё никто не делал. Но, к сожалению, он умер за пять месяцев до моей Бар-мицвы. К Бар-мицве меня готовил господин Жаботинский. Он работал учителем. Я к нему ходил четыре месяца 2-3 раза в неделю. Я помню свою Бар-мицву. Это было в старой очень большой красивой синагоге, которая вмещала 500 человек! Женское отделение было, как минимум, на 100 человек! Моя Бар-мицва стала большим праздником. Цел мужской хор синагоги, которым руководил господин Гуревич. Как сейчас это помню!.. Вот я стою и читаю Тору. Представляете, 13-летний подросток, на которого обращено всеобщее внимание!.. В еврейской семье, единственный сын - это же «пуп земли», всё вокруг него крутится... Кроме того, в нашей семье было ещё то, что у моего дедушки я был единственным внуком, наследником по этой линии, все остальные были внуки. Это уже абсолютный «пуп земли»! Но я особо это не чувствовал, так как родители меня не баловали и не делали из меня чего-нибудь особенного. Когда мне было два года, мои родители пригласили в семью одну эстонскую даму, она владела эстонским, русским, немецким и французским языками, в качестве моей воспитательницы. Родители между собой говорили по-русски, когда дедушка переехал к нам, тогда говорили на идиш. В два года я стал говорить на русском, немецком, эстонском языках. Когда мне было 5 лет, мои родители решили, что я должен говорить и по-французски: И к нам приходила учительница французского языка, которая учила меня и сестру. Я поступил в третий класс начальной школы, первые два класса меня готовила моя воспитательница.

С пятого класса я поступил в Таллинскую немецкую реальную гимназию, которую и закончил. Это была элитная школа, среди евреев очень популярна и весьма интернациональна. Я помню, у нас в классе были ученики 10 национальностей. Вопрос о еврействе там не существовал. Но от обязательного урока «Божье слово» евреи были освобождены. В то время в Таллине было пять немецких гимназий — две мужские, две женские, одна смешанная.

Во время независимости Эстонии (1918-1940) евреи всегда чувствовали себя евреями и никогда не скрывали это, как это было, к сожалению, в Советском Союзе. В эстонском паспорте не было графы «национальность», но где это нужно было, мы указывали, что мы - евреи. Была Еврейская школа, синагога, около 40(!) еврейских официальных организаций, в том числе, две студенческие корпорации, две скаутские организации, различные клубы. Когда я проходил срочную службу в эстонской армии, в армии был закон, по которому евреи на Рош хашана и Йом-Кипур получали три выходных дня. Но всё-таки определённый антисемитизм был. Например, офицерами евреи стать не могли, на государственные высокие посты евреев тоже не брали... Но на бытовом уровне антисемитизма в то время в Эстонии не было.

Когда я закончил школу, мне было 17 лет. Родители решили послать меня учиться в Италию. Почему в Италию, ведь в то время это была фашистская страна во главе с Муссолини? Дело в том, что в странах с тоталитарным режимом деньги не конвертировались; так было не только с итальянскими лирами, но и с советскими рублями или германскими марками при Гитлере. Италия нуждалась в иностранной валюте и делала всё для её получения, в частности, и взиманием платы за учёбу с иностранных студентов. К примеру, иностранным студентам за свою учёбу надо было заплатить только 10% номинальной стоимости лиры. Эстонская крона в то время была твёрдой валютой и высоко ценилась. Кроме этого, вступительных экзаменов при поступлении в высшие учебные заведения для иностранцев не было. Единственный экзамен, который требовался - знание итальянского языка, но и этот экзамен

был формальный, и, как правило, студенты от него освобождались. Так я поступил в Миланский политехнический институт.

1939 год. Я проучился два года, но началась война. Стало опасно оставаться в Италии. Я вернулся в Эстонию. Родители тогда говорили: «Ну что, год пройдёт, а там посмотрим... войны не будет...» Я пошёл служить в эстонскую армию... Но судьба оказалась другой...

1940 год. В Эстонии была установлена советская власть. У папы отобрали дом... нам дали только половину одной квартиры. Папино предприятие ликвидировали... Умерла мама... Папа начал работать в Спецторге. После армии я пошёл работать в прокуратуру Эстонской железной дороги переводчиком. Началась война и для нас. Прокуратуру реорганизовали в военную прокуратуру. За две недели до прихода немцев часть сотрудников прокуратуры на корабле ночью отправили в Ленинград... Началась блокада Ленинграда... Голод... У меня было сильное истощение, становилось всё хуже... Решили меня эвакуировать. Я уже еле ходил...- на машине ночью перевезли меня через Ладожское озеро и дальше поездом в Ташкент. Уже подъезжая к Средней Азии, мы попали под снежный буран, и поезд стоял трое суток, не двигаясь... И там я отморозил себе ноги... Когда мы доехали до Ташкента, я уже ходить не мог, началась гангрена...В госпитале мне ампутировали часть обеих ступней...

В 1944 году я вернулся в Таллинн, пришёл в нашу квартиру, она оказалась уже занятой. Мне с папой из пяти комнат оставили две... Но и потом приходилось ещё доказывать своё право жить в своём доме...

После войны Таллиннская синагога стояла в развалинах... В Таллинне осталось уже очень мало, так называемых, местных евреев. Большинство евреев в Эстонии были приехавшие сюда после войны из других советских республик.

Я жил жизнью обычного советского человека, мало связанной с еврейским образом жизни. Работал на Эстонской железной дороге, там у меня были коллеги-евреи, мы знали друг друга и то, что мы евреи. Когда открылся молельный дом на улице Magdaleena, я иногда приходил туда. Там проводились еврейские праздники, шабатные службы.

Когда открыли новую синагогу и приехал Раввин Шмуэль, я пошёл к нему, представил себя. Тогда синагога ещё была на втором этаже общинного центра. Раввин пригласил меня на открытие синагоги, и с того момента я стал приходиться в синагогу регулярно. Я человек верующий, я верю в Б-га, потому что у меня есть лично все основания верить в то, что есть Что-то Высшее. В моей жизни есть такие повороты судьбы, которые нельзя никаким образом объяснить случайностью, были такие события, которые не должны были случиться, а всё-таки, к счастью, случились. Любая другая нация, кроме евреев, имея такую историю, уже давно исчезла бы с земли. Исчезли нации побольше, чем еврейская. Что евреев сохранило — это только две вещи: религия и традиции. Конечно, есть еврейские религиозные Законы, некоторые из них нам непонятны, даже нелогичны. Но если не было бы этих строгих еврейских Законов, то евреи давным давно исчезли бы.

Синагога для меня — это Дом, куда идёшь и чувствуешь, что ты уже оторван от бытовых дел. В синагоге я чувствую близость к Всевышнему, просто чувствую себя хорошо. Я горжусь, что я - еврей и никогда не скрывал этого.

Как нам здорово повезло с нашим Раввином! Это золотой человек! Он такой душевный, отзывчивый, всех понимает, к тому же - человек сегодняшнего времени! Очень хочется, чтобы сегодняшнее поколение и будущие поколения евреев глубоко в душе чувствовали, что они евреи и этим гордились, чаще посещали синагогу, никогда не забывали о нашей истории и высоко чтили еврейские традиции.

ЕВГЕНИЙ РУБИНШТЕЙН

В НАЧАЛЕ 1942
ГОДА ПОЧТИ ВСЕ
ОСТАВШИЕСЯ НА
ОКУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ
ЭСТОНСКИЕ ЕВРЕИ
БЫЛИ УБИТЫ. ЭСТОНИЯ
БЫЛА ОБЪЯВЛЕНА
«ЮДЕНФРАЙ».

Я родился в 1942 году в Сибири, в эвакуации. О своей родословной знаю примерно с конца 18-го, начало 19-го века понаслышке, потому что дедушек, бабушек я не видел.

С материнской стороны дедушка Симон и бабушка Мушле жили в Тарту. У них была большая семья: 6 сыновей и дочка — моя мама. Дедушка рано умер. Два маминых брата держали табачный магазин, очевидно, дед был основателем этого дела. Бабушка была домохозяйкой.

Со стороны отца мой дед тоже Симон, а бабушку звали Шейнэ. Дед родился в Латвии, он был портной. Также по рассказам знаю, что его родители жили в Польше, в Литве, потом семья переехала в Таллинн. У папы было четыре сестры. В этой семье строго придерживались еврейских традиций. Мама говорила, что там никогда не нарушался ни один еврейский Закон. Посещали синагогу, придерживались субботы, ели только кошерное. Папа тоже придерживался этого так долго, сколько возможно было. В советское время соблюдать еврейские традиции было практически невозможно.

...Началась Вторая мировая война... Фашисты приближались к Эстонии. Стали эвакуировать людей, предприятия... Поезда отправлялись ежедневно. Каждый, кто хотел, мог уехать. Этими эшелонами воспользовались многие еврейские семьи. Но в то же время во многих других еврейских семьях говорили, что не надо эвакуироваться, что немцы - культурный народ, что они не тронут евреев, что всё, что уже доносилось до Эстонии о немцах, - это выдумки, ерунда, и ничего не случится. «Мы останемся», — так разговаривали и в семьях папиных сестёр... Уничтожение евреев в Эстонии проходило «законно», без погромов и создания гетто, как это было в других местах. В отношении каждого осуждённого полиция проводила «расследование» его «преступлений», и у каждого «преступника» было только одно «преступление» - его принадлежность к еврейству... Два маминых брата, один из которых был скрипач в оркестре «Ванемуйне», остались в Тарту. Их расстреляли... Ещё один брат жил со своей семьёй в Риге, они тоже не эвакуировались...

вся семья погибла... Три брата мамы уехали в эвакуацию и после войны вернулись. Родители моего отца с одной из сестёр тоже должны были эвакуироваться. Но то ли они опоздали, то ли что-то помешало им, они остались в Таллинне... Они надеялись, что с ними ничего плохого не случится... Вся папина семья погибла... Всех сестёр с их семьями арестовали и убили... Деда, лежачего парализованного, на носилках отнесли в Батарейную тюрьму и бабушку тоже... Потом в Калеви-Лийва их расстреляли... В начале 1942 года почти все оставшиеся на оккупированной территории эстонские евреи были убиты. В Берлин было отправлено донесение о том, что Эстония уже полностью очищена от евреев. Эстония была объявлена «юденфрай». Недалеко от Таллинна, в Калеви-Лийва, нацисты расстреливали евреев только потому, что они были евреями... Сюда привозили и убивали евреев и из других европейских стран, которые были отсортированы как не трудоспособные... Место расстрела было окружено лесом, и выстрелы никто не слышал... После того, как расстреливать уже было некого, фашисты умело замаскировали это место - местность была выровнена и там был высажен лес. Только спустя 20 лет эти массовые захоронения были случайно обнаружены. В память о всех погибших в Калеви-Лийва установлен памятный камень, на нём высечены и имена погибших членов моей семьи.

Мои родители. Отца звали Либер, маму Шифрэ. В середине 1941-го они эвакуировались с двумя детьми, меня тогда ещё не было. Они переезжали с места на место, долго искали, где остановиться - немцы всё время наступали... В конце концов остановились в Алтайском крае, в Барнауле. Мама рассказывала, что в Барнауле было очень много эвакуированных и среди них много евреев из Молдавии, Белоруссии, Украины. В Таллинн мы вернулись в августе 1945, мне тогда исполнилось 3 года. Первое время жили у одного из братьев матери. Потом вернулись в свою квартиру на Виру, для этого пришлось обращаться в суд. Папа начал работать с 14 лет учеником продавца и так всю жизнь работал в торговле. Последнее место его работы было в Таллинне в Каубамайя. Что касается соблюдения еврейских традиций. Еврейство было образом жизни в нашей семье.

Для меня основное, что означает еврейство — это то, что у нас дома говорили только на идиш. Вспоминаю, что и с родителями, и с братом, и с сестрой, и их семьями я говорил только на идиш. Дома соблюдались еврейские традиции, насколько это было возможно. На все праздники я ходил с папой в синагогу. Тогда синагога была на Гонсиори, напротив Дома радио. Папа ходил в синагогу и по субботам. У меня было очень много друзей среди еврейских ребят - общаемся до сих пор, кто жив. Это были дети друзей родителей. Два больших еврейских праздника - Рош хаšana и Песах - отмечали вместе с друзьями родителей и их семьями, или они у нас, или мы у них. Ещё вспоминаю, когда в 1960 году нужно было сделать Брит-мила моему племяннику, моей сестры сыну, то сделали это тайно - моля тогда привезли из Риги. И в других еврейских семьях так же секретно делали Брит, моэль приезжал в Таллинн из Ленинграда или Риги.

В конце 1960-х папа был казначеем в еврейской общине. В то время в еврейской общине Таллинна был установлен такой обычай или порядок, что несколько пожилых женщин ходили по еврейским домам и собирали деньги для общины. Эти деньги использовались, в основном, для синагоги и для поддержания порядка на кладбище. Взнос был 1 рубль в месяц. Кто не мог даже 1 рубль дать, платили меньше, кто сколько мог. Подавляющее большинство евреев участвовали в поддержании финансов. Так как папа занимался финансовыми делами синагоги, эти женщины приносили ему собранные взносы и списки евреев, у кого они собирали взносы. Папа подсчитывал деньги с точностью до копейки, заносил всё в ведомость. Папа всегда был очень пунктуален во всех денежных делах. Ещё помню, что в те годы у евреев Эстонии появилась возможность иметь свежее кошерное мясо. Один хуторянин выращивал специально для них телят и куриц, кто-то из общины взял на себя роль шойхета. Но такая возможность была только на праздники. И на праздники, я знаю точно, у нас в семье всегда всё было кошерное. Но свинина у нас дома в любое время была запрещена строго-настрога. В Эстонии в годы моего детства на бытовом уровне антисемитизм существовал.

И на улице, и в школе можно было услышать «жидовская морда». Вспомнился один случай. Я жил на Виру. Дети всей окрестности - это улочки Старого города - были знакомы между собой, играли друг с другом. В нашей компании были не только еврейские ребята, были и эстонские, и русские. После войны напротив нашего дома ещё оставались развалины. Среди них была лужайка, где мы, обычно, играли. Нам всем было где-то лет 10. Однажды появилась новая русская девочка нашего возраста, недавно переехала. И вдруг эта девочка говорит: «А что тут жида делают?» - имея в виду меня и ещё одного еврейского мальчика из нашего дома. Тогда один эстонский мальчик подошёл к ней и сказал: «Чтобы больше ты сюда не приходила». Мы с другом даже не успели отреагировать.

В 1949 году я пошёл в школу. Учился в русской школе, там было довольно много евреев. В те годы, как мне кажется, евреи не отдавали своих детей в эстонские школы, буквально единицы еврейских детей учились в эстонских школах. Закончил Тартуский университет, поступил с первого раза. Я - врач. Помню, что, начиная с нашего курса, в течение 10 лет в Тарту стала приезжать еврейская молодёжь из Украины, которая не могли там поступить. В Тарту с этим проблем не было. На нашем курсе, например, было много ребят из Черновцов, и не только на медицине. После окончания университета по распределению работал в Раквере. Тогда там евреев было человек 12. Из них 4 врача и один учитель. Вскоре я женился, моей женой стала сестра моего хорошего друга. Она тоже еврейка.

...17 лет я жил в Израиле. В 1990 году, когда в Таллинне стало беспокойно, когда здесь стало очень неуверенно жить, когда началась, так называемая, «поющая революция», когда каждый день что-то менялось, и ничего не было понятно, что будет, - то ли войдут войска, то ли здесь начнётся какой-то переворот, и что именно произойдёт, и как это всё будет выглядеть, и куда будет двигаться, и во что это превратится... - тогда очень многие друзья, и мой брат, сестра тоже, и их семья стали говорить о том, что надо уезжать отсюда. Я даже не могу сказать, что это был какой-то массовый психоз, что все ехали и нам тоже надо ехать.

Это было всё-таки осознанно и обосновано именно тем, что здесь становится неспокойно. За год до этого жена была в Израиле в гостях у брата. Приехала назад в Таллинн в восторге, всё ей очень понравилось: каждый день была на экскурсиях, смотрела исторические достопримечательности, видела очень красивые места, получала удовольствие, отдыхала, обычная бытовая жизнь осталась от неё далеко. В начале 1990-го мы подали документы на репатриацию и в августе того же года уехали. Причём, все: брат через две недели после меня, сестра через полгода, правда, она уехала в Америку, так как там уже её дочь. После нас приехали две семьи наших лучших друзей, одна семья уехала до нас. И в Израиле нас образовалась очень хорошая колония именно эстонских евреев. У жены в Ашдоде был брат, поэтому мы поехали в Ашдод. Одна колония из Эстонии была в Нетании. Когда в Ашдоде организовывался большой табор, нас собиралось человек 30. Первые чувства были: жара, свобода и никаких забот. Не надо было ничего делать, можно было валяться на пляже... Вначале ещё и улыпана не было. Сняли очень хорошую квартиру. В общем, всё было очень хорошо. Месяца три-четыре мы были относительно спокойны. В конце 1990 года начали задумываться о более серьёзном - надо было начать работать.

С антисемитизмом, с которым в Эстонии не встречались, столкнулись в Израиле - мы почувствовали ненависть от восточных евреев. Все, кто репатрировался из бывшего Советского Союза, были для местных евреев русскими, и к ним относились, как к хламу. Нам прямо в лицо говорили: «Зэвель (мусор), ты купил свой диплом, ты купил свои водительские права, ты заплатил, чтобы получить документы, что ты еврей...». И это происходило на любом уровне - от бытового до официального. Отношение восточных евреев к нам, ашкеназим, было отвратительным. Мы удивлялись, никак не могли понять, почему? Но определённая причина всё же была. Основная причина, я думаю, была следующая. Сразу после создания государства Израиль началась массовая алия евреев из Марокко. В то время, в начале 1950-х, в Израиле жили, в основном, ашкеназы.

Эти ашкеназы тогда поступали с «марокканцами» ещё хуже, чем теперь «марокканцы» поступали с нами. Так что это была месть более 30-летней давности. Прожив всю жизнь в Эстонии, мы знали, что евреи всегда помогали друг другу. Когда здесь у кого-то, не дай Бог, что-то случалось, то все сбегались помочь. А в Израиле в первые годы у меня было такое ощущение еврейства, что если нужна была помощь, то тебе наступали ещё на горло. Хотя, должен сказать, когда вся страна в беде, тогда все помогали друг другу, становились единым целым. Постепенно-постепенно, понемножку-понемножку ситуация стала меняться. Во-первых, приехала огромная масса евреев из разваливающегося Советского Союза - миллион человек, плюс в Израиле уже жило около 200000 евреев, которые говорили по-русски, - собралась мощная компания. И сейчас, конечно, бывшие «русские» репатрианты находятся на очень высоких постах и на больших позициях, и, вообще, без русских сейчас в Израиле нигде не обходятся. Думающие люди в Израиле говорят, что Израиль поднялся и воспрял за последние годы именно благодаря этой русской алии. Порядка 40% этой русской алии - это образованные люди с высшим образованием, плюс к этому - квалифицированные рабочие, плюс к этому - специалисты со средним и средне-специальным образованием. В настоящее время в Израиле самая образованная рабочая сила в мире! На каждые десять тысяч рабочих -135 инженеров и техников (в США -75, в Германии — 45). В Израиле самая творческая рабочая сила в мире — в абсолютных цифрах в Израиле столько же новых внедрений, сколько их во всей Западной Европе! Израиль является супердержавой в области высоких технологий!

В Таллинне жена работала модисткой, делала шляпы. И в Израиле стала искать похожую работу. Через некоторое время она нашла работу - из меха делала игрушки. Мне, как врачу, надо было пройти специальные 6-месячные курсы, чтобы получить лицензию врача. На эти курсы попасть было непросто, туда была очередь. Я записался, ждал. А пока суд да дело, искал работу. Друзья советовали: «Найди что-то близкое по специальности». Я стал искать что-то «близкое», нашёл работу санитаря в доме престарелых для

людей с болезнями мозга. Это была нелёгкая работа, думаю, что не каждый стал бы её делать. Я видел, как люди приходили, начинали работать и уходили. В этом доме престарелых были люди двигающиеся, но не думающие. Санитар для таких больных — это значит: надо человека помыть, покормить, посадить, поднять, положить, поменять постель... Платили копейки, но эти копейки тоже были какая-то добавка к тому, что мы получали от государства. Два года работал санитаром. Прошёл курсы переподготовки. Искал работу врача. Совершенно случайно, через друзей, получил врачебную работу в частной немецкой клинике на Мёртвом море, где проработал 8 с лишним лет. В эту клинику приезжали лечиться больные из Германии. Всё было бы прекрасно и чудесно, если бы не наши «друзья-арабы», которые к концу 1990-х затеяли интифаду. Туристы забоялись и перестали ехать, и клиника пошла на спад. В конце концов из 11 человек, которые там работали, осталось 3 человека. После этого нашёл хорошую работу тоже в частной клинике, где была и пластика, и кожная эстетика, проще сказать, мы делали людей красивыми. В основном, работали с помощью лазерных установок. Проработал там 5 с лишним лет. В общем, был доволен - стал старшим врачом, и отношение было хорошее. Первый горький опыт был забыт или просто не обращали внимание. Жену тоже повысили - стала начальником производства на фабрике. Уровень жизни и материальный, и моральный немножко поднялся. В общем-то стали израильянами. В Израиле всегда на все праздники ходили с друзьями в синагогу.

В самом начале нашей репатриации сын поступил в Хельсинки в университет, закончил его, потом нашёл работу в Эстонии и остался. У него появилась своя семья, дети. Жена у сына не еврейка. Мама, конечно, очень переживала из-за этого... Во время отпуска они семьёй приезжали в Израиль навещать нас, мы ездили в Таллинн к ним в гости. Но виделись всё-таки мало, только раз в году. Наши внуки воспринимали нас, как приезжают какие-то чужие дед с бабкой..., ну, хорошо, привозят кучу подарков, поживут с ними, пообщаются, но, в сущности, мы были чужие для своих внуков... Старший внук в каждый наш приезд говорил: «Вы всё

время уезжаете, вас так мало видно...». Через какое-то время уже даже меньший 5-летний внук, когда мы в очередной приезд стали собираться обратно, подошёл и спросил: «А что у вас там, в Израиле, что вы всё время уезжаете от нас?» А тут ещё случилось - сватья внезапно умерла... и они остались сиротами... В очередной наш приезд старший внук сказал, что как будто бы есть дед с бабкой, а как будто бы и нет... Это было последней каплей - мы вернулись в Эстонию. Через месяца три я уже здесь опять работал. Но самое главное, стали больше проводить время со своими внуками. Я очень надеюсь, несмотря на то, что у сына жена не еврейка, и дети являются евреями только по папе, что в наших внуках сохранится еврейская черта, и они будут знать, что их род происходит от евреев. У моих обоих внуков была Брит-мила. Старший внук прошёл Бар-мицву. Младшему сейчас 12 лет и он тоже знает об этой традиции - он был на Бар-мицве у старшего брата. Он даже морально готовится к этому. Традиция сохраняется. Старший внук участвует в жизни еврейской общины - играет в футбол в «Маккаби». Он очень заинтересован участвовать в программе поездок еврейской молодёжи по местам Холокоста. Поездку начинают в Польше, потом едут по Европейским странам, и заканчивается поездка в Израиле. До сих пор ведь никто толком не может сказать, еврей — это национальность или еврей — это образ мышления и принадлежность к религии. После того, как жил в Израиле столько времени и видел евреев от белого до чёрного, я считаю, что еврейство — это всё-таки религия, это принадлежность к религии определённым образом жизни, к определённым традициям, что это не общий народ. Хотя, с медицинской точки зрения, и у ашкеназов, и у, скажем, йеменских евреев есть одни и те же гены. Это установлено. Кроме этого, есть некоторые генетические болезни, которые свойственны только евреям. Например, считается, и это известно в мире, что сахарный диабет — это, в подавляющем большинстве, еврейская болезнь. Но для меня евреи всегда были такими, какими видел их в Эстонии, в Европе.

В годы советской власти религия задавливалась, всё было «под колпаком» - каждое движение, каждое слово.

В данный момент в Эстонии отношение к евреям довольно хорошее, с евреями считаются. Я желаю, чтобы это так и оставалось, и продолжалось - открыто, свободно, и чтобы евреи могли чувствовать себя евреями, могли исполнять традиционные требования, не надо было бы, как когда-то, скрываться, прятаться и где-то за углом что-то делать. Считаю, что такое огромное продвижение еврейской жизни в Эстонии, которое произошло за последние годы: и постройка прекрасной синагоги, и то, что у нас такой хороший Рав, и то, что народ стал приходить в синагогу, — это очень большое достижение! Я надеюсь, что всё это будет только развиваться и улучшаться.

Всей еврейской общине Эстонии пожелаю, чтобы процветала, как процветает до сих пор, чтобы всё было в порядке и в достатке.

ФАИНА ГАБОВИЧ

... И ПРОДОЛЖАЮ
ПОЗНАВАТЬ
ЕВРЕЙСКИЕ
ТРАДИЦИИ,
КУЛЬТУРУ, КОТОРЫЕ
В ЭТОЙ ШКОЛЕ, Я
ОЧЕНЬ НАДЕЮСЬ,
БУДУТ ВСЕГДА
СОБЛЮДАТЬСЯ И
ПОДДЕРЖИВАТЬСЯ.

Я родилась в Киеве в рабочей еврейской семье. Мама была портнихой, заведовала швейным цехом в большом Доме быта, папа был парикмахером, заведовал парикмахерским отделом в одном из районов города. Так получилось, что, живя в еврейской семье, о своих корнях, близких родственниках, своём еврейском происхождении вообще ничего не знала — дома об этом просто не говорили. По рассказам бабушек знала, что оба деда во время войны — погибли, пропали без вести..., что мама и папа были со своими мамами в эвакуации во Фрунзе и Ташкенте... В 1978 году наша семья пережила большие потрясения: маму исключили из партии и понизили на работе в должности, папу сняли с должности, их перевели в рядовые рабочие, меня исключили из комсомола, брата через полгода службы в армии отправили в посёлок Зеравшан, Таджикистан, на золоторудный завод, где работали заключённые советских лагерей, ЗЭКи, после армии его не взяли на работу, объяснив это формулировкой «Профессионалов для Израиля Украина не готовит» — и всё это произошло только потому, что мама моего отца со своей младшей дочерью эмигрировали в Америку... С моим комсомолом вообще получилось очень интересно. Меня исключали из комсомола, не приняв в него. В то время для того, чтобы стать комсомольцем, нужно было пройти несколько собеседований и комиссий. Я прошла такую комиссию в комитете комсомола школы, потом в районном комитете комсомола города Киева. И когда должна была приехать получать комсомольский билет, было созвано публичное собрание, на котором меня исключили из комсомола, заранее подготовив формулировку «Комсомольцев для Израиля не готовят». Кстати, в школе об этом не знали. Впоследствии была даже в комитете комсомола школы, занималась сбором членских взносов... Как выяснилось на выпускном вечере в школе, парторг школы не показала никому письмо о моём исключении из комсомола и только после получения аттестата показала его моим родителям. В нашей семье как-то не принято было говорить обо всём пережитом, о том, по какой причине это всё происходило... и, честно говоря, сама не интересовалась...

Знала, что есть бабушки, обе живы, два деда погибли на войне... Тема родословной, потребность узнать свои корни, важность этого для меня возникла, когда уже была взрослым человеком, здесь, в Таллинне в Еврейской школе. У Льва Кемпа, учителя Еврейской традиции, ученики 7 класса по программе участвуют в проекте «Самоидентификация». Одно из заданий проекта - ученики составляют родословную. Мой сын Илья в 7-м классе получил задание составить свою родословную. И, сев рядом с сыном, чтобы помочь ему, я поняла, что дальше своих бабушек не знаю НИЧЕГО!.. Проблема заключается ещё и в том, что мои родители, бабушки умерли и восстановить хоть как-то жизнь предыдущих поколений моей семьи совершенно невозможно. Знаю только, что одна бабушка Хомутецкая Клара, мамина мама, из Умани, Украины. Папина мама Чайковская Зина из Гостомеля, недалеко от Киева. Моя девичья фамилия Чайковская по отцу. Бабушка Клара была шляпницей, у них была своя лавка. В эвакуацию их увозили из Киева. Они успели вовремя уехать, и в эвакуации выжили все.

Насчёт соблюдения еврейских традиций. Я не помню, чтобы дома соблюдались еврейские традиции. Ребёнком помню, перед Новым годом бабушки давали нам с братом, который старше меня на 6 лет, ханука гелт. Я не знала, что это такое, но помню, мы с братом ждали этот день, когда придут бабушки. Обе бабушки готовили еврейские блюда: фаршированную рыбу, пекли штрудель... Запомнила, что бабушка иногда разговаривала с папой на идиш. Но бабушки никогда ничего не рассказывали о еврействе - это была абсолютная закрытая тема. Помню, как почти неслышно разговаривали, когда приходил мамин брат и приносил мацу. Он рассказывал, но очень тихо, сколько дней на Подоле в синагоге стоял в очереди, чтобы получить мацу. Но что это такое, зачем, для какого праздника... - НИЧЕГО!..

Мама с папой познакомились в 1957 году в Киеве в клубе на каком-то празднике. На самом деле, папа у меня Фима Исакович, именно Фима, потому что после войны старшая сестра пришла в военкомат восстанавливать документы и её спросили: «Как брата зовут?» Она ответила: «Фима». Так и записали.

По документам я Фаина Фимовна. Мама, по подлинным документам, Хася Файшевевна, при очередной смене паспорта, точно знаю, что за деньги, было изменено на Асю Ефимовну. Моё имя - Фаина в честь деда, в честь другого деда назвали брата Игорем. Дома папа всегда называл меня Фэйгелз, что на идиш означает птичка, пташка. От родителей знала, что своим детям дают имена по первой букве имени прародителей. И мой внук Алекс назван в память моей мамы Аси.

Мои школьные годы в районной киевской школе были суровыми. Помню, однажды в 4-м классе, когда была дежурной, вынуждена была в школьном журнале резинкой стирать свою национальность, стирать «еврейка» и стать «русской». Потому что кричали, что в столовую жидов не пускают, им давайте последними..., что в туалете туалетную бумагу евреям не дают... Ещё помню свои горькие детские испытания, когда приезжала в пионерские лагеря. Внешне по мне было невозможно определить, что я еврейка. Но как только говорила своё имя Чайковская Фаина... Во все лагеря мама записывала меня Мариной, чтобы не обзывали и не дразнили... В старшей школе было как-то намного спокойней, тем более, училась хорошо, была активной в общественной жизни. У меня была еврейская подруга, которая во дворе говорила, что она не еврейка, притом, что она была Лариса Нахманович. Нас, евреев, было 5 детей в классе, это я поняла уже будучи взрослой, что они точно были евреями, но мы между собой не дружили... Я прожила вместе с родителями 16 лет. Закончила музыкальную школу с красным дипломом и собиралась поступать в музыкальное училище. При приёме документов моим родителям сказали: «Как ваша девочка ни сыграет, она всё равно получит двойку». И стало понятно, что в Киеве мне поступить будет невозможно. В совсем незнакомый город уезжать было боязно, хотелось, чтобы хоть кто-то из знакомых был. Первые планы было уехать в Воронеж, потому что там учился мой двоюродный брат. К нему, как еврею, там очень хорошо относились и даже приходили смотреть на живого еврея. У другой родственницы дочка и её подруга учились в Тарту на русской филологии. Вот так мы узнали про Тарту.

Интернета тогда не было, получить информацию о возможностях получить образование в Тарту можно было от этих девочек или из книг для поступающих. И я уехала поступать в Тартуский университет, мама поехала со мной. Я поступила. В это же время в Тартуском университете училось много студентов, которые приехали из Киева, Черновიც, конечно, это были еврейские студенты. В то время большинство русскоязычных студентов Тарту были евреи. Поэтому так и получилось, что мой круг общения был с еврейской молодёжью. Но никаких еврейских тем и праздников тогда не обсуждалось. Это были 70-ые годы двадцатого века. Первый, кого я увидела в Тарту на вокзале, был Борис Габович. В это время он учился на медицинском факультете университета на 3-м курсе. Борис родом из Таллинна из еврейской семьи. Потом стали общаться на разных студенческих праздниках и в библиотеке университета. На 3-м курсе я вышла за Бориса замуж. У нас было 2 свадьбы. Одна, студенческая, в Таллинне. Через неделю была свадьба в Киеве, где собрались наши родственники и друзья. На 3-м курсе родилась наша дочь Алёнка. Студенческие годы в Тарту, учеба в университете у Ю. М., Лотмана, З.Г. Минц, Л.И. Вольперт, П. С. Рейфмана – очень сложные, но самые счастливые годы! Распределение на работу получили в Таллинн. Первое место моей работы — это нынешняя Мустамяэская гуманитарная гимназия, где проработала 6 лет. Я очень благодарна этой школе, так как она научила меня работать учителем, и особенно моему Учителю с большой буквы Ирине Яковлевне Сегаль. О еврейской жизни ни я, ни Борис ничего не знали, жили обычной советской жизнью. Первое время после университета жили у Бориной мамы Зои Габович. В Киеве, вся жизнь до Тарту, - это жизнь с одним большим страхом и дома, и в школе, и во дворе, и везде., чтобы, не дай Б-г, не узнали... Здесь, в Эстонии, такого не было — и это самое большое отличие от моей жизни до Тарту.

В 1990 году стало известно, что в Таллинне открывается еврейская школа. Наши друзья-евреи стали переводить своих детей в эту школу. В еврейской школе уже работало много наших друзей: и Лёва здесь был, и Марина Астановская и Боря Бам... Мне стало известно, что освобождается место учителя русского языка.

Я пришла к директору, тогда директором школы была Авива Глуховская. Мы договорились, что прижигу работать учителем русского языка, и дочка переходит учиться в эту школу. 30 августа, когда мы все вышли на работу, я уже из прежней школы уволилась, выяснилось, что учитель русского языка решила остаться. Директор предложила пойти на курсы и стать учителем в 1-м классе. Я согласилась. И в этом классе работала с 1-го по 12-ый класс. Это был мой первый выпуск в этой школе, совершенно замечательный класс! И еврейская жизнь началась у меня тоже вот с этого класса. Сравнивая две школы, где я начала после университета работать, с еврейской школой, могу сказать, что там я шла на работу, а здесь иду в школу. Это чувство сохраняется у меня до сих пор. Это совершенно другое отношение. Работа — это должен сделать с начала и до конца, время закончилось и ушёл. В еврейской школе нужно просто прекратить и уйти, завтра прийти и продолжать. Когда пришла в Еврейскую школу, был 1993 год, школа проработала только 2 года. Ни всех учебников было достаточно, ни во всех кабинетах парт, стульев хватало, наглядных пособий не было... Был только один учительский и родительский энтузиазм. Это то, на чём эта школа создавалась. Отношения с коллегами были замечательные, часть учителей были наши с мужем знакомые.

Через некоторое время стала работать учителем русского языка и литературы. На мой взгляд, не имеет значения, в какой школе работать учителем русского языка. Это не столько учитель русского языка, сколько учитель родного языка. Потому что на этом языке вне зависимости от национальности ученики школы говорят. А для еврейских детей, которые только познают свои корни, знать язык, на котором они говорят, просто необходимо. А если говорить про литературу, то значительная часть мировой литературы девятнадцатого-двадцатого века так или иначе связана с еврейством — с еврейскими авторами, с еврейской темой. Это О.Мандельштам, С.Маршак, Б.Пастернак, М.Светлов, Э.Багрицкий, Б.Слуцкий, С.Кирсанов, Д.Самойлов, И.Бродский, А.Барто, В.Гроссман, Ф.Кафка, Л.Квитко, А.и Б.Стругацкие, Л.Фейхтвангер, С.Цвейг и так далее — всех этих авторов изучают в школе.

Или, например, взять еврейскую тему в творчестве А.Пушкина, Н.Гоголя, М.Лермонтова, Н.Некрасова, И.Тургенева, А.Чехова, Ф.Достоевского, А.Куприна, С.Есенина — это всё очень интересно! И это ещё более интересно, более важно в еврейской школе, чем где бы то ни было. Если мы хотим, чтобы наши еврейские дети были более образованными, то значимость русского языка и мировой литературы в школе, особенно в еврейской, очень высока.

Когда проработала в школе уже 15 лет, директор нашей школы Миша Бейлинсон предложил мне участвовать в конкурсе на освободившееся место завуча. В этой школе, в довоенной гимназии учились и закончили бабушка и дедушка моего мужа по линии отца, учились мои дочь и сын, которые, к счастью, не испытывали всё то, что испытала я в свои школьные годы. И с каждым годом ощущая всё больше душевную близость к этому образованию и радость, что у еврейских детей есть такая возможность учиться в еврейской школе совершенно свободно! - изучать иврит, традиции и праздники, петь песни и танцевать — причина, по которой я согласилась стать завучем. И вместе с дочкой и сыном, и со всеми детьми школы продолжаю познавать еврейские традиции, культуру, которые в этой школе, я очень надеюсь, будут всегда соблюдаться и поддерживаться.

Моя цель и задачи как завуча только одни: дать высококачественное образование ученикам, которые учатся в еврейской школе, детям из еврейских семей, чтобы они были образованны и конкурентоспособны, знающие, любящие свою культуру и традиции. Чтобы они чувствовали себя абсолютно свободными и защищёнными. Если бы в сутках было 48 часов, я бы успевала немножко больше. Самое моё большое сожаление по поводу работы завучем школы, что я как учитель русского языка и литературы могу вести не более 8 уроков в неделю. А эта работа мне нравится больше. Я стараюсь, чтобы эти уроки были в разных по уровню классах, готовить ребят к различным конкурсам, викторинам и олимпиадам, чтобы и самой оставаться на уровне, вместе с детьми продолжаю учиться. Прихожу в школу, когда ещё темно, и ухожу, когда

уже темно... работа продолжается и дома — это и подготовка к урокам, проверка сочинений и тетрадей... Первые мои изменения в соблюдении еврейских традиций произошли, когда дочь стала изучать еврейские традиции в школе. Стали дома зажигать шабатные свечи, отмечать еврейские праздники. Дочь, сын и я все молитвы выучили в школе. Алёне провели в старой деревянной синагоге обряд Бат-мицва. Сын Илья, которого мы уже более осознанно воспитывали как еврейского мальчика, как мне кажется, уже больше душевно проник в еврейские традиции. Меня это очень радует. Еврейские праздники отмечаем семьёй, на Песах собираемся с друзьями, где очень часто Лёва проводит Седер. На Хануку с дочкой печём сувганиёт, на Рош хашана с мужем готовим фаршированную рыбу. У меня сохранилась тетрадь, в которой от руки мамой записаны рецепты блюд еврейской кухни. Теперь праздники уже стали органичной частью в нашей семье. Дома у нас везде висят мезузы, которые проверены раввином. Синагога стала единственным местом моей связи с родителями, так как родители у меня умерли, и в синагоге есть памятная табличка с именами моих родителей с зажжёнными свечечками. Это единственное место, когда при внутренней потребности могу прийти, посмотреть, помолчать... В синагоге бываю на праздниках и на уроках Шабат вместе с учениками Еврейской школы.

Мне очень хочется пожелать мира душевного, здоровья всем, еврейской мудрости и счастья всем детям!

*«...Вновь поймёшь, что значит быть евреем...»
Из авторской песни «Еврейская община»*

Чтобы рассказать о моей еврейской жизни, сделаю небольшое отступление. До второй половины XVIII века евреи Западной Европы жили обособленной жизнью. Но уже в этом же столетии в Германии среди евреев возникло движение *хаскала* *השכלה* — еврейское просвещение, которое возглавил дед знаменитого композитора Феликса Мендельсона-Бартольди Моисей (Мозес) Мендельсон. Это движение было призвано раз и навсегда покончить с антисемитизмом. Мозес Мендельсон, выходец из ортодоксальной еврейской семьи, считал, что евреев ненавидят потому, что они выделяются из общей толпы: одеваются по-другому, говорят на другом языке... Если же они будут выглядеть как все, то их ненавидеть перестанут. Он призывал евреев влиться в общую гамму немецкой культуры и внешне раствориться в ней. Его девизом было: «Будь евреем в своём доме и немцем на улице». Мозес Мендельсон и его последователи много сделали для эмансипации евреев, выхода их из гетто и интеграции в немецкое общество. Это движение имело большой успех среди евреев, особенно богатых и образованных. Многие из них стали переходить в христианство. Так поступили и трое детей Мозеса, в том числе отец Феликса Авраам, который крестил своих детей, а через некоторое время сам вместе с женой перешел в лютеранство. Для смягчения «компрометирующего» звучания к фамилии добавилась приставка Бартольди. Просветительское движение немецких евреев сыграло большую роль в возникновении *хаскалы* и в России. В первой половине XIX века самой характерной и печальной чертой еврейского быта и культуры в России, как и в Германии, была изолированность евреев от окружающего мира. «Мендельсоном» русских евреев стал Исаак Бер Левинзон, который считал, что нужно изменить систему воспитания евреев, евреям необходимо европейское образование. В начале XIX века это движение стало быстро распространяться среди евреев Петербурга. И уже в 50-60-ые годы евреи

Ю З Е Ф Л И В Ш И Ц

ПЕСНЯ «ЕВРЕЙСКАЯ
ОБЩИНА»
ПОЛЮБИЛАСЬ ВСЕМ
И СТАЛА ГИМНОМ
ОБЩИНЫ, ЭТА ПЕСНЯ
ИЗ САМОЙ ГЛУБИНЫ
МОЕЙ ДУШИ.

России стали постепенно ассимилироваться, особенно городские евреи. Мой прадед по отцовской линии был кантонистом. 25 лет отслужил в николаевской армии, после чего получил разрешение поселиться в Петербурге. У него было четверо сыновей. Ни у кого из сыновей не было еврейского имени. Один из сыновей, Григорий, стал моим дедом. Все были музыканты, скрипачи. Мой папа, Макс Лившиц, овладел искусством игры на виолончели. О бабушке по папиной линии ничего не знаю, кроме её лица, запечатленного на старинном фото.

Мамин отец Иосиф Гофман, по её словам, занимался коммерцией в Белоруссии, являясь лесопромышленником. Какова судьба деда — ничего мне не известно. Что касается мамыной мамы, то её история для меня тоже белое пятно. Имя бабушки почему-то ни разу при мне не произносилось. Когда мама и её четыре сестры перебрались в Петроград, бабушка также оказалась вместе с ними. Она трагически погибла в самом начале Отечественной войны... Маму звали Голда, но в паспорте была записана Галина. Она рассказывала, что семья жила в большом доме, находившимся в Толочино. Похоже, что на отсутствие достатка ей жаловаться не приходилось. В Ленинграде она вышла замуж за Макса Лившица. Благодаря этому событию, 12 августа 1932 года у них появился я. В детстве у меня была скорее славянская, чем еврейская внешность. Моё еврейское происхождение, отражённое в фамилии, в школьные годы также не создавало никаких проблем. В скобках замечу, что в 206-ой средней мужской школе Ленинграда, куда я перешёл после окончания семилетки, мой класс почти наполовину состоял из еврейских подростков, никогда не испытывавших в alma mater национальной дискриминации. Языком общения в семье был русский, никакой другой язык не использовался. Дома у нас была одна еврейская книга на иврите, молитвенник, который лежал на шкафу. Мама говорила, что эта книжка может принести счастье. Но ни разу на моих глазах никто эту книжку не открывал. Вопрос о национальности у нас дома обсуждался лишь тогда, когда папа рассказывал о какой-то неудаче на работе и связывал её с антисемитским настроением какого-то человека.

Еврейское начало у меня было прежде всего представлено кулинарией. Мама готовила еврейские блюда: гефилтэ фиш, цимэс, маген-ташен. Стол накрывался по торжественным случаям, но это было больше данью традиции, заложенной предками, чем еврейским праздником. Всё выглядело очень скромно — семья была бедная.

Помню, когда был, кажется, в 8-м классе, написал письмо Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову. В этом письме я написал, что родился в еврейской семье, но всё воспитание получил русское, в школе учился на русском языке, мои герои - это Павка Корчагин, Олег Кошевой... Почему должен быть евреем, если я — русский человек в душе своей! Почему меня сделали евреем? Ответ получил из городского управления милиции Ленинграда. Этот ответ оставлял такое впечатление, как будто мне написали ортодоксальные иудеи: «Вы должны носить национальность своих родителей». Тогда, помню, я расстроился. Но у меня появилась мысль, что всё-таки национальность определяется не только культурой.

В 1948 году образовалось государство Израиль, в Советский Союз приехала Голда Мэир. Об этом в СМИ появилось очень скупое сообщение. Тогда я ничего не знал ни об Израиле, ни о еврействе. Но это известие меня очень возбудило, почувствовал какой-то неожиданный всплеск в душе. Помню, как в присутствии одной девчонки произнёс клятву, что буду верен новому делу возвращения евреев в Израиль. Но это был лишь юношеский душевный порыв...

Своё еврейство почувствовал только тогда, когда после окончания школы стал поступать в Ленинградский университет. Вот тогда меня ткнули носом в грязь и показали, как в Советском Союзе относятся к евреям. Мечтая стать полярником, я выбрал географический факультет. В школе учился хорошо. Но на вступительных экзаменах в университете пошли тройки... Конечно, был расстроен. В таком состоянии меня увидела завуч моей бывшей школы: «Юзеф, почему Вы в таких расстроенных чувствах? Я Вас привыкла видеть оптимистом». Я рассказал об этих незаслуженных оценках.

Она ответила, что как принимающая в университете вступительные экзамены, имеет возможность получить интересующую меня информацию. Через некоторое время она возвратилась и прошептала: «Я Вам по большому секрету скажу. Все абитуриенты разбиты на группы. Около каждой фамилии стоит цветная точка — зелёная, красная или чёрная. Около Вашей фамилии стоит чёрная точка. Так что, мой Вам совет, забирайте документы, здесь Вы не поступите». Рядом с университетом находился самостоятельный юридический институт. Я подал туда документы и за один день сдал четыре вступительных экзамена. Меня приняли. Так я стал юристом. Хвала Б-гу, что так всё случилось, мне эта профессия очень понравилась. Время приобретения юридической специальности пролетело быстро. Учёба подходила к концу. В то время распределение на работу после окончания университета являлось обязательной процедурой. Сначала было предварительное распределение. Несмотря на мою отличную учёбу и активную общественную деятельность, оказалось, что я никуда и никому не нужен. Ни прокуратура, ни милиция, ни адвокатура, ни нотариат — никто не приглашал меня к себе на работу. Но в самый последний момент, когда уже был день распределения, вдруг сообщили, что ленинградская милиция берёт 128 человек в различные свои подразделения. Так я оказался в милиции. Через некоторое время от работы послали на двухмесячные курсы в Таллинскую школу милиции. Нежданно-негаданно начальник школы Оскар Юргенсон предложил мне остаться в Эстонии и работать преподавателем в подвластном ему учебном заведении. Я с радостью согласился. Это было в октябре 1955 года. Через некоторое время поехал в Москву поступать в адъюнктуру Высшей школы милиции. Хотя я был единственным кандидатом, набравшим 19 баллов из 20 возможных, как и следовало ожидать, получил отказ. Сердобольная лаборантка кафедры защитила моё честолюбие таким образом: «Дело не в тебе. Такого ещё не было, чтобы еврей стал у нас адъюнктом». Как преподаватель я считал себя обязанным повышать квалификацию. Рискнул на этот раз стать аспирантом юридического факультета Ленинградского государственного университета.

«Тройка» за экзамен по истории не позволила попасть в очную аспирантуру, хотя в заочники меня всё-таки зачислили. Сдав кандидатские экзамены, нашел возможность перейти в очную аспирантуру сектора права Института экономики Академии наук Эстонской ССР, а потом в Тарту защитить кандидатскую диссертацию. Десять лет спустя на юридическом факультете Ленинградского университета, уже имея какую-то известность в кругах специалистов, я всё же смог успешно защитить докторскую диссертацию. В начале 60-х годов прошлого века после защиты кандидатской диссертации приступил к преподаванию одной из общественных наук студентам Таллинского Технического университета. О том, каково было содержание этого курса, заметно расхившееся с его наименованием, говорит такой факт. В 2001 году, когда всё советское прошлое, а тем более советское обществоведение, подвергались остракизму, на заседании Учёного совета университета тайным голосованием был избран эмерит-профессором университета за прошлые заслуги.

. В Эстонии советского периода с антисемитизмом не встречался вовсе. Горбачевская перестройка породила много проблем. Какие последствия вызовет поворот эстонской истории, можно было тревожно предчувствовать, но трудно предвидеть. Мой взрослый сын с семьёй получил право на citizenship в Финляндии. Мы с женой решили быть рядом с ним. Это был трудный период моей жизни, но я с большой благодарностью вспоминаю финнов и финских евреев. Сын стал членом Еврейской общины Финляндии. Эта община возникла в начале прошлого века. Она объединяла незначительное число людей, так как евреев в этом государстве всегда было мало. Еще при Российской империи действовал запрет на поселение в Финляндии, допускавший лишь редкие исключения. К тому же этой стране не довелось быть частью Советского Союза. Население Финляндии примерно в три с половиной раза превышает население Эстонии, а число евреев немного больше одной тысячи. Во время нашего проживания в этой стране и позже одним из членов финского парламента был еврей Бен Зискович - очень известный и уважаемый политик.

В Финляндии к евреям относятся с пониманием и как к равным. Известно, что ещё в годы Второй мировой войны финские евреи отважно воевали в составе финской армии. Маршал Маннергейм — легендарный глава финского государства того времени, несмотря на союзнические отношения с нацистской Германией, отказал репрессивным органам союзника в выдаче им финских евреев. Хотя без некоторых жертв дело не обошлось. На стене синагоги в Хельсинки заметна мемориальная доска с именами нескольких евреев, погибших от рук нацистов. Как правило, члены общины — люди состоятельные. Здание синагоги находится в respectable части центра города и привлекает к себе внимание традиционным и солидным обликом. Там же находятся детский сад и еврейская школа. Двое моих внуков получили основное образование на финском языке в этой еврейской школе. Когда они достигли соответствующего возраста, прошли в синагоге Хельсинки обряд Бар и Бат мицвы.

Через год мы с женой вернулись в Эстонию. Я опять начал работать, но уже в частных вузах, где можно было преподавать на русском языке.

Со временем и после пережитого мё мировоззрение стало меняться. Идея интернационализма, которая сидела в моей голове, дала трещину. Появилось много материалов, которые ранее не были мне доступны. В частности, литература об Израиле. Узнал, как евреи воссоздали свой древний язык, как они борются за свою независимость, героически сражаются с окружающими государством врагами. Вызывают восхищение феноменальные успехи в науке, инженерии, сельском хозяйстве, медицине, военном деле. Государство с населением восемь миллионов человек оказалось в ряду первой пятёрки государств мира по уровню своего развития! Из литературы узнал о евреях-орденоносцах в Советском Союзе, чего раньше не знал. И невольно появилась мысль о том, как же при всём антисемитском отношении, которое мне было известно на личном примере, эти люди могли получить звание Героя Советского Союза, дорости до чина генерала, адмирала — они должны были быть семь пядей во лбу, они должны были быть сверхгенияльными!

Я стал думать, что же здесь сработало? И моё представление о том, что национальность — это чисто культурное явление, оказалось уязвимым. Сейчас я думаю, что национальность складывается из двух начал: одно — это генетическое, и от него мы не можем никак отказаться, это не в нашей власти, а второе начало — культурное. Идеальный вариант, когда одно совпадает с другим. Возникли мысли о роли нации вообще в жизни, что раньше явно недооценивал, и о том, насколько евреи были обездолены в советское время, не имея возможности показывать свою национальную привязанность.

Я не сторонник бить себя в грудь и кричать, что горжусь своим еврейством. У евреев есть колоссальные заслуги перед миром. Я же только принадлежу к этому сообществу и мой вклад в общее достояние очень скромнен. Ещё в советское время, как ни парадоксально это звучит, в самоидентификации себя как еврея, значительную роль сыграл антисемитизм. Несмотря на то, что десятки, если не сотни тысяч, евреев были полностью ассимилированы, антисемитизм не сократился. Их всё равно считали евреями, людьми второго сорта. Когда он работает — это еврей, а когда надо устроиться на работу — он жид, потому что в первом случае к нему относятся как к индивидуальности, а во втором — как к представителю «ущербной» общности. Я атеист, мне уже трудно и поздно становиться религиозным человеком. Хотя чувствую себя ущемлённым, немножко неполноценным, так как не могу жить той полной еврейской жизнью, которой живут другие люди — они приходят в синагогу и могут искренне молиться, веря в те слова, которые произносят. Я не владею ни ивритом, ни идишем. А постигать всё еврейские премудрости на русском языке, мне кажется делом искусственным... Моё самосознание, что я — еврей, формировалось не просто. И я не один, нас тысячи, а может и миллионы людей, которые вышли из советской эпохи. Идея интернационализма, которая когда-то очень вдохновляла, сейчас для меня не исчезла, но сократила свои функции. Она создаёт ориентиры только для межличностных отношений.

Эта идея призывает ценить человека прежде всего по его индивидуальности, а лишь потом по признакам его этноса, и то лишь в определённых аспектах его жизнедеятельности: быт, культура, религия и др.

К общине и синагоге у меня тёплое отношение. Я с большим уважением отношусь к труду руководства и сотрудников Еврейской общины. Они выполняют, и весьма успешно, очень важную миссию по сохранению и расширению еврейской идентичности через призму европейского гуманизма. Как-то задумался, что могу я сделать для общины. В студенческие годы, а частично и позже, занимался любительской эстрадой. Что-то сочинял, но не музыку. Я не имею музыкального образования. Впервые купил себе гитару, когда у нас с женой была золотая свадьба. Стал искать учителя игры на гитаре, когда мне было 78 лет. Нашёл, а он стал аранжировщиком сочинённых мной песен. Сейчас у меня 4 авторские песни на еврейскую тему: «Еврейская община», «Марш «Маккаби»», «Еврейская кулинарная», «А идише хохмэ». Песня «Еврейская община» полюбилась всем и стала гимном общины, эта песня из самой глубины моей души. Последнее из находящихся в работе произведений называется «Песнь сиониста». Я автор почти 60 песен, которые сам и исполнил. Со своими песнями перед членами нашей общины за последние три года выступал уже семь раз. Недавно презентация моих песен проходила в одном из вузов Санкт-Петербурга. Консул Эстонской Республики во второй российской столице, присутствовавший на этом концерте, пожелал мне дальнейших успехов и просил прислать ему ряд моих песен.

Еврейской общине хочу пожелать, чтобы всё больше людей участвующих в её жизни, по-настоящему чувствовали себя евреями. Чтобы община существовала на такой этической и социальной основе, которая поменьше привлекала бы корыстолюбцев и побольше людей, которые по-настоящему понимают, что это их община, это их родной дом и место самореализации еврейской личности. Будущим поколениям желаю прожить в смысле еврейства не такую жизнь, какую прожил я. Хочу пожелать, чтобы изначально, со дня своего рождения еврей понимал, что он является евреем, независимо от того, в каком обществе живёт.

Еврею суждено понимать, что от него ждут очень многого, и своими поступками, мыслями, делами он должен поддерживать высокий имидж еврейства, который создали его предки.

И моё последнее пожелание, чтобы больше было ложащихся на душу еврейских песен!

Сейчас мне 81 год. Доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук Высшей школы.

ИННА КАНДЕЛЬ

В ТАЛЛИННСКОЙ
ЕВРЕЙСКОЙ ШКОЛЕ Я
РЕАЛИЗОВАЛА СЕБЯ
КАК ЕВРЕЙСКАЯ
УЧИТЕЛЬНИЦА И
СЧИТАЮ СВОИМ
ДОЛГОМ БЫТЬ
НОСИТЕЛЕМ
ЕВРЕЙСТВА В ШКОЛЕ.

К сожалению, прабабушек, прадедушек я не знаю. Моя бабушка со стороны мамы, Шейна Шохер, родилась в Эстонии. Она вышла замуж, говоря современным языком, за предпринимателя Боруха Шохера. Борух имел в Таллинне химчистку. Бабушка тоже работала в этой химчистке, помогала мужу принимать заказы. К сожалению, так случилось, что в связи со сменой власти в Эстонии, они стали считаться врагами народа. Для советской власти они были богатыми людьми: у них был свой дом в районе Кадриорга, своя химчистка. В июне 1940 года их выслали из Эстонии, депортировали - дали час на подготовку... Бабушка, что сумела, прихватила с собой... Семью поместили в разные вагоны. Бабушка была с моей мамой, Авивой, которой тогда было три года, и с моей тётёй Лиией, которая старше мамы на 9 лет. У бабушки было ещё два сына. Мужчин отделили от женщин. Дедушку и старшего сына повели неизвестно куда, а младший сын остался в Таллинне... И только потом, по звуку скрипки Соломона, одного из сыновей, все его звали Зяма, они поняли, что мужчины их семьи тоже едут в этом же поезде. Что дальше случилось с дедушкой - то ли по дороге умер, то ли где-то ещё, где похоронен — неизвестно ничего. Он не доехал... Семью выслали в Малмыж, это Кировская область, благодаря этому удалось выжить... В Эстонию после войны они не вернулись, так и остались там жить. Дядя Зяма тоже выжил, а ещё один мамин брат, который остался в Таллинне, оказался среди убитых в концлагере Клоога...

Шохер - настоящая фамилия семьи моей мамы, но в советское время фамилия была переименована на Сахар. Бабушка, дядя Зяма, тётя Лия жили в Кирове, и мама выросла в Кирове, получила там образование на зубного протезиста.

Папа родился в Таллинне. Семья у него была простая. Мама - Рахель Кит, но все звали её Роза. Когда-то Кит была большая семья в Эстонии, теперь нас осталось только двое из этой семьи... Бабушка работала на ткацкой фабрике. Дедушку звали Борис Ключик. Он прошёл всю войну. Пришёл после войны домой, натёр ногу сапогом, получил заражение крови и от этого умер.

Дедушку своего я не видела. Бабушка оставалась ему преданной до конца жизни, замуж она больше не вышла. У них был единственный сын, это мой папа Файви Ключик, который, к сожалению, пять лет назад ушёл из жизни...

И со стороны мамы, и со стороны папы в нашем роду были все евреи. С самого детства знала, что я еврейка и очень этим гордилась, никогда этого не скрывала. Детство у меня прошло в еврейском кругу. Бабушка из Кирова редко приезжала в Таллинн, с ней я не очень хорошо знакома. А бабушку Розу знаю очень хорошо. На лето мы с ней всегда выезжали в Вызу, там собирались еврейские семьи. Бабушка соблюдала традиции. Она великолепно готовила, и мама у неё научилась хорошо готовить еврейские блюда. Я думаю, что моя мама одна из немногих, кто в Таллинне умеет делать настоящие тейглах. Я помню, что бабушка не закигала шабатние свечи. Но еврейские праздники мы отмечали вместе с ней. На Песах бабушка делала седер: накрывала стол, готовила определённые блюда. К этому празднику в синагоге на Магдалеэна всегда покупали мацу и мацовую муку. На Рош хашана обязательно на столе стояли гефилтэ фиш и яблоки с мёдом. Семья Кит была очень большая, мы всегда собирались на днях рождения. Наши праздники всегда начинались с песни «Ло мир але инэйнем», также пели «Тум балалайка». Это была традиция. Поэтому эти песни я знаю с детства. Хирш Кит устраивал нам концерт, у него был свой репертуар песен на идиш, я ему всегда подпевала. Так что идиш слышала с детства, хотя не всё понимала. В семье между собой говорили на идиш, особенно тогда, когда хотели от меня что-то скрыть. Одна тётя из семьи Кит очень хорошо пекла халы, и на мою свадьбу она тоже их испекла.

Когда бабушки не стало, мама с папой продолжали отмечать еврейские праздники, ну, может быть, не так, как бабушка — у мамы уже не было отдельной посуды на Песах, и хлеб ели, и мацу тоже ели... Не было такого, как сейчас, например, я не ем хлеб на Песах. Конечно, в советское время была только какая-то часть, связанная с еврейством.

История знакомства папы с мамой была очень интересной. Мама жила в Кирове. В 1957 году вместе со своей мамой она приехала погостить в Таллинн.

В этот приезд мама познакомилась с папой, он ей почти сразу сделал предложение, через 4 дня они поженились. У обоих это была любовь с первого взгляда, которая сохранилась до последнего дня. Они прожили вместе 50 лет.

Папа, Файви Ключик, работал фотокорреспондентом в газете «Советская Эстония». Он был очень общительный человек: у него было много знакомых, очень многие приходили к нам домой, среди них очень интересные — писатели, художники. Папа пользовался большим почётом и уважением. Он посвятил работе фотокорреспондента более 50 лет и стал одним из самых востребованных и известных людей в своей области. Он был очень активным жизнелюбивым человеком. Утром, не успев окончательно проснуться, включал радио, слушал, где какие события будут происходить, и тогда быстренько-быстренько завтракал и бегом на «Запорожце» запечатлеть это событие. Сделав снимки, он тут же мчался в свою лабораторию на улице Пикк. Там всегда было темно, так как он сам проявлял свои фотоплёнки. Для него было делом чести, чтобы его снимок был первым в газете. Папа — молодец, он добился очень многого. 24 февраля 2001 года, в День независимости Эстонской Республики, за 50-летнюю журналистскую деятельность Президент Эстонской республики Леннарт Мэри вручил папе орден «Белой звезды». Почти перед самой смертью папа захотел провести обряд Хупа. Мама была не очень на это настроена, но я поддержала папу. И у моих родителей была хупа 24 августа 2008 года, которую провёл Раввин Шмуэль Кот в новой Таллиннской синагоге. Маме было 70 лет, папе - 74. Каждый человек приходит к этому своим путём. У меня, кстати, тоже была хупа не сразу, как мы поженились. Тогда в Эстонии не было возможности провести еврейскую свадьбу. Мы были женаты уже 11 лет, когда в Таллинн приехал раввин из Швеции и появилась возможность участвовать в показательной хупе. Благодаря этой хупе, я считаю, Б-г послал мне мою доченьку, которую я так долго ждала. Я почувствовала, как будто бы мне поступил какой-то сигнал: «А вдруг это шанс, если я сделаю всё, как положено по еврейским Законам, у нас будет ребёнок...» Ведь мы ждали рождения нашего ребёнка 11 лет!

Так и получилось. Я очень благодарна В-вышнему за то, что всё это произошло, и считаю, что нужно, насколько возможно, приближаться к вере.

В 1992 году у нас родилась долгожданная доченька Шошенька. Моя дочка, конечно, знает, что она еврейка, и все её не еврейские друзья знают об этом. Когда дочь должна была пойти в школу, у меня даже не было никаких сомнений, куда её отдавать — конечно, в Еврейскую! Шоша хорошо училась в школе, а также была очень активной в общественной жизни и делала всё с большим удовольствием: была Председателем ученического самоуправления, организовывала Шабаты. Шоша закончила школу с золотой медалью, она — первый лауреат Премии Михаила Бейлинсона. Эта премия вручается за достижения в учёбе, в еврейской жизни, представление Таллиннской еврейской школы в Эстонии и за рубежом. Когда дочь училась в Еврейской школе, она была в Израиле по многим программам, и сейчас всегда с радостью ездит в Израиль навещать родных и друзей. Когда моя дочь училась в университете Лейстер, в Великобритании, в комнате, где она жила, висела мезуза. При университете они с ребятами создали Еврейское студенческое общество, праздновали вместе еврейские праздники, отмечали день рождения государства Израиль. Шоша посещала там и местную синагогу.

Свою музыкальность я унаследовала, видимо, от маминой семьи. Мой дядя Зяма Сахар — заслуженный артист РСФСР, тётя — музыкант, мама хорошо поёт, и папа тоже любил музыку, особенно джаз. Я училась в музыкальной школе, после этой школы поступила в училище имени Георга Отса по классу фортепиано, потом закончила консерваторию. Кем стать, когда вырасту, я знала с детства — хотела быть учителем, всегда играла в школу. Уже на третьем курсе училища начала работать в школе учителем фортепиано. Самое интересное, что мне было 17 лет, а моей ученице было 16, и она меня называла Инна Файвовна. Но мне всегда хотелось быть среди своих, среди евреев. И когда в 1990 году мне предложили работать в Еврейской школе, я с большой радостью это восприняла. Но со школы, где я работала в то время меня не отпустили, мол-поработай, неизвестно,

будет ли Еврейская школа дальше работать... Первый год я работала в двух школах. С 1991 года я перешла в нашу, еврейскую, и по сей день преподаю там. Работать в Еврейской школе начала с большим энтузиазмом, хотя знала только несколько еврейских песен - те, которые мы пели на наших семейных праздниках. Первые годы работы в школу приезжали мадрихи из Америки. Они привозили песенники, диски, кассеты, которые пополняли мой репертуар. И так постепенно за 23 года работы у меня накопился богатый репертуар. В этой школе я реализовала себя как еврейская учительница и считаю своим долгом быть носителем еврейства в школе. Например, в гимназии на уроках музыки изучаем мировую музыкальную культуру, знакомимся с композиторами, различной эпохой, религией - я всегда преподаю материал в сравнении с еврейской традицией и делаю так по зову сердца.

Помню, в 1989 году, ещё до открытия школы, в Таллинн приехал дуэт «Дуо Реим». Я побывала на их концерте и тогда впервые услышала песни на иврите. Это так тронуло мою душу, что я решила пойти учить иврит. Моей учительницей стала Сара Доновна. Она настолько хорошо учила ивриту, настолько доступно, что некоторые её фразы у меня до сих пор в памяти. В нашу школу каждый год из Израйла приезжают учителя, они преподают иврит, историю и культуру Израйла. В один год приехала Римма Беренштейн. Мы с ней очень подружились. Однажды она у меня спросила, хотела бы я попробовать вести иврит, потом добавила, что как только на уроках она называет слово, дети начинают петь песню с этим словом. Я сомневалась. Но Римма меня воодушевила и впоследствии очень много помогла. Так я начала преподавать иврит в первом классе. В 2007 году из Израйла приехала преподавать Оксана Спон. Она предложила мне подключиться к новой программе «Таль-Ам». Эта программа была создана в Канаде группой учителей-методистов, психологов, художников, музыкантов и направлена на всестороннее погружение в иврит при помощи песен, картинок, карточек, видео материала и прекрасных наглядных пособий. Всё это способствует изучению иврита и вызывает очень большой интерес у детей. Конечно, по такой программе и очень интересно работать!

Первоначально программа была рассчитана на детей из религиозных семей, но сегодня она распространялась и в светских школах. Для подготовки к преподаванию по этой программе я поехала в Иерусалим на семинар. Два раза в учебный год мы записываем чтение детей на видео и посылаем записанные материалы руководителям программы, чтобы они следили за развитием детей. Сейчас я могу действительно сказать, что это моё, потому что ощущаю себя в этой программе, как рыба в воде. Там очень много песен, занятия проходят в игровой форме. И когда я вижу, что мой маленький первоклассник читает на иврите где-то к концу учебного года — разве может быть ещё БОльшая радость для учителя!? И, самое главное, дети с удовольствием идут на уроки иврита!

Кроме преподавания, моя задача готовить еврейские праздники в школе. К каждому празднику готовим свой репертуар. Я считаю, нет ни одного ребёнка, у которого не было бы таланта! Поэтому организовала ежегодный концерт «Таланты нашей школы», который проходит в марте месяце вот уже больше 10 лет! На этом концерте каждый ребёнок может проявить свои таланты. Последние годы этот концерт длится уже до двух часов! Вначале я сама вела эти концерты, а теперь их ведут сами ученики. Вспоминаю, где-то в 1993 году первый раз учеников Еврейской школы пригласили выступать в Таллиннский горхолл. Тогда впервые в Эстонии на большой сцене прозвучал иврит из уст учеников нашей школы! Я с благодарностью вспоминаю Невила Блумберга, который охотно согласился записать на студии наше попурри, так как выступать можно было только под фонограмму. Это выступление было для нас очень почётным! Я очень люблю детей, музыку и свою работу. Поэтому создала ансамбль «Кахоль злаван» - «Белый и синий» (цвета израильского флага). С этим ансамблем несколько раз мы выступали в Таллинне на конкурсе «Tähtede laul» и два раза выходили в финал. Самым почётным выступлением этого ансамбля было на открытии Всемирного еврейского конгресса в Стокгольме. Это было незабываемое впечатление! Я, конечно, очень волновалась.

К счастью, выступили хорошо. Собралось очень много еврейских представителей из разных стран со всего мира. Сразу после нашего выступления ко мне подошёл один господин и предложил: «Не хотели ли бы выступить в Москве на Фестивале еврейского детского творчества?» Я согласилась. Мы выступали в «Театре Сатиры», где успешно представляли Эстонию и нашу общину. Ещё по приглашению Общества друзей Израиля мы выступали в Финляндии. В нашей Еврейской школе и учителя очень талантливы! Поэтому также организовала ансамбль учителей «Морим», в переводе с иврита «учителя». Сейчас у нас наработан большой репертуар. Поём на идиш, иврите, русском. Как-то «Морим» пригласили выступить в Финляндии. К этому выступлению мы выучили «Хиней ма тов!» («Вот как хорошо!») на финском языке, чем произвели там фурор!)) На сегодняшний день я - учитель методики, ношу звание «Учителя года Эстонии - 2006» и победитель международного конкурса «Учитель года среди преподавателей еврейских школ - 2009»

Я так была воспитана, что у нас в семье много говорили о еврействе. С детства понимала, что у меня будет еврейский муж, с мальчиками другой национальности я даже не встречалась. Моего мужа зовут Соломон Кандель. Он не местный, приезжий из Черновцов, Украины. После окончания института в Ленинграде по распределению получил направление на работу в Таллинн. Соломон родился и вырос в настоящей еврейской семье. Черновцы, как известно, вообще еврейский городок. Запомнила, как мы ездили в Ялту, и там одна женщина тоже из Черновцов говорила на идиш. Соломон мне сказал, что она не еврейка, в Черновцах многие не евреи умели говорить на идиш. И в классе у Соломона, он учился в русской школе, из 30 человек 27 было евреев. Так что учителя на уроках иногда говорили тоже на идиш. Его семья больше знала и больше соблюдала еврейские традиции. Мама всегда зажигала шабатные свечи, когда готовила, старалась соблюдать кашрут. Я многому научилась у своей свекрови. Например, научилась готовить камыш-брот, рыбу фарширую по её рецепту. Со временем родители Соломона переехали в Таллинн, все его родственники из

Черновцов репатриировались в Израиль.

В нашей семье мы стараемся соблюдать еврейские традиции: не едим свинину, соблюдаем праздники. Перед Песахом выношу из дома хамец, всю пасхальную неделю мы едим только мацу. На Йом Кипур я соблюдаю пост. В Шабат зажигаю свечи и ничего по дому не делаю. В наших условиях не всегда удаётся всё соблюдать, но я стараюсь всё-таки как можно больше соблюдать. У нас дома висит мезуза. Всегда, выходя из дома, целуем её. Когда начала работать в Еврейской школе, стала изучать традиции вместе с учениками - я тогда совсем мало знала об этом. И продолжаю учиться и вникать в наши традиции, Законы до сих пор. После того, как мне Б-г дал дочку, на еврейские праздники, по возможности, хожу в синагогу. Я хожу в синагогу, хотя меня же никто не заставляет, но я чувствую, что хочу, что мне надо там быть, там я получаю непередаваемое на словах ощущение. Появление в Эстонии раввина очень много значит для меня. Он сам очень солнечный человек. Он всегда находит подходящие слова. Даже, когда у нас в семье случилось горе, умер папа, на траурной церемонии Раввин находил такие слова, что не было так больно переживать это горе. Тогда он говорил, что человек просто переходит в другое состояние, его душа возвышается над нами, и он будет молиться и просить за нас. И тогда становилось не так тяжело...

Я думаю, что реализовала своё основное предназначение как еврейская мама, еврейская жена и еврейская учительница. Считаю себя счастливым человеком: во-первых, у меня еврейский муж, у меня жива мама, у меня есть дочка, у меня интересная любимая работа - что ещё человеку надо для счастья! Моя мечта - воспитать достойных внуков, чтобы они тоже были в еврейской среде и знали, что они евреи, чтобы все мои родные, близкие были здоровы как можно дольше. Считаю, никогда нельзя забывать, кто мы есть, всегда помнить о том, что мы - евреи, мы должны изучать свои корни, соблюдать свои традиции. Мы должны помогать друг другу, должны делать добро друг другу — тогда всем будет хорошо. Это большое счастье, что у нас есть община, есть раввин и есть еврейская школа! В повседневной работе школы мы тесно связаны с раввином.

Я очень благодарна ему за то, что он делает. Например, уже несколько лет подряд уроки Шабат проходят в синагоге по расписанию для разных классов. На мой взгляд, это очень здорово, потому что можно говорить об этом и в классе, но когда дети видят перед собой Арон кодеш и саму синагогу — это совсем другое ощущение. Раввин всегда присутствует и выступает на праздниках, проводимых в школе. Одно только присутствие нашего Раввина — это уже для всей школы большая честь и праздник. Своим приходом он создаёт атмосферу праздника! И, конечно, во всем нам помогает.

Я уверена, что наша еврейская жизнь будет процветать.

ШМУЭЛЬ КОТ

БЫТЬ ЕВРЕЕМ, БЫТЬ
СОБЛЮДАЮЩИМ
ЕВРЕЕМ, ДАЁТ
СПОКОЙСТВИЕ
И ПРАВИЛЬНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ
В ЖИЗНИ. БЫТЬ
СЧАСТЛИВЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ И БЫТЬ
СЧАСТЛИВЫМ ЕВРЕЕМ
— ЭТО ИДЁТ ВМЕСТЕ.

Для меня это честь быть в таком коллективе, вместе с такими людьми, о которых написан «Еврейский паспорт». Читая «Еврейские паспорта», заставило меня задуматься о моём еврейском происхождении. У меня и со стороны мамы, и со стороны папы еврейские корни, по крайней мере, последние 200 лет. Во всех поколениях члены нашей семьи соблюдали еврейские Законы, и не было ни одного дедушки, ни одной бабушки, которые отошли бы от их соблюдения.

Со стороны папы прадедушка Хаим Ноах Кот приехал в Израиль из города Жежмир (Zezmir). Это маленький городок в Литве недалеко от Каунаса. Его родители занимались бизнесом - поставляли пух и перья для изготовления подушек. И тем не менее прадедушка рассказывал, как они соблюдали Законы, каждый день занимались изучением Торы. После Первой мировой войны многие евреи почувствовали, что должны уезжать из Европы. Мой тогда ещё молодой прадедушка уехал в Израиль. Но многие евреи не хотели оставлять нажитые места. Все родные и близкие прадедушки, а это была большая семья, остались в Литве. ...Они все погибли там во время Холокоста... В Израиле прадедушка познакомился с моей прабабушкой, Хая Леа Айзлер, она была из семьи польских хасидов. Хая Леа была уже третье поколение своей семьи в Израиле. Со стороны этой прабабушки я уже шестое поколение в Израиле. Прадедушка и прабабушка занимались гостиничным бизнесом, у них была гостиница в городе Тверия.

Их сын, мой дедушка Яков, родился в Тверии. Он учился в хедер, потом работал. Яков участвовал в войне за независимость Израиля 1948 года. Со временем дедушка переехал жить в Иерусалим. Там он ходил в ту же синагогу, куда ходил Мордехай Лернер - его будущий тесть. Раньше да и сейчас, если соблюдающие еврейские Законы парень и девушка хотели познакомиться для создания семьи, то в этом им помогала шадхен. По-другому они и не могли познакомиться, потому что нигде не могли просто так встретиться: они не работали вместе, в синагоге находились отдельно... Я уверен, что шадхен для моих бабушки и дедушки сделала хорошую работу.

Я всегда чувствовал, как дедушка и бабушка любили друг друга, можно сказать, что это была Б-жественная Любовь. Дедушка был из семьи литваков. Он был обычным евреем, не был раввином и не был сыном раввина. Его жена, моя бабушка Шошана Блюма, происходила из почётной раввинской семьи: дедушка был раввином, папа - учителем. Когда она собралась выйти замуж за дедушку, люди удивлялись, как это дочь раввина выходит замуж за обычного человека? Шошана Блюма им отвечала: «Я чувствую в моём женихе то, что не чувствуете вы». И прадедушка Мордехай говорил: «Я хорошо знаю Якова, вижу, как он 3 раза в день приходит в миньян на молитву. Хотя повседневно он совсем не в белой рубашке ходит, но я вижу его еврейскую душу - и это самое главное». Дедушка знал много языков, он говорил на иврите, идиш, арабском, английском, литовском. Дедушка работал главным бухгалтером в мэрии Иерусалима. Он был очень занятой человек. И несмотря на то, что у него была обычная работа, где работало большинство не религиозных людей, он не пропустил ни одной ежедневной молитвы. Днём он работал, а вечером ходил заниматься Торой. Дедушка был габэ в синагоге, несмотря на то, что был обычным евреем. Как-то он открыл синагогу при школе и собирал там людей для молитвы по пятницам, потому что в том районе жили не религиозные евреи. Папа рассказывал, как он помогал своему папе, как они приходили пораньше в эту синагогу, расставляли там стулья, на стол клали скатерть... Дедушка служил в израильской армии, участвовал в Шестидневной войне 1967 года в боях за Иерусалим. Он всей душой любил Страну Израиль - Эрец Исраэль. Жизнь дедушки Якова является для меня доказательством того, что можно жить обычной жизнью и не отступать ни одного шага от еврейского Закона и соблюдать не только потому, что так привык — дедушка делал это с любовью, он жил этим, это давало ему энергию жизни. И бабушка это всегда чувствовала. Они жили в огромной любви, несмотря на то, что были разные люди из разных семей. Бабушка Шошана Блюма могла глубоко чувствовать и понимать других людей. Для бабушки было важно не только что-то сказать, но и очень важно,

как её слова восприняли другие люди, что они почувствовали. Какое огромное чувство любви к людям было у дедушки и бабушки, сколько хэсэд и помощи они оказали другим людям! Всё, что делали бабушка и дедушка, как они жили — всё было с душой. Светлая им память. Мы, внуки, узнали об этом уже после их смерти. Многие люди рассказывали, как дедушка каждую пятницу ходил на рынок покупать продукты и потом относит нуждающимся. Как бабушка ходила к одной больной женщине, за которой никто не хотел ухаживать, она ходила к ней два раза в неделю, мыла её, ухаживала... Многие знали, что можно в любое время прийти к Якову Кот и получить любую помощь - он никого не оставлял без помощи... Наша семья и бабушка с дедушкой жили в разных частях Иерусалима, ходить пешком друг к другу в гости было далеко. Но я помню, когда был ещё маленький, в пятницу мы иногда ездили с мамой к бабушке и обменивались шабатными угощениями. В пятницу до наступления Шабата всегда было такое ощущение, как будто все на колёсах: это надо купить, это надо успеть... Когда к ним приходили внуки, дедушка и бабушка так радовались, что самое лучшее угощение ставили на стол. В сам Шабат — это были другой дедушка и другая бабушка. Менялось всё: не только одежда, не только дом - люди становились другими, их лица сияли. Дедушка, который всю неделю занимался будничными делами, всегда хотел, и бабушка ему в этом помогала, дать людям почувствовать красоту Шабата. Бабушка знала много песен на идиш и очень любила их петь. Каждый год в день Рош хашана с утра дедушка Яков пешком шёл к Стене Плача, где вместе со своим постоянным миньяном молился - он был хорошим кантором. Утренняя молитва длится где-то 4 часа. После молитвы вместо того, чтобы пойти домой и насладиться праздничной трапезой, он ходил в больницу, где лечились не только евреи, трубил там в шофар, чтобы дать и там чувство Большого Праздника. Он ходил и в другие места, чтобы донести до людей слова Б-га, и дать им возможность тоже слушать шофар. Слава Б-гу, я получил этот шофар моего дедушки Якова и использую этот шофар здесь в синагоге на Рош хашана.

Дедушка моего дедушки со стороны мамы приехал в Израиль из Белоруссии.

Это была хасидская семья. Папу дедушки звали Шмуэль Гершон. В то время Израиль находился под властью Османской империи. Прадедушку забрали в турецкую армию, где он погиб... его даже не похоронили по-еврейски... Дедушка Йешуа Мордехай родился в городе Хевроне. Израиль в то время всё ещё находился под властью турок. В 1929 году в Хевроне был погром, убили много евреев. Дедушкина семья уехала из Хеврона в Иерусалим за несколько недель до этого. Он рассказывал, что в Хевроне у них были хорошие отношения с соседями-арабами, и он никогда не мог верить, что арабы так смогут поступить со своими соседями, с которыми жили хорошо. Я думаю, что Йешуа Мордехай был цадик. Что это значит? Дедушка остался сиротой, без папы, когда ему было меньше 10 лет. Мама дедушки работала очень много и тяжело как помощница у разных людей, была очень бедной. Дедушка оказался в детдоме... Свою личность ему пришлось выстраивать самому. Интересно, что в этот же детдом, в который он пришёл мальчиком в 12-13 лет, выучившись затем в ешиве, Йешуа Мордехай вернулся работать и работал там директором до конца своей жизни. Он был очень чувствительный человек и очень много знал. Внешне он был тихий, спокойный, никогда не занимал первое место, не мог громко разговаривать, даже голоса его не было слышно. Единственное место, где его могли услышать, это в синагоге, когда он молился на Рош нашана и Йом Кипур. Он не был кантор, он был Бааль Тфила - Мастер молитвы. Когда он молился, ни один человек не мог остаться без слёз. Дедушкина молитва была особенная, от всей души, как будто человек находился в другом мире. Когда дедушка ещё учился в ешиве в Израиле, ему посчастливилось встретиться с Шестым Любавическим Ребе, Йосеф Ицхок Шнейерсон. Любавический Ребе, посмотрев на дедушку, сказал, что у него чистые глаза и чистое сердце. Дедушка каждую свободную секунду читал, учился, в кармане у него всегда была Тора. Он был очень талантливым во многом. Например, писал стихи на иврите. Эти стихи публиковали под псевдонимом Йуд Мор Дрор. Никто даже не знал, что это его стихи. Я запомнил его стихотворение про стол, который когда-то стоял у них дома,

как за этим столом было и много радости, и много горя. Со временем стол стал уже старым, решили его заменить... Всё это было написано с глубоким чувством, с душой. У него была действительно особая душа. Он избегал публичной известности, но поскольку очень много знал, глубоко чувствовал других, люди тянулись к нему за советом. Он обсуждал с ними их проблемы, давая людям чувство, что они сами решили свой вопрос, всегда говорил, что это не он сказал им какую-то мудрость или совет, а что это слова Торы. Когда дедушка уже был старенький и сам не мог в синагогу ходить, каждую субботу к нему домой приходили люди и пели хасидские песни, потом он комментировал Тору... Такой спокойный. Тихий. Невысокого роста. Дедушкин младший брат Авраам Липкин уехал жить в кибуц, полностью отошёл от религии, также и его сестра. Наверное, многие знают, что кибуцники были не только не религиозные - они были антирелигиозные. Дедушка был сильным и остался в религии. И тем не менее у них с братом сохранялись хорошие отношения. Дедушка пытался уговорить брата вернуться к религии. После смерти дедушки нашли много писем, которые он писал брату. Так вот, в конце концов его брат отстриг бороду и там в кибуце открыл синагогу.

Бабушка со стороны мамы, Гита Рэйзел, родилась в Израиле. Она тоже осталась рано сиротой, потеряла родителей в детстве. После провозглашения независимости Израиля местные жители стали менять идишские имена на ивритские. Бабушку стали звать Това. Бабушка была уже девятое поколение, жившее в Израиле. Она была не типичная еврейская бабушка, всегда говорила прямо, что думает, но на неё никто не обижался, потому что у неё был такой характер - она хотела изменить мир к лучшему. Даже, когда она уже была больная, она оставалась очень активной бабушкой. Дедушка и бабушка встретились и поженились в Израиле. У них в семье жена дополняла мужа. Всю жизнь они работали тяжело. До конца жизни у них не было своей квартиры.

О моих родителях. И мама, и папа родились в Иерусалиме и всю жизнь живут в Иерусалиме. Папа Авраам Кот родился в семье литовских евреев.

Папин брат был главой литовской ешивы. Но всё-таки моему папе больше нравилось хасидское направление. Ещё в юности папа познакомился с раввином А.Штейнзальц, вместе они учили «Тания», хасидут. Когда папа начал соблюдать хасидские обычаи, он начал вести себя по-другому, чем было принято у них в семье. Например, есть такое хасидское устроение - на Песах кушать мацу без воды, чтобы маца не соприкасалась вообще ни с водой, ни с солью, ни даже с едой. Считается, что в маце может остаться не пропечённая мука и это может образовать хамец. Несмотря на это, родители приняли его хорошо, никаких замечаний сыну не делали. У них в семье всегда царила любовь друг к другу. Папа учился в хасидской ешиве в Америке. Всю жизнь работал учителем в Иерусалиме в разных ешивах, также в институте, где обучают раввинов. Я никогда не видел папу просто сидящего на диване. Он даже не понимает, как можно сидеть без дела. Он всё время учится, готовится к урокам... Ещё одна отличительная черта моего папы - он никогда дома не разрешает обсуждать кого-то. Как только начинаешь рассказывать о другой семье или о ком-то, папа сразу же говорит: «Стоп». Мама Леа Кот из хасидской семьи, была младшей в её семье. Мама всегда работала в системе образования, много лет работала в светской школе, где мальчики и девочки учились вместе. Благодаря моей маме, многие из её учеников стали соблюдать традиции. В Израиле есть такое правило, что учитель работает 6 лет, 7-ой год отдыхает. Но мама всегда старалась в этот 7-ой год больше учиться самой, чтобы получить ещё более высокую степень. После школы она перешла работать в Министерство образования, где работает до сих пор. Конечно, в многодетной семье всегда есть работа. Мама успевала всё: дома всегда была вкусно приготовленная еда, она успевала уделять внимание каждому ребёнку и помогать своим родителям. Сейчас все мои братья и сёстры уже взрослые, имеют свои семьи. Но мама всегда ищет, чем заниматься. Она открыла в Иерусалиме женский клуб. Сначала это был небольшой клуб в том районе, где живут родители, теперь этот клуб стал для всего Иерусалима. Кроме этого, мама ещё преподаёт в Педагогическом институте,

кстати, моя жена Хани тоже училась в этом институте. Но и это ещё не всё! Она всё время ищет, где может ещё помочь. Несколько раз мама ездила в Петербург, помогала создавать учебные программы в Еврейской школе. Такую же помощь она оказывала Еврейской школе в Бразилии.

Люди иногда думают, что когда много детей, это, наверняка, мама не имеет терпения с детьми, не ухаживает за ними... Я больше, чем уверен, что всё зависит от самого человека. Я научился у родителей, что в жизни нужно иметь правильные приоритеты. И мама, и папа работали очень много. Даже, когда дети ещё маленькими были, они также уделяли внимание и своей семье. Сколько помню и знаю своих родителей, они никогда не тратят время просто так. Внимательно относиться ко всем людям, давать в любом смысле другим с душой — это я видел у моих родителей. Конечно, у нас дома соблюдались все еврейские традиции. Мы даже не знали, что можно кушать не кошерно и даже такой возможности не было. Все заповеди в нашем доме исполнялись естественно, не как обязательство, не под нажимом со строгим лицом, а как удовольствие. Мы радовались исполнению Заповедей. Так же, как все дети, когда папа брал нас с собой в синагогу, мы в это время хотели играть. Папина рука в это время была твёрдая, но заботливая, в мягком одеянии. Это очень важно, соблюдать всё в радости! Тогда всё происходит естественно. Если человек делает всё через силу, очень трудно чувствовать себя естественно. Шабат — это радостный день, мы ждали этот день. Я хорошо помню Шабат у родителей — это даже словами рассказать невозможно. Это другое ощущение. Мы жили тогда в небольшой квартире. Но я не помню ни одного Шабата, когда была только наша семья, у нас не было Шабата без гостей. И эти гости вынуждены были оставаться у нас и ночевать, потому что в субботу ездить нельзя. Среди гостей были разные люди: и большие, и одинокие старики - и тогда у них тоже появлялось чувство дома, приходили и люди, которые не соблюдали Заповеди. Но это возвышенное чувство, ощущение святости и красоты Шабата меняет взгляд на мир, даёт силу на всю будущую неделю. Когда Шабат заканчивался, всегда было грустно. Наступает воскресенье, нужно идти в школу...

И мы уже начинали ждать, когда наступит следующий Шабат.

У мамы с папой 10 детей, я — четвёртый. Моя старшая сестра Хани живёт в Бразилии, она работает заведующей еврейского детсада. Брат Шнеор живёт в Риге, работает ассистентом раввина и габаем в Рижской синагоге. Ещё одна старшая сестра Бат-Шева живёт в Иерусалиме, она работает волонтером с пожилыми людьми. Младший после меня брат Хананэль живёт в Бейт-Шемеш. Он работает учителем, там же открыл маленькую синагогу, которая служит и местом для общины. Следующий младший брат Мойше живёт в городе Бейтар, работает учителем в хедере. Он всё время занимается самообразованием - стремится повышать свою квалификацию. Следующая младшая сестра Михаль замужем за раввином, посланника Хабада. Они живут в Доминиканской республике. Там очень мало местных евреев, но много туристов. Там есть и маленькая еврейская школа. Михаль организовала очень успешный женский клуб. Ещё два младших брата служат в израильской армии. Один из них, Хаим, ещё работает как сойфер, пишет свитки Торы. Другой брат Исраэль живёт в Кирьят Хаим, недалеко от Хайфы. Недалеко от его дома есть небольшая синагога. Раньше туда ходило мало людей. Брат решил оживить эту синагогу. Целую неделю он служит в армии, но в субботу приходит в эту синагогу, читает лекции, занимается с молодёжью. Самая младшая сестра Дина работает учительницей в Еврейской школе в Москве.

Как я стал раввином. Я учился в хабадской ешиве. В ешиве учат многому. Я стал раввином, многие мои сокурсники стали бизнесменами, учителями, адвокатами. У меня всегда было желание жить не только в микро, но думать и о макро - так учил нас Ребе. То есть думать не только о себе, но и помогать другим людям. Если люди богатые, тогда, наверное, они могут помочь деньгами. Мне всегда было ясно, что я по-своему буду помогать людям. Любавичский Ребе в своём послании ко всем евреям говорил: «Наша задача не в том, чтобы иметь веру. Мы верим независимо от нашего желания. Она, вера, вошла в нашу кровь от предков, которые отдавали за нее жизнь. Задача состоит в том, чтобы перенести высшее видение, которое давало им веру, в наши умы, в наши личности, в наши слова и дела повседневной жизни.

Задача – сделать веру частью нас самих и нашего мира». Помочь людям в этом — это и есть задача раввина.

Когда мы знакомились с Хани, уже на первой встрече нам обоим было ясно, что мы будем шлухим — посланниками Любавичского Ребе. Когда мы поженились, первый год мы жили в городе Лод, Хани родом оттуда. Хани работала учительницей. Я продолжал ещё заниматься с частным учителем в ешиве. Мы подали заявление в международную любавичскую организацию о том, что хотим помогать какой-то общине. Нам предложили на выбор три общины: в Испании, Болгарии и Эстонии. Мы с Хани поняли, что если хотим где-то помочь, то Эстония это то место, где можно больше делать нашу работу: во-первых, потому что в Эстонии вообще не было раввина, во-вторых, здесь община небольшая. Когда мы первый раз приехали в Эстонию, можно сказать, что были в шоке от того, что увидели и услышали. Но, к счастью, тогда я не знал русский язык, и не понимал, что люди здесь говорят... Нас попросили остаться, и мы остались. И слава Б-гу, мы довольны, что остались. С самого начала мы видели и чувствовали, что Б-г нам помогает, помогали и люди. Мы рады, что здесь, мы счастливы, что здесь! Но у меня нет чувства самоуспокоения: «Вот-мол, молодец! Я уже сделал так много...» Есть ещё очень много, что нужно делать и с Б-жьей помощью будем продолжать делать. Особенно, когда нам помогают здесь люди с чистой душой. Мы с Хани взяли one way ticket. Работа которую мы делаем — это не работа, когда начинает один человек, а завтра эта работа предоставляется другому. Здесь быть - это значит: жениться, создавать свою семью, стать членом единой еврейской семьи всех евреев Эстонии, быть всегда с вами, помогать и продолжать начатое. Люди доверяют мне, я стал членом семьи многих евреев. Когда же наступит время исполнить пророчество «Весь еврейский народ соберётся в Израиле», мы все вместе поедem в Израиль. А пока мы живём здесь, в Эстонии.

Конечно, у меня была и есть мечта, что я хочу сделать как раввин. Моя мечта, что в Эстонии будет масса евреев, которые живут повседневной жизнью, работают

в разных отраслях и делают разную работу, но они соблюдают традиции и живут обычной еврейской жизнью: соблюдают кашрут, Шабат, ходят в синагогу на молитвы. У евреев Эстонии должна быть настоящая, не искусственная, еврейская жизнь. Моя мечта, чтобы евреи понимали и хотели то, что им надо. Когда евреи будут чувствовать, что именно им это надо, они постепенно подойдут к соблюдению Заповедей. Моя мечта, чтобы в синагогу пришли Хаим, Мойше, Янкель..., один - после работы, другой - до работы... сидят в Бейт мидраш, учатся вместе... Моя мечта, что все евреи Эстонии соблюдают кашрут и поэтому могут ходить друг к другу в гости... Моя мечта, чтобы в Шабат парковка во дворе общины была пустая, потому что все пришли пешком. Мои мечты потихоньку начинают сбываться, это всё уже происходит, и еврейская жизнь будет развиваться дальше. Потому что настоящая еврейская жизнь - искренняя, правильная для еврея и всегда поддерживала евреев. Я уверен, что в Эстонии будет настоящая хорошая еврейская жизнь! Соблюдение еврейских Законов, на самом деле, это не трудно. Хотя менять стиль жизни трудновато, но вообще это очень реально. Правильно быть евреем - это значит иметь обязательство соблюдать Заповеди и еврейские Законы. Но это не значит, что если еврей не соблюдает, он не еврей - у него еврейская душа, поэтому он является евреем, который в данный момент не соблюдает. Если еврей соблюдает хотя бы одно маленькое обязательство и соблюдает потому, что является евреем, то в этом он еврей. Поэтому у каждого еврея должно быть желание не просто быть евреем, а побольше иметь моментов в жизни жить, как еврей. Но если еврей сидит за столом и ест то, что ему хочется, а не то, что разрешается, то в этот момент он еврей, который кушает, как не еврей. Даже, когда кажется, что соблюдать трудно, надо относиться к этому с любовью, интересом, радостью. Нужно только представить, что сделать это попросил Ваш самый любимый, самый дорогой для Вас человек. Сделайте, потом придёт и чувство необходимости соблюдать. Быть евреем, быть соблюдающим евреем, даёт спокойствие и правильное направление в жизни.

Быть счастливым человеком и быть счастливым евреем — это идёт вместе. Это подтверждает и статистика. Согласно данным Центрального статического бюро Израиля, больше 90% религиозных людей в Израиле довольны своей жизнью и благосостоянием.

ГАЛЯ КЕЛЕНЗОН

ВСЕ ЕВРЕИ — ЭТО
ОДНО ЦЕЛОЕ, ЭТО
ОДНА ЕВРЕЙСКАЯ
ДУША!

Я родилась 6 элул 5714 года в небольшом украинском районном центре городе Новоград-Волынский, Житомирской области. На нашей улице в центре Новограда жили только евреи. Мои родители, мама Элла Келензон, девичья фамилия Маленбойм, и папа Шая Келензон тоже родились в Украине. Мама из Славуты, Хмельницкой области. По её рассказам в молодости жизнь у неё была нелёгкой. Папа Эршл умер ещё до войны. И её маме Гитэл пришлось поднимать на ноги троих детей, у мамы было ещё два брата. Когда началась война, маме исполнилось 14 лет. Старшего брата забрали служить в армию, а бабушка с моей мамой и младшим сыном эвакуировались. Были они на Волге, в Астраханской области. От тяжёлой жизни мамина мама умерла в эвакуации, мама осталась сиротой. Младший брат попал в детдом. Когда старший брат вернулся домой после войны, разузнал, где его сестра, сразу поехал и привёз маму в Славуту. Что случилось с другим маминым братом — никто ничего не знает, хотя после войны пытались его разыскать... Потом маму познакомили с папой, они поженились и мама переехала в Новоград-Волынский, там жила папина семья. Когда я спрашивала у мамы, соблюдали ли они до войны еврейские традиции, мама всегда вспоминала, что в Славуте была настоящая еврейская жизнь, говорила, что даже вопрос об этом не возникал — они просто жили еврейской жизнью. В Славуте было много евреев, мамина семья жила недалеко от семьи местного раввина, одна из дочек была маминой подругой.

Папиных маму и папу я ещё застала. Но дедушку Хаима я совершенно не помню, мне не было ещё 2 лет, когда он умер (светлая память о нём). У нас в семье есть старая потёртая фотография: дедушка с бородой, на голове у него картуз (так на Украине называли кепку) и бабушка-красавица с шабатней шалью на голове. Но как ни странно, я помню, как дедушка меня на руках укачивал: «Ай ля-лю-ли, Галкелэ, мир зол зайн фар Галкелэ...» А может, мне мама просто часто рассказывала об этом?.. И, мне кажется, что моё глубокое стремление ко всему еврейскому мне передал дедушка Хаим.

Мама часто рассказывала, каким большим почтением и уважением пользовался дедушка в Новограде. После войны синагоги в Новограде уже не было, евреи собирались молиться у кого-то дома. И дедушка вёл эти молитвы, руководил этим, он был самым большим авторитетом у евреев Новограда и в вопросах Торы и Галахи, и просто в житейских вопросах. Когда он уже перед смертью не мог вставать с кровати, евреи приходили к нему домой, чтобы он мог молиться вместе с миньяном, а когда были его похороны, собрались все евреи Новограда и не только евреи... Бабушку, папину маму, звали Бруха. Всё время вспоминаю, когда в 1991 году моя сестра и родители репатрировались в Израиль, у нас дома (я жила тогда в Таллинне) телефона ещё не было — дефицит!) И где-то через месяц, когда сестра начала в ультимане учить иврит, она мне звонит на работу. Представь себе 1991 год и проводи свой семье с мыслями, что это навсегда... И вдруг «с того света» тебе звонят!!! И вот на работе тебя зовут к телефону и говорят: «Тебе из Израиля звонят!» На работе в моём отделе была только я еврейка. Когда я прибежала к телефону, я так кричала: «Алло, вы живые?!» А сестра мне в ответ: «Ты знаешь, оказывается, Шая на иврите означает подарок Б-га, Бруха — благословение, а Хаим — это жизнь!» :))) Вот такие были мы «тёмные», ничего абсолютно, кроме того, что национальность — еврей, не знали! Бабушку Бруху я помню очень хорошо. Бабушка умерла, когда я уже была совершеннолетней (светлая память о ней). Папина семья была строгих еврейских традиций. Когда началась война, папа, единственный ребёнок в семье, служил в советской армии. И его вот-вот уже должны были демобилизовать, но отправили на фронт. Бабушка не спала ночами, так переживала — единственный сын, детей она больше не могла иметь, после рождения сына у неё образовалась грыжа... Она молилась днями и ночами: «Только бы он вернулся, Г-тыно, каким угодно, только бы он вернулся...» Бабушка, как чувствовала, где находился её сын — папа попал на Сталинградский фронт. Надеюсь, все знают, что это за критическое место было в той войне... Когда у папы спрашивала об этом, он всегда только это говорил: «Был дан приказ: камень за

камень!, дом за дом!, улица за улицу!... не отступать!!!... спереди немцы стреляют, сзади - «наши»...» Папа вернулся с войны без правой руки... Ему «повезло», его ранили в первые же дни Сталинградской битвы, в госпитале началась гангрена... руку пришлось ампутировать... Но бабушкины молитвы были услышаны — папа вернулся живым из этой «мясорубки». Я помню бабушку, сидящей за столом и читавшей молитвенник, а может это был Теһилем, сейчас это трудно сказать. О традициях, иудаизме бабушка особо мне не рассказывала. Но помню, как бабушка всегда на Шабат зажигала свечи, всегда у неё была плетёная хала. Специально для бабушки папа (он был а гитраер зин) ходил к шойхету резать курицу, чтобы она была кошерной... Бабушка, с трудом передвигаясь (последствие родов), никогда не нарушала кашрут, я часто слышала дома: «Это трэф». Иногда и я ходила к шойхету. В годы моего детства в Новограде ещё был шойхет! На Песах, помню, из большого ящика доставали красивую посуду, бабушка заранее, чтобы успеть настояться к Песаху, готовила хрен со свеклой... Какая-то торжественность наступала в доме во время Песаха! Ещё помню, как в Йом Кипур (у нас дома говорили Йом КИпэр) папа брал курицу, делал круги над моей головой, потом над головой сестры, говорил молитву. Потом эту курицу несли к шойхету. В Хануку бабушка давала мелкие монеты — ханука гелт. Дома разговорный язык был идиш.

Мои родители для меня - это эталон, какими должны быть родители. Тогда в детстве мне это казалось таким естественным, мне казалось, что по-другому и быть не может. Несмотря на то, что папа большую часть жизни прожил без правой руки, он всю жизнь работал. И всё, что он зарабатывал, было для семьи. Я была уверена, что все еврейские папы такие! С папой я была очень близка и внешне, и духовно. Меня называли Шаиной дочкой. Сейчас, когда я много читаю об еврействе, мне иногда даже кажется, что папа был одним из Праведников. Уже я была почти совершеннолетней, когда советские евреи потихоньку начали эмигрировать. И я знаю многих людей, которые приходили к папе и просили, чтобы папа читал кадиш в Йорцайт их родственников, организовал бы уход за могилами.

А многие и писали ему из Америки, Европы с этими же просьбами. У папы всё было записано, всё аккуратно хранилось, и он никому не отказывал. Папа всю жизнь был благодарен человеку, который хоть один раз был добр с ним, даже если это было чем-то совсем незначительным. Когда он репатрировался в Израиль и до самой его смерти (светлая память о нём), евреи, которые позже репатрировались, привозили ему приветы из Новогграда. Папа остался в доброй памяти у многих людей. Когда папа собирался репатрироваться, он был такой счастливый! Несмотря на то, что было много хлопот перед отъездом, улыбка не сходила с его лица: «Сбылась не только его мечта, но и мечта всех предыдущих поколений! Он сможет жить в Израиле!» С самого первого дня и до самого последнего дня, пока папа мог сам ходить, он ходил в синагогу на все службы. В праздники папа и мама вместе ходили в синагогу. В первые же дни репатриации они поехали в Иерусалим к Стене Плача.

Моя дорогая мамочка была настоящей идиш мамэ. Для своих детей, зи ферлойфт алэ выген — всё делала для своих детей, а потом и для внуков. Ещё помню, как моя мама была примирителем. Если она знала, что кто-то находился в ссоре, она всегда старалась их примирить. Иногда до смешного доходило: наши дальние родственники, родные брат и сестра, общались через мою маму. Все родственники, которые приезжали в Новоград издалека, очень любили останавливаться у нас дома, несмотря на то, что в городе у них были более близкие родственники. Причина была очень простой: «Мы даже в 5* гостиницах не ели такие вкусные обеды и не спали на такой белоснежной постели, как у Эллы», - говорили они. Мама сияла от счастья! Тогда мне казалось естественным такая вкусная еда, а теперь я очень понимаю этих родственников:) Кто хоть один раз попробовал мамини гебротэне жаркое или прозрачный юх мит «ды лыпэн» из свежей, только что зарезанной курицы, - никогда этого не забудет :) Она всегда просила: «Пожалуйста, дайте мне меню, я тогда буду знать, что готовить. И неважно, как сложно было это меню, не важно, какой поздний или ранний час был, она вставала и готовила: мыльнцы, крэпэлах... хочеш с мясом — пожалуйста, хочеш с творогом - пожалуйста, хочеш ещё - пожалуйста.

Когда я жила в Новограде, синагоги не было, Но, помню, на Песах мамин брат привозил мацу из Славуты, там её пекли. Евреи Новогграда знали об этом и покупали эту мацу у мамы.

Мама очень красочно говорила на идиш, для любого случая у неё находились свои выражения, поговорки, частушки - настоящий идишский фольклор. Вот только некоторые из них:

Галкеле, ду вэйст? дэм алтэм шамэс Бенюменем? - это мама иронизировала, когда я показывала свои знания;
ай-ай-ай, а иц ин паровоз! - когда «достижение» не такое уж значительное;
ди фурст шэн? Мыт дэм штрэйнем поезд о мыт дэм настоящим? - когда уже были куплены билеты в дальнюю поездку;
ди райбст зих ойс аф а шматэ! - когда достигала каких-то успехов;
а мы льйт — дольйт мэн — когда наконец-то случилось долгожданное событие;
ин а штэр, ин а мазэтекер шу — умэйн-цэло! - так благословляла;
сы брэнт ин ди зэйен — когда то, что показывала, ей очень нравилось;
сы шен нах ди хупэ — аналогично русской поговорке «Дорога ложка к обеду»;
а грап Пэтоуки - — когда кто-то вёл себя достойно, представительно (Гер-Цедек - польский граф Потоцкий, ставший евреем);
шик им шамес ун гей алэйн — когда приходилось ей долго ждать исполнения своей просьбы;
а гидылэ шон гетрофэн: ди кац шон бэкецелт - событие, которое для неё было совсем незначительным;
а гелэймтер молодец - когда что-то не получалось;
а хэсурэн — ди калэ ист цу шэйн — когда всё было безупречно, а всё равно нашёл какой-то недостаток;
а сэхэртэ — когда проявляла свои деловые качества;
их шен мир ныт миканэ — когда предстояла работа, которую не хотелось делать;
а мышпухэ фын тьюлкес — когда в какой-то семье отношения были не совсем достойными;
эйбт зих ун а майсэ — когда начинаешь всякие отговорки придумывать;
ди ост мир ин зынен — была рада, когда

что-то приятное ей делала;
 а штык флэйш мыт эйген — аналогично
 «ни рыба, ни мясо»;
 а нэврэр а инт аройслээн — когда за
 окном ливень, слякоть, вьюга...;
 мыт дэм вайсэн лэбер — о равнодушном
 человеке;
 вэр кен зих цу мир глахен? - когда была
 очень счастливой;
 ви штейт им ун — о человеке, который
 очень высокого мнения о себе;
 сы дрейт цах дер шлэер — когда вокруг
 суета, суматоха перед каким-то важным
 событием;
 кик ир (им) ун мыт майнэ эйген — когда
 кого-то или что нелюбое увидела;
 мы махнт зих ныт высындык — когда
 намеренно хотят что-то не заметить.
 Борэйгес, борэйгес...
 Их вэйст ныт фарвэст.
 Цвэй вохен нах ди хасэнэ - арунгелост дэм
 нуз - когда после пережитых восторгов,
 человек разочаровывается;
 Детская игра:
 Цип-цип эмерел,
 Ким ци мир ин кемэрэл,
 Их дир эпыс вайзэн
 А шысэлэ мыт райзэн!
 Разговор с Б-гом:
 Ой, Г-тыню, Г-тыню,
 Фазих майн компотэню,
 Ди выл высэн вус фар а таам
 Эр отэню!..
 Еврейская шуточная песенка:
 Ин дройсэн гэет а рэген
 Ди штейнер зонэн нас
 Унд мамэ мир гешикт ин очередь нах газ.
 Ин очередь, ин очередь
 Гештанын биз банахт,
 Гекимын азэйм
 Ун кен газ нит гебрахт
 У меня были очень любящие родители и
 очень дружная хорошая семья. Родители
 всегда давали мне неограниченную
 свободу. В 15 лет после окончания неполной
 средней школы на отлично, я улетела из
 родного гнезда в самостоятельную жизнь.
 Я поехала в Киев и закончила с красным
 дипломом Киевский политехникум
 связи. Это были ранние 70-ые XX века
 - «Оттепель». Первые эмигранты... На
 каждые каникулы приезжала из Киева
 домой. Новоград расположен как раз
 посредине дороги Киев-Чоп (самая
 западная точка СССР). Эмигрирующие

из Чопа по железной дороге доезжали до
 Вены, в Вене был перевалочный пункт, где
 определялись, в какую страну эмигрируют.
 Вспоминаю эту дорогу, едущую вместе
 со мной в поезде одну еврейскую семью,
 которая смогла уже тогда уехать из
 Советского Союза, как родители кормили
 (не лакомили, именно кормили) своих детей
 шоколадом, и этого шоколада у них было
 целыми упаковками... Ещё одна зарисовка
 из еврейской эмиграции: 1992 год.,
 международный аэропорт Шереметьево.,
 таможенный контроль еврейской семьи.,
 «Открывайте чемоданы...», ...полчемодана
 обычных ртутных градусников для тела.,
 таможенник, который оставляет только
 один градусник, остальные забирает... Для
 будущих поколений поясню: бумажные
 деньги (ещё даже и в помине не было
 понятия «электронные деньги, банковские
 карточки»), любые ценности вывозить
 было запрещено, недвижимость продавать
 запрещалось...

Уже почти в конце учёбы в техникуме
 у нас была полугодовая практика. Меня
 послали в Каменец-Подольский, Западная
 Украина. Помню, приехала, меня хорошо
 приняли, говорят, что сняли мне комнату.
 Однажды прихожу на работу и мне говорят:
 «Ты больше не можешь жить на этой
 квартире». На вопрос «почему?» долго не
 хотели отвечать, причиной оказалось, что
 эта семья не хочет, чтобы в их доме жила
 еврейка... Аналогичный случай произошёл
 со мной совсем недавно и в Осло... В связи
 с отличным окончанием техникума, мне
 не пришлось отрабатывать положенные
 советской властью по распределению
 3 года, я сразу поступила и закончила
 Московский электротехнический институт
 связи. Ещё будучи на практике от института
 в Таллинне, мне город очень понравился.
 И через несколько лет я решила приехать
 на короткий отпуск в Таллинн. В этот
 приезд познакомилась с Леонидом, моим
 будущим мужем. Так получилось в моей
 жизни, что дома мне мама всегда говорила,
 чтобы я вышла замуж за еврея, но почему-
 то я всегда нравилась мужчинам других
 национальностей и ни одному еврею:(И
 первое, что я говорила им при знакомстве
 после своего имени: «А ты знаешь, что я
 еврейка?» - я думала, что после этого они не
 захотят со мной встречаться... В детстве не
 помню, чтобы на меня говорили жидовка.
 Кстати, недавно первый раз побывала в
 Праге. Там жид, жидовская улица...

— это обычные чешские слова :) В Советском Союзе это трансформировалось в оскорбление... «Смешной» случай из этой поездки: в Праге довольно большой старый еврейский район, который в настоящее время стал музеем. Даже старое еврейское кладбище!, где нескончаемым потоком туристы со всего мира фотографируют могилы... Я плохо ориентируюсь в незнакомом месте и спрашиваю у официанта: «Как пройти на жидовскую улицу?» Это было совсем рядом. Ответ: «Я не знаю, я — не еврей» :))) Но я запомнила, что папа работал в самом центре Новогграда, его знали, думаю, все жители нашего города. Каким только именем гоим его не называли: и Миша, и Иван... И я всё не понимала, ведь Шая не так трудно произнести?... Ещё почему-то запомнилась моя первая учительница Римма Вадьвна. Она знала всех евреев в Новогграде, и когда их дети должны были пойти в школу, она приходила к ним домой и записывала детей в свой 1-ый класс, не дожидаясь, пока родители сами будут выбирать школу для своих детей :) Полкласса у нас были евреи. Со школы ещё один случай помню. Я училась в русской школе. Как-то ко мне пришла одна девочка из класса. Заходит, спрашивает меня, а в это время папа с мамой разговаривали на идиш. Слышу, мама - папе: «Ша, Шая, штыл, к Гале со школы пришли...» Нельзя, мол, на идиш сейчас говорить. Мои родители говорили на русском, но с некоторыми ошибками, как иностранцы. Теперь я находясь в таком же их положении — на эстонском говорю, как иностранка... Мне кажется, что это участь всех евреев галута до тех пор, пока мы не будем Дома.

Есть события в жизни каждого человека, которые он помнит всю жизнь. В моей жизни одно из таких событий отъезд родителей и сестры в Израиль. Папа уже давно хотел эмигрировать из Советского Союза. Но он всегда боялся даже документы подавать: «А вдруг это как-то помешает его дочерям, которые хорошо учились и получали в Советском Союзе высшее образование...» Помню ещё в 80-х годах к нам из США пришла посылка от незнакомых людей. А в ней... шуба!:) из искусственного материала, конечно. Как потом папа мне шёпотом рассказывал, эту шубу прислали евреи, чтобы папа её продал и у него были деньги на билет до Америки... Этого папа не сделал...

Но в начале 90-х XX века евреи из Новогграда уезжали уже массово. Кроме того, моя младшая сестра Леночка, которая после окончания Московского института жила в России, тоже согласилась вместе с родителями репатриироваться. Тут папа занялся оформлением и подготовкой к отъезду уже вплотную. В то время Сохнут очень активно помогал выезжающим евреям. Например, в Новоград-Волынском Сохнут организовывал автобусы, которые перевозили евреев через советскую границу до аэропортов с прямыми рейсами в Тель-Авив, нашу семью довезли до Варшавы, дальше отправляли самолётами. Чтобы попасть в такой автобус, нужно было записываться в очередь, иногда нужно было несколько месяцев ждать - так много было выезжающих... У меня уже к этому времени была семья, двое детей. Мы жили в Таллинне. Когда уже наступила дата их отъезда, мы все поехали помогать и проводить. Для меня одно из самых трудных занятий — это складывать вещи в чемоданы. Кстати, если кто помнит это время, то и чемоданы тогда просто так нельзя было купить. Три чемодана мы купили «по знакомству», которые после переезда в Израиль, уже были непригодны к дальнейшему использованию. И вот, представьте себе: подъезжает автобус, в нём уже сидят две семьи со всем своим скарбом, даже показалось, что уже наша семья с чемоданами и не войдёт туда :) Позади бессонная ночь - складывали вещи, разговаривали... У всех чувство, что это наша последняя встреча... Даже тогда, когда уже можно было свободно эмигрировать, не верилось в реальность происходящего и что это надолго... Никогда не забуду папины слёзы - никогда до этого я не видела, чтобы папа плакал... Взяти, конечно, только то, что поместилось в три чемодана... Всё, что было дома, что было нажито за всю жизнь: мебель, посуда, одежда... - всё осталось в квартире... Квартиру, ещё когда они были в Новогграде, «распределили» другим..., продать было невозможно ничего... И вот автобус с моими самыми дорогими людьми скрылся из виду... Бессонная ночь, сильные волнения, но отдыхать некогда — нужно ещё посмотреть, что можно из оставленного взять на память, сложить всё... А вокруг уже стояли соседи и ждали, когда из оставленного и им что-то перепадёт...

С собой взяла только старые молитвенники, похоже, что они ещё сохранились со времён моих пра-прародителей. Всю дорогу в автобусе до Киева, время ожидания в Борисполе, всю дорогу в самолёте до Таллинна я рвала... В Таллинн я приехала полумёртвой...

Когда родители только приехали в Израиль, папа сразу стал посещать синагогу, вставал рано утром, шёл на шахарит, вечером на маарив. Мама была очень общительная, со всеми она говорила на идиш, и у неё сразу появилось много новых знакомых. У неё всегда была потребность помочь каждому, кто нуждался в помощи. В самом начале она познакомилась с женщиной, которая была старше мамы и нуждалась в уходе. Мама сразу же без всяких организаций приходила к этой женщине и помогала, чем могла.

В Таллинне моя семья жила обычной советской жизнью. Моих родственников, знакомых у меня здесь не было. Окунуться в мою родную еврейскую среду я могла только, когда была дома у родителей. Иногда, правда, очень редко, я слышала на улицах Таллинна, как две золотого возраста дамы говорили между собой на идиш. Я, незаметно от них, шла за ними и слушала... Впервые, когда я увидела евреев в Таллинне, было первое учредительное собрание Еврейской общины в Русском драмтеатре. Для меня это было просто необыкновенное событие! Я познакомилась с некоторыми. Потом стала приходить на мероприятия, организованные общиной. Еврейская община Эстонии была первой еврейской общиной в моей жизни.

Дорогая Еврейская община Эстонии! Спасибо за то, что нас всех, таких разных, объединила! Спасибо всем Председателям Еврейской общины Эстонии, и всем бывшим, и настоящему, за то, что Вы достойно представляете всех нас! Спасибо всем работающим в общине, Вы все делаете свою работу со всей душой!

В 1990 году открывается еврейская школа. Сначала даже не знала, какого типа будет эта школа, думала, что типа воскресной. Но оказалось, что это будет самая настоящая школа, в которой ещё будут преподавать еврейские традиции, еврейскую историю, иврит. Я сразу перевела сына в еврейскую школу. В 1991

году мой сын Валера прошёл обряд Бар мицва в синагоге на Магдалеэна. Это был очень волнительный день в нашей семье. От организации «Джойнт» Валера подарили его первый талес.

1991 год. «Перестройка» уже начинает давать свои первые плоды. В том году дочка должна была пойти в школу. Сейчас это уже, конечно, история. Но тогда, живя при советской власти в глубоком застое, когда информации практически не было никакой, всё, что происходило, было малопонятным: путч в Москве, советские танки появляются на улицах Таллинна, их даже видно из окон, советские военные подразделения захватили телебашню... Помню, как на бывшем здании «Eesti kaabel» на Нарва мантеэ повесили эстонский флаг, но ночью его кто-то снимал, и утром уже висел красный советский флаг, и это повторялось каждую ночь... Тогда ещё даже не представлялось, что Советского Союза фактически уже нет, всё было неопределённо и непонятно, родители уехали, здесь непонятно, что будет... Уже в мае 1992 года, даже не закончив учебный год, отправила детей к бабушке с дедушкой в Израиль, мне даже тогда казалось, что спасаю их... Большинство предприятий просто перестают существовать, закрывается и «Эстбакалея», где в то время работала товароведом. Я остаюсь без работы. Для меня это было настоящим потрясением: как это? - у меня высшее образование, знала несколько языков..., но работу не найти! Это было очень тяжёлое время...

Время шло, семья требовала моего внимания, постепенно стала верить в себя и находить саму себя. Я поняла, что это время дано мне как щедрый подарок, и надо просто научиться его использовать! Наряду с тем, что я оставалась мамой, женой, хозяйкой дома, стала развивать свои до сих пор неиспользованные способности и искать новые возможности, которые даёт мне эта жизнь. Я делала открытия каждый день, даже те, которые всегда были, но я их даже не замечала! И я поняла, что я не несчастная, а мне дано самое большое богатство, о котором только можно мечтать: моё время, моя жизнь принадлежит только мне! Осознав это, начала бережно, стараясь ничего не упустить, использовать этот подарок для своего личностного развития — это время стало моим пробуждением.

С тех пор просто физически ощущаю, как коротка эта жизнь, даже если тебе сейчас 20 и дано дожить до 120..., а мне тогда было уже 39... Какие только навыки и способности ни приобрела я за это время! Стала активно интересоваться учёбой моих детей, часто приходила в школу, общалась с учителями и активно помогала им. Помню, когда дочка училась в школе, пришла в её класс и предложила девочкам курс: «Что значит быть красивой еврейской девочкой». Я приходила один раз в неделю и рассказывала, что значит для еврейской девочки быть красиво одетой, как правильно делать макияж. Мы вместе делали всякие поделки к праздникам для родителей и учителей... В конце курса вместе с классным руководителем Зоей Фрунзевой провели конкурс «Мисс еврейской девочкой». В этом конкурсе «Мисс» стали все девочки курса, кто стал «Мисс доброта», кто «Мисс умница», кто «Мисс «умелые руки»..., причём, выбирали «Мисс» мои ученики класса :) Каждая «Мисс» получила красивую открытку-сертификат и подарок — серебряную брошь. ...Когда мои дети приходили из школы, их не ждал пустой дом, где сами должны были заботиться о себе, а их ждала а идиш мамэ со свежим обедом :) Сейчас дети уже взрослые. Валера интересуется разными вещами и всё ещё ищет свой путь. Света после окончания имени Георга-Августа Гёттингенского университета работает врачом. Надеюсь, что она всегда будет помнить, что она - Еврейский Врач! Мне очень нравится анекдот: В США встречаются две подруги. Ты слышала, у Ривки сын стал Президентом Америки. ? Подумаешь, Президентом Америки..., вот у Сары сын стал Врачом!

Своё возвышенное состояние и волшебный удивительный мир, который открылся мне в то время, выражала в красивых открытках. Некоторые из них я изготовила ко дню рождения членам нашей общины, мои открытки посылали в качестве поздравления к Еврейским праздникам в еврейские общины в других странах. Это только один из отзывов о полученной открытке: «...a special thank to G.Kelenzon for the most beautiful handmade Rosh Hashana card I got, it'll take a special place... we even showed it at our meeting...“

Но особой моей радостью стало то, что научилась сама печь хлеб! Мне больше нравится ржаной хлеб, и раньше мне казалось чем-то заоблачным научиться его печь. Постепенно этот хлеб превратился в нечто особенное. Сейчас мы живём в начале эры Машиаха. Это удивительное время имеет огромную скорость, когда можно воочию наблюдать и зло в самых привлекательных одеяниях, и захватывающие дух чудеса, которые не только 100, но и 10 лет, а иногда и год назад было невозможно представить. В честь наступившей эры Машиаха я назвала свой хлеб «Новая эра», потому что в это время питание людей, как мне кажется, тоже будет отличным от того, что было прежде. Мой хлеб КАЖДЫЙ РАЗ! получается другой. Изготовление хлеба - это, действительно, творчество! В этот хлеб заложены принципы здоровой пищи: в его составе есть несколько сортов муки из цельного зерна, несколько сортов отрубей, несколько сортов семечек и орехов :) Кстати, и еврейский Закон советует есть «пат Исраэль» — хлеб, приготовленный еврейскими руками.

А самое главное, что произошло за те 10 лет(!) - это моё духовное развитие, постепенное понимание, осознание, что действительно значит быть евреем! В моём мировоззрении произошел переворот, появилось другое видение окружающего мира и другое отношение к жизни. До этого только одни вопросы были в моей голове, ответы я нигде не находила. Как-то я зашла в библиотеку Еврейской общины. У меня захватило дух - никогда до этого я не видела столько много книг по иудаизму, еврейскую художественную литературу, первые постсоветские еврейские журналы... Было такое чувство, как будто я в сказке, зашла в сокровищницу с драгоценностями и могу брать всё, что хочу и сколько хочу! И я стала пользоваться этой сокровищницей. Приходила в библиотеку каждую неделю и просто глотала запоем это богатство, никак не могла насытиться, как будто вода в песок уходила - мне хотелось ещё, ещё и ещё читать, читать, читать... узнавать узнавать узнавать... Было такое чувство, как будто яркие лучи света пробивались в моё дремучее незнание о себе, о моём народе, об истинной сущности этого мира!

Выросшая в материалистическом мире, впервые узнать о таком понимании мира было просто ошеломляющим! До этого слово “еврей” было для меня одной из национальностей дружной семьи народов Советского Союза, которую лучше скрывать, а оказалось!.. У меня захватывало дух от моих первых открытий и понимания, что это значит - быть евреем! Это побудило меня к самоусовершенствованию и Б-гобязанности. Это познание стало открывать во мне до тех пор скрытые качества, заложенные в моей душе. Постепенно понимание о том, кто я есть, что значат наши традиции, праздники, стало проясняться. Начала узнавать и глубоко понимать, что еврейские традиции, праздники - это не что-то механически выполняемое, а наполнено глубоким смыслом. Конечно, из-за невежества, полного мрака, в котором мы все находились в СССР, а моё поколение вообще другого строя просто не знало, понять эти основы иудаизма было очень трудно. Может быть, сейчас, когда наш Раввин проводит такую большую работу и рассказывает об этом на своих уроках, это не так впечатляет, но тогда, больше 20 лет назад, для меня это было огромное открытие! Приведу только несколько примеров. Конечно, я видела, что папа иногда делал омовение своей руки, а не просто мыл руку, но почему он это делает, никогда не объяснял. И тут, в этот период полного мрака, читаю: «Руки являются контейнерами энергии... делая по утрам специальное ритуальное омовение, мы удаляем негативность, которая аккумулируется на руках за ночь... Поэтому, когда просыпаемся, рекомендуется омыть руки до того, как дотронемся до любого отверстия в теле или дотронемся до другого человека, особенно, ребёнка...» Или другой пример: очень важно правый или левый ботинок одеть первым - стало понятно известное выражение «встал с левой ноги»... Или: «В физическом мире два человека могут находиться рядом и даже разговаривать, но в это же время они могут находиться на разных континентах в духовном мире, думая каждый о своём, а близкие душой люди могут разговаривать молча...» Какой же примитивный искажённый уровень понимания был у меня! Понимание того, что зло – это такая же сила, что и добро.

И тому, кто хочет расти в своём духовном развитии, негативные явления в жизни, неудачи являются очень полезными. Раньше это было моей большой проблемой, так как я не понимала, почему здесь плохо и почему там нехорошо... это очень мешало мне позитивно воспринимать этот мир и быть свободной. Ещё одно понятие иудаизма: вся вселенная и я, и каждый человек обновляются КАЖДОЕ мгновение - у меня опять дух захватило от этого открытия! Это значит, что то, что ещё мгновение назад казалось недостижимым, его уже нет! Просто надо ещё раз попробовать и идти дальше... Стала читать комментарии на недельную главу Торы. Конечно, всё это было на примитивном популярном языке. Но в то время для меня это было очень хорошо, понятно и давало силы подниматься в развитии. Так постепенно мне открылось, что быть евреем — значит гармонично сочетать материальную и духовную жизнь. Стала также понимать, что для еврея нельзя разделить национальное и религиозное, они идентичны, так как были даны В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ ХАШЕМ, а не человеком. У всех других народов из-за того, что они образовались постепенно, понятия национального и религиозного не связаны друг с другом, существуют сами по себе. Появился Интернет. Информацию на волнующую меня тему стала получать всё больше. Сейчас уже не могу себе представить ни одного дня, чтобы не читать комментарии на наши Священные Книги, популярные статьи по иудаизму, слушать лекции раввинов. Постоянное изучение, чтение еврейских источников помогло мне твёрже стоять на ногах, найти саму себя и всегда помогает в трудных жизненных ситуациях. Ежедневные новые открытия всё так же продолжает меня удивлять и вдохновлять, и малосенькими шажками, но всё-таки двигаюсь вперёд. После тех 10 лет моей жизни я стала совершенно свободным человеком. Меня не пугает жизнь без материального достатка, негативные явления, которое есть и сегодня, воспринимаю только как открытие новых возможностей и стараюсь их не упустить и делать максимально то, что могу и что в моих силах. Постепенно, проникая в суть понимания даже на поверхностном уровне, вызвало во мне жизненную потребность именно как еврейке найти своё предназначение и реализовать себя.

С тех пор, как мои дети стали ходить в Еврейскую школу, стали дома отмечать Шабат, в пятницу зажигаю шабатные свечи. Сначала я говорила молитву по-русски, но как то недовко себя чувствовала, с помощью детей начала постепенно говорить на иврите. Благодаря тому, что дети учились в Еврейской школе, стали узнавать об еврейских праздниках и отмечать их. Спасибо, дорогая Еврейская школа Таллинна, за то, что научила нас быть евреями! Спасибо, дорогие учителя Еврейской школы, Вы все являетесь Учителями с большой буквы!

У меня остались очень яркие воспоминания о первом посещении Израиля. Это было лето 1992 года. Вечерами на пешеходных улицах, набережных Израиля собираются евреи разных возрастов и просто танцуют! Их движения такие красивые, их лица такие радостные и прекрасные! Для меня это был какой-то сюрреализм... Здесь, в Советском Союзе, где при моей жизни не было войны, я не видела никогда на улицах танцующих людей. Получая информацию из советских масс-медиа, что в Израиле постоянно война, вокруг одни враги, когда впервые это увидела, я не могла сдвинуться с места, просто стояла и смотрела, и в глазах были слёзы... Ещё одна картинка: несу по улице от ранее приехавших знакомых раскладушку, навстречу мужчина несёт дверь :) Так поначалу устраивались вновь прибывшие, оставили всё на своей бывшей родине... Ещё меня просто поразили открытые подъезды в Израиле – дверей просто нет!.. Через несколько лет появляется в нашей жизни «Skure». Радости не было предела! Теперь всегда и безгранично могу разговаривать со своей семьёй, с моей дорогой мамочкой... 2006 год. Вторая Ливанская война. Я говорю с мамой... Сирена... Все бегут в убежище... Мама остаётся со мной разговаривать... «Куда я побегу? Разве я смогу быстро спуститься с третьего этажа?...» Так и остались мы разговаривать... И война, как будто такая далёкая, за 1000 километров, была и в моём доме в Таллинне... Моя дорогая мамочка! Как мне не хватает твоих умных глаз напротив и разговоров с тобой... (светлая память о тебе навсегда). Когда в Эстонию приехал работать раввин, моей радости не было предела! Наконец-то смогу ответы на свои вопросы искать не только в Интернете и книгах, но и спрашивать у живого человека!

Это был первый раввин в моей жизни! Всем евреям Эстонии, думаю, что и всей Эстонии, очень повезло, что нашим Раввином является Шмуэль Кот, который как личность находится на очень высоком уровне, и как раввин обладает обширными знаниями не только в иудаизме. Помню, что в начале деятельности Еврейской общины, ещё трудно было купить в Таллинне мацу, привозили ограниченное количество. Но когда стал работать раввин, стало намного легче. Однажды, это были первые годы работы нашего Раввина, перед Песахом у меня произошёл удивительный случай. Я пришла в общину купить мацу. Случайно :) рядом оказался Раввин и спрашивает: «Вы на Песах, конечно, не кушаете хлеб?». На что отвечаю: «Я бы с удовольствием, но у меня в семье 4 человека, я не работаю, купить мацу на все дни Песаха у меня нет возможности». Он, ничего в ответ не говоря, достаёт из своих «широких штанин» нет не «паспортину», а деньги, даёт их продавщице, чтобы она дала мне мацу на все деньги! Я просто остолбенела! Это был первый Песах, когда в нашей семье мацы хватило на весь Песах... Однажды Раввин пригласил меня в гости домой на Шабат. Я пошла вместе с дочкой Светой. Это был первый год в Эстонии семьи Кот. Как только мы зашли, и всё время, которое находились в гостях, мне казалось, что попали в какой-то другой мир — всё было по-другому, чем в моей жизни. Когда мы вышли на улицу, я не могла понять, где нахожусь, почему в этом мире ничего не изменилось!

Стала приходиться в синагогу, для меня это было так непривычно... Со временем только приходиться в синагогу оказалось для меня недостаточным. Я очень хотела и что-то делать для синагоги. И начала, как могла, помогать Раввину. Например, клеивала в молитвенники дополнительные листы с транслитерацией молитв, чтобы была возможность читать молитву на иврите. Узнала, что синагоге нужны белые скатерти, чтобы покрыть столы, - шила скатерти, украшая их кружевами и вышивкой. Но всё время просила у Раввина дать мне возможность ещё чем-то помочь синагоге. И однажды он предложил звонить членам общины. Тем, у кого на этой неделе по еврейскому календарю был день рождения - поздравлять.

На шабатних службах в синагоге Раввин поздравлял этих именинников и вручал красивые открытки с надписью даты их рождения по еврейскому календарю. Люди были тронуты, рады и благодарны. Я звонила и тем, у родственников которых был Йор-цайт, напоминая о дате, многие ведь не знали, когда это будет по еврейскому календарю, а некоторые даже не знали, что это можно сделать в нашей синагоге...

С началом своего взросления стала часто думать о судьбе моего народа, искала ответы на вопросы, почему с нами происходят такие катаклизмы в течение тысячелетий, почему сейчас так много евреев ассимилируется, почему мы часто забываем, кто мы такие и откуда пришли... И когда я увидела в «Израэль шелану» новую рубрику «Еврейский паспорт», предложила свою помощь в подготовке и написании новых «Паспортов». Мне было так интересно слушать ответы разных людей! Не верится, но с тех пор прошло уже почти 4 года! Данное 4 года назад нашему Раввину слово, посвящённое моему дню рождения, только сейчас выполнено! Огромное спасибо Вам, уважаемый Рабби, который доверил мне сделать эту ответственную работу. Сердечное спасибо Вам, дорогие Звёзды «Еврейских паспортов», за то, что Вы доверили рассказ о своей жизни мне и поверили в то, что смогу донести это до всех. Я так много времени находилась с Вами, работая над каждым «Паспортом», что мне кажется, что и я прожила каждую Вашу жизнь. В Таллиннской синагоге веду ещё один проект. Большинство евреев знает о кашруте совсем немного, и я тоже являюсь одной из большинства. Я предложила нашему Раввину начать новый проект, связанный с кашрутом. Сердце подсказало и название: «Кашрут в Эстонии..?! - Это просто!!!» И в этом проекте каким-то образом рассказать, показать, что же значит соблюдать кашрут и как это сделать в Эстонии, где ничего для этого не было создано. Этот проект только недавно начался, но уже сделано довольно много. Опубликован цикл бесед о кашруте, где шаг за шагом рассказывается, что вообще значит кашрут, как начать его соблюдать.

В связи с возникшем год назад в Западной Европе скандале с кониной, была опубликована статья, связавшая воедино этот скандал и необходимость соблюдения кашрута. Выпущен буклет об общих понятиях, что такое кашрут. Проведена выставка кошерных продуктов, которые можно купить в Эстонии. Проект успешно развивается, и сейчас в Эстонии практически можно купить любой кошерный продукт. Если нужного кошерного продукта нет в обычных магазинах, его можно заказать в синагоге.. Недавно в рамках этого проекта открылось виртуальное кошерное кафе «Штрудель», где публикуются популярные еврейские рецепты, и как на практике это кошерно приготовить здесь, в Эстонии.

Больше года назад начал работать ещё один проект. «Всему (своё) время и (свой) срок всякой вещи под небесами» (Козлэт 3.1). В настоящее время всё больше углубляется процесс национального самоутверждения и осознания общности судьбы всего еврейского народа. И сейчас, если человек сам захочет, везде можно жить по еврейским законам полноценной еврейской жизнью и делать это с радостью. На мой взгляд, главным событием в жизни еврея является Хупа: его будущая жизнь, продолжение жизни в его детях - всё будет зависеть от этого момента. Глубоко понимая это, решила создать Фонд, посвящённый Хупе, церемония проведения которой проходит в Таллиннской синагоге. Цель Фонда - всеми возможными путями способствовать развитию и укреплению обряда «Хупа», чтобы и сегодня, и в будущем Хупа стала обычным событием в жизни еврейской общины Эстонии, чтобы мы удостоились увидеть наших детей, внуков, стоящих под Хупой, а не только показывали фото наших прауродителей из семейного альбома. В моих мечтах, чтобы этот проект стал международным, и я верю, что так это и будет! У меня уже есть небольшой опыт в такой работе. Некоторое время назад занималась проектом «Шидух» в нашей синагоге. Даже за это короткое время я смогла убедиться, как важна эта работа даже в современной жизни, в век Интернета и всевозможных сайтов знакомств. Ко мне обращались и обращаются до сих пор евреи из Европы, бывшего СНГ, Канады и Израиля. А одна молодая девушка так и сказала: «Как жаль, что такой шадхен нет в нашем городе...»

Дорогие евреи! 3326 лет назад все вместе мы прошли коллективный гиюр и стали евреями. Мы вместе получили Тору, вместе пришли в Эрец Исраэль, вместе пережили строительство и разрушение Храмов, вместе пережили гонения, погромы, Холокост... Давайте же, когда один еврей встречает другого еврея, просто обрадуемся друг другу и улыбнёмся, ведь мы такие счастливые - Б-г избрал нас быть Его народом! Это моя мечта. Чтобы эта мечта осуществилась, думаю, каждому из нас нужно помочь нашему Раввину. Помогая ему, синагоге своими способностями, финансами, почаще поддерживая Раввина добрым словом, помогаем самим себе: каждый из нас тоже становится участником еврейской жизни в Эстонии, и наша еврейская жизнь станет красивой радостной счастливой! Все евреи: «плохие» и «хорошие», «эстонские», «украинские», «белорусские».., «религиозные» и «не соблюдающие», «хабадники» и «либеральные», молодые и многое повидавшие в этой жизни, мужчины и женщины — это одно целое, это одна Еврейская Душа!

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Рабби, я хочу стать евреем...

- Почему?

- Я читал «Еврейский паспорт»

Из разговора в офисе Еврейской религиозной общины.

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ О ПРОЕКТЕ «ЕВРЕЙСКИЙ ПАСПОРТ»

К проекту “Еврейский паспорт” я отношусь очень серьёзно, потому что любая деятельность для возрождения еврейской жизни ценная, особенно, этот проект, который рассказывает о еврейской жизни эстонской общины, их жизни, сложностях их судеб, который убедительно показывает, как много общего в этих судьбах. Это заставляет ещё раз убедиться в том, что ты не один такой - это еврейская судьба. И судьба каждого еврея очень яркая, потому что мы жили в такие времена, когда должно было что-то случиться. Я думаю, что и сегодня история еврейства тоже связана с похожими переживаниями, потому что антисемитизм - это не сегодняшнее открытие, это существует уже много столетий и просто искоренить его невозможно, к большому сожалению.

Работа над проектом “Еврейский паспорт” - это очень большая работа. Мне по службе надо заниматься подготовкой материала по анализу работы отрасли. Я знаю, как непросто создать, оформить и представить такой материал. Это требует много времени, знаний, поиска нужной информации... А чтобы получился материал, который растрогает человека, - это очень трудно! Когда я впервые услышал ещё даже черновик своего “Паспорта”, это произвело на меня большое впечатление. И даже не столько сам рассказ обо мне. Я почувствовал, что человек, который это написал, сам это всё прочувствовал, и сам переживал всю мою жизнь.

Спасибо Вам за эту большую работу, Вы - молодец!

Председатель Еврейской религиозной общины Эстонии Борис Окс

Только что прослушал черновик моего «Еврейского паспорта». Вроде бы мне всё известно, я сам это сказал... Но такой восторг!!!!!! Такое чувство!! Так трогает мою душу, потому что это близкие мне люди. Я слушал о моём дедушке, о моей бабушке — это удивительно слышать это записанным!!!! Вы не просто писали пером на бумаге, писала с душой, просто гений! Это просто такое искусство, душевное искусство, интересное искусство! Просто молодец! Я не ожидал., что о моей обычной жизни может быть такой трогательный рассказ, который трогает мою душу. Ведь я живу вот уже больше 35 лет с таким еврейским багажом... Просто трогательно! Молодец! Большое спасибо!

Главный раввин Эстонии Шмуэль Кот

Галя, я восхищена Твоей работой! Какую всётаки большую вещь Ты делаешь, составляя «Еврейский паспорт». Много «Паспортов» моих знакомых, родственников... И люди, по моему, с большим удовольствием рассказывают о себе. Я прочитала все это так увлекательно и интересно!

Любовь Юдейкина

Вы - большой молодец. Вы делаете огромную-огромную работу. Именно вот такой работы очень часто не хватает. Каждый такой рассказ отдельного человека, который записан неравнодушным человеком, - это, по существу, вклад в нашу общую историю. Когда я читаю о других, знакомых или незнакомых людях, о которых есть такая запись, я понимаю, что это, действительно, создаётся на века. И это неважно, прочитает 100 человек сегодня или нет, это кусочек нашей общей истории. Кусочек истории, который выражен не через какие-то лозунги, какие-то пафосные статьи, а через историю каждого, отдельно взятого, человека. И, поэтому, огромное спасибо Вам.

Ханон Барабанер

Рубрика “Еврейский паспорт” - отличная идея! В Эстонии совсем не много евреев проживает, особенно в сравнении с другими странами. Такие личные истории способствуют личному знакомству, хоть и на заочном уровне, что делает общину еще более сплочённой.

Илья Банд

Даже если это интересно только тем, о ком написан “Паспорт”, его родственникам и друзьям - это повод продолжать начатое Вами! Терпения, сил и успехов Вам!

Лев Кемпа

“Еврейский паспорт” больше знакомит с людьми. Хотя я почти всех и знаю, но после прочтения, мы узнаём их глубже... Но как говорят об объединяющем нас еврействе, я не чувствую, что узнала личный потаённый секрет, просто познакомилась с ними поближе. Довольно интересно получается - мы не близкие знакомые, а узнаём друг о друге больше. И не навязчиво, не хочешь - не читай или не давай интервью... А лично мне было приятно выговорить, возможно, обиды детства... И, знаете, именно они нашли большой отклик у моих друзей, которые знают меня с более поздних времён, или у моих нееврейских друзей! Именно мои школьные воспоминания их зацепили! Некоторые даже писали мне на фейсбук, как это трогательно, а кто-то с живостью откликнулся, что у неё в детстве было то же самое..., но в другом городе, в другой школе! Так что, евреи - везде евреи! И в детстве и в разных городах, но раз люди пишут отклики, значит, “Еврейский паспорт” не оставляет их равнодушными!..

Спасибо Вам и всего хорошего!

Юлия Колектор

Я такая сентиментальная, что мне даже подступил комок к горлу, не могла говорить, когда впервые услышала свой «Паспорт». Потому что каждый день не ворошишь свою судьбу, свою жизнь. Я не настолько стара, чтобы всё время думать о том, что у меня было, у меня ещё впереди есть много чего... Спасибо Вам, Галя, за интересный рассказ обо мне, сделанный хорошо и в котором всё отражено.

Маргарита Флейшер

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мне нравится проект «Еврейский паспорт», потому что, с моей точки зрения, этот проект является нашей памятью. Мне нравится то, что в этом проекте не делятся евреи, из Украины ли они, с Белоруссии или из Эстонии... Это важный момент, потому что, живя в диаспоре, община должна быть единой. Второе, что мне нравится, что уходят люди..., а написанное останется, и этот проект - это сохранение еврейства. А все «Паспорта» вместе — это виртуальная энциклопедия эстонского еврейства.

Циля Лауд

Я живу в Израиле, в Иерусалиме. Когда-то мне рассказали об этом, и мне этот проект показался очень интересным. Я с удовольствием прочитал в интернете истории людей, с которыми был знаком, но мало знал об их еврейских корнях, и читать было очень интересно.

Михаэль Штейнгоф

Мне очень нравится рубрика «Еврейский паспорт», потому что она заставляет посмотреть внутрь себя, осмыслить свою жизнь, свои взгляды, свои ощущения жизни, позволяет по-новому, с другой стороны, познакомиться со своими знакомыми, узнать их судьбу и жизнь и многое понять о них, о жизни и себе. Спасибо за этот проект.

Марина Сунгаловская

Это очень нужное дело для нас, для наших детей, а ещё больше - для наших внуков.

Геннадий Акунин

Мне нравится газета «Израэль шелану». Но особенно люблю читать рубрику «Еврейский паспорт» и кто у кого родился :) Довольно-таки интересно было ознакомиться с биографиями знакомых мне евреев, я узнала их поближе и больше о них. Кроме того, благодаря историям, описанных в «Паспортах», мне открылось кое-что новое и из истории еврейского народа, нашей общей истории.

Дина Сарату

«Еврейский паспорт» - очень интересная рубрика. Мы с мужем всегда ждём появления нового «Паспорта» и читаем про всех. Многих мы знаем - это люди, с которыми мы общаемся, видим в синагоге, в общине. Так интересно прочитать про их жизнь, про то, с чем они сталкивались в своей еврейской жизни, что такое было не только у тебя, в твоей жизни, но и как это было у других... Вы делаете очень хорошую мицву, хорошее дело! Это очень здорово!

Янина Гринфельд

То, что вы делаете, Ваша работа очень нужная, очень интересная, особенно для современной молодёжи и для следующих поколений. Написанные «Паспорта» являются очень хорошим материалом, где рассказано разными людьми, как евреи жили, как из поколения в поколение, несмотря на трудности, евреи всё равно старались своё еврейство держать. Так что, Вам большая благодарность за это всё.

Изабелла Оливсон

Спасибо за Ваш прекрасный и благородный труд.

Жанна Аронштам

То, что такой проект есть, - это уже очень большое достижение, потому что люди часто не любят говорить о себе, не любят открывать свою внутреннюю сторону. То, что Вы смогли многих разговорить - это также большое достижение. Очень интересно послушать, как человек относится к своему еврейству, вообще к еврейству, как он смотрит на это, какую жизнь он прожил именно в еврействе. Может быть, некоторые люди и не задумывались, что они евреи, они не понимали своего отличия. Именно благодаря такому осознанному отношению к другим, понимая, как другие объясняют еврейство, стали и сами по-другому относиться и к своему еврейству. Этот проект - такой нужный и удачный. Желаю ему успеха.

Евгений Рубинштейн

Потрясающая, замечательная рубрика, очень мне нравится! Всегда и с удовольствием внимательно читаю «Паспорта» всех, кто написал, мне это очень интересно и думаю, что написанное очень полезно для всех. Мне особенно интересны «Паспорта» кого-то из старшего поколения, у кого за плечами большая жизнь, очень интересно! Спасибо, это большая работа.

Маргарита Фишель

Для меня эта рубрика стала совершенно потрясающей сразу, когда впервые её увидел. Когда мне тоже предложили участвовать в этом проекте, я подумал, что напишу сам. Но после сделанного интервью и так быстро его задокументированного я понял, что сам бы собирался ещё 10 или 15 лет и, наверное, так бы и не собрался. В моём «Паспорте» для меня было важно вспомнить пожилых родственников, потому что мы выросли из них, оттуда родом, и главные ценности, которыми мы живём, внушили нам они. Мне особенно интересны истории старшего поколения. Я стараюсь очень внимательно относиться к этому прошлому - в их воспоминаниях есть частички того, что ещё не было тогда утрачено у евреев, и нам это очень важно сейчас понять. Это потрясающий проект, и я счастлив, что мне удалось в нём поучаствовать!

Тимур Фишель

ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Мне было интересно читать еврейские судьбы знакомых людей, потому что до этого знала только их семейные судьбы. Участие в этом проекте подтолкнуло меня ещё раз задуматься о своём еврействе, потому что в повседневной жизни, вот просто так, не всегда это получается. Вспоминая детство, юность, задумываюсь над тем, сколько было потеряно, как мало мне известно вообще о моём еврействе... Сейчас я очень, очень сожалею о том, что уже нет родителей и узнать о их судьбе, о судьбах бабушек, дедушек совершенно невозможно... И мои знания о еврейских корнях прерываются...

Фаина Габович

Рубрику «Еврейский паспорт» начала читать очень давно. Каждый «Паспорт» читаю с удовольствием и всегда с увлечением - мне просто не оторваться. Я считаю, что, на самом деле, Вы делаете огромное дело. Это очень нужно нашим детям, нашим внукам, чтобы они знали, чем занимались люди в еврейской общине. Спасибо огромное за это великое дело, которое вы делаете.

Инна Кандель

История, которую изучают школьники и знают люди, очень неполноценная. Это история, как правило, героев и ярких личностей. А в жизни реальные общества состояли из миллионов, миллиардов людей. Как они жили эти люди? У нас или очень туманное представление об этом, или его вообще нет. Мы не должны идеализировать нашу историю, что все евреи были праведниками: все верили в Б-га, все читали Тору, все молились, все праздновали еврейские праздники... Ничего подобного.

Сейчас мы все уже не такие, какими были при советской власти, но многие из нас ещё остерегаются и не знают, с чего начать становиться настоящим евреем и как им быть, некоторые ещё задумываются, нужно ли им быть... И то, что вы делаете, это как раз и есть составление подлинной истории, в том числе и истории евреев, и дело это - Святое дело. Желаю успехов в Вашем Б-гоугодном деле.

Юзеф Ливицц

Проект «Еврейский паспорт» очень хорошо задуман. Читая эти «Паспорта», узнаёшь больше о членах нашей общины. Особенно хорошее впечатление у меня осталось от «Еврейского паспорта» нашего Главного раввина Шмуэля Кот. Написано очень доходчиво, красивым языком. Я очень много узнала о нём, внутри меня даже что-то сдвинулось, изменилось... Я думаю, после этого «Паспорта» раввин стал ближе ко всем нам, мы его лучше стали понимать. Вся еврейская община Эстонии тепло и от души принимает нашего раввина Шмуэля, но прочитав его «Паспорт», мы ещё больше ценим работу, которую он уже сделал и продолжает успешно дальше делать.

Люба Окс

С удовольствием прочитала “Еврейский паспорт” Бориса Окс. Хотя вместе мы работаем уже около 7 лет, я узнала о нём много нового. “Паспорт” написан замечательно, не оставляет равнодушным. Конечно, жизнь, работа, общественная деятельность Бориса Окс достойна всякого уважения.

Мария Лурье

Imetlen seda püsivust, põhjalikkust, andekust, millega kirjutatud kõik “Juudi passi” isiku- ja saatuselood. Ajakirjanikuna hindan eriti põhjalikkust, millega valmis artikkel ka minust. Sulle oli tähtis, et iga sõna, iga mõte leiaks täpse väljenduse. See on isikulugude puhul alati olulisim: see, kellest kirjutad, soovib, et tema mõited, tema elu saaksid kirja võimalikult täpselt, adekvaatselt. Soovin, et võiksid oma andeid kasutada jätkuvalt.

Lugupidamisega Sara Udikas

Желаю здоровья, успехов в Вашем благородном деле.

С уважением, Ирина Роненсон

Проект получился классный! Когда я читал написанное, то, выражаясь сленговым языком, «балдел». «Паспорта» очень трогали меня, особенно понравился стиль изложения. Так как я жил в Украине, родом из Киева, то помню разговор, язык, на котором говорили мой дедушка, мои тётки... Вы сумели передать это время, этот дух!..

Евгений Пильник

